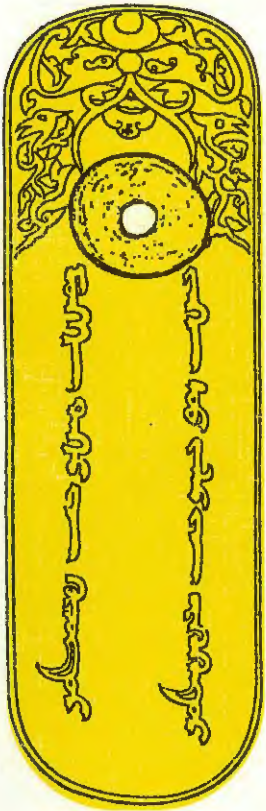


А.П.ГРИГОРЬЕВ

СБОРНИК ХАНСКИХ ЯРЛЫКОВ РУССКИМ МИТРОПОЛИТАМ

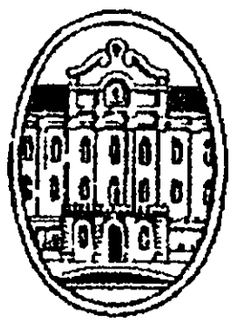
\

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

А. П. Григорьев

СБОРНИК ХАНСКИХ ЯРЛЫКОВ РУССКИМ МИТРОПОЛИТАМ

Источниковедческий анализ золотоордынских документов



ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2004

УДК 930.1
ББК 63.2+63.3(2)43
Г83

Рецензенты: д-р ист. наук *Е. И. Кычанов* (С.-Петерб. филиал Ин-та востоковедения), д-р ист. наук *Н. Н. Дьяков* (С.-Петерб. гос. ун-т)

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
С.-Петербургского государственного университета

Григорьев А. П.

Г83 Сборник ханских ярлыков русским митрополитам: Источниковедческий анализ золотоордынских документов. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. — 276 с.

ISBN 5-288-02581-9

Документы сборника ханских ярлыков русским митрополитам впервые в мировой науке исследуются с точки зрения первоисточников по истории Золотой Орды, княжеств Северо-Восточной Руси, русской церкви XIII–XIV вв. Выявляются единообразный формуляр ханских ярлыков данной разновидности и изначальное, освобожденное от ошибок переводчиков и позднейших интерполяций редакторов сборника содержание каждого вошедшего в него золотоордынского документа.

Для востоковедов, историков широкого профиля и всех интересующихся проблемами истории Золотой Орды, княжеств Северо-Восточной Руси, русской церкви.

ББК 63.2+63.3(2)43

ISBN 5-288-02581-9

© А. П. Григорьев, 2004
© Издательство С.-Петербургского университета, 2004

Моим сыновьям,
Александру и Владимиру,
с любовью

ПРЕДИСЛОВИЕ

Страницы из прошлого... Не те страницы, на которых академически четко и аргументированно, рукою нашего современника изложена история какого-то былого события или взаимосвязанной цепи событий из прошлого нашей или другой, какой-нибудь далекой страны. Нет, я имею в виду те страницы, которые дошли до нас в плохой сохранности или в позднейшем воспроизведении из дали времен, когда не было ни нас, ни даже знакомых нам только по рассказам родителей или родственников наших дедов и прадедов, страницы вначале с трудом читаемые и не очень понятные, хотя и написанные на родном, с детства знакомом языке, — именно они будоражат наше воображение. Со временем, после продолжительного, подчас многолетнего настойчивого их изучения, эти ветхие страницы вдруг раскрывают нам свое глубинное содержание, и ушедшая эпоха оживает в исторических фактах и событиях, а герои, запечатленные на них, становятся близкими и понятными нам.

Такие моменты бывали у меня не раз за годы работы над текстами сборника ханских ярлыков русским митрополитам или при поисках и находках отзвуков событий тех времен на страницах русских летописей, в духовных и договорных грамотах русских князей, а затем и в доступных мне восточных письменных источниках.

В этой книге представлены результаты моих попыток проникнуть в изначальное содержание документов, сохраненных в русских переводах сборника ханских ярлыков, и донести это содержание до читателей. Не всегда и не во всем мне сопутствовала удача: иногда выводы, сделанные на каком-то этапе изучения, были ошибочными и в дальнейшем пересматривались, однако здесь я сознательно сохранил в хронологической последовательности свои поиски, находки, ошибки, их исправление и представил видение перспектив дальнейших исследований на бесконечном пути познания.

ВВЕДЕНИЕ

Впервые с краткой (самой ранней) редакцией так называемого сборника ханских ярлыков русским митрополитам, состоящего из трех ярлыков 1267, 1357 и 1379 гг. и трех жалованных грамот ханши Тайдулы 1347, 1351 и 1354 гг., мне довелось ознакомиться сразу после выхода в свет в 1955 г. критического текста краткой редакции сборника, подготовленного к печати А. А. Зиминым[1]. Прошло много лет, прежде чем в 1974 г. появилась моя первая статья, посвященная анализу «начальной формулы» древнейшего ярлыка[2]. К тому времени я уже получил представление о теоретических принципах дипломатики и ознакомился с опытом их конкретного применения к русскому актовому материалу, т. е. с вопросами формулярного анализа источников, изложенными в монографии С. М. Каштанова[3]. Тогда же мною было принято решение разработать методику формулярного анализа сохранившегося ордынского актового материала.

Убедившись в том, что ордынских документов на языке оригинала дошло до наших дней ничтожно мало и самый старший из них датируется 1381 г., я был вынужден обратиться к реконструкции содержания русских переводов ордынских документов сборника ханских ярлыков русским митрополитам, все акты которого были старше 1381 г.

Мой первый опыт, имеющий отношение к формулярному анализу ярлыка Менгу-Тимура от 1267 г., сопровождался некоторым конфузом. Только после того, как в 1974 г. названная статья вышла в свет, мне стало известно о существовании опубликованного

в 1962 г. обстоятельного исследования А. А. Зимина, посвященного истории сложения краткой и пространной редакций сборника ханских ярлыков, а также истории публикаций и изучения этих редакций[4]. С краткого освещения названных вопросов начинал свою первую статью и я. Некоторым утешением послужило лишь то обстоятельство, что ряд библиографических изысканий в моей статье оказался более точным, чем в исследовании А. А. Зимина. Например, Н. И. Новиков впервые опубликовал пространную редакцию сборника ханских ярлыков не в 1788, а в 1773 г. Востоковед И. Н. Березин напечатал свою первую работу, имеющую непосредственное отношение к ханским ярлыкам русскому духовенству, не в 1864, а в 1852 г.[5] Из содержания исследований П. П. Соколова определенно явствовало, что он доказал подложность ярлыка Узбека в пространной редакции сборника ханских ярлыков не позднее (как полагал А. А. Зимин), а раньше М. Д. Приселкова[6].

Осознав настоятельную необходимость расширения базы письменных источников, связанных с ордынскими документами общностью происхождения их создателей, т. е. исходивших от монархов-чингисидов, я решил провести формулярный анализ сохранившихся документов, созданных в XIII–XV вв. в канцеляриях правителей-чингисидов Монголии, Китая, Средней Азии и Ирана на языках монгольском, китайском, тюркском, персидском и арабском. После того как было получено общее представление о построении формуляров актов столь широкого региона, я собирался вплотную заняться разработкой формуляров ордынских официальных документов и тогда, наконец, реконструировать изначальное содержание актов сборника ханских ярлыков русским митрополитам.

На пути осуществления этих планов мне пришлось встретиться с целым рядом сложностей, но благодаря дружеской помощи многих консультантов-востоковедов в 1978 г. удалось завершить задуманное и опубликовать исследование «Монгольская дипломатика XIII–XV вв.»[7], а в 1982 г. — дополнения и изменения к нему[8]. Параллельно я не удержался от некоторого забегания вперед и напечатал ряд статей, имеющих непосредственное отношение к анализу актов сборника ханских ярлыков[9]. В 1985 г. вышла в свет моя пространная статья об истории создания краткой редакции сборника ханских ярлыков, а в следующем году — статья, в которой формулировались проблемы реконструкции уже не текстов, а содержания актов сборника[10]. В том же 1986 г. было напечатано мое исследо-

вание относительно содержания термина «источниковедение» и использования методов текстологии и дипломатики, а также работа, подводящая итог усилиям по разработке формуляра собственно золотоордынских жалованных грамот[11].

Только после завершения поименованной предварительной работы я почувствовал себя достаточно подготовленным к монографическому исследованию составляющих сборник актов. Документы изучались в хронологической последовательности. Во всех шести исследованиях передо мной стояли одни и те же основные задачи: реконструкция содержания изначального текста акта и выявление его индивидуального формуляра[12]. Каждому исследованию предшествовал исторический экскурс, составленный на основе доступных мне источников, который был призван объяснить необходимость и конкретную цель создания данного документа.

Исследования актов сборника ханских ярлыков русским митрополитам, а также статья, подводящая итог проделанной работе и содержащая новые коррективы, которые в свою очередь предполагают дальнейшие исследования этой неисчерпаемой темы, были завершены и напечатаны в течение 1990–2001 гг. в виде статей в различных сборниках научных работ. Все шесть статей и итоговая работа практически без изменений вошли в предлагаемую книгу в виде отдельных глав. Научный аппарат исследования дополнен указателями имен, географических названий и ордынских терминов, а также резюме на английском языке.

Глава I

ЯРЛЫК МЕНГУ-ТИМУРА МИТРОПОЛИТУ КИРИЛЛУ*

Так называемый сборник ханских ярлыков русским митрополитам был составлен в первой половине XV в. из старинных русских переводов четырех иммунитетных и двух проезжих грамот, написанных от лица трех золотоордынских ханов и одной ханши в промежуток между 1267 и 1379 гг.[1] Инициатива в создании сборника принадлежала руководству русской православной церкви, которое использовало его в качестве полемического оружия, призванного оградить церковно-монастырскую собственность от посягательств со стороны светских властей, на протяжении трех с половиной сотен лет. За это время содержание документов, составлявших сборник, постоянно изменялось за счет вставок и других сознательных искажений их текстов, имеющих целью максимально расширить права и привилегии церкви. Сборник функционировал в двух редакциях — первоначальной, или краткой, и более поздней, появившейся в 40-х годах XVI в., — пространной[2].

Созданный на русской почве и для русского читателя с совершенно определенной целью, сборник ханских ярлыков уже давно выполнил свою историческую миссию и в заданном ему качестве утратил свою актуальность. Однако первоначальное содержание документов, его составляющих, искаженное переводчиками, редакторами и переписчиками, до сего дня остается скрытым от глаз историков и пока еще не может быть использовано в качестве полноценного исторического источника. Проблемы реконструкции

---

* *Григорьев А. П.* Ярлык Менгу-Тимура: Реконструкция содержания // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки / Отв. ред. А. Д. Желтяков. Л., 1990. Вып. 12. С. 53–102.

первоначального содержания документов сборника в общих чертах известны[3]. Выявлен абстрактный формуляр золотоордынских жалованных грамот[4]. Приступаем к реконструкции содержания древнейшего акта сборника — ярлыка Менгу-Тимура от 1267 г.[5]

Механическое сопоставление сохранившегося текста названного документа с отдельными статьями и оборотами абстрактного формуляра золотоордынских жалованных грамот, выявленного в основном на материале более поздних актов, конечно, обязательно. Однако такое сопоставление должно проводиться после осознания конкретных фактов истории середины XIII в., случившихся на территории, где происходили события, вызвавшие необходимость создания источника, к реконструкции первоначального содержания которого нам предстоит приступить. Иными словами, нужна хотя бы краткая концепция исторического периода, объясняющая появление ярлыка Менгу-Тимура.

30 сентября 1246 г. умер владимирский великий князь Ярослав Всеволодович. Владимирский стол перешел к его брату Святославу, который реализовал завещание Ярослава — распределил по городам-уделам семерых братьев Ярославичей. Старший из них — Александр — к тому времени был новгородским князем с уже десятилетним стажем, половину этого срока носившим почетное прозвище Невский. В вотчинное владение он получил Тверь, расположенную в самой западной части территории Владимирского великого княжества. Земли удельного Тверского княжества смыкались с владениями Новгорода[6]. В 1247 г. второй брат Александра Андрей отправился к Батыю хлопотать о расширении своей вотчины. За ним последовал Александр Невский. Братья пробыли вдали от родины до конца 1249 г. Андрей вернулся домой с ханским пожалованием, утверждением его великим князем владимирским. Александру монголо-татары «приказаша» «Кыев и всю Русьскую землю»[7].

Известно, что Невский в 1249 г. вернулся в Новгород, где княжил вплоть до 1252 г., когда Андрей Ярославич отказался служить ордынскому хану, бежал «за море» и нашел временное пристанище в Швеции. Тогда Александр сделался великим князем владимирским и оставался им до самой смерти в 1263 г.[8] Возникает вопрос — зачем понадобился Александру Невскому титул великого князя киевского? Именно титул, потому что сам он даже не заезжал в Киев. Разоренные и опустошенные в результате ордынского нашествия

киевские земли были ему не нужны. Здесь уместно вспомнить о том, что главой православной церкви для всех русских земель в то время считался митрополит киевский и всея Руси. После разгрома Киевской Руси монголо-татарами русская православная церковь, бывшая слабее княжеской власти в хозяйственном и организационном отношениях, потеряла свою опору и защиту в лице киевского великого князя[9]. Александр Невский, исхлопотав для себя Киевское княжество, имел дальний политический прицел — переместить церковный центр в Северо-Восточную Русь. Завладев титулом киевского великого князя, Александр получил юридическое право взять под свою руку киевского митрополита Кирилла. Последний был вынужден принять покровительство Невского.

Кирилл получил пост митрополита киевского и всея Руси по рекомендации галицкого князя Даниила и его брата Василька. Нареченным митрополитом, сопровождающим князя Даниила, он упоминается в летописи уже под 1243 г. Кирилл не имел возможности отправиться в Константинополь к патриарху на посвящение в сан по крайней мере до 1248 г., ибо до этого времени Даниил вел переговоры с римским папой о церковной унии. Предполагалось, что в случае принятия унии митрополит будет посвящен не константинопольским патриархом, а папой римским. В 1248 г. переговоры об унии были прерваны. В 1249 г. киевским великим князем стал Александр Невский, который сохранил свою резиденцию в Новгороде, а наместником в Киеве поставил боярина Дмитра Ейковича. Ответом на этот ход Невского явилась поездка Даниила к Батыю, совершенная им в 1250 г. через Киев. В том же году, вернувшись домой, галицкий князь спешно направил Кирилла на посвящение в Константинополь. С помощью венгерского короля эта поездка была благополучно завершена. Возвратившийся из Константинополя Кирилл без задержки отправился во Владимир в качестве лица, сопровождавшего дочь Даниила, объявленную невестой Андрея Ярославича. Так митрополит был выведен из-под контроля великого князя киевского[10].

Для правильного понимания некоторых названных выше событий требуются пояснения и уточнения. В первой половине XIII в. Византийской империи как таковой не существовало. В результате четвертого крестового похода 13 апреля 1204 г. крестоносное войско овладело Константинополем. Византийское государство развалилось на куски. Его столица стала главным городом нового госу-

дарства, именуемого Латинской империей. К концу 1204 — началу 1205 г. из множества греческих центров выделились три главных, которые принято называть Никейской империей, Эпирским царством и Трапезундской империей. Никейская знать и духовенство в согласии с константинопольскими иерархами, жившими в оккупированном латинянами городе, весной 1208 г. избрали новым «вселенским» патриархом Михаила IV Авториана (1208–1214), которого большинство духовенства и населения греческих земель рассматривало как законного преемника константинопольского патриарха и главу всех «православных». К середине XIII в. Никейская империя стала для греков главным оплотом борьбы за отвоевание Константинополя и возрождения Византийского государства в прежних границах[11].

Таким образом, в 1250 г. нареченный митрополит киевский и всея Руси Кирилл отправился на поставление не в Константинополь, а в Никею (Изник), расположенную на азиатском берегу Босфора. Его посвятил в сан патриарх Мануил II (1244–1254), послушно следовавший воле никейского императора Иоанна III Дуки Ватаца (1222–1254). Ватац стремился полностью подчинить церковь задачам своей внутренней и внешней политики. При этом императоре были фактически подготовлены все предпосылки для возвращения Константинополя[12].

Даниил Галицкий, завершивший к 1245 г. почти 40-летнюю борьбу с венгерскими и польскими феодалами и галицкими боярами за восстановление единства Галицко-Волынской Руси, вмешался в войну за австрийский герцогский престол и в начале 50-х годов добился признания прав на него для своего сына Романа. Переговоры Даниила с папской курией о церковной унии привели к тому, что в 1254 г. он получил от папы римского королевский титул. Политические интересы Александра Невского были устремлены на Северо-Восточную Русь. В его расчеты никак не вписывалась какая бы то ни было зависимость от римско-католической церкви. Значительно больше его устраивало номинальное верховенство греческой православной церкви, «вселенский» патриарх которой не мог тогда оказывать на Северо-Восточную Русь и политику русского великого князя никакого реального влияния.

В 1251 г. Невский вызвал Кирилла из Владимира в Новгород на поставление новгородского архиепископа. Одновременно туда прибыли послы от папы римского с предложением к князю принять

католицизм. Александр в присутствии митрополита решительно отверг это предложение, чем, видимо, привлек Кирилла на свою сторону. Невский вернул митрополита во Владимир, а сам в 1252 г. отправился в Орду, после чего Андрей потерял Владимирское великое княжество. Место Андрея занял Александр, торжественно встреченный в своей новой резиденции митрополитом Кириллом[13]. В том же году галицкий князь Даниил принял церковную унию. С этого времени митрополит Кирилл навсегда связал свою деятельность с интересами великих князей владимирских.

Последующая «пастырская» деятельность Кирилла нашла отражение в летописях. Весной 1255 г. он хоронил во Владимире брата Невского Константина[14], зимой 1256 г. вместе с Невским приезжал в Новгород[15], в 1261 г. утвердил замену ростовскому епископу Кириллу[16]. И вдруг мы встречаем известие о том, что в 1261 г. митрополит Кирилл поставил епископа Митрофана Сараю[17]. Это сообщение звучит для внимательного читателя буквально как гром среди ясного неба. Митрополит своею волей и без всякого противодействия со стороны ордынского хана, которым тогда был правоверный мусульманин Берке (1258–1266), учредил православную епископию в ханской резиденции! Открывался какой-то новый этап во взаимоотношениях между ордынскими ханами и великими князьями владимирскими. В том, что интересы хана стояли здесь на первом плане, не приходится сомневаться, ибо именно он в то время был диктующей свою волю стороной. Мы уже знаем, что внешнеполитическая, тем более связанная с Ордой, деятельность Кирилла была неотделима от интересов Александра Невского. Зачем же понадобилось учреждение в Сарае православной епископии каждой из сторон?

Для ответа на поставленный вопрос несколько раздвинем рамки нашего исследования и посмотрим на ордынско-русские отношения с точки зрения историка, объектом изучения которого является целый комплекс международных проблем, сложившихся к 1261 г. на европейско-азиатском материке.

На востоке материка простирались владения всемонгольских ханов-чингисидов, от которых номинально зависели и ханы Золотой Орды. С 1260 г. смертельная вражда существовала между двумя великими ханами — родными братьями Аригбугой и Хубилаем. Их третий брат Хулагу с конца 50-х годов XIII в. стал основателем нового самостоятельного монгольского улуса на территории Ирана —

Хулагуидского государства[18]. Очень скоро наступательный порыв войск Хулагу был приостановлен вооруженным противодействием египетских мамлюков, власть которых распространялась на Сирию и Хиджаз. Штурмом взяв Багдад и казнив последнего аббасидского халифа Мустасима (1258), монголы обрушились на Сирию и захватили Халеб, Дамаск и другие города (1260). Мамлюкский султан Бейбарс I, пришедший к власти в конце 1260 г., учредил халифат в Каире (1261) и повел «священную войну» против «неверного» Хулагу. В этой борьбе мамлюкский султан нашел могущественного союзника в лице «правоверного» золотоордынского хана Берке. Дипломатические отношения между обеими сторонами начались в 1261 г.[19]

В первые годы завоеваний на землях Ирана, Ирака и Сирии Хулагу поддерживал материально и людскими ресурсами хан Золотой Орды. Хулагу признавал его старшим в роде. Берке направил в хулагуидское войско 3 тюмена (10-тысячных отряда) во главе с царевичами-джучидами. По мере расширения завоеванной территории и укрепления власти Хулагу между ним и ордынским ханом росло недоверие. Берке рассчитывал включить в свои владения Азербайджан и Грузию, но встретил со стороны основателя Хулагуидской державы решительное противодействие. В феврале 1260 г. находившиеся в хулагуидской армии трое ордынских царевичей были открыто или тайно один за другим умерщвлены[20]. После этого события между обоими ханами «появились и изо дня в день росли вражда и ненависть»[21], приведшие вскоре к открытому разрыву. Предводители ордынских отрядов в хулагуидском войске получили из Сарая тайный приказ покинуть армию Хулагу и просить убежища у мамлюкского султана. Замысел Берке был благополучно осуществлен[22]. Начальники прибывших в распоряжение Бейбарса отрядов явились первыми дипломатическими представителями Золотой Орды в Египте. В 1261 г. великий хан Хубилай прислал Хулагу ярлык на все завоеванные в Иране и сопредельных странах территории и титул улусного хана (ильхана)[23]. Поскольку Берке поддерживал соперника Хубилая Аригбугу, этот ярлык послужил ордынскому хану юридическим основанием для начала военных действий против Хулагу.

Взгляд на политическую карту того времени убеждает исследователя в том, что практически осуществить взаимодействие партнеров по союзу против Хулагу можно было только через терри-

рию возродившейся Византийской империи. Другого пути просто не было. Им и воспользовались мамлюкский султан и ордынский хан.

Мы расстались с Никейской империей в начале 50-х годов XIII в. В 1259 г. патриарх Арсений (1255–1259) короновал там очередным императором Михаила VIII Палеолога (1259–1282). Все усилия нового императора были направлены на овладение Константинополем. Весной 1260 г. он предпринял первую попытку. Однако захватить город никейским войскам удалось только 25 июля 1261 г. Константинополь снова стал столицей империи. Вновь приглашенный на патриарший престол Арсений (1261–1264) вторично помазал Михаила на царство в храме св. Софии 15 августа 1261 г.[24] Падение Латинской империи явилось тяжелым ударом для многих государей Европы. Были затронуты интересы ряда стран, но в первую очередь был нанесен ущерб престижу папского престола, постоянного защитника латинских императоров Константинополя. Существенно пострадали и позиции Венеции, которая потеряла господствующее положение в торговле в бассейне Восточного Средиземноморья и на Черном море. Папа Урбан IV (1261–1264) сразу начал предпринимать меры против Византии, потребовав от Генуи разорвать союз с Михаилом Палеологом. Поскольку генуэзцы отказались, последовали отлучение от церкви правительства Генуи и папский интердикт на все население республики[25].

Византийская дипломатия, поставленная перед фактом активизации антивизантийских коалиций на Западе, стала искать выход в упрочении связей с Востоком. Сохранилось свидетельство арабоязычного автора Ибн Абд аз-Захира о существовании письменного клятвенного обязательства о дружбе Михаила Палеолога с мамлюкским султаном Бейбарсом[26]. Первое послание Бейбарса к ордынскому хану, отправленное в 1261 г.[27], было доставлено через его доверенное лицо в Сарай, скорее всего в составе византийской дипломатической миссии к Берке. Основанием для такого допущения служит тот факт, что ответное официальное ордынское посольство в Египет было направлено транзитом через Константинополь совместно с византийскими дипломатами и послами Берке к Михаилу Палеологу[28]. Ордынский хан очень трезво относился к вопросам веры. Если в сношениях с мусульманским государем Египта Берке выступал ярым борцом за «восстановление маяка правоверия» против шаманиста Хулагу[29], то с православными русскими князьями и

с византийским императором он поддерживал вполне нормальные дипломатические связи.

Отвоевание греками Константинополя и возрождение Византийской империи в 1261 г. заставляли ордынского хана считать, что на важнейших международных политических и торговых путях вновь утверждалось могущественное христианское государство, издревле множеством нитей связанное с русскими княжествами. Бейбарс в качестве своих послов к Михаилу Палеологу использовал православных священнослужителей, среди которых был и епископ[30]. Берке пошел по тому же пути. В 1261 г. он основал в Сарае православную епископию. Теперь у хана под рукой всегда находился квалифицированный советник по вопросам христианской веры, лично зависимый от хана дипломат, знающий греческий язык и готовый к использованию для связей и с византийским императором, и с константинопольским патриархом, который являлся признанным главой православной церкви, официально посвящавшим в сан и руководителей русской церкви — митрополитов.

Сохранилось летописное сообщение о том, что Феогност, в 1269 г. сменивший Митрофана на посту сарайского епископа[31], зимой 1279 г. вернулся «из Грек, посылан митрополитом [Кириллом] к патриарху и царем Менгутемеремь к царю [Михаилу] Палеологу»[32]. Это свидетельство представляется весьма ценным. Из него явствует, что в сношениях с Византией русский митрополит и ордынский хан выступали как бы «единым фронтом». Конечно, Кирилл мог в чем-то представлять интересы владимирского великого князя. Были у митрополита к патриарху и свои чисто церковные дела. Например, известно, что тот же Феогност по поручению Кирилла представил 12 августа 1276 г. патриаршему синоду в Константинополе вопросы относительно правил церковной службы[33]. Однако определяющее значение в этих сношениях имели, несомненно, интересы ордынского хана Менгу-Тимура, сохранившего дипломатические связи своего предшественника с Михаилом Палеологом. В основе союза русской церкви с ордынской администрацией лежала экономическая заинтересованность русской стороны. Ханы-чингисиды, преследуя свои политические цели, традиционно освобождали служителей культа от налогов, повинностей и чрезвычайных сборов. Льготы храмам, монастырям и руководству данного культа в целом письменно закреплялись в жалованных грамотах[34].

Жалованная грамота, выданная Кириллу в 1267 г., вряд ли бы-

ла первой. Русская церковь уже пользовалась налоговым иммунитетом, видимо, с начала правления Берке. Документальное оформление иммунитета требовало личного присутствия митрополита в ханской ставке, и Кирилл, несомненно, неоднократно туда ездил. Летопись сообщает о пребывании зимой 1258 г. на Руси ордынских «численников» — переписчиков населения — с целью последующего обложения его регулярными налогами. Они «исщетоша всю землю Суждальскую, и Рязанскую, и Мюромскую... толико не чтоша игуменов, черньцов, попов, крилошан, кто зрить за святую богороницу и на владыку (т. е. митрополита Кирилла. — *А. Г.*)»[35]. В этом отрывке мы видим указание на получение русской церковью иммунитетной грамоты Берке в том же 1258 г. Правда, конкретно о поездке тогда митрополита в Орду или о выдаче ему ханской жалованной грамоты в русских летописях не сохранилось ни слова. Но ведь и о жалованной грамоте Менгу-Тимура, выданной Кириллу в 1267 г., мы не имеем современных этому событию письменных свидетельств. Если, конечно, не считать саму эту грамоту, дошедшую до нас в русском переложении в сборнике ханских ярлыков, к реконструкции первоначального содержания который мы теперь и приступаем.

Начальная статья формуляра золотоордынских жалованных грамот — *богословие*[36] — характерна лишь для грамот, начертанных буквами арабского алфавита. Поскольку известно, что подлинные тексты документов сборника ханских ярлыков были написаны уйгурицей[37], то для их формуляров статья *богословие* исключается. Первой статьей индивидуального формуляра ярлыка Менгу-Тимура являлось *обращение*[38]. В старинном русском переложении статья читалась: «Вышняго бога силою вышняя троица волею Менгутемерьво слово людьскым баскаком и князем и полъчным князям и к данщиком и к писцем и к мимояздящим послом и к соколником и к пардусником».[39]

Первым оборотом статьи *обращение* был указ или мотивированный указ. В ярлыке Менгу-Тимура он читался: «Вышняго бога силою вышняя троица волею Менгутемерьво слово». По форме он являлся мотивированным указом. Однако по содержанию его мотивировка не вписывалась в знакомую по чингисидским документам улусных ханов словесную матрицу, которая переводилась на русский так: «Предвечного бога силою великого хана благоденствием»[40]. Если первая фраза мотивировки указа ни у кого

из прошлых исследователей не вызывала сомнений ни в подлинности, ни в изначальной принадлежности к ярлыку Менгу-Тимура, то ее заключительная фраза породила среди ученых не менее четырех разного рода толкований[41].

Востоковед В. В. Григорьев, монографически исследовавший сборник ханских ярлыков еще в первой половине XIX в., полагал, что фразу «вышняя троица волею» добавил к строке «вышняго бога силою» русский переводчик грамоты. Ученый, однако, оговаривался, что «этого еще нельзя доказать несомненно»[42]. Автор этих строк вначале разделял мнение В. В. Григорьева, считая справедливость его доказательной[43]. Затем он склонился к предположению о буддийском толковании «высшей троицы»[44]. В настоящее время ни то, ни другое мнение не представляются достаточно убедительными.

Действительно, если допустить, что первая строка мотивировки указа в ярлыке Менгу-Тимура была присуща ему изначально, а вторая является его позднейшей русской калькой, то перед нами предстает мотивировка указа в грамоте не улусного, а великого хана. Похожие мотивировки в одну строку встречались в некоторых жалованных грамотах великих ханов, написанных по-китайски. Однако в переводе на русский язык они звучали не совсем адекватно первой строке мотивировки указа в интересующем нас ярлыке: «Всевышнего бога благоизволением»[45]. Точно соответствовала первой строке мотивировки в ярлыке Менгу-Тимура первая строка двухстрочной мотивировки в грамотах улусных ханов-хулагуидов[46]. Можно допустить, что устранение второй строки, в которой выражалась зависимость адресата от великого хана, механически превращало мотивировку при указе улусного хана в таковую же великого хана. Неувязка здесь состоит в том, что все без исключения такого рода мотивировки в хулагуидских актах были написаны буквами арабского алфавита от лица ханов-мусульман, т. е. они не подходят для нашего случая.

Что касается предположения о том, что вторая строка мотивировки в ярлыке Менгу-Тимура свидетельствует о «благоизволении» буддийской «высшей троицы», то принятию его препятствуют три момента. Во-первых, мы не знаем ни одного чингисидского акта, где буддийская троица выступала в качестве компонента мотивировки при указе; во-вторых, не известны письменные документы, в которых обозначению буддийской троицы предшествовало бы на-

звание шаманистского «высокого неба»; в-третьих, если даже вопреки фактам допустить подобное сосуществование, то перед нами предстали бы две самостоятельные строки мотивировки при указе великого хана. Как известно, вторая строка мотивировки при указе в документах, исходивших от лица великого хана, была не самостоятельным, а лишь промежуточным, зависимым звеном, отделявшим обозначение особы хана от обозначения «предвечного бога»[47].

Поскольку, критикуя приведенные выше допущения, мы в обоих случаях пришли к тому, что, хотя они и не могут быть приняты, разбор их неизменно выводит нас на формальные показатели, присущие не улусным, а великим ханам, возникает необходимость проверки реальных взаимоотношений между ханами улуса Джучи и всемонгольскими ханами, отношений, которые сложились между ними ко времени правления Менгу-Тимура. Обратимся к показаниям сохранившихся источников и исследованиям наших предшественников.

В монгольской летописи «Сокровенное сказание» представлены две строки мотивировки при имени золотоордынского хана Бату, которыми начиналось его письмо великому хану Угедею, отправленное в 1238 г.: «Предвечного бога силою великого хана-дяди благоденствием»[48]. Эта формула повторяла мотивировку при обороте указ в чингисидских документах улусных ханов, являясь письменным отражением фактического старшинства великого хана над улусным, бывшим его родным племянником.

В 1241 г. Угедей умер, в том же году скончался второй сын Чингис-хана Чагатай. Пять лет различные группировки из представителей рода Чингис-хана боролись за победу своей кандидатуры на великоханский престол. Наконец в 1246 г. состоялся курултай, на котором великим ханом избрали сына Угедея Гуюка. Бату не признал нового великого хана и не дал ему присяги. В 1248 г. Гуюк выступил в поход против Бату, но скончался, не выйдя еще из пределов Монголии. Два дома — Джучи и Тулуя — объединились в борьбе за избрание великим ханом сына Тулуя Мунке (Менгу). Им противостояли дома Угедея и Чагатая. На курултае в 1251 г. великим ханом был избран Мунке (1251–1259). Бату и Мунке окончательно ликвидировали прежнюю роль домов Чагатая и Угедея. Фактически в эти годы монгольская империя разделилась на две части — владения Мунке и владения Бату[49].

После смерти великого хана Мунке борьба за престол велась

между сыновьями Тулуя Аригбугой и Хубилаем. В 1260 г. на курултае в Каракоруме великим ханом был избран Аригбуга. В том же году его брат созвал курултай в Кайпине и провозгласил великим ханом себя. В развернувшихся между братьями военных действиях Аригбуга потерпел поражение. В 1264 г. он сдался Хубилаю и через два года умер. Борьба за престол великого хана в Монголии на этом не закончилась. Ее возглавил и продолжил внук Угедея Хайду. Военные действия между Хайду и Хубилаем продолжались до самой смерти последнего в 1294 г. Самую активную поддержку Хайду в его борьбе за престол постоянно оказывал внук Бату Менгу-Тимур (1267–1280). В 60-х годах XIII в. Золотая Орда фактически оторвалась от единого монгольского центра, возглавляемого великим ханом[50].

История не сохранила письменных документов Золотой Орды эпохи Бату, созданных после 1238 г. От последующих ордынских ханов, правивших до Менгу-Тимура, не сохранились ни письма, ни жалованные грамоты. Полный список этих ханов и более или менее точное время их правления донесли до нас русские летописи. Благодаря им мы знаем, что после смерти Бату, случившейся зимой 1255 г., ханами были вначале его сыновья Сартак (1255–1256) и Улагчи (1256–1258), а затем его брат Берке (1258–1266)[51]. После смерти великого хана Угедея названные ордынские ханы уже не считали себя зависимыми от метрополии. Правда, их номинальная зависимость от общемонгольского центра еще выражалась в чеканке на территории Золотой Орды монеты от имени великих ханов Мунке и Аригбуги[52]. Вспомним, однако, что эти великие ханы являлись фактически ставленниками дома Джучи. Так что в своих письменных актах ордынские ханы вряд ли ставили свое властное право в зависимость от благоденствия великого хана, т. е., возможно, они попросту ликвидировали мотивировку при обороте указ, как это сделали в своих документах ханы улуса Чагатая[53].

Известно, что инициативу введения в Золотой Орде ислама первым взял на себя Берке. В правление именно этого хана русские земли испытали на себе усиление тяжести ордынской дани, сбор которой стал осуществляться через посредство мусульманских откупщиков налогов. Вряд ли при Берке процесс исламизации сколько-нибудь глубоко затронул даже верхи ордынского общества. Скорее наоборот, курс Берке на распространение новой религии с самого начала вызвал оппозицию кочевой знати, результатом которой

была вспышка в Орде междоусобной борьбы. Хронологически она пришлась на время от кончины Берке до воцарения Менгу-Тимура.

Согласно персоязычному историку Рашидаддину, смерть Берке приключилась от болезни в 664 г. х. (13 октября 1265 г. — 1 октября 1266 г.) на Кавказе, в период военных действий с сыном Хулагу Абагой. Тело Берке отвезли в Сарай и там похоронили[54]. Арабоязычный автор аз-Захаби утверждает, что Берке умер в месяце раби ас-сани 665 г. х. (30 декабря 1266 г. — 27 января 1267 г.)[55]. Если учесть, что этот автор сдвигает время смерти Хулагу и восшествия на престол Абаги с 663 г. х.[56] на 664 г. х.[57], то получается, что на самом деле Берке скончался в раби ас-сани 664 г. х. (10 января — 7 февраля 1266 г.). Можно предположить, что смута в Золотой Орде продолжалась от весны 1266 до весны 1267 г. — времени окончательного утверждения на престоле Менгу-Тимура. В русской летописи под 6774 г. (март 1266 г. — февраль 1267 г.) читаем такое сообщение: «Бысть мятежь велик в самех татарех. Избишася сами промежи собою бещисленое множьство, акь песок морьскы»[58].

Менгу-Тимур вернул главенствующее положение религии предков — шаманизму. В интерпретации русских летописей после смерти Берке «бысть ослаба Руси от насилья бесермен»[59]. Новый хан этим не ограничился. Начиная с 1267 г. он первым среди ордынских ханов стал чеканить монету от своего имени. Она выпускалась в Крыму (Старый Крым), Булгаре и Укеке (Увек). На монетной легенде перед именем Менгу-Тимура начертан по-арабски титул «правосудный великий хан»[60]. В Ипатьевской летописи новый титул ордынского хана зафиксирован в форме «великий цесарь»[61]. Выпуск именной монеты и включение в титул хана определения «великий» знаменовали собой уже формальное отделение улуса Джучи от общемонгольского центра.

Новый титул должен был повлечь за собой изменение мотивировки при обороте указ (если бы таковая имела место) в письменных документах, исходивших от лица хана. Сами ханские акты теперь надлежало называть не грамотами (указами), а ярлыками (повелениями). Сохранившиеся материалы современных Менгу-Тимуру русских источников ожидаемых формальных изменений в ханских документах не отражают.

До наших дней дошла подлинная грамота владимирского великого князя Ярослава Ярославича (1263–1270), обращенная к рижанам, о свободном пути для зарубежных («немецких») купцов-

гостей[62]. Грамота не имеет даты написания. Это время определяется издателями в пределах от 1266 до 1272 г. Тексту грамоты самого Ярослава предшествовала своеобразная преамбула, состоявшая из указной грамоты Менгу-Тимура или ее фрагмента: «Менгу Темерево слово клъ Ярославу князю: даи путь немецкому гости на свою волость». Прежде чем анализировать текст этой грамоты Менгу-Тимура, попытаемся более точно определить во времени грамоту Ярослава, заключавшую приведенный текст. Обратимся к источникам.

27 января 1266 г. новгородцы посадили на княжеский стол брата Александра Невского Ярослава[63]. В 1270 г. жители Новгорода, возмущенные его самоуправством, «начаша изгонити князя Ярослава из города». Они направили к князю делегацию, «исписавше на грамоту всю вину его». Одним из пунктов этого обвинительного акта был вопрос: «Чему выводишь от нас иноземца, котории у нас живуть?» Грамота кончалась словами: «А ныне, княже ... поеди от нас, а мы собе князя промыслим». Ярослав был вынужден покинуть Новгород. Он направил посла к Менгу-Тимуру, «помочи прося на Новгород». Брат Ярослава Василий, сам имевший виды на новгородский престол, лично поехал в Орду и на приеме у хана заявил ему: «Новгородцы правы, а Ярослав виноват». Менгу-Тимур приказал вернуть ордынскую рать, уже посланную на усмирение мятежного города. Ярослав с тверскими, переяславскими и смоленскими полками подошел к Новгороду, но осаждать его не стал, а обратился к жителям с покаянными речами: «Всего, что вашего нелюбие до мене, того лишаюся; а князи вси за мене поручатся». Новгородцы ответили: «Княже ... поеди, ать изомрем честно ... а тебе не хочем». Только посредничество митрополита Кирилла привело к тому, что Ярослав наконец «взяша мир на всеи воли новгородскои»[64].

Хотя войско Менгу-Тимура, посланное в помощь Ярославу, и было возвращено в Орду с полдороги, на церемонии его посажения присутствовали ханские послы Чевгу и Баиши, приехавшие в Новгород «сажать Ярослава с грамотою»[65]. О содержании последнего документа дает представление договорная грамота Новгорода с Ярославом, составленная в том же 1270 г.[66] Она сохранилась в подлиннике. На обороте грамоты, почерком ей современным, и зафиксировано известие об ордынских послах. В грамоте есть такие строки: «А в немецьском дворе тобе (Ярославу. — *А. Г.*) торговати

нашею братиею; а двора ти не затворяти; а приставов ти не приста[в]ливати. А гости нашему гостити по Суждальскои земли без рубежа по цесареве грамоте»[67].

Претензии новгородцев к Ярославу, содержание его договорной грамоты с Новгородом и его же грамоты, обращенной к рижанам, неразрывно переплетаются. Таким образом, «цесарева грамота», упомянутая в договоре с Новгородом, и фрагмент грамоты Менгу-Тимура, помещенный в послании Ярослава к рижанам, являются письменными отражениями одного и того же акта Менгу-Тимура, созданного в 1270 г. Отсюда следует, что, во-первых, грамота Ярослава к рижанам была написана в 1270 г., во-вторых, указ Менгу-Тимура по-русски именовался «грамотой». Обращение Ярослава к рижанам не могло быть составлено позднее 1270 г., так как той же зимой князь выехал из Новгорода, видимо, сопровождаемый названными татарскими послами, и через Владимир направился в Орду, где вскоре и умер[68]. Ссылка новгородцев на «цесареву грамоту» была дословно повторена в их договорных грамотах с сыном Ярослава Михаилом в промежутке между 1307 и 1308 гг.[69]

Одно из самых ранних русских обозначений ханских актов «царевыми ярлыками» сохранилось в Троицкой летописи только под 1304 г.[70] То обстоятельство, что в русских письменных памятниках XIII в. обозначения «ярлык» мы не находим, еще не означает отсутствия такого обозначения в подлинных актах Менгу-Тимура и его преемников. Видимо, древнерусское заимствование из греческого языка «грамота» как общее обозначение всякого делового документа покрывало в русской канцелярии и ордынский термин «ярлык». Понадобилось какое-то время, чтобы новый термин прижился в русской языковой среде в своем изначальном виде.

Относительно оборота указ без мотивировки, т. е. собственно указа, который, по нашему предположению, только и сохранился в актах ордынских ханов — предшественников Менгу-Тимура, известно следующее. Форма указа в документах последующих ордынских и сменивших их крымских ханов XIV–XVI вв. не изменилась, он остался указом улусного хана. Именно такой указ мы видим в русской передаче текстов ярлыков Менгу-Тимура от 1267 и 1270 гг. Известно и другое. В ярлыке Бердибека от 1357 г., представленном в русском переводе в сборнике ханских ярлыков[71], и на дошедших до нас монголоязычных серебряных пайцзах ханов Токты (1290–1312), Узбека (1313–1342), Кельдибека (1361–1362) и Абдул-

лы (1361–1370)[72] при указе, характерном для документов улусных ханов, сохранилась двухстрочная мотивировка, принятая для ярлыков великих ханов. Следовательно, можно допустить, что Менгу-Тимур, объявив себя великим ханом, не заменил в своих документах оборот указ улусного хана на указ великого хана, а лишь сократил на вторую строку двухстрочную мотивировку при указе («Предвечного бога силою, великого хана благоденствием»). Последующие ордынские ханы дополнили сохраненную первую строку мотивировки второй строкой («великого благоденствия пламени покровительством»), которую позаимствовали из мотивировки при указе великого хана.

В ярлыке Менгу-Тимура от 1270 г., точнее в русской передаче фрагмента из него, мотивировка при указе отсутствует. Это обстоятельство можно объяснить тем, что русскому составителю грамоты Ярослава к рижанам монгольская мотивировка при имени хана была просто ни к чему. Зато в полном русском тексте ярлыка Менгу-Тимура от 1267 г. мотивировка имела место. Эта мотивировка состояла из одной строки («вышняго бога силою») и ее русской кальки — толкования, приписанной позднейшим редактором текста ярлыка («вышняя троица волею»). Поскольку этот документ Менгу-Тимура был включен в сборник ханских ярлыков значительно позже, чем, например, акты Бердибека и Бюлека, уже в XV в.[73], то и текст его подвергся более кардинальной редакторской правке. Так и получилось, что вместо определения «предвечный» к слову «бог», сохраненного в ярлыке Бердибека в форме «бессмертный», в ярлыке Менгу-Тимура появилось определение «вышний», т. е. «всевышний».

В XV в. ордынские ханы-мусульмане и правители отколовшихся от Большой орды ханств уже отказались в своих письменных актах от мотивированного указа. Однако в основном тексте своих ярлыков и писем они продолжали употреблять формулу «предвечного бога силою» с заменой определения «предвечный» на «всевышний», ибо последнее более точно соответствовало распространенному определению бога, принятому у мусульман. Формулу «всевышнего бога силою» применительно к особе хана усвоили и активно использовали в переписке с ханами-чингисидами и писцы русской канцелярии. Например, в грамоте московского митрополита Ионы казанскому хану Махмутеку, составленной ок. 1455–1456 гг., написано: «...вышняго бога силою держишь свое господарьство»[74]. В

том же XV в. в названной формуле появился и синоним к слову «силою» — «волею». В 1474 г. русский посол Н. В. Беклемишев должен был представить на усмотрение крымского хана Менгли-Гирея три московских варианта, написанных якобы от лица хана, присяжных грамот, основной текст каждого из которых начинался формулой: «Вышняго бога волею»[75].

На основании сказанного реконструируем содержание оборота указ в статье *обращение* ярлыка Менгу-Тимура в следующем виде: «Предвечного бога силою, наш, Менгу-Тимура, указ».

Заключительным оборотом статьи *обращение* в ярлыке Менгу-Тимура является адресат: «...людьским баскаком и князем и полъчным князем и к данщиком и к писцем и к мимояздящим послом и к соколником и к пардусником». Адресат уже подвергался реконструкции[76]. В то время она осуществлялась под ошибочным девизом восстановления подлинного текста ярлыка. Считалось, что дошедший до нас текст полностью аутентичен тому, который создал в 1267 г. русский переводчик, имея перед глазами дословный тюркский перевод с монгольского оригинала и передавая тюркский текст по-русски методом «слово за слово». Реконструкция прежде выражалась в простой замене русских слов соответствующими тюркскими и монгольскими эквивалентами. Сейчас мы отказываемся от такого упрощенного подхода к проблеме и ставим перед собой задачу воссоздания не изначального текста ярлыка, а лишь его содержания. Задача как будто бы упростилась, на самом же деле по сравнению с предшествовавшей методикой решения проблемы она усложнилась. В этом мы наглядно убедились уже на примере реконструкции содержания оборота указ.

Рассмотрим начальные обозначения представителей адресата в ярлыке Менгу-Тимура. Перед нами две группы должностных лиц: «людьские баскаки и князи» и «полъчные князи». Первой группе в других документах сборника — грамотах Тайдулы (1351 и 1354 гг.), Бердибека (1357) и Бюлека (1379) — соответствуют вторые группы должностных лиц: «волостные и городные дороги и князи». В подлинном тексте ярлыка Токтамыша (1381)[77] первая группа обозначена в начале адресата: «Крымского тюмена даруги-князья». При этом вторая группа вообще отсутствует. В дефектном тексте копии ярлыка Тимур-Кутлука (1398)[78] первая группа находится на втором месте: «внутренних городов [даруги-князья]».

Известно, что тюркский термин «баскак» однозначно соответ-

ствовал монгольскому — «даруга»[79]. В русских летописях XIII–XIX вв. употреблялось только одно обозначение «баскак»[80]. Вероятно, это слово получило у нас известность еще в эпоху русско-половецких связей. В первоначальном монгольском тексте адресата ярлыка Менгу-Тимура, конечно, находился термин «даруга». Его тюркский эквивалент оказался вполне уместным в русском переводе XIII в. К середине XIV в. служащие русской канцелярии, имевшие дело с Ордой, достаточно хорошо освоились с термином в его изначальном виде — «даруга». Поэтому в остальных документах сборника ханских ярлыков на месте баскаков мы видим «дорог» = «даруг».

Даруги — баскаки русских летописей — постоянно проживали на территории данного княжества и осуществляли общий контроль за сбором с него налогов в пользу хана. Главные баскаки, надзиравшие за деятельностью русских великих князей, жили в столице великого княжества. Они происходили из монголо-тюркской элиты. Под 1270 г. летопись отмечает великого владимирского баскака Амрагана[81]. Некоторые баскаки были мусульманскими купцами-откупщиками, видимо, персами по происхождению. Они покупали свою должность у хана и одновременно откупали все записанные за данной территорией налоги, чтобы потом перекрыть все затраты за счет податного населения. Под 1283–1284 гг. в летописи повествуется о тяжком налоговом гнете, установленном в Курском княжестве мусульманским откупщиком Ахматом[82]. Бывали баскаки и русскими. Под 1255 г. летопись рассказывает о наместнике Бакоты Милее, ставшем ордынским баскаком. Наместник Кременца Андрей также был баскаком, получившим свою должность по Батыевой жалованной грамоте[83].

Обращает на себя внимание в ярлыке Менгу-Тимура определение «людьские» применительно к баскакам. Прежде мы полагали, что оно равнозначно слову «улусный» в других актах сборника ханских ярлыков[84]. Однако слова «татарьский улусный» в других актах относились не к баскакам. Поэтому предпочтительнее предположить, что под словосочетанием «людьские баскаки и князи» русский редактор сборника ханских ярлыков, принадлежавший к церковно-монастырским кругам, понимал «светских, мирских»[85], т. е. в данном случае гражданских даруг-князей. Иными словами, определение «людьские» здесь равнозначно определению «волостные и городные» в других актах сборника. Значит, сочетание «людь-

ским баскаком и князем» в адресате ярлыка Менгу-Тимура можно передавать сочетанием «городов и селений даругам-князьям», как, например, это значится в адресате монгольской грамоты Мангалы, сына Хубилая от 1276 г.[86]

Вторая группа должностных лиц в адресате ярлыка Менгу-Тимура соответствует первой группе в грамотах Тайдулы (1351): «татарьские улусные князи», Тайдулы (1354): «темные и тысящные князи и сотники и десятники», Бердибека: «татарьские улусные и ратные князи Муалбугиною мыслию» и Бюлека: «Мамаевою дядиною мыслию татарьские улусные и ратные князи». Отметим, что в тексте самого раннего списка переводов ярлыков Бердибека и Бюлека слова «и ратные» отсутствовали[87]. Организует, расставляя по своим местам, вышеприведенные маловразумительные обозначения второй группы должностных лиц адресат в ярлыке Тимур-Кутлука: «[Великого улуса] правого и левого крыла огланам, тем (т. е. десятков тысяч. — *А. Г.*) с Едигеем под началом, тысяч, сотен и десятков князьям». Выясняется, что непосредственно к официальному названию улуса Джучи — Великому, или Монгольскому, улусу[88] — надлежало примыкать обозначениям ханских кровных родственников — «сыновей» («огланов»). За ними следовали личные имена главных родовых князей (тудунов, беглербеков, улугбеков), которым подчинялись командиры над десятками тысяч (тьмами), тысячами, сотнями и десятками воинов. В адресате монгольских грамот великих и улусных ханов XIII–XIV вв. встречалось название «князья войска», но такое обозначение всегда сопровождалось наименованием подчиненных им простых воинов — «войсковые люди»[89].

Сказанное о первой и второй группах должностных лиц в адресате Менгу-Тимура порождает сомнение в правильности порядка их расположения и даже в самой возможности существования в данном контексте второй группы. Однако оказывается, что в адресате, например, монгольской жалованной грамоты Хайсана сына Дармабалы от 1305 г. расположение первой и второй групп должностных лиц такое же, как и в нашем случае[90]. Что касается недостающего для второй группы компонента — наименования «войсковые люди» — в ярлыке Менгу-Тимура, то не исключено, что в чингисидских ярлыках середины XIII в. названный компонент не был обязательным. Например, мы не находим его в китайской жалованной грамоте Хубилая от 1281 г.[91]

Третья группа должностных лиц в адресате ярлыка Менгу-Ти-

мура — «данщики». Этот термин в русских документах XIII в. и почти всего XIV в. не встречается, а в грамотах XV в. он употребляется постоянно. Вспомним, что содержание дошедшего до нас русского текста ярлыка Менгу-Тимура тесно переплетается с содержанием так называемой уставной грамоты великого князя Василия Дмитриевича и митрополита Киприана о церковных людях, созданной в качестве формулярника в XV в.[92] В этом документе термин «данщик» также представлен[93]. Итак, «данщики» — позднейшее русское осмысление какого-то другого ордынского термина. Какого именно? Обратимся к текстам актов сборника. В адресате жалованной грамоты Тайдулы от 1351 г., ярлыков Бердибека и Бюлека находим должностных лиц, уполномоченных собирать торговый налог (тамгу) — таможников. В тексте пожалования ярлыка самого Менгу-Тимура среди взимаемых налогов на первом месте названа тамга. Там же встречаем и сборщиков этого налога — таможников. Термина «данщики» в пожаловании этого ярлыка нет. Остается допустить, что русскому обозначению «данщики» в адресате ярлыка Менгу-Тимура соответствовало слово «таможники».

Одной из главных функций баскаков (= даруг) являлся надзор за сбором дани (ясака) с покоренных народов[94]. В русской летописи под 1283 г. рассказывается о том, как курский баскак Ахмат «уставиша ясак»[95]. Монгольскому обозначению дани «ясак» соответствовало тюркское название «салык»[96]. Последний термин отмечен в ярлыке Токтамыша в качестве суммарного налогового сбора, определенную часть которого, видимо, составлял «чикыш» (рус. «выход»), зафиксированный в пожаловании того же ярлыка.Там же обозначен и амбарный налог[97]. В пожаловании ярлыка Тимур-Кутлука подтверждается соответствие названий «ясак» и «салык», упоминаются налоги амбарный и торговый (тамга)[98]. В пожаловании ярлыка Улуг-Мухаммеда приводятся наименования налогов «ясак» и «чикыш»[99]. На недавно обнаруженной копии этого ярлыка, текст которой с небольшими пропусками опубликовал в 1872 г. И. Н. Березин[100], читается название и торгового налога[101]. Согласно сведениям Рашидаддина, в 1235 г. великий хан Угедей повсеместно ввел налог под названием «тагар»[102]. С каждых 10 тагаров (крупная мера сыпучих тел, неодинаковая в разных регионах) зерна в государственную казну взимался один тагар. Возможно, эта «десятина» была равнозначна вышеназванному амбарному налогу. В Новгородской I летописи под 1257 г. сообщается: «Приде весть

из Руси зла, яко хотят татары тамгы и десятины на Новгороде»[103]. Надо полагать, что к тому времени в других русских княжествах тамга и десятина в пользу хана уже взимались. Зимой того же года в Новгород прибыли ордынские послы и потребовали уплаты означенных налогов. Новгородцы откупились дарами в пользу хана, т. е. отказались от регулярной уплаты налогов[104].

Четвертая группа должностных лиц в адресате ярлыка Менгу-Тимура — «писцы». Этот термин хорошо известен по чингисидским грамотам различных регионов[105]. В большинстве случаев он сосед-
ствовал с обозначением сборщиков налогов. Такое соседство не было случайным. Писцами назывались чиновники государственных канцелярий — «люди пера». Регулярному сбору налогов с покоренных народов предшествовала подворная перепись, получившая на Руси название «число». Писцы-«численники» методично описывали дворы на территории каждого русского княжества. В Золотой Орде, как и в других чингисидских улусах-государствах, в среде военно-кочевой монголо-тюркской знати сформировалась феодальная иерархия ленников, имевшая следующие ступени: хан, князь тьмы (темник), князь тысячи, князь сотни, князь десятка и рядовой воин-ленник. Наименьшей военно-административной единицей на территории собственно Орды было кочевое хозяйство, обязанное выставлять 10 воинов, а самой крупной — владение (тюмен), дававшее хану возможность мобилизовать 10 тысяч человек.

В тех случаях, когда описывались дворы в покоренной земледельческой стране, расчет оставался прежним. Из местной среды назначались десятники, сотники, тысячники и темники, обязанности которых в корне отличались от функций монголо-тюркских феодалов. Они должны были следить за поступлением налогов с каждой записанной за ними группы дворов, вынужденной поставлять продовольствие, фураж и деньги, на которые можно было содержать определенное число ордынских воинов. Каждый вышестоящий уполномоченный чиновник названной цепочки головой отвечал за подчиненных ему нижестоящих начальников, и все вместе они отвечали за своевременное поступление налогов с податного населения.

Подробности проведения подворной переписи в русских княжествах содержатся в летописях. Зимой 1257/58 г. ордынские численники «исщетоша» всю землю Суздальскую, Рязанскую, Муромскую «и ставиша десятники, и сотники, и тысящники и

темники»[106]. Зимой 1258/59 г. новый отряд писцов-численников прибыл во Владимир. Ордынцы заручились вооруженной поддержкой русского великого князя и поехали дальше — в Великий Новгород[107]. Новгородцы вначале взбунтовались, но верх одержало боярство, принудившее городские низы «яться по число». По этому поводу летописец горько замечает: «Творяхут бо собе бояре легко, а меншим зло. И почашася ездити окаянные (численники. — *А. Г.*) по улицам, пишуще домы крестьянские»[108].

Нужно подчеркнуть, что обозначения писцов и таможников в текстах золотоордынских жалованных грамот не только стояли рядом, но писцы всегда ставились перед таможниками. Это мы видим в адресатах ярлыков Бердибека и Бюлека. Такое же положение сохраняется и в пожаловании ярлыка самого Менгу-Тимура. Нарушение очередности в обозначении третьей и четвертой групп должностных лиц в адресате ярлыка Менгу-Тимура было вызвано, видимо, тем, что редактор русского текста ярлыка, заменяя в его адресате наименование «таможники» на «данщики», по небрежности поставил «данщиков» не на свое место. В реконструируемом нами адресате следует эту ошибку исправить.

Пятая группа должностных лиц в адресате ярлыка Менгу-Тимура — «мимояздящие послы». Эта группа под названием «проезжие послы» хорошо известна как один из обязательных элементов адресата по золотоордынским и крымскоханским ярлыкам, а также по чингисидским актам других регионов[109]. В русских источниках «татарскими послами» назывались не только дипломатические представители ордынского хана, но и другие должностные лица, посылаемые от ханской ставки по любому другому поводу. Например, писцы-численники также именовались послами. Сохранилось летописное свидетельство от 1259 г. о принудительных сборах с населения Новгородского княжества в пользу ордынских послов. Регулярной ямской службы в Новгородской земле организовано не было, и для содержания послов собирался «туску»[110]. Это было старинное тюркское обозначение специального сбора, которое в форме «тузгу» зафиксировано еще в Словаре XI в. Махмуда Кашгарского. Там оно означало «подношение еды, припасов в дорогу близким или родственникам»[111]. По-видимому, русские познакомились с названием этого сбора еще до татаро-монгольского нашествия, услышав его от половцев, и понимали его без перевода. Тот же самый обязательный побор, возникший первоначально из добровольных

приношений, был издревле известен на Руси под названием «дар». Последнее название встречается в сохранившихся русских грамотах XIII в.[112] Этот русский термин не был забыт и в документах XIV–XV вв.[113]

Шестая и седьмая группа должностных лиц в адресате ярлыка Менгу-Тимура — «сокольники» и «пардусники» — также подвергались рассмотрению[114]. Прежде, по давно сложившейся в научной литературе традиции, мы передавали эти термины словами «сокольничие» и «ловчие». Именно так переводились с восточных языков на русский термины «кушчи» и «барсчи», под которыми понимались люди, обязанные поставлять ко двору того или иного чингисида охотничьих птиц и барсов[115]. На Руси соколиная и множество других видов охоты имели широкое распространение задолго до создания Золотой Орды. Людей, которые ловили и поставляли для княжеской охоты соколов, а также принимали участие в соколиной охоте, уже в XI в. называли сокольниками[116]. После ордынского нашествия русские сокольники при княжеских дворах сохранились. Они ловили и обучали охотничьих птиц, большую часть которых князья переправляли в качестве даров — «поминков» ордынским правителям. Ханским кушчиям оставалось принимать птиц и практически использовать их в соколиной охоте. В русской летописи под 1283 г. сохранилось упоминание о «соколницах царевых», т. е. ханских сокольниках, промышлявших лебедей[117]. Термином «сокольничий» в русских документах более поздней поры обозначалась придворная должность начальника над княжескими сокольниками.

То же происходило и с термином «ловчий»[118]. Издавна при русском княжеском хозяйстве существовало особое ведомство придворной охоты. Простые охотники именовались ловцами[119], причем обычно уточнялся объект их охоты — «ловитвы»[120]. Ловцами могли называться и птицеловы, и звероловы, и рыболовы. «Ловцы звериные»[121] подразделялись на специалистов по добыче отдельных видов животных, например «бобровников»[122], «медведников»[123] и т. п. Существовал особый княжеский сбор — «ловчее», отмеченный в XIII в. и предназначенный для содержания всякого рода ловцов[124]. Охота с барсами на Руси не практиковалась, хотя само слово «барс» в латинизированной форме «пардус» известно по русским источникам с X в.[125] Термин пардусник, образованный по типу сокольник, нигде, кроме сборника ханских ярлыков, больше не встречается. Сказанное позволяет сохранить

в адресате ярлыка Менгу-Тимура термин «сокольники», а термин «пардусники» заменить другим обозначением — «звериные ловцы».

На этом оборот адресат в ярлыке Менгу-Тимура кончается. Обращает на себя внимание его кажущаяся незавершенность. Это ощущение возникает при сравнении его с соответствующими оборотами в других актах сборника — грамотах Тайдулы от 1351 и 1354 гг., ярлыках Бердибека и Бюлека. Для них характерной концовкой является элемент, названный нами «весь народ»[126]. В ярлыке Менгу-Тимура этот элемент отсутствует. Нет его и в монгольских жалованных грамотах XIII в., написанных от лица великих и улусных ханов[127]. Следовательно, в нашем случае нет необходимости его домысливать.

Содержание статьи *обращение* в ярлыке Менгу-Тимура в целом реконструируется нами так: «Предвечного бога силою, наш, Менгу-Тимура, указ даругам-князьям городов и селений, князьям войска, писцам, таможникам, проезжим послам, сокольникам и звериным ловцам».

Второй статьей индивидуального формуляра ярлыка Менгу-Тимура является *объявление о пожаловании*[128] Статья читается: «Чингиз царь потом что будеть дань или корм ать не заммають их да правым серцем богови за нас и за племя наше моляться и благославляють нас тако молвя и последнии цари по тому же пути пожаловали попов и черньцов дань ли или иное что не будеть тамга поплужное ям воина кто чего не попросить и рькли были дати кто паки того у нас не ведаеть вси ведаем и мы богу молясь и их грамоты не изыначили тако молвя по первому пути которая дань или поплужное или подвода или корм кто ни будеть да не просять ям воина тамга не дають или что церковное земля вода огороди виноградыы мелници зимовища летовища да не заимають их и яже будуть поимали и они да въздадуть назад а что церковное мастери соколници пардусници кто ни будеть да не заимають их ни стерегуть их или что в законе их книги или ино что да не заимають ни емлють ни издеруть ни погубять их а кто иметь веру их хулити тот человек извиниться и умреть попове един хлеб ядуще и во едином дому живуще у кого брат или сын и тем по тому же пути пожалование ажь будуть от них не выступились будет же ли от них выступились дань ли или ино что ино им дати а попови от нас пожаловани по пръвои грамоте бога моляще и благословляюще нас стоите а иже имете не правым сердцем о нас молитесь богу тот грех

на вас будеть так млъвя аж кто не поп будеть иные люди иметь к себе приимати хотя богови молитись что в том будеть так млъвя сему митрополиту грамоту дали есьмя»[129].

Ориентиром в этом невероятно громоздком и труднопонимаемом словосочетании может служить только абстрактный формуляр золотоордынских ярлыков, из которого, судя по ряду опорных слов, следует, что здесь мы имеем дело с подтвердительной жалованной грамотой. Поэтому первым оборотом разбираемой статьи является прецедент пожалования, представляющий собой сообщение о прошлых пожалованиях Чингис-хана и его преемников духовенству, которые послужили образцом для данного пожалования Менгу-Тимура. Как же вычленить искомый оборот из текста статьи *объявление о пожаловании*? В качестве образца рассмотрим оборот прецедент пожалования в монгольских ярлыках чингисидов, который гласил: «Чингис-хана, великих ханов ... [ряд имен великих ханов] // в ярлыках // духовенство буддийское, христианское, даосское, мусульманское, // каких бы то ни было налогов не видя, // богу бы [за ханов] молилось, благопожелания [им] возносило, // сказано было»[130]. Текст этого отрывка разбиваем парными косыми чертами на 6 смысловых кусков. В результате получаются фрагменты текста, которые послужат исследователю вехами, облегчающими анализ дошедшего до нас русского текста оборота прецедент пожалования в ярлыке Менгу-Тимура.

Выписываем текст прецедента пожалования из статьи *объявление о пожаловании* в жалованной грамоте Тайдулы от 1351 г. и делим его соответственно на 6 частей: «Из давних из добрых времен и доселе // что молятся богомолци и весь поповьскыи чин // и те никаких пошлин не ведають // самому богу моляться за племя наше в род и род и молитву въздають // тако млъвя // Феогноста митрополита царь пожаловал с алою тамгою ярлык дал»[131]. Увеличиваем число образцов прецедента пожалования за счет ярлыка Бердибека, и этот текст делим на 6 аналогичных частей: «Ченгизь царь и последнии цари наши отци наши // и за тех молилися молебники и весь чин поповьскыи // какова дань ни буди или пошлина ино тем не надобе ни видети // чтобы во упокои бога молили и молитву въздавали //тако млъвя // ярлыки подавали»[132].

Рассмотрение оборота прецедент пожалования в грамоте Тайдулы и ярлыке Бердибека выявляет очевидное тождество его составных частей с таковыми же в монгольских ярлыках великих ханов.

Небольшая разница наблюдается только в порядке расположения смысловых кусков в их русской передаче. Этот порядок следующий: 1, 3, 4, 5, 6, 2.

Имея в виду произведенный выше разбор, выписываем текст оборота прецедент пожалования из статьи *объявление о пожаловании* ярлыка Менгу-Тимура и расчленяем его на определенные нами части: «Чингиз царь потом // что будеть дань или корм ать не заммають их // да правым серцем богови за нас и за племя наше моляться и благославляють нас // тако молвя // и последнии цари // по тому же пути пожаловали // попов и черньцов // дань ли или иное что не будеть тамга поплужное ям воина кто чего не попросить и рькли были дати // кто паки того у нас не ведаеть вси ведаем». Порядок расположения частей в этом тексте следующий: 1, 4, 5, 6, 1, 4, 2, 4, 7.

При чтении этого довольно невнятного текста исследователь все же получает некоторое представление о его содержании. Кажется, что его автор пытался воспроизвести оборот прецедент пожалования, но сделал это не очень умело. Он неправомерно отделил пожалование Чингис-хана от пожалований его преемников, соорудив таким образом из одного оборота два. Уже знакомые нам по образцам смысловые куски текста обоих оборотов даны в неполном наборе и в беспорядке. Почти каждый сохраненный смысловой кусок любого из оборотов или наполнен новым смыслом, или не соответствует принятой в XIII–XIV вв. форме его отображения.

Попытаемся проделать операцию, обратную той, которую произвел редактор русского текста ярлыка Менгу-Тимура, т. е. соединим разрозненные элементы единого оборота прецедент пожалования.

Первый смысловой кусок складывается без остатка: «Чингиз царь потом и последнии цари». Второй смысловой кусок, если придерживаться порядка расположения элементов, наблюдаемого в грамоте Тайдулы и ярлыке Бердибека, имеется только один: «попов и черньцов». Третий смысловой кусок представлен в трех вариантах: «что будеть дань или корм ать не заммають их», «по тому же пути пожаловали», «дань ли или иное что не будеть тамга поплужное ям воина кто чего не попросить и рькли были дати». Эти варианты совпадают по общему смыслу. До совмещения каждый из них нуждается в отдельном анализе. Четвертый смысловой кусок налицо только один: «да правым серцем богови за нас и за племя

наше моляться и благославляють нас». Пятый смысловой кусок: «тако молвя». Шестой смысловой кусок в чистом виде отсутствует. Зато есть дополнительное, седьмое, изречение: «кто паки того у нас не ведаеть вси ведаем». Смысл фрагмента «Чингиз царь потом и последнии цари» достаточно прозрачен. Если скорректировать его текстом ярлыка Бердибека, то он реконструируется так: «Чингис-хан и последующие ханы, наши старшие братья». Выражение из русского текста ярлыка Бердибека «цари наши отци наши» мы передаем словами «ханы, наши старшие братья», руководствуясь подлинными текстами ярлыков Тимур-Кутлука и Улуг-Мухаммеда[133].

Фрагмент «попов и черньцов» появляется только во второй, приписанной редактором, части оборота прецедент пожалования ярлыка Менгу-Тимура. Так же обозначены священники и монахи и в уставной грамоте Василия Дмитриевича и Киприана, созданной в XV в.[134] Перечисление представителей различных религий — буддистов, христиан, даосов, мусульман, — принятое в прецеденте пожалования монгольских жалованных грамот, первоначально имело место и в ярлыке Менгу-Тимура. При переводе ярлыка на тюркский, а затем на русский языки «слово за слово» монгольские обозначения этих представителей оставлялись без перевода. Тогдашние толмачи просто не знали, как правильно передать их по-русски, хотя по контексту понимали, что речь шла о всякого рода духовных лицах. Эти названия в русской транслитерации выглядели примерно так: дойид, эркэюд, сэншинуд, дашмад. Для русского читателя они представлялись непонятной «тарабарщиной». Поэтому только в грамоте Тайдулы от 1347 г. сохранилось первое из упомянутых обозначений в форме «таида»[135]. В грамоте Тайдулы от 1351 г. они в целом понимались как «богомолци и весь поповьскыи чин», а в ярлыке Бердибека — «молебники и весь чин поповьскыи». Поскольку нам неизвестен набор обозначений представителей различных религий, имевший место в подлинном тексте ярлыка Менгу-Тимура, оставляем позднейшее в целом правильное русское толкование этого фрагмента: «священники и монахи».

Все три варианта смыслового куска о налогах и повинностях, от которых освобождались представители духовенства, по смыслу в общем сводятся к фрагменту прецедента пожалования монгольских жалованных грамот: «каких бы то ни было налогов не видя». В такой русской передаче он вполне пригоден в качестве составной части прецедента пожалования ярлыка Менгу-Тимура.

В первом из вариантов этого фрагмента в русском тексте ярлыка Менгу-Тимура («что будет дань или корм ать не заммають их») говорится о дани и корме. Дань — налог в общем виде, корм — одна из повинностей, которая здесь заменяет общее обозначение повинностей типа «пошлина» в ярлыке Бердибека. В подлинном тексте ярлыка Тимур-Кутлука сохранилось сочетание «ясак-калан»[136]. Этот тюркский парный термин по смыслу сближается с понятием «какие бы то ни было налоги».

Второй вариант («по тому же пути пожаловали») конкретизируется русским редактором в третьем варианте («дань ли или иное что не будеть тамга поплужное ям воина кто чего не попросить и рькли были дати»). Зачем понадобилась редактору такая детальная расшифровка общих понятий, совершенно не свойственная ханским ярлыкам?

В уставной грамоте данщику великого князя предписывается «дань имати» со старинных церковных митрополичьих сел лишь в том случае, когда князю необходимо самому платить ордынский «выход», и лишь в том объеме, который предусмотрен княжеской оброчной грамотой[137]. В уставной грамоте указывается также порядок уплаты тамги «митрополичим людем церковным». «Кто про-
даст свое домашное, тот тамги не даст, а который имет прикупом которым торговати, а тот тамгу дасть»[138]. «Поплужное» — сбор с плуга — поземельный налог. Упоминание плуга в русских жалованных грамотах начинается с первой четверти XV в.[139] По-видимому, тогда же появляется и налоговый термин «поплужное». «Ям», или «ямские деньги», — налог, заменивший собой некоторые формы натуральной повинности, например подводу. В русских источниках он появился в начале 60-х годов XIV в.,[140] т. е. значительно позднее времени выдачи ярлыка Менгу-Тимура. «Воина», т. е. «война» — налог на содержание воинских людей. Это могла быть и «натуральная» повинность. В уставной грамоте по этому поводу записано: «А про войну, коли яз сам, князь великий, сяду на конь, тогды и митрополичим бояром и слугам, а под митрополичим воеводою, а под стягом моим, великого князя; а кто... приказался ново митрополиту, а те поидут под моим воеводою, великого князя»[141]. Появление налогового термина «война» относится к XV в. Практическое участие русских войск в ордынских походах имело место начиная с XIII в. Как выразился русский летописец под 1274 г.: «Тогда бо бяху вси князи в воли в тотарьскои»[142].

Перечисленными в уставной грамоте Василия Дмитриевича и Киприана налогами и повинностями «церковные люди», хоть и с оговорками, но все же облагались. В третьем варианте фрагмента из прецедента пожалования ярлыка Менгу-Тимура те же самые налоги и повинности объявлялись для священников и монахов необязательными. Для того чтобы их не платить, достаточно было якобы только «попросить» об этом ордынского хана. Иными словами, прецедент пожалования в ярлыке Менгу-Тимура напрямую сравнивался редактором сборника ханских ярлыков с текстом уставной грамоты. Из этого сравнения вытекал однозначный вывод о преимуществе ярлыка ордынского хана перед уставной грамотой великого князя. Разумеется, это было преимущество с точки зрения руководства русской православной церкви. Для того и был приписан русским редактором текста ярлыка этот вариант фрагмента прецедента пожалования, который никак не сообразовывался с формуляром монгольских и, в частности, золотоордынских жалованных грамот. Автор приписки оправдывал и одновременно разоблачал себя восклицанием, вообще не имевшим отношения к первоначальному тексту ярлыка: «Кто паки того у нас не ведаеть? — Вси ведаем!»

Фрагмент «да правым серцем богови за нас и за племя наше моляться и благославляють нас» хорошо совмещается с соответствующим фрагментом прецедента пожалования в монгольских жалованных грамотах: «богу бы [за нас] молились, благопожелания [нам] возносили». Слова «за нас и за племя наше», которые в ранних монгольских грамотах только подразумевались, в более поздних ярлыках ордынских ханов-мусульман в подобном контексте стали специально подчеркиваться. Так, в ярлыке Тимур-Кутлука значится: «за нас и наш род родов»[143]. Реконструируем содержание всего фрагмента словами «пусть богу за нас молятся, благопожелания нам возносят».

Фрагмент «тако молвя» в контексте всего оборота предпочтительнее передавать одним словом «говоря».

Заключительного фрагмента оборота прецедент пожалования (который в монгольских грамотах передавался выражением «в ярлыках», а в грамоте Тайдулы, ярлыках Бердибека и Бюлека — словами «ярлыки подавали») в ярлыке Менгу-Тимура мы не находим. В результате искажения первоначального текста оборота этот фрагмент исчез. Концовку его мы усматриваем в глаголе «дати», завершающем последний вариант фрагмента, в котором говорит-

ся о необязательности уплаты священниками и монахами каких бы то ни было налогов. Наша реконструкция содержания последнего фрагмента: «выдавали им ярлыки».

В целом содержание оборота прецедент пожалования в ярлыке Менгу-Тимура реконструируется нами в таком виде: «Чингис-хан и последующие ханы, наши старшие братья, говоря: „Священники и монахи, каких бы то ни было налогов не видя, пусть богу за нас молятся, благопожелания нам возносят!“ — выдавали им ярлыки».

Теперь остается разобрать содержание оборота объявление о пожаловании, дающего название второй статье в целом. В монгольских ярлыках великих ханов текст оборота гласил: «И ныне будут [они], // прежним ярлыкам согласно, // каких бы то ни было налогов не видя, // богу за нас молиться, благопожелания [нам]возносить, // сказав, // (в некоем месте // некоему лицу), // для того, чтобы держать при себе, ярлык [мы] дали»[144]. Текст оборота разбиваем по смыслу на 8 частей.

В грамоте Тайдулы от 1351 г. аналогичный оборот читался: «И мы // первых ярлыков не изыначя // млъвя Феогносту митрополиту // с нишением грамоту дали есмы // и как в Володимери сед // богу молиться за Зденибека и за нас и за наши дети молитву въздаеть // а пошлина ему не надобе ни подвода ни корм ни запрос ни каков дар ни почестия не въздаст никакова ни люди его»[145]. Текст оборота легко разбивается на те же 8 частей, но порядок их расположения получается иной: 1, 2, 5, 7, 8, 6, 4, 3.

Расчленяем на те же части оборот объявление о пожаловании в ярлыке Бердибека: «И нынечя мы // пръвых цареи ярлыки не изыначивая одумав по тому же есмы // Алексия митрополита // пожаловали // и как сед и Володимери // богу молиться за нас и за племя наше молитву творит // так есмы млъвили // и кая дань ни будеть или пошлина не емлют у них ни подвод ни кормов ни пития ни запросов ни почестия не въздають»[146]. В этом случае порядок расположения частей текста, как и их содержание, едва дальше отходят от монгольского образца: 1, 2, 7, 8, 6, 4, 5, 3.

Выписываем весь оставшийся от второго оборота текст из ярлыка Менгу-Тимура, попутно расчленяя его на части, более или менее соответствующие приведенным выше образцам: «И мы // богу молясь и их грамоты не изыначили тако молвя по первому пути // которая дань или поплужное или подвода или корм кто ни будеть да не просять ям воина тамга не дають или что церковное земля

вода огороди виноградыы мелници зимовища летовища да не заимають их и яже будуть поимали и они да въздадуть назад а что церковное мастери соколници пардусници кто ни будеть да не заимають их ни стерегуть их или что в законе их книги или ино что да не заимають ни емлють ни издеруть ни погубять их а кто иметь веру их хулити тот человек извиниться и умреть попове един хлеб ядуще и во едином дому живуще у кого брат или сын и тем по тому же пути пожалование ажь будуть от них не выступились будет же ли от них выступились дань ли или ино что ино им дати // а попови от нас пожаловани по пръвои грамоте бога молящи и благословляюще нас стоите а иже имете не правым сердцем о нас молитесь богу тот грех на вас будеть так млъвя аж кто не поп будеть иные люди иметь к себе приимати хотя богови молитись что в том будеть // так млъвя // сему митрополиту // грамоту дали есьмя».

Текст оборота объявление о пожаловании в ярлыке Менгу-Тимура удалось расчленить на 7 частей, порядок расположения которых, если взять за образец тот же оборот в монгольских жалованных грамотах, получился такой: 1, 2, 3, 4, 5, 7, 8. Иными словами, в целом (если не принимать в расчет отсутствия 6-го смыслового куска) оборот объявление о пожаловании в ярлыке Менгу-Тимура построен так же, как и в монгольских жалованных грамотах великих ханов. Присмотревшись к получившимся фрагментам текста, нетрудно заметить, что некоторые из них объединяют в себе смысловые куски отнюдь не однородные. Попытаемся последовательно разобраться с их содержанием.

Содержание фрагмента «и мы» однозначно реконструируется в форме «и [ныне] мы». Не вызывает сомнений и содержание фрагмента «богу молясь и их грамоты не изыначили тако молвя по первому пути». Имея в виду, что слово «грамоты» заменяло в XIII в. термин «ярлыки», реконструируем фрагмент соответственно: «прежним ярлыкам согласно».

Представляется, что фрагмент: «которая дань или поплужное или подвода или корм кто ни будеть да не просять ям воина тамга не дають // или что церковное земля вода огороди виноградыы мелници зимовища летовища да не заимають их и яже будуть поимали и они да въздадуть назад // а что церковное мастери соколници пардусници кто ни будеть да не заимають их ни стерегуть их // или что в законе их книги или ино что да не заимають ни емлють ни издеруть ни погубять их // а кто иметь веру их хулити тот человек

извиниться и умреть // попове един хлеб ядуще и во едином дому живуще у кого брат или сын и тем по тому же пути пожалование ажь будуть от них не выступились будет же ли от них выступились дань ли или ино что ино им дати», — в свою очередь, расчленяется по содержанию на 6, уже отмеченных нами, частей.

Первая часть: «которая дань или поплужное или подвода или корм кто ни будеть да не просять ям воина тамга не дають» — представляет собой суммарное повторение названных в обороте прецедент пожалования ярлыка Менгу-Тимура налогов и повинностей, т. е. фрагмент, содержание которого уже реконструировалось нами. Применительно к содержанию оборота объявление о пожаловании реконструируем содержание этой части словами «каких бы то ни было налогов не видя».

Вторая часть: «или что церковное земля вода огороди виногради мелници зимовища летовища да не заимають их и яже будуть поимали и они да въздадуть назад» — требует особого рассмотрения. Дело в том, что ее текст совпадает с частью статьи *условия пожалования*, ее оборотом иммунитетные привилегии[147], который имел место в монгольских жалованных грамотах: «С подведомственных храмам земель и вод, садов, мельниц... каких бы то ни было налогов пусть не берут; кто бы они ни были, насилий [над представителями культов] пусть не учиняют; что бы то ни было у них, отнимая и таща, пусть не забирают»[148]. В грамоте Тайдулы от 1351 г. соответствующий текст гласил: «А земль его и вод ни огородов ни виноградов ни мелнец кто ни будеть не заимают их ни силы ни истомы не творять им никакие ни отнимають у них ничего»[149]. В аналогичном фрагменте ярлыка Бердибека говорилось: «Или что церковнии домове земли и воды огороди виногради мелници и того у них не емлют ни силы над ними не творять никакые а кто будеть что взял или кто возьметь и тот да отдасть назад»[150].

В монгольских ярлыках, грамоте Тайдулы и ярлыке Бердибека приведенные тексты находились после статьи *объявление о пожаловании*, а в ярлыке Менгу-Тимура такой текст представлял собой, казалось бы, неоправданное вкрапление в статью *объявление о пожаловании*. Чем это можно объяснить? Видимо, тем, что русский редактор текста ярлыка Менгу-Тимура произвольно увеличивал его размер за счет наращивания привилегий для церкви. В первоначальном тексте ярлыка, по всей вероятности, специальная статья *условия пожалования* вообще отсутствовала. Редактор поза-

имствовал текст оборота «иммунитетные привилегии» из грамоты Тайдулы и ярлыка Бердибека, соорудив их сводный текст. В этом убеждают следующие признаки. В грамоте Тайдулы присутствует в качестве заключительной фраза «ни отъимають у них ничего», которой в монгольских ярлыках соответствуют слова «что бы то ни было у них, отнимая и таща, пусть не забирают». В ярлыке Бердибека этой фразы нет. Зато в ярлыке Бердибека текст фрагмента заключают слова «а кто будеть что взял или кто возьметь и тот да отдасть назад», которых нет в грамоте Тайдулы. Этих слов не было не только в монгольских ярлыках чингисидов, но, скорее всего, и в оригинальном тексте ярлыка Бердибека. Они очень импонировали русским церковникам первой четверти XV в., когда митрополит Фотий развернул энергичную деятельность за возвращение церковных имуществ[151]. Тогда и была произведена вставка упомянутых слов в ярлык Бердибека, а из него — в ярлык Менгу-Тимура. Русский редактор, конечно, не имел представления об абстрактном формуляре золотоордынских ярлыков. О нем и сейчас мало кто знает. Поэтому обман и не был раскрыт так долго.

Третья часть: «а что церковное мастери соколници пардусници кто ни будеть да не заимають их ни стерегуть их» — вроде бы перекликается по содержанию со второй частью. Здесь речь идет об относящихся к «церковным людям» ремесленных мастерах, сокольниках и звериных ловцах, которых запрещается захватывать и содержать под стражей. Видимо, эту очень актуальную для русской действительности XV в. часть русский редактор включил в текст ярлыка Менгу-Тимура, позаимствовав ее и «доработав» из проезжей грамоты Тайдулы от 1354 г., где говорилось о том, чтобы «ни людеи бы его (митрополита. — *А. Г.*) не переимал никто ни конеи бы у них не имали»[152]. Примечательно здесь упоминание о ремесленных мастерах. Обращение к ним встречается в ордынском документе XV в. — ярлыке Улуг-Мухаммеда[153].

Четвертая часть: «или что в законе их книги или ино что да не заимають ни емлють ни издеруть ни погубять их», — ратующая за сохранность богослужебных книг, в чингисидских актах не встречается и может быть целиком отнесена к творчеству русского редактора текста ярлыка Менгу-Тимура.

Пятая часть: «а кто иметь веру их хулити тот человек извиниться и умреть» — также не имеет отношения к подлинному тексту ярлыка Менгу-Тимура. Столь непримиримое отношение руководства

русской церкви к хулителям православной веры объясняется борьбой духовных феодалов с антифеодальными еретическими движениями, развернувшимися на Руси к XV в.[154]

Включение в текст ярлыка Менгу-Тимура шестой части: «попове един хлеб ядуще и во едином дому живуще у кого брат или сын и тем по тому же пути пожалование ажь будуть от них не выступились будет же ли от них выступились дань ли или ино что ино им дати» — объясняется содержанием уставной грамоты Василия Дмитриевича и Киприана, где имелась такая статья: «А которыи поповичь хотя будет писан в мою (великого князя. — *А. Г.*) службу, а въсхочет стати в попы или в диаконы, ино ему волно стати. А поповичь, которыи живет у отца, а хлеб есть отцов, ино тои митрополичь. А которыи поповичь отделен и живет опричь отца, а хлеб ест свои, а то мои, князя великого»[155]. Сравнение обоих текстов выявляет их однозначность.

Фрагмент: «а попови от нас пожаловани по пръвои грамоте бога молящи и благословляюще нас стоите // а иже имете не правым сердцем о нас молитесь богу тот грех на вас будеть так млъвя // аж кто не поп будеть иные люди иметь к себе приимати хотя богови молитись что в том будеть» — по содержанию делится на три части.

Первая часть: «а попови от нас пожаловани по пръвои грамоте бога молящи и благословляюще нас стоите» — является для нас главной. Повторные слова «а попови от нас пожаловани по пръвои грамоте» понадобились редактору русского текста для того, чтобы вернуть русского читателя к основной мысли ярлыка — пожалованию. Содержание фрагмента «бога молящи и благословляюще нас стоите» реконструируем в форме «богу за нас молитесь, благопожелания нам возносите».

Вторая часть: «а иже имете не правым сердцем о нас молитесь богу тот грех на вас будеть так млъвя» — является редакторской интерпретацией сразу двух оборотов статьи *условия пожалования*, которые прежде мы назвали предостережение грамотчику и наказ грамотчику[156]. В монгольских жалованных грамотах великих ханов в нескольких вариантах был представлен оборот предостережение грамотчику[157]. Перед глазами редактора текста ярлыка Менгу-Тимура были соответствующие два оборота в грамоте Тайдулы от 1351 г. («и ты Фегност митрополит возмолвишь что так есмь пожалован а которыи к тобе не причястни огороди виноградди воды земли сам нечто не так учинишь то сам ведаешь а за нас

богу молитву въздаваи»)[158] и в ярлыке Бердибека («а ты Алексеи митрополит и весь вашь поповьскыи чин възмолвить что сяк пожаловани есмы да церковным домом землям водам огородом виноградом или над церковными людми что учинишь чрез пошлину ино то на тобе или кто разбоем татбою лжею лихое дело учинить каков а не имешь того смотрити ино то сам ведаешь каково о том исправление учинишь а о нас к богу молитву твори занеже ты прежде а мы потом не молвим ничего»)[159]. Редактор ярлыка Менгу-Тимура сделал короткую и ясную выжимку из обоих оборотов.

Третья часть: «аж кто не поп будеть иные люди иметь к себе приимати хотя богови молитись что в том будеть» — была вставлена в текст ярлыка Менгу-Тимура в противовес словам, включенным в уставную грамоту: «А слуг моих, князя великого, и моих данных людеи в диаконы и в попы митрополиту не ставити»[160]. Конечно, церковников больше устраивал текст в интерпретации редактора ярлыка, чем категоричная формулировка уставной грамоты.

Содержание фрагмента «так млъвя» реконструируем словами «сказав [им]». Местоимение «им» в данном контексте представляется обязательным, ибо следующий, прозрачный по содержанию, фрагмент «сему митрополиту» (= «этому митрополиту») называет митрополита не как главный объект пожалования, а лишь в качестве представителя русских священников и монахов. Почему в ярлыке не названо личное имя митрополита? Мы усматриваем причину этого в том, что Кирилл был избран митрополитом еще при жизни Бату и продолжал возглавлять русскую церковь в годы ханствования Сартака, Улагчи, Берке и Менгу-Тимура. На Руси он был единственным «вечным» митрополитом. Потому и не возникло необходимости называть его в ярлыке иначе чем просто митрополитом. То же относится и к месту его резиденции, опять-таки не указанному в ярлыке. В официальной резиденции, Киеве, Кирилл практически не проживал, так как постоянно находился при особе владимирского великого князя.

Содержание последнего фрагмента: «грамоту дали есьмя» — «ярлык дали» — исчерпывает содержание оборота объявление о пожаловании и всей одноименной статьи, которая в целом предстает в таком виде: «Чингис-хан и последующие ханы, наши старшие братья, говоря: „Священники и монахи, каких бы то ни было налогов не видя, пусть богу за нас молятся, благопожелания нам возносят!“ — выдавали им ярлыки. И ныне мы, прежним ярлыкам согласно, ска-

зав им: „Каких бы то ни было налогов не видя, богу за нас молитесь, благопожелания нам возносите!“ — этому митрополиту ярлык дали».

Теперь, если руководствоваться формуляром золотоордынских жалованных грамот, выполненных на основании материалов документов конца XIV–XV вв., то последующий фрагмент ярлыка Менгу-Тимура мог содержать статью *условия пожалования.* Она могла подразделяться на следующие обороты: иммунитетные привилегии, призыв к содействию, предостережение представителям адресата, предостережение грамотчику, наказ грамотчику[161]. Более ранние монгольские жалованные грамоты великих ханов, выданные в конце XIII–XIV вв., как правило, также содержали статью *условия пожалования,* включавшую в себя ряд оборотов под общим названием иммунитетные привилегии[162]. В их числе находился оборот, от которого позднее, в золотоордынских грамотах XIV–XV вв., отпочковался оборот предостережение представителям адресата[163]. Выше мы рассматривали этот оборот, в его еще неразвитой форме, на примере грамоты Тайдулы от 1351 г. и ярлыка Бердибека, и выяснили, что к ярлыку Менгу-Тимура он не имел никакого отношения.

И вот перед нами очередной фрагмент русского текста ярлыка Менгу-Тимура: «сию грамоту видяще и слышаще от попов и от черньцов ни дани ни иного чего ни хотять ни възьмуть баскаци княжи писци поплужники таможници а возмуть ине по велицеи язе извиняться и умруть тако млъвя»[164]. Вроде бы повторяется предостережение представителям адресата, грозящее смертью ослушникам. Его мы рассмотрели выше и сочли позднейшей вставкой. В грамоте Тайдулы от 1351 г. такого рода оборот гласил: «а кто пак беспутно силу учинить какову или пошлину замыслить умреть и поблюдеться»[165]. В ярлыке Бердибека он читался: «а кто ся иметь ставити или рушити их и тои в гресех будеть да умреть»[166]. В подлинных текстах золотоордынских ярлыков конца XIV — начала XV в. форма такого оборота выглядела несколько иначе. В ярлыках Токтамыша и Улуг-Мухаммеда оборот начинался словами «Такого [нашего] повеления после». Затем следовало безличное указание на возможных ослушников. Кончался оборот словами «убоятся непременно!»[167]

В чем совпадают тексты оборота предостережение представителям адресата названных жалованных грамот и в чем они не совпадают? В актах Тайдулы и Бердибека ослушники именуются «а кто».

Та же примерно картина в ярлыках Токтамыша и Улуг-Мухаммеда. В ярлыке Менгу-Тимура текст оборота, в котором предостерегались хулители веры, почти буквально совпадал с цитированными оборотами в актах Тайдулы и Бердибека. А в этом последнем обороте ярлыка Менгу-Тимура мы видим подробное перечисление возможных ослушников, совпадающее со списком представителей адресата в этом же ярлыке. Небольшая, казалось бы, разница состоит в том, что в адресате значатся «баскаки и князи», а здесь — «баскаци княжи», т. е. княжеские баскаки! Следовательно, названные за ними писцы, поплужники и таможники имелись в виду также княжеские. Иными словами, оборот предостерегает и грозит смертью представителям не ордынской, а великокняжеской администрации. Значит, перед нами — инородная вставка.

В этом обороте, как и в актах Тайдулы и Бердибека, ослушники устрашаются смертью, а в подлинных текстах ярлыков Токтамыша и Улуг-Мухаммеда выражение более мягкое («убоятся непременно»). Если мы посмотрим на заключительные строки оборота предостережение грамотчику в ранних монгольских актах (отдельного оборота предостережение представителям адресата в них еще не было), то увидим там слова «не убоятся ли?»[168]. Угроза смертью и в них отсутствовала. Откуда же она могла появиться в фальсифицированных вставках, имитировавших оборот предостережение представителям адресата в актах Менгу-Тимура, Тайдулы и Бердибека? Представляется возможным предположить, что угрозу смертью редактор сборника ханских ярлыков мог позаимствовать из содержания надписей, гравированных на пайцзах золотоордынских ханов. Эти надписи перевел на современном уровне и скрупулезно прокомментировал Н. Ц. Мункуев[169]. Трудно допустить, чтобы русским грамотчикам XIV–XV вв., которые вместе с жалованной грамотой получали и ее металлическое удостоверение — пайцзу, не было известно содержание надписи на ней. Концовка такой надписи гласила: «Всякий, кто не будет уважать [это ханское повеление], должен быть убит и умереть!»

Последней в индивидуальном формуляре ярлыка Менгу-Тимура была *удостоверительная* статья[170]. «Заячего лета осеннего пръваго месяца в четвертыи на талы писано»[171]. Порядок слов ее русского перевода в деталях совпадает с таковым же в монгольских жалованных грамотах великих и улусных ханов[172]. Принцип построения статьи в актах Тайдулы и Бердибека был таким же[173].

Содержание статьи уже реконструировалось[174]. Сейчас мы внесли бы в эту реконструкцию некоторые коррективы. Место написания обозначим словами «[наша ставка] в степи [когда находилась]». Последним словом статьи, принимая во внимание наш вывод о том, что жалованная грамота Менгу-Тимура называлась ярлыком, будет «написан». В результате содержание статьи в целом предстает в таком виде: «в год зайчихи, первого месяца осени в четвертый [день] старого [месяца], когда [наша ставка] находилась в степи, написан». Обозначенная в ярлыке Менгу-Тимура дата по нашему летосчислению соответствовала 10 августа 1267 г.[175]

Пожалуй, только эта статья ярлыка Менгу-Тимура, текст которой дошел до нас в дословном переводе во всей полноте и без видимых искажений, может служить залогом того, что перед нами находится русский перевод подлинной монгольской жалованной грамоты. Только этот ее фрагмент не считали нужным, да и при желании не смогли бы ни изменить, ни тем более придумать последующие редакторы текста перевода ярлыка Менгу-Тимура.

Общий итог проделанной работы по реконструкции содержания ярлыка Менгу-Тимура сводится к следующему:

«Предвечного бога силою, наш, Менгу-Тимура, указ даругам-князьям городов и селений, князьям войска, писцам, таможникам, проезжим послам, сокольникам и звериным ловцам.

Чингис-хан и последующие ханы, наши старшие братья, говоря: „Священники и монахи, каких бы то ни было налогов не видя, пусть богу за нас молятся, благопожелания нам возносят!“ — выдавали им ярлыки. И ныне мы, прежним ярлыкам согласно, сказав им: „Каких бы то ни было налогов не видя, богу за нас молитесь, благопожелания нам возносите!“ — этому митрополиту ярлык дали.

В год зайчихи первого месяца осени в четвертый [день] старого [месяца], когда [наша ставка] находилась в степи, написан».

В случае, если наша реконструкция покажется исследователям достаточно обоснованной, она может быть использована в качестве материала для разного рода исторических построений.

Глава II

ПРОЕЗЖАЯ ГРАМОТА ТАЙДУЛЫ ЕПИСКОПУ ИОАННУ*

Приступаем к реконструкции содержания второго по древности акта сборника ханских ярлыков русским митрополитам — проезжей грамоты Тайдулы от 1347 г.

Имя «христианской заступницы» Тайдулы хорошо известно историкам России еще со времен сложения истории как науки, т. е. с XVIII в., ибо оно было широко представлено не только в сборнике ханских ярлыков, но и во многих русских летописях. Какие факты из биографии этой ханши мы знаем за период до 1347 г.? Марокканский путешественник Ибн Баттута встречался с Тайдулой в мае 1334 г. Из его рассказа следовало, что тогда Тайдула была главной и любимейшей из четырех жен Узбека (1313–1341), матерью его сыновей Тенибека и Джанибека и взрослой дочери, бывшей замужем за Харунбеком, сыном правителя Хорезма Кутлуг-Тимура[1]. Тайдула стала старшей женой Узбека после смерти его жены Баялун. Как сообщает Симеоновская летопись, это произошло в 1323 г.[2] Однако Тайдула входила в число жен Узбека и до 1323 г. Как явствует из персоязычной «Истории Шейх-Увейса», старший сын Тайдулы Тенибек взял в жены племянницу основателя династии джелаиридов Хасана Бузурга (1336–1356) Ануширван-хатун в 731 г. х. (1330/31 г.)[3], т. е. через 7 лет после того, как его мать стала старшей женой Узбека. Иными словами, Тайдула состояла в браке с Узбеком с самого начала его правления.

Надо полагать, что между женами Узбека были распределены обязанности по части покровительства той или иной религии, т. е., конечно, покровительство оказывалось не религии как таковой, а ее

---

* *Григорьев А. П.* Проезжая грамота Тайдулы от 1347 г.: Реконструкция содержания // Вестн. Ленингр. ун-та. 1990. Сер. 2. Вып. 3. С. 37–44.

адептам. Тот же правоверный мусульманин Ибн Баттута отмечал, что Тайдула была самой скупой из ханских жен, а «одной из лучших, добрейших нравом и сострадательнейших» признавал другую жену Узбека — Ордуджу, дочь улугбека Исы, которая во всем оказывала путешественнику помощь и содействие[4].

Среди событий 1339 г. Рогожский летописец помещает рассказ о вызове «лестью» в Орду тверского князя Александра Михайловича (1337–1339). В ставке Узбека князь узнал о вынесенном ему смертном приговоре. Он послал слугу к «царице», каковой в то время и была Тайдула, рассчитывая на ее заступничество. Надежды Александра не оправдались, 28 октября он и его сын были убиты[5]. 17 августа 1340 г. глава католической церкви папа Бенедикт XII (1334–1342) составил в Авиньоне письма Узбеку, Джаннибеку и «светлейшей императрице Северной Тартарии, достойнейшей государыне» Тайдуле[6]. В письме к ханше папа сообщал, что посланники ее мужа и доверенное лицо ее сына поведали ему о том, с какой любовью Тайдула относится к христианам-католикам, проживавшим в Золотой Орде, с какой готовностью она оказывает им милости и полезное покровительство. Со своей стороны, папа «просил и увещевал» ханшу, чтобы она продолжила «похвально добрые дела» свои и «заслужила получение благодати божественной милости» через принятие «истинной веры католической»[7]. Как видим, Тайдула выступала в роли покровительницы всех христиан — и православных, и католиков.

После того, как осенью 1341 г. Узбек скончался, Тайдула приняла непосредственное участие в заговоре против своего старшего сына и возведении на престол Джанибека (1342–1357). Как сообщалось в арабоязычной биографии мамлюкского султана Малик ан-Насира, Тенибек был убит в Сарайчике. Та же участь постигла его младшего брата Хызрбека[8]. Весной 1342 г. Джанибек воссел на ордынский престол. Все годы его правления Тайдула состояла при нем в качестве «главной матери» (монг. «тэригун экэ»)[9], сохраняя за собой функции «христианской заступницы».

Русский текст проезжей грамоты Тайдулы от 1347 г. частично уже анализировался[10]. С тех пор прошло время, было реконструировано содержание ярлыков Менгу-Тимура от 1267 г. и Узбека от 1332 г.[11] Автор этих строк приступает к реконструкции содержания полного текста названной грамоты Тайдулы под новым углом зрения.

В первоначальный состав сборника из четырех ярлыков, подобранного митрополитом Митяем–Михаилом — в 1379 г., проезжая грамота Тайдулы от 1347 г. не вошла. Она была включена в сборник ханских ярлыков только при митрополите Ионе в 50-е годы XV в. Ее текст при этом был подвергнут специальной обработке, которая превратила грамоту из проезжей в иммунитетную, предназначенную для всего русского духовенства[12]. В процессе реконструкции содержания грамоты последнее обстоятельство следует иметь в виду и потому рассматривать ее русский текст не последовательно расположенными фрагментами, а целиком, скрупулезно выискивая в нем элементы, составлявшие некогда дословный русский перевод грамоты. Ориентиром нам будет служить известный формуляр ордынских проезжих грамот, состоявший из 5 статей: *богословие, обращение, разрешение на проезд, условия проезда, удостоверение*[13].

Текст русского перевода грамоты Тайдулы гласит: «Таидулино слово к таиде всь Иоан митрополит за нас молебник молиться от пръвых добрых времен и доселе такоже молебник не надобе им мзда ни какая пошлина ни емлют у них ничего занеже о нас молитву творять и что есмы млъвили то бы есте вси ведали или что в городех какие пошлины или какые дела или сила будеть им а тобе скажють и ты слово их выслушаи да по истине дело их управи или пакы от кого пред самеми на попы и на их люди слово приидеть и ты бы им силы не чинил никакие упокоини бы были а о нас бы молитву творили а вы русскые князи Семеном почен всеми митрополиты как наперед сего кои дела делали а нынечя также делають молвя о нишенем грамоту дали есмы свиного лета осмаго месяца в 5-и ветха на Желтои Трости орда кочевала написано»[14].

Нетрудно заметить, что в формуляре этого текста и следа нет от статьи *богословие*. Причину отсутствия *богословия* можно видеть в том, что оригинал грамоты был написан буквами уйгурского алфавита. *Богословие* присутствовало только в документах арабского письма.

Статья *обращение* представлена словами: «Таидулино слово к таиде». На оборот указ в ней приходится выражение «Таидулино слово», т. е. «Тайдулы указ». В грамотах той же ханши от 1351 и 1354 гг. этому выражению предшествуют слова «по Ченибекову ярлыку», т. е. «Джанибека повелением»[15]. Известно, что только так и должен был выглядеть указ ханши, которая по кровному родству не

принадлежала к роду чингисидов. По форме ее указ приравнивался к распоряжению крупного сановника из ханской администрации[16].

На оборот адресат остается выражение «к таиде», перед которым давно уже в недоумении останавливаются исследователи. Прежде мы допускали, что слово «таиде» расшифровывается как монгольское обозначение буддийских монахов[17]. Теперь, рассматривая русский текст грамоты Тайдулы, мы видим другое решение этой загадки. В конце грамоты приведены слова «о нишенем», т. е. «с нишаном» — «с именной печатью». Оказывается, что в двух древнейших списках слово «нишенем» писалось с пропуском двух предпоследних букв — «нишем»[18]. В настоящее время мы полагаем, что при написании слова «таиде» сказалась та же индивидуальная особенность переписчика: он пропустил в слове две предпоследние буквы. Последующие переписчики исправили, сами, возможно, того не заметив, написание слова «нише[не]м», а слово «таиде» оставили без изменения, так как не смогли его домыслить. Задача, по нашему разумению, решалась довольно просто — «таид[ул]е», т. е. Тайдуле.

В таком случае оборот адресат читателя: «к Тайдуле», что идеально отвечало форме, но было явной бессмыслицей по содержанию, ибо ханша не могла адресовать грамоту сама себе. Мы уже писали о том, что грамота была сознательно переделана так, чтобы из проезжей грамоты для одного лица превратить ее в иммунитетную грамоту для всего русского духовенства. Но отсюда совсем не следует, что для этого нужно было как-то переделывать содержание адресата. Его исказили просто по недоразумению. Можно допустить, что еще до перенесения текста грамоты в сборник ханских ярлыков ее верхняя часть претерпела какие-то механические повреждения. Текст первых строк пострадал, возможно, просто оторвался. При переписке грамоты в сборник сохранившийся текст от начала грамоты был вставлен не на то место. Присмотримся к приведенному выше русскому тексту документа. Фрагмент «а вы русские князи Семеном почен всеми», помещенный во второй половине грамоты, очень подходит для адресата, если его понимать так: «всем русским князьям под началом с Семеном». В «Семене» узнается старший сын Ивана Калиты великий князь владимирский Семен Иванович (1340–1353).

Реконструируем содержание статьи *обращение* в таком виде: «Джанибека повелением, мой, Тайдулы, указ всем русским князьям под началом с Семеном».

Статья *разрешение на проезд* чингисидских проезжих грамот, как правило, сообщала о социальном положении грамотчика, составе его миссии (или каравана), цели и маршруте путешествия[19]. В грамоте Тайдулы после обращения читаем такие слова: «Всь Иоан митрополит за нас молебник молиться от пръвых добрых времен и доселе такоже молебник», т. е. «этот Иоанн митрополит является нашим заступником перед богом. Он возносит за нас молитвы с „первых добрых времен“ и до нашего времени». Прежде мы уже выяснили, что выражение «от пръвых добрых времен» можно понимать как «со времени покойного хана [Узбека]»[20]. Известно и то, что среди русских митрополитов за все время существования Золотой Орды иерарха с именем Иоанн не было. Именем Иоанн мог называться сарайский епископ. Слово «митрополит» — или неточный перевод термина с языка оригинала, или позднейшее сознательное искажение, внесенное в текст перевода редактором сборника ханских ярлыков. Русская летопись сохранила свидетельство о выдаче Узбеком жалованной грамоты сарайскому епископу. Вообще последние служили для связи с московской митрополией, были советниками хана по делам византийской православной церкви, выполняли дипломатические поручения по золотоордынско-византийским контактам[21].

Итак, мы узнали имя грамотчика и выяснили его социальное положение. Сведения о цели и маршруте его путешествия здесь вроде бы отсутствуют. Однако ниже, после слов, составивших подлинный адресат грамоты, читаем: «митрополиты как наперед сего кои дела делали а нынечя также делаютъ». Эта фраза содержит косвенные сведения о цели и маршруте путешествия епископа Иоанна. Ведь, судя по адресату грамоты, поездка Иоанна планировалась через территорию княжеств Северо-Восточной Руси. В данном отрывке Тайдула говорит о том, что такие поездки сарайского епископа совершались традиционно. Русской миссии в Сарае нужно было более или менее регулярно выезжать на родину с целью приобретения церковной утвари и богослужебных книг, а также для хозяйственных закупок одежды и продовольствия. Так выясняются маршрут и цель путешествия Иоанна. Преследовалось ли при этом выполнение какого-то тайного дипломатического поручения ордынского правительства, связанного с происходившим в 1347 г. слиянием галицкой митрополии с общерусской митрополией Феогноста (1328–1353)[22], сказать, за неимением письменных подтверждений, затруднительно.

Содержание статьи *разрешение на проезд* реконструируется так: «Этот сарайский епископ Иоанн является нашим заступником перед богом. Он возносит за нас молитвы со времени покойного хана Узбека до сего дня. Его поездка в русские земли вызвана причинами, которыми и прежде руководствовались сарайские епископы».

В статье *условия проезда* власть имущим обычно предписывалось проводить грамотчика через опасные участки пути и не притеснять его в дороге, не захватывать его вьючных животных и людей, не взимать торговый налог[23]. Что мы видим в грамоте Тайдулы? «Не надобе им мзда ни какая пошлина ни емлют у них ничего занеже о нас молитву творять и что есмы млъвили то бы есте вси ведали или что в городех какие пошлины или какые дела или сила будеть им а тобе скажють и ты слово их выслушаи да по истине дело их управи или пакы от кого пред самеми на попы и на их люди слово приидеть и ты бы им силы не чинил никакие упокоини бы были а о нас бы молитву творили».

Нам представляется, что начальные слова от «не надобе им мзда...» до «...то бы есте вси ведали» в данном контексте совершенно излишни. Их домыслил редактор сборника, а начальные строки статьи *условия проезда* (те, например, которые сохранились в проезжей грамоте Тайдулы от 1354 г.: «и кто где ни будеть чтобы его не переимали ни силы бы ему не чинили никакые или где ему прилучиться постояти чтобы его никто не имал ни людеи бы его ни переимал никто ни конеи бы у них не имали»)[24] исключил, чтобы читатель поверил, что перед ним не проезжая, а чисто иммунитетная грамота. Предлагаем восстановить эту охранную часть статьи в следующем виде: «Предписывается, где бы он ни проходил, не задерживать его и не притеснять; где бы он ни останавливался, ни его самого, ни его людей, ни его лошадей не захватывать».

Обращаемся к оставшемуся тексту статьи в грамоте Тайдулы от 1347 г. На первый взгляд форма его нас в общем устраивает от слов «или что в городех...» до «...силы бы ему не чинили никакые», ибо выглядит логическим продолжением восстановленных нами начальных строк той же статьи. Концовка «упокоини бы были а о нас бы молитву творили», скорее всего, не имеет никакого отношения к тексту проезжей грамоты.

Рассмотрим оборот «или что в городех какие пошлины или какые дела или сила будеть им а тобе скажють и ты слово их выслушаи да по истине дело их управи». Начнем с того, что в нем со-

держится личное обращение «и ты». Такое обращение в безличных оборотах статьи *условия проезда* чингисидских проезжих грамот не применялось. Содержание оборота сводится к тому, что великому князю предлагается «по истине» уладить любой иск о насилии над священниками, который они предъявят ему в «городех». Но ведь в первой части восстановленной нами статьи уже содержится бескомпромиссное требование: где бы то ни было ни епископа, ни его людей не задерживать, не притеснять, не захватывать.

Второй оборот — «или пакы от кого пред самеми на попы и на их люди слово приидеть и ты бы им силы не чинил никакие» — содержит то же обращение «и ты». Великому князю предлагается исключить всякое насилие по отношению к «попам и их людям», если вдруг на них поступит «слово» (т. е., видимо, какая-либо жалоба). Выходит, что священников и их людей следует оправдывать в любом случае. Оборот носит общий характер, он явно тенденциозен и не имеет отношения к проезжей грамоте.

В результате рассмотрения последних двух оборотов мы приходим к выводу, что оба они придуманы и вставлены в текст грамоты Тайдулы редактором сборника ханских ярлыков в XV в. с целью еще выше поднять авторитет ханских жалованных грамот русскому духовенству, в противовес политике тех, выражаясь словами редактора сборника, «ослепленных суетою» «православных князей и бояр», которые «обижают их»[25]. Следовательно, содержание статьи *условия проезда* ограничивается той ее частью, которая выше была нами реконструирована.

Последняя статья — *удостоверение* — в русском переводе грамоты Тайдулы выглядит так: «Молвя о нишенем грамоту дали есмы свиного лета осмаго месяца в 5-и ветха на Желтои Трости орда кочевала написано». Как правило, статья *удостоверение* в ордынских грамотах состояла из трех оборотов: удостоверительные знаки, время и место написания, представление. В актах, начертанных по-тюркски, оборот удостоверительные знаки грамматически связывался с предыдущей статьей глагольной формой «говоря» или, как в грамоте Тайдулы, «молвя», которая обычно не несла на себе смысловой нагрузки. На оборот удостоверительные знаки в грамоте Тайдулы остаются слова «О нишенем грамоту дали есмы», т. е. «С именной печатью грамота выдана». Ставить на документах тамгу, т. е. печать с родовым знаком собственности правящего государя, нечингисиды не имели права. Они ограничивались оттиском ниша-

на — именной печати. Начальная фраза оборота «для постоянного хранения», обязательная в иммунитетных актах, была не нужна для проезжих грамот. Так что фактически в грамоте Тайдулы оборот удостоверительные знаки передает не только точный смысл, но и точную форму оригинала.

Оборот время и место написания — «Свиного лета осмаго месяца в 5-и ветха на Желтои Трости орда кочевала написано» — опять-таки дословно воспроизводит форму, принятую для актов, начертанных по-тюркски уйгурицей: «В год свиньи восьмого месяца в пятый [день] убывающей [Луны], когда ставка находилась на Сарыкамыше, было написано». Такую же форму оборота мы восстановили и для ярлыка Узбека, оригинал которого был написан по-тюркски буквами уйгурского алфавита. Правда, пропущенный в латинском переводе ярлыка термин «орда» («ставка») мы (видимо, напрасно) реконструировать не решились[26]. Обозначенное в грамоте Тайдулы время ее написания соответствует по нашему летосчислению 25 сентября 1347 г.[27] Местонахождение ханской ставки — «Желтая Трость» — адекватно русскому переводу географического наименования Сарыкамыш. Возможно, речь идет о Сарыкамышской котловине, в настоящее время одной из крупнейших бессточных впадин Азии, а в XIV–XVI вв. — огромном озере, расположенном примерно в 130 км к западу от Ургенча (Куня-Ургенч), входившего в состав Золотой Орды.

Оборот представление писался на другой стороне листа документа и состоял из двух элементов — собственно представление и помета писца. В первом элементе назывались имена ордынских сановников — ходатаев за грамотчика, которые представляли хану или ханше его прошение о пожаловании. Во втором элементе писец, составлявший жалованную грамоту, называл себя и свою должность (бахши). Содержание оборота давало исследователю дополнительные сведения о составе административного аппарата и канцелярии в точно определенный момент истории Золотой Орды. К сожалению, в сохранившемся тексте русского перевода грамоты Тайдулы этот оборот отсутствует.

В итоге нашей реконструкции проезжая грамота Тайдулы наполняется таким содержанием:

«Джанибека повелением, мой, Тайдулы, указ всем русским князьям под началом с Семеном.

Этот сарайский епископ Иоанн является нашим заступником пе-

ред богом. Он возносит за нас молитвы со времени покойного хана Узбека до сего дня. Его поездка в русские земли вызвана причинами, которыми и прежде руководствовались сарайские епископы.

Предписывается, где бы он ни проходил, не задерживать его и не притеснять; где бы он ни останавливался, ни его самого, ни его людей, ни его лошадей не захватывать.

Выдана грамота с именной печатью. Написано было в год свиньи восьмого месяца в пятый день убывающей Луны, когда ставка находилась на Сарыкамыше».

Что дает науке такая реконструкция содержания? Прежде всего она освобождает сохранившийся русский текст документа от позднейших интерполяций, совершенно исказивших первоначальный смысл грамоты. Она дает в руки историка гипотетический вариант общего содержания проезжей грамоты, который имеет право на существование до тех пор, пока новые исследования не уточнят или не опровергнут его.

Может быть, после того, как мы убедились, что исследуемый документ по существу лишен начальной статьи, весь текст статей *разрешение на проезд* и *условия проезда* имеет очень мало общего с текстом оригинала, а текст статьи *удостоверение* не имеет последнего оборота, было бы правильнее вообще отказаться от реконструкции содержания грамоты Тайдулы, изъять ее из научного обращения, как это произошло с подложным ярлыком Узбека[28], включенным в состав пространной редакции сборника ханских ярлыков? Нам представляется, что предпочтительнее все же реконструкция. Дело в том, что грамота Тайдулы не могла быть целиком подложной, ибо фальсифицировать оборот время и место написания документа так, чтобы этого не заметил исследователь, знакомый с формуляром золотоордынских актов, не мог ни один русский редактор ни в XIV в., ни в последующие по крайней мере три века. Восточные системы летосчисления были им неведомы, они могли только слепо копировать их форму. А раз время написания грамоты не вызывает у специалиста сомнений, она должна сохраниться в качестве первоисточника для исторических построений, пусть даже гипотетических.

Ведь эта грамота Тайдулы, хотя и сильно искаженная, сохранилась от того невероятно скудного документальными источниками времени, когда, говоря словами русский летописи, «бысть казнь от бога на люди под восточною страною в Орде и в Орначи, и в Сараи,

и в Бездеже, и в прочих градех и странах бысть мор велик на люди, на бесермены и на татары, и на армены, и на обезы, и на жиды, и на фрязы, и на черкасы, и на прочая человекы, тамо живущая в них. Толь силен бысть мор в них, яко не бе мощно живым мертвых погребати»[29]. То была страшная эпидемия «черной смерти» — чумы 1346–1353 гг., поразившей и обезлюдевшей затем многие страны и народы. «Великим мором» прошла она по Византии, арабским странам и Северной Африке[30]. Итальянские торговые корабли завезли ее от устья Дона и побережья Крыма в Италию, Францию, Германию и Англию. В 1349 г. чума появилась в Скандинавских странах, оттуда перешла в Новгород и Псков, в 1352 г. оставила в живых едва лишь треть населения Северной России, а весной 1353 г. унесла жизни великого князя Семена, двух его сыновей и митрополита Феогноста[31].

Глава III

ЖАЛОВАННАЯ ГРАМОТА ТАЙДУЛЫ МИТРОПОЛИТУ ФЕОГНОСТУ*

Жалованная грамота жены золотоордынского хана Узбека (1313–1341) и матери Джанибека (1342–1357) Тайдулы была выдана на имя русского митрополита Феогноста (1328–1353) в 1351 г.[1] Относительно личности «христианской заступницы» Тайдулы нам уже кое-что известно[2]. Последний по времени очерк жизни и деятельности митрополита Феогноста принадлежит Г. М. Прохорову[3]. Мы знаем, что весной 1342 г., после смерти Узбека и воцарения Джанибека, Феогност ездил в Орду[4] за ярлыком, который должен был подтвердить права и привилегии русской церкви, зафиксированные в ярлыке Узбека (текст его не сохранился). В летописном сообщении об этой поездке говорилось, что митрополит «многу истому приат от царя Жанибека за вероу христианьскую», но ярлык все же получил и вернулся в Москву в начале 1343 г.[5] Текст этого ярлыка Джанибека до нас не дошел. Текст жалованной грамоты Тайдулы от 1351 г., сохранившийся в старинном русском переводе в составе сборника ханских ярлыков русским митрополитам, передает содержание ярлыка Джанибека. Однако тут же возникает вопрос: зачем понадобилось Тайдуле подтверждать ярлык своего еще живого и здорового сына?

О событиях, имевших место в Золотой Орде в период от 744 до 756 г. х. (май 1343 — январь 1356 гг.), в сочинениях арабских и персидских историков XIV–XV вв. нет ничего, кроме сообщения о страшной эпидемии чумы, случившейся там в 1346–1347 гг.[6] Об обстоятельствах получения русской церковью жалованной грамоты

---

* *Григорьев А. П.* Жалованная грамота Тайдулы от 1351 г.: Реконструкция содержания // Вестн. Ленингр. ун-та. 1991. Сер. 2. Вып. 1. С. 85–93.

Тайдулы в 1351 г. не сохранилось прямых свидетельств и в русских источниках. Именно при исследовании периода руководства русской церковью митрополитом Феогностом известный историк церкви Е. Е. Голубинский горестно заметил: «Летописцы наши ведут себя по отношению к церковным делам так, что теперешним историкам церкви остается только плакать»[7]. Что мы вообще знаем о том времени?

Взаимоотношения Золотой Орды с Венецией и Генуей в 1347–1349 гг. были прерваны захлестнувшей Италию пандемией чумы. От 1349 г. дошло отрывочное известие о том, что венецианский дож Андреа Дандоло (1343–1354) направил послания Джанибеку и «светлейшей и превосходнейшей государыне Тайдуле-хатун, императрице татар»[8]. Дальнейшего развития ордынско-итальянских контактов не последовало из-за начавшейся между Венецией и Генуей войны (1350–1355).

К 1350 г. относится рассказ византийского историка Никифора Григоры о событии, которое можно поставить в прямую связь с выдачей на имя Феогноста жалованной грамоты Тайдулы. Григора повествует о посылке великим князем владимирским Семеном Ивановичем (1340–1353) и митрополитом Феогностом крупной суммы денег на восстановление разрушенной части храма св. Софии в Константинополе. Часть алтаря этого храма обрушилась в результате землетрясения еще 19 мая 1346 г. И вот через 4 года об этом событии вспомнил русский великий князь. П. П. Соколов связывал это «благочестивое дарение» с намерением Семена Ивановича заручиться поддержкой константинопольского патриарха, в руках которого находилось тогда право утверждения в сане главы русской православной церкви, в деле назначения на пост будущего митрополита киевского и всея Руси русского кандидата[9].

Осенью 1350 г. грек Феогност тяжело заболел[10]. На его место с самого начала правления Семена Ивановича прочили представителя русского боярского рода крестника Ивана Калиты Алексия[11]. Сидевший в то время в Константинополе византийский император Иоанн VI Кантакузин (1347–1354) находился в отчаянном финансовом положении. На оплату службы наемников-турок султана Орхана (1326–1362) уходили остатки византийской казны. В монету переливали и церковную утварь. На жалованье мусульманским наемникам ушла значительная часть суммы, присланной русским великим князем в 1350 г.[12] Русские посланцы традиционно возвра-

щались домой через Орду. Здесь-то, по нашему мнению, они и получили зимой 1351 г. подтвердительную грамоту Тайдулы на имя Феогноста. Последний умер в 1353 г. Ставленник Семена Ивановича Алексий получил разрешение константинопольского патриарха на пост кандидата в русские митрополиты, а затем и утверждение в сане. В этом звании он пребывал от 1354 до 1378 г.

Такой, на наш взгляд, была схема событий, связанных с получением жалованной грамоты Тайдулы русской стороной. Однако она не отвечает на вопрос: зачем ханше потребовалось подтверждать ярлык своего державного сына? Рогожский летописец сохранил любопытное сообщение, помещенное под 1352 г.: «Тое же осени прииде царь Чанибек с воины, прогнав царя Оурдака в пустыню»[13]. Подлинное имя «царя Оурдака» нам не известно. Тем не менее можно утверждать, что война его с Джанибеком велась не в гористой местности Закавказья, т. е. не с хулагуидами Ирана. Скорее всего, речь здесь идет о военных действиях Джанибека в Средней Азии, т. е. на территории, весьма отдаленной от Сарая. Позволим себе предположить, что ордынского хана не было дома и зимой 1351 г., когда русские посланцы возвращались из Византии через Орду. Тайдула воспользовалась отсутствием Джанибека для того, чтобы получить с русской миссии обязательную мзду за свою подтвердительную грамоту, в которой Феогност совершенно не нуждался.

Поскольку текст ярлыка Джанибека, полученного Феогностом в 1342 г., не сохранился, русский перевод жалованной грамоты Тайдулы от 1351 г. является для нас единственным документом, на основании анализа которого можно получить представление о содержании ярлыка Джанибека. Прежде чем приступить к реконструкции содержания жалованной грамоты Тайдулы, мы просмотрели тексты русских переводов ярлыков Бердибека от 1357 г. и Бюлека от 1379 г.[14] и обнаружили, что все они написаны по одному шаблону, т. е. имеют одинаковые формуляры, ибо на деле являются подтверждениями текста ярлыка Узбека, а возможно, и текстов ярлыков более ранних золотоордынских ханов. Беглое сопоставление известного нам формуляра статей — *объявление о пожаловании* и *условия пожалования* названных ярлыков[15] — с такими же статьями в формулярах ярлыков монгольских великих и улусных ханов XIII–XIV вв., содержащих иммунитетные привилегии храмам и монастырям представителей различных религиозных школ[16], показывает их большую близость. Это обстоятельство, с одной стороны,

позволяет корректировать русский текст грамоты Тайдулы соответствующими фрагментами текстов ярлыков Бердибека и Бюлека; с другой — при реконструкции содержания грамоты Тайдулы — дает возможность использовать тексты монгольских ярлыков в качестве верных ориентиров.

Приступаем к реконструкции содержания грамоты Тайдулы, пользуясь методикой, проверенной при работе с текстами предыдущих актов сборника ханских ярлыков[17].

В статье *обращение:* «По Ченибекову ярлыку Таидулино слово татарьским улусным князем и волостным и городным и селным дорогам и таможником и побережником и мимохожим послом или кто на какове дело придеть ко всем» — правдоподобно реконструируется не только содержание, но и сам текст, единообразно повторяющийся в сохранившихся подлинных текстах ордынских ярлыков: «Джанибека повелением, мой, Тайдулы, указ Монгольского государства тем, под началом с Исой-гургеном, тысяч, сотен и десятков князьям, городов и селений даругам-князьям, писцам, таможникам, проезжим послам, многим людям, идущим по какому-нибудь делу, всем».

Элементы «татарьским улусным князем» реконструированы в виде «Монгольского государства тем, под началом с Исой-гургеном, тысяч, сотен и десятков князьям» по соображениям, приведенным при реконструкции содержания подобного фрагмента в ярлыке Узбека от 1332 г.[18] При этом мы воздержались от элементов «правого и левого крыла огланам», ибо Тайдула не имела права приказывать представителям рода Чингис-хана. По аналогии с ярлыками Бердибека и Бюлека в статью добавлен элемент «писцам». Элемент «волостным» мы сочли излишним. То же самое относится к термину «побережники». Под ним в русских документах XV–XVII вв. подразумевались должностные лица, взимавшие «побережное» -- сбор за право высадки или выгрузки товаров с судна на берег[19]. Полагаем, что в XIV в., тем более в составе ордынской службы фиска, такая категория отсутствовала.

Русский текст статьи *объявление о пожаловании* грамоты Тайдулы расчленяется на два оборота: прецедент пожалования и собственно объявление о пожаловании. Содержание первого оборота — «Из давных из добрых времен и доселе что молятся богомолци и весь поповьскыи чин и те никаких пошлин не ведають самому богу моляться за племя наше в род и род и молитву взъдають тако млъ-

вя Феогноста митрополита царь пожаловал с алою тамгою ярлык дал» — реконструируем так: «Сказавши, что со времени покойного хана [Узбека] и по сей день [православные] священники и монахи, о каких бы то ни было налогах и повинностях не ведая, богу за нас молились, благопожелания нам возносили, хан [Джанибек] митрополита Феогноста пожаловал и выдал ему [для постоянного хранения пайцзу и] алотамговый ярлык».

Видимо, ханше не полагалось углублять во времени прецедент пожалования далее, чем до эпохи правления ее покойного мужа. Реконструкция содержания элементов русского текста грамоты «из давных из добрых времен и доселе» в форме «со времени покойного хана Узбека и по сей день» произведена нами по соображениям, которые были приведены при анализе подобного фрагмента в русском тексте грамоты Тайдулы от 1347 г.[20] Аналогично реконструкции содержания ярлыка Узбека от 1332 г.[21] мы добавили в реконструкцию содержания оборота указание на то, что ярлык Джанибека был выдан «для постоянного хранения» и сопровождался его металлическим удостоверением — пайцзой. Если взять за образец прецедент пожалования в ярлыках Бердибека и Бюлека, то в ярлыке самого хана Джанибека реконструкция содержания этого оборота выглядела бы иначе, чем в грамоте Тайдулы: «Ханы, наши предки от Чингис-хана до нашего предшественника покойного хана Узбека, жаловали православных священников и монахов, с тем чтобы они о каких бы то ни было налогах и повинностях не ведая, богу за них молились, благопожелания им возносили и выдавали на то свои ярлыки».

Реконструкция содержания второго оборота статьи *объявление о пожаловании* в грамоте Тайдулы — «И мы первых ярлыков не изыначя млъвя Феогносту митрополиту грамоту дали есмы» — формально не представляет трудностей: «И ныне мы, в соответствии с правилами пожалований прежних ханов, пожаловали митрополита Феогноста». Так полагалось бы реконструировать этот оборот в соответствии с содержанием одноименного оборота в ярлыке Бердибека и Бюлека, ибо далее в тексте их актов следовала расшифровка условий их собственных пожалований.

Однако Тайдула не имела права ни на «пожалование» («суюргал»), ни на выдачу алотамгового ярлыка и пайцзы. Она могла только переписать условия пожалования, содержавшиеся в ярлыке Джанибека от 1342 г., а затем утвердить весь текст оттиском

своей именной печати — нишана. Скорее всего Тайдула так и поступила. Иными словами, она обошлась лишь первым оборотом статьи *объявление о пожаловании*. Откуда же взялся второй оборот? Его приписал редактор сборника ханских ярлыков на основании текстов ярлыков Бердибека и Бюлека.

Статья *условия пожалования* в грамоте Тайдулы распадается на ряд оборотов, из которых на первом месте стоит оборот, провозглашающий общий налогово-заповедный иммунитет: «И как в Володимери сед богу молиться за Зденибека и за нас и за наши дети молитву въздаеть а пошлина ему не надобе», т. е. «С тех пор, как он утвердился во Владимире [митрополитом, православным священникам и монахам надлежит] молиться за нас и наш род богу, благопожелания нам возносить, не ведая о каких бы то ни было налогах и повинностях». Этот основной для грамотчика в статье *условия пожалования* оборот начинался словами «И как в Володимери сед», т. е. обозначением времени утверждения Феогноста в митрополичьей резиденции — Владимире на Клязьме. Вспомним, что в других сохранившихся на языке оригинала ордынских ярлыках первый оборот данной статьи всегда начинался словами «Отныне и впредь»[22].

Далее в грамоте Тайдулы следует чисто заповедный, или бережельный, оборот, конкретизирующий содержание предыдущего оборота: «Ни подвода ни корм», т. е. «Ни подводы, ни корма [у них пусть не берут]». Речь идет о повинностях, состоявших в предоставлении лошадей для езды и перевозки грузов и в снабжении продуктами питания для категории всякого рода «проезжих» лиц.

Его продолжают обороты «ни запрос ни каков дар ни почестия не въздаст никакова ни люди его», содержащие освобождение митрополита и его людей от соответствующих податей, т. е. относящиеся к податному иммунитету. Существо «запроса» (объясняемого обычно как разовый побор для подношений, предоставляемых кому-либо по требованию)[23] хорошо проиллюстрировано в русской летописи. Весной 1339 г. Иван Калита получил от новгородцев традиционно причитавшуюся с них долю «царева выхода» («чикыш»). Великий князь не согласился принять предложенную ему сумму налога, потребовав с них «запрос царев». На это новгородцы резонно возразили: «Прежде сего несть се было»[24]. «Дар» — старинный русский обязательный побор, возникший из добровольных приношений[25], сближался со специальным ордынским сбором,

известным под названием «тузгу» и означавшим поставку пищевых припасов и иного довольствия ханским чиновникам, эпизодически присылаемым в русские земли, например, для подворной переписи[26]. «Почестие» было издревле известно на Руси как своеобразная прибавка к сумме основного налога за «уважение» к князю, на имя которого тот налог собирался[27]. Иными словами, все три названные в русском тексте грамоты Тайдулы побора можно объединить определением «чрезвычайные сборы».

Возникает вопрос — куда же исчезло упоминание о сборах основных? Дело в том, что в обоих оборотах статьи *прецедент пожалования* жалованных грамот монгольских великих и улусных ханов перед словами «каких бы то ни было налогов не видя» обычно присутствовало ограничивающее их условие — «кроме поземельного налога, торгового налога»[28]. В тех случаях, когда такого ограничения не было, в статье *условия пожалования* после параграфов, оговоривших заповедный иммунитет, обязательно присутствовало утверждение: «Поземельного налога, торгового налога пусть не дают»[29].

Что касается поземельного налога, который обычно взимался с храмов и монастырей представителей различных исповеданий, располагавшихся на территории Монгольской империи, то применительно к нашему случаю у исследователей истории Золотой Орды нет никакой ясности в вопросе о его взимании. Мы эту проблему временно оставляем в стороне. Ордынский торговый налог — тамга — взимался с торговых операций на всей территории Северо-Восточной Руси. Если бы освобождение от него русского православного духовенства декларировалось в статье *условия пожалования* ярлыка Джанибека, а следовательно, и грамоты Тайдулы, редактор сборника ханских ярлыков не преминул бы сохранить такую декларацию и в русском переводе. Этого не произошло. Значит, правильнее будет допустить, что в статье *объявление о пожаловании* и ярлыка Джанибека, и грамоты Тайдулы присутствовало ограничение по торговому налогу. Перед словами «о каких бы то ни было налогах и повинностях не ведая» там была фраза «кроме торгового налога».

Руководство русской православной церкви такое ограничение в сборнике ханских ярлыков, который был специально создан в качестве идеологического средства воздействия на светскую княжескую власть, ущемлявшую интересы духовных феодалов, совершенно не устраивало. Оно и было механически ликвидировано. Теперь же эту

фразу нужно вставить в аналогичном месте реконструированного содержания первого оборота статьи *условия пожалования,* окончательный вид которого станет таким: «С тех пор, как он утвердился во Владимире митрополитом, православным священникам и монахам надлежит молиться за нас и наш род богу, благопожелания нам возносить, кроме торгового налога, не ведая о каких бы то ни было налогах и повинностях». Естественно, что ограничение по торговому налогу следует включить и в нашу реконструкцию содержания статьи *объявление о пожаловании.*

Далее в грамоте Тайдулы имеется оборот «А земль его ни вод ни огородов ни виноградов ни мелнець кто ни будеть не заимают их ни силы ни истомы не творять им никакие ни отъимають у них ничего». В нем легко узнается формула, характерная для жалованных грамот монгольских великих и улусных ханов. Там она представляла собой сложное сочетание их трех предложений, в которых угодья, люди, животные и вещи, составлявшие основу богатств храмов и монастырей, гарантировались от взимания налогов, применения силы, грабежей и расхищений[30].

Дополнив начало этого оборота в грамоте Тайдулы названными в ярлыках Бердибека и Бюлека «церковными строениями», реконструируем его содержание в таком виде: «Их церковных строений, земель и вод, садов и виноградников, мельниц кто бы то ни было пусть не трогает, никаких насилий и притеснений им пусть не творит, ничего у них не отнимает». Мы полагаем, что виноградники в монастырских хозяйствах Северо-Восточной Руси той поры не играли никакой хозяйственной роли, если вообще где-нибудь существовали. Просто здесь переводчик точно следовал тексту тюркского оригинала, в котором термин «виноградник» приписывался как обычный парный синоним к слову «сад».

Следующий оборот в грамоте Тайдулы — «Или где стануть да не емлють у них ничего так есмы млъвили а кто пак беспутно силу учинить какову или пошлину замыслить умреть и поблюдеться» — состоит из двух частей. Первая часть слепо и неточно копирует текст, который наличествует в ярлыках Бердибека и Бюлека, а вторая представляет для нас несомненный интерес. Ее можно интерпретировать так: «И кто тем не менее беззаконно применит [по отношению к ним] какое бы то ни было насилие или же введет [какой бы то ни было] налог или повинность, [пусть он] умрет и поостережется». Нетрудно заметить логическое противоречие в концовке

оборота, разрешить которое можно, только устранив из нее одно из слов: «умрет» или «поостережется».

Похожего оборота нет в монгольских грамотах великих и улусных ханов, а в тюркских текстах ордынских ярлыков XIV–XV вв. такой оборот встречается. Речь идет об обороте статьи *условия пожалования,* который мы назвали предостережение представителям адресата[31]. В нем власть имущие лица в случае, если бы они осмелились действовать наперекор смыслу пожалования, устрашаются формулой — «непременно убоятся!»[32] Так что реконструированное содержание этого оборота в грамоте Тайдулы сводится к словам: «После такого нашего повеления власть имущие, налагающие на них налоги и повинности и причиняющие им какое бы то ни было насилие, — непременно убоятся!».

Последний оборот статьи — «И ты Фегност митрополит возмолвишь что так есмь пожалован а котории к тобе не причястни огороди виногради воды земли сам нечто не так учинишь то сам ведаешь а за нас богу молитву въздаваи» — присутствовал и в грамотах монгольских великих и улусных ханов[33], и в ордынских ярлыках. Он именуется нами предостережение грамотчику[34]. Если привести его в соответствие с буквой и содержанием соответствующих оборотов в оригинальных тюркских текстах, то последовательность элементов оборота сохранится, а с их формой и содержанием произойдут следующие изменения.

Содержание элемента «И ты Фегност митрополит» останется практически неизменным: «Также и ты, митрополит Феогност». Элемент «возмолвишь, что так есмь пожалован» также не изменится: «говоря: „Так пожалован я!“». Содержание элемента «а котории к тобе не причястни огороди виногради воды земли сам нечто не так учинишь» нуждается в коррективах. Во-первых, речь в грамоте Тайдулы могла идти только о тех церковных и монастырских угодьях, которые были подведомственны Феогносту; во-вторых, согласно содержанию соответствующих оборотов в ярлыках Бердибека и Бюлека, некие противоправные действия могли совершаться митрополитом и по отношению к «церковным людям». Поэтому содержание элемента правильнее будет реконструировать так: «если совершишь нечто противозаконное в отношении подведомственных тебе церковных и монастырских угодий и людей». Содержание элемента «то сам ведаешь» выходит за рамки здравого смысла и не находит себе подтверждения ни в одном из сохранившихся ак-

тов. Действительно, получалось, что митрополит мог бесконтрольно распоряжаться церковным имуществом и людьми не только на «своей» территории, но и за ее пределами. Наверное, такой вымышленный прецедент вполне устраивал руководство русской православной церкви, но с содержанием соответствующих чингисидских актов он совершенно не согласовывался. Наоборот, любой произвол в отношении имущества и людей недвусмысленно возбранялся формулой, которой мы и реконструируем содержание этого элемента: «то и тебе самому также хорошо не будет!»[35]. Элемент «а за нас богу молитву въздаваи» не имеет к этому обороту никакого отношения. Он приписан редактором сборника ханских ярлыков в качестве своеобразного противовеса, словно бы искупающего бесконтрольные действия митрополита в отношении церковного имущества и своей паствы.

Структура последней статьи — *удостоверение* — повторяет таковую в проезжей грамоте Тайдулы от 1347 г.[36]

Содержание оборота удостоверительные знаки — «Тако млъвя на утвержение нишеную грамоту дали есмы» — реконструируется: «Для постоянного хранения с именной печатью грамота выдана». В отличие от проезжей эта грамота Тайдулы являлась иммунитетной, чем и оправдывается формула «для постоянного хранения». Нам не известно, сколько оттисков нишана — именной печати ханши — полагалось иметь жалованной грамоте. Возможно, их было несколько. Тогда в русском переводе правильнее было бы назвать грамоту «нишанной», т. е. именно так, как это некогда сделал русский переводчик.

Содержание оборота время и место написания — «Заечия лета арама месяця во осмыи новаго в Сарае орда кочевала написано» — реконструируется: «В год зайца арама месяца в восьмой [день] прибывающей [Луны], когда ставка находилась в Сарае, было написано». Обозначенное здесь время написания соответствует 4 февраля 1351 г.[37] Форма этого обозначения, скрупулезно сохраненная в старинном русском переводе, определенно указывает на то, что в оригинале грамота Тайдулы могла быть написана по-тюркски буквами уйгурского алфавита. В отношении тогдашнего места расположения ханской ставки можно допустить два варианта. Речь, скорее всего, шла о Новом Сарае (Царевское городище), поскольку именно там, еще до официального вступления на престол Джанибека, находилась его официальная резиденция. С другой стороны, в феврале

1351 г. Джанибек находился где-то далеко на востоке, и его мать Тайдула могла пребывать в зимней резиденции своего покойного мужа Узбека Сарае (Селитренное городище).

Содержание оборота представление — «А жалобу положил Таоббога Акъхочя Мухтар учюгуи Карапчии писано» — реконструируется: «Прошение [митрополита Феогноста] представили трое [ходатаев, а именно:] Даудбуга, Ак-ходжа, Мухтар. Написал я, Харабчи[-бахши]». Относительно имен, названных в обороте, мы не можем сказать ничего определенного. Сложное и непонятное имя «Таоббога», или, как значится в одном из списков сборника, «Таотбога»[38], написанное буквами уйгурского алфавита, можно было бы прочитать и «Даудбуга». «Акъхочя» — это, конечно, «Ак-ходжа». Так, например, именовался сборщик торгового налога в латинском переводе ярлыка Джанибека от 1347 г.[39] «Мухтар» — распространенное мусульманское мужское имя[40]. «Карапчии» можно передать как возможное имя «Харабчи». Поскольку речь идет о человеке, лично составлявшем этот документ, т. е. о писце-битикчи, то, как и в ярлыке Бердибека, к его имени полагалась именная приставка — «бахши». Интерес представляет слово «учюгуи» — точная транслитерация русскими буквами тюркского числительного «трое»[41]. Это еще одно подтверждение того, что оригинал грамоты Тайдулы был написан по-тюркски.

В результате содержание жалованной грамоты Тайдулы от 1351 г. представляется нам в таком виде: «Джанибека повелением, мой, Тайдулы, указ Монгольского государства тем, под началом с Исой-гургеном, тысяч, сотен и десятков князьям, городов и селений даругам-князьям, писцам, таможникам, проезжим послам, многим людям, идущим по какому-нибудь делу, всем.

Сказавши, что со времени покойного хана Узбека и по сей день православные священники и монахи, о каких бы то ни было налогах и повинностях не ведая, богу за нас молились, благопожелания нам возносили, хан Джанибек митрополита Феогноста пожаловал и выдал ему для постоянного хранения пайцзу и алотамговый ярлык.

С тех пор как он утвердился во Владимире митрополитом, православным священникам и монахам надлежит молиться за нас и наш род богу, благопожелания нам возносить, кроме торгового налога, не ведая о каких бы то ни было налогах и повинностях. Ни подводы, ни корма у них пусть не берут. Никаких чрезвычайных сборов они пусть не платят. Их церковных строений, земель и вод,

садов и виноградников, мельниц кто бы то ни было пусть не трогает, никаких насилий и притеснений им пусть не творит, ничего у них не отнимает. После такого нашего повеления власть имущие, налагающие на них налоги и повинности и причиняющие им какое бы то ни было насилие, — непременно убоятся! Также и ты, митрополит Феогност, говоря: „Так пожалован я!“ — если совершишь нечто противозаконное в отношении подведомственных тебе церковных и монастырских угодий и людей, то и тебе самому также хорошо не будет!

Выдана для постоянного хранения с именной печатью грамота. Написано было в год зайца арама месяца в восьмой день прибывающей Луны [4 февраля 1351 г.], когда ставка находилась в Сарае.

Прошение митрополита Феогноста представили трое ходатаев, а именно: Даудбуга, Ак-ходжа, Мухтар. Написал я, Харабчи-бахши».

Глава IV

ПРОЕЗЖАЯ ГРАМОТА ТАЙДУЛЫ МИТРОПОЛИТУ АЛЕКСИЮ*

Старинный русский перевод проезжей грамоты золотоордынской ханши Тайдулы, выданной на имя митрополита Алексия (1354–1378) в 1354 г., входит в состав сборника ханских ярлыков русским митрополитам[1] и по своей структуре мало чем отличается от проезжей грамоты, выданной ею Иоанну в 1347 г.[2] Последнее обстоятельство облегчает дело реконструкции содержания грамоты, ибо позволяет ссылаться на методические приемы, к которым мы уже прибегали. Имя грамотчика и обстоятельства получения им этого документа также вкратце известны благодаря последнему по времени очерку жизни и деятельности Алексия, составленному Г. М. Прохоровым[3].

11 марта 1353 г. скончался митрополит всея Руси Феогност (1328–1353), 26 апреля 1353 г. за ним последовал великий князь владимирский Семен Иванович (1340–1353). По завещанию последний оставил Алексия советником своих братьев Ивана и Андрея. 6 июня 1358 г. Андрей умер. Семен Иванович и Феогност незадолго до смерти отправили к константинопольскому патриарху посольство с просьбой рукоположить Алексия следующим русским митрополитом. Послы вернулись на Русь в разгар междукняжеской борьбы за владимирский великокняжеский престол. Алексий, будучи владимирским епископом, естественно, принимал в этой борьбе самое непосредственное участие. Когда Алексий узнал, что константинопольский патриарх приглашает его к себе на поставление в сан мит-

---

* *Григорьев А. П.* Проезжая грамота Тайдулы от 1354 г.: Реконструкция содержания // Востоковедение / Отв. ред. В. Г. Гузев, О. Б. Фролова. СПб., 1993. Вып. 18. С. 149–154.

рополита всея Руси, он отправился в Византию через Орду вместе со своим подопечным Иваном Ивановичем, выступавшим в качестве одного из главных претендентов на великое княжение. В итоге Владимирское княжество досталось Ивану Ивановичу (1354–1359). В начале 1354 г. он с ярлыком Джанибека вернулся во Владимир и 25 марта того же года торжественно воссел на престол. Алексий расстался с великим князем в ханской ставке. Там он подал прошение на имя «христианской заступницы» Тайдулы, в котором просил о выдаче его миссии проезжей охранной грамоты для следования в Константинополь. В феврале 1354 г. он получил эту грамоту и двинулся в путь[4].

Русский перевод проезжей грамоты Тайдулы дошел до нас, на взгляд специалиста, в удовлетворительном состоянии. Начинаем последовательную постатейную реконструкцию его содержания, руководствуясь при этом известным формуляром золотоордынских жалованных грамот[5].

Грамота начинается статьей *обращение:* «По Дченибекову ярлыку Таидулино слово к темным и к тысящным князем и сотником и десятником и волостелем и городным дорогам и князем и к мимохожим послом и ко многим людем и ко всем», — содержание которой реконструируется в общем так же, как в грамоте Тайдулы от 1347 г. и ярлыке Узбека от 1332 г.[6]: «Джанибека повелением, мой, Тайдулы, указ [Монгольского государства] тем, [под началом с Могулбугой] тысяч, сотен и десятков князьям, городов и селений даругам-князьям, проезжим послам, многим людям, [идущим по какому-нибудь делу,] всем». В ярлыке Узбека *обращение* включало еще «правого и левого крыла огланов», т. е. военачальников династической крови, которым Тайдула, формально не принадлежавшая к роду Чингис-хана, не могла отдавать распоряжения. Под «волостелями» в русских документах XV в. понимались управители волостей — сельских административно-территориальных единиц[7]. В грамоте Тайдулы, как и в ярлыках Бердибека от 1357 г. и Бюлека от 1379 г., речь шла о даругах-князьях городов и селений[8].

В русском переводе грамоты Тайдулы положенные для проезжих грамот отдельные статьи *разрешение на проезд* и *условия проезда* или слиты воедино, или здесь попросту отсутствует статья *разрешение на проезд*, содержание которой почему-либо не устраивало редактора сборника ханских ярлыков. Во всяком случае, имя и социальное положение грамотчика (Алексий митрополит) и цель

его путешествия (Константинополь) в грамоте четко обозначены. Реконструируем содержание этого раздела, руководствуясь его отдельными оборотами.

«Всь митрополит Алексии коли ко Царюграду поидеть и кто где ни будеть чтобы его не переимали ни силы бы ему не чинили никакые», т. е. «Когда этот митрополит Алексий отправится к Константинополю, мы предписываем, где бы он ни проходил, кто бы то ни было пусть его не задерживает и не чинит никакого насилия».

«Или где ему прилучиться постояти чтобы его никто не имал ни людеи бы его ни переимал никто ни конеи бы у них не имали ни иного ничего в упокои бы были занеже за Дченебека и за дети и за нас молитву творить сяк есмы млъвили», т. е. «Где бы он ни останавливался, никто не должен захватывать ни его самого, ни его людей, ни его лошадей, ввиду того что он молится за Джанибека, за его детей и за нас». Такая реконструкция содержания оборота оправдывается тем обстоятельством, что фрагмент «ни иного ничего в упокои бы были» отсутствовала в древнейшем из сохранившихся списков перевода грамоты[9], а слова «сяк есмы млъвили», мы уже приводили (в форме «мы предписываем») при реконструкции содержания первого оборота раздела.

«А кто пак силу учинить и он на велицеи пошлине перемолвиться», т. е. «Власть имущие, применившие по отношению к нему насилие, будут обвинены на основании положений великого закона». Составители Словаря русского языка XI–XIII вв. определяют глагол «перемолвитися» словами: «переговорить, поговорить, обсудить что-либо между собой». Применительно к тексту грамоты Тайдулы они его же толкуют иначе: «оказаться в положении того, кому повторяют сказанное прежде»[10]. Сложность понимания русского перевода этого оборота объясняется включенным в него словом «пошлина». Последнее сохранилось и в современном русском языке в значениях «старинный обычай, стародавность» и «государственный денежный сбор»[11]. Естественно, составители названного словаря принимали во внимание первое, ныне устаревшее, значение слова «пошлина».

Между тем в русском переводе ярлыка Менгу-Тимура записан оборот, концовка которого по форме и содержанию точно соответствует нашему случаю: «ине по велицеи язе извиняться»[12], т. е. «и они будут обвинены на основании положений великой ясы». «Великая яса», или «Чингис-ханова яса», — свод монголо-татарского

обычного права[13]. Монголо-тюркский термин «яса», или «ясак», означал и «закон», и «дань, пошлина», собиравшаяся на основании этого закона[14]. В тех же двух значениях этот термин в эпоху Золотой Орды был воспринят и русскими[15]. Тогда он был понятен им без перевода, а потому вписан в грамоту Тайдулы в русской транслитерации. После включения грамоты в состав сборника ханских ярлыков его редактор, занявшись толкованием и унификацией ордынских терминов, правильно перевел слово «ясак» в иммунитетной грамоте Тайдулы от 1351 г. русским словом «пошлина» (в контексте «а пошлина ему не надобе»)[16] и неправомерно заменил слово «ясак» («закон») в проезжей грамоте Тайдулы от 1354 г. тем же словом «пошлина» («налог»). Прежде мы считали и весь этот оборот позднейшей интерполяцией[17], а теперь склоняемся к мысли, что именно Тайдуле и нужна была ссылка на авторитет «великой ясы» чингисидов.

Последняя статья грамоты Тайдулы — *удостоверение:* «Так молвя нишену грамоту дали есмы еита году арама месяца в вторыи ветха орда кочевала на Гулистане написано Темир ходчя жалобу положил» — расчленяется на три оборота: удостоверительные знаки, время и место написания, представление. Ее содержание конструируется так же, как и содержание соответствующей статьи в проезжей грамоте Тайдулы от 1347 г.: «С именной печатью грамота выдана. В год лошади арама месяца во второй [день] убывающей [Луны], когда ставка находилась в Гюлистане, было написано. Прошение [митрополита Алексия] представил Тимур-ходжа».

Год выдачи грамоты по животному циклу, обозначенный в русской транслитерации словом «еита», расшифровывается как «ёнта». Тюркское слово «йонт» (или «йонд») значило «конь», а «йонта» (или «йонда») — «кобыла»[18]. Обозначенное в грамоте время написания соответствует по нашему летосчислению 10 февраля 1354 г.[19] Месторасположение ханской ставки — Гюлистан — определяется где-то в пределах города Булгара[20]. Ордынский сановник по имени Тимур-ходжа, видимо, приближенный Тайдулы, нам неизвестен. Как правило, оборот удостоверение завершался пометой писца: «Написал я (имярек)-бахши». Такая помета сохранилась в ярлыке Бердибека[21]. В грамоте Тайдулы она почему-то отсутствует.

В итоге нашей реконструкции проезжая грамота Тайдулы от 1354 г. наполняется таким содержанием: «Джанибека повелением, мой, Тайдулы, указ Монгольского государства тем, под началом с

Могулбугой, тысяч, сотен и десятков князьям, городов и селений даругам-князьям, проезжим послам, многим людям, идущим по какому-нибудь делу, всем.

Когда этот митрополит Алексий отправится к Константинополю, мы предписываем, где бы он ни проходил, кто бы то ни было пусть его не задерживает и не чинит ему никакого насилия; где бы он ни останавливался, никто не должен захватывать ни его самого, ни его людей, ни его лошадей, ввиду того что он молится за Джанибека, за его детей и за нас. Власть имущие, применившие по отношению к нему насилие, будут обвинены на основании положений великого закона.

Выдана грамота с именной печатью. Написано было в год лошади арама месяца во второй день убывающей Луны [10 февраля 1354 г.], когда ставка находилась в Гюлистане.

Прошение митрополита Алексия представил Тимур-ходжа».

Глава V

ЯРЛЫК БЕРДИБЕКА МИТРОПОЛИТУ АЛЕКСИЮ*

Работа по реконструкции содержания документов так называемого собрания ханских ярлыков русским митрополитам на какое-то время прервалась в связи с тем, что ее исполнитель отвлекся на изучение случайно обнаруженной им публикации коллекции ордынских актов, обязанных своим появлением ордыно-венецианским связям середины XIV в. Эта публикация, произведенная в Венеции в конце XIX в., была прочно забыта востоковедами XX в. Заключавшиеся в ней акты сохранились только в синхронных переводах на латинский и итальянский языки. Мы, вместе с романистом-филологом В. П. Григорьевым, реконструировали содержание первых четырех ярлыков коллекции, в разное время выданных от имени ханов Узбека, Джанибека и Бердибека одному коллективному грамотчику — венецианским купцам Азова[1].

Степень сохранности текстов переводов ярлыков венецианской коллекции, критический текст которой был опубликован по двум сохранившимся спискам, представляется очень высокой. Она не идет ни в какое сравнение с сохранностью текстов русских переводов собрания ханских ярлыков, которое дошло до нас во многих, но позднейших списках, отредактированных и искаженных уже в самом начале складывания переводов ярлыков в собрание. Причины последнего явления неоднократно излагались автором этих строк в означенных выше публикациях. Мало того, тексты ярлыков венецианской коллекции в несколько раз превосходили по своему объему

---

* *Григорьев А. П.* Ярлык Бердибека от 1357 г. митрополиту Алексию: Реконструкция содержания // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки / Отв. ред. Л. А. Березный. СПб., 1997. Вып. 17. С. 25–73.

тексты документов русского собрания. Это обстоятельство давало в руки исследователя гораздо больше формальных зацепок для сопоставления с сохранившимися текстами чингисидских актов других регионов. Так что время, отданное на изучение ярлыков венецианской коллекции, не было потрачено впустую. Получив в свои руки солидный новый материал для изучения и сопоставления, мы пришли к ряду заключений, которые идут вразрез с прежними выводами и предположениями.

Теперь мы можем более аргументированно и правильно судить о форме и интерпретировать содержание документов русского собрания, как уже исследованных, так и еще не рассмотренных. Объектом настоящей главы является реконструкция содержания ярлыка Бердибека от 1357 г.

Приступая к исследованию, следует уточнить, какой именно текст русского перевода ярлыка Бердибека берется за его основу. В свое время А. А. Зимин пришел к выводу, что древнейшим из 12 сохранившихся списков русского собрания ярлыков является Троицкий I список середины XV в. На основе этого списка А. А. Зимин в 1955 г. издал критический текст всего русского собрания[2]. Прошли годы, и А. И. Плигузов, проведя более тщательный палеографический анализ всех списков собрания, определил, что самым старым из них является тот, который А. А. Зимин обозначил Троицким II. А. И. Плигузов датировал его второй половиной 60-х годов XV в. и в 1987 г. издал с указанием разночтений по другим спискам только там, «где это необходимо для понимания текста»[3]. Последние слова публикатора, взятые здесь в кавычки, настораживают. О каком «понимании текста» может идти речь, когда перед нами старинные русские переводы восточных текстов, выполненные «слово за слово» и, не исключено, без достаточного понимания? Кроме того, уже во время сложения собрания, которое имело место в 40-е годы XV в.[4], составлявшие его разнородные переводы были унифицированы, политически заострены за счет многочисленных инородных вставок и адаптированы для понимания русского читателя XV в.

Для реконструкции содержания оригинальных текстов ярлыков, лежавших в основе их русских переводов, требуется весь спектр разночтений буквально каждого слова русского собрания по всем сохранившимся спискам. За неимением под рукой этих списков следует одновременно пользоваться изданиями А. А. Зимина и

А. И. Плигузова, не принимая, конечно, во внимание «современную» пунктуацию обоих изданий, которая зачастую только искажает смысл сказанного в источнике. В основе нашего исследования лежат русские тексты ярлыка Бердибека, помещенные в обоих названных изданиях[5]. В случаях разночтений предпочтение отдается тому тексту, который точнее отражает содержание восточного оригинала ярлыка.

Причины, вызвавшие к жизни ярлык Бердибека митрополиту Алексию, в общих чертах известны. Создатель Монгольский империи Чингис-хан уже в начале XIII в. санкционировал запись свода законов, известного под названием Великая яса, который лег в основу законодательства его страны и всех последующих государственных образований — улусов, возникших на территории империи и в сопредельных землях, управлявшихся потомками Чингис-хана. В Ясе было юридически закреплено отношение чингисидов к служителям церкви всех народов независимо от их вероисповедания и их собственности. Предписывалось воздержание от разграбления и разрушения церковных зданий и иного имущества, запрещалось применение силы по отношению к служителям церкви, которые к тому же освобождались от уплаты всякого рода налогов и сборов. Улус старшего сына Чингис-хана Джучи в границах той территории, которая закрепилась за ним после завоеваний Бату (Батыя), старшего сына Джучи, в научной литературе получил название Золотая Орда. В результате завоеваний Бату княжества Северо-Восточной Руси в полном составе были включены в число земель, юридически подведомственных ордынским ханам. Этот неоспоримый факт нашел многократное подтверждение в русских летописях. Отсюда следует, что на земли Владимирского великого княжества в полной мере распространились установления Великой ясы.

После того как в 1249 г. Александр Невский получил от великого хана ярлык на Киев и «всю Русьскую землю», а в 1252 г. по ханскому ярлыку сделался великим князем владимирским (1252–1263), он привлек на свою сторону митрополита киевского и всея Руси Кирилла. Последний навсегда связал свою деятельность с интересами великих князей владимирских[6]. За Кириллом пошли и все другие русские митрополиты, которые, сохраняя титул митрополитов киевских и всея Руси, фактически являлись митрополитами владимирскими. Таким образом, и вся русская православная церковь

получила право пользоваться покровительством ордынских ханов. В условиях ордынского покровительства церковь стремилась упрочить свое материальное положение. Ханские ярлыки русским митрополитам явились юридической базой для налаживания церковно-ордынских связей[7], а в будущем — юридическим обоснованием в борьбе церкви со светской властью за налоговый иммунитет и неотчуждаемость земельных владений.

Сказанное выше в полной мере относится и к причинам появления ярлыка Бердибека митрополиту Алексию. Конкретные обстоятельства, которые сопровождали это появление, нуждаются в специальном рассмотрении.

Экономические и политические процессы, происходившие в Золотой Орде в середине 50-х годов XIV в., поставили государство, управлявшееся потомками рода Бату, на грань распада. Джанибек (1342–1357), пытавшийся предотвратить катастрофу за счет территориальных захватов в Иранском Азербайджане, в 1357 г. пал жертвой заговора и дворцового переворота. На его место, в обход чингисидского закона о престолонаследии, ордынские племенные вожди выдвинули не старшего в роде, занимавшего при Джанибеке пост первого наследника престола Кулпу, а сына Джанибека Бердибека (1357–1359). Более подробное изложение этих событий уже опубликовано[8].

Ярлык Бердибека был адресован русскому митрополиту Алексию (1354–1378). Значение церковной и государственной деятельности Алексия для истории России неоднократно фиксировалось русскими учеными. В XX в. его выдающуюся роль в названных сферах отмечали В. О. Ключевский, А. Е. Пресняков, С. В. Бахрушин, М. Н. Тихомиров, Д. С. Лихачев, Л. В. Черепнин, А. С. Хорошев[9]. Однако до сих пор нет работ, в которых многогранная деятельность Алексия скрупулезно исследована на материале всей совокупности сохранившихся письменных источников. Долгая жизнь Алексия (ок. 1293 — 12 февраля 1378 г.) пришлась на годы становления, роста и усиления могущества Московского княжества, вначале входившего в состав великого княжества Владимирского, а в 1362 г. вобравшего в себя территорию последнего [10]. На глазах Алексия разворачивалась деятельность трех его предшественников, возглавлявших русскую митрополичью кафедру, Максима (1283–1305), Петра (1308–1326), Феогноста (1328–1353)[11].

Принято считать, согласно с летописной версией[12], что воспри-

емником (крестным отцом) Алексия (крещальное имя которого было Симеон) являлся сын первого московского князя Даниила Александровича (ок. 1277–1303) Иван (будущий Калита). Такое представление никак не согласуется с хронологией. Даниил родился в 1261 г. Так что к 1293 г. его четвертому сыну Ивану было едва ли больше 2–3 лет. Скорее всего, сам Даниил дружил с семьей московского боярина Федора Бяконта, у которого, как и у князя, было 5 сыновей. Когда родился будущий митрополит, его восприемником стал Даниил. Иван Данилович позднее подружился с почти равным ему по возрасту Симеоном (Алексий — его монашеское имя). Эта дружба, подкрепленная выдающимися личными качествами Алексия, продолжалась до кончины Ивана Калиты. Можно предположить, что Алексий был восприемником старшего сына Калиты Семена (Симеона, род. 7 сентября 1317 г.), которому будущий митрополит передал и свое крещальное имя.

В 1299 г. Алексий был еще слишком мал, чтобы оценить значение переезда митрополита Максима и его двора из Киева во Владимир. Когда же летом 1308 г. константинопольский патриарх рукоположил в митрополиты всея Руси уроженца Волыни Петра и тот, придя на Русь, был неосмотрительно оттолкнут представителем тверского княжеского дома великим князем владимирским Михаилом Ярославичем (1305–1317), Алексий, уже 15-летний юноша, вместе с московским князем Юрием Даниловичем (1303–1325) и своим приятелем княжичем Иваном встретил нового митрополита в Москве. Петр стал первым московским епископом и практически перенес митрополичью кафедру из Владимира в Москву, сделав последнюю местом своего постоянного проживания. Вот тогда у Алексия и зародилась мысль о принятии монашества, которую он осуществил через 5 лет, приняв пострижение в московском Богоявленском монастыре, основанном еще в конце XIII в. князем Даниилом. Естественно, этот акт не мог осуществиться без согласия на то князя Юрия и его младшего брата Ивана.

Острая борьба за обладание великокняжеским престолом между князьями московского и тверского домов привела к тому, что Юрий Данилович получил летом 1317 г. ярлык ордынского хана Узбека (1313–1341) на великое княжение владимирское. В качестве «козырной карты» Юрий использовал женитьбу на сестре Узбека (возможно, двоюродной) по имени Кончак (Кунчек, по крещении Агафья), но смог продержаться на владимирском престоле только

до осени 1322 г., уступив место князьям тверского дома Дмитрию (1322–1326) и Александру (1326–1327) Михайловичам.

После смерти в Орде Юрия (21 ноября 1325 г.) князем московским стал Иван Данилович Калита (1325–1340), продолживший политику брата по собиранию русских земель вокруг Москвы и закреплению великокняжеского трона за представителями московского княжеского дома. В ночь с 20 на 21 декабря 1326 г. умер митрополит Петр. Он был похоронен в Москве, а в 1327 г. канонизирован как святой на Владимирском соборе, где ростовский епископ Прохор прочел записанные по инициативе Калиты посмертные чудеса Петра. Так появился первый московский святой, почитавшийся небесным покровителем города. Несомненно, что советником Калиты по церковным делам выступал Алексий, продолжавший жить при Богоявленском монастыре.

Здесь уместно вспомнить, что, когда Иван Калита возобладал над князьями тверского дома и в 1328 г. получил от Узбека ярлык на великое княжение, ордынский хан, продолжая вечную как мир политику «разделяй и властвуй», расчленил территорию Владимирского великого княжества. Московскому князю он выделил Кострому и стол Новгорода Великого, а Владимир и Поволжье — суздальскому князю Александру Васильевичу. Такое разделение продолжалось на протяжении 2,5 лет. Оно прекратилось со смертью Александра Васильевича в 1331 г. После этого события Калите удалось добиться согласия Узбека на воссоединение территории великого княжества Владимирского[13]. Не исключено, что в дипломатических переговорах в Орде свою роль сыграл давний приятель и советник великого князя Алексий.

Перед смертью митрополит Петр, видимо в согласии с Калитой, намечал в качестве своего преемника московского архимандрита Феодора. Когда же в 1328 г. константинопольский патриарх рукоположил в митрополиты всея Руси грека Феогноста, Калита, ставший в том же году великим князем владимирским, но продолжавший жить в Москве, смирился с реальностью и гостеприимно встретил нового митрополита в Москве. Феогност поселился во дворе своего предшественника Петра, и Москва фактически стала светской и церковной столицей Северо-Восточной Руси. Митрополит во всем следовал в фарватере политики Калиты. Около 1333 г. был напрямую привлечен к делу управления русской церковью и 40-летний Алексий. Он переселился в официальную митрополичью

резиденцию — г. Владимир. После смерти Ивана Калиты (31 марта 1340 г.) и после того, как новый московский князь, крестник Алексия Семен Гордый (1340–1354), получил от Узбека ярлык на великое княжение и торжественно воссел на престол во Владимире (1 октября 1340 г.), Алексий был объявлен наместником митрополита во Владимире и намечен наследником Феогноста. 6 декабря 1352 г. митрополит возвел Алексия в сан епископа г. Владимира, учредив специально для этого владимирскую епископию. В начале 1353 г. Семен Гордый и Феогност (уже 2 года как больной) направили в Константинополь к патриарху посольство с прошением рукоположить следующим русским митрополитом Алексия.

Весна 1353 г. в Московском княжестве началась со вспышки чумы, унесшей множество человеческих жизней. Невиданно большой урон эпидемия нанесла во властных структурах. 11 марта в Москве скончался и был погребен митрополит Феогност. В одну неделю с митрополитом умерли двое малолетних сыновей Семена Гордого Иван и Семен. 26 апреля скончался и был похоронен в Москве сам великий князь. Все заботы по отпеванию и погребению умерших легли на плечи владимирского епископа, наследника Феогноста Алексия. По завещанию Семена Гордого Алексий был оставлен советником братьев великого князя Ивана и Андрея. Уже 6 июня Андрей скончался. Прошли еще две недели, и 22 июня на южные рубежи Московского княжества совершил вооруженный набег рязанский великий князь Олег Иванович. Он захватил московскую волость Лопасню, пленил и увез в Рязань ее наместника. В то время новый московский князь Иван Иванович Красный (1353–1359), отец 3-летнего Дмитрия (будущего Донского), ничем не смог ответить на рязанский набег. На сорочины со дня смерти Андрея, 15 июля, у его супруги родился сын, получивший при крещении имя Владимир. Венчало события лета 1353 г. возвращение в Москву посольства, отправленного в Византию еще покойным князем и митрополитом. В привезенных послами императорских и патриарших грамотах содержалось приглашение Алексия в Константинополь на поставление в митрополиты всея Руси[14].

Алексий отправился в Византию, и патриарх рукоположил его в митрополиты. Затем последовал виток событий, вызвавших необходимость повторного путешествия Алексия в Константинополь, где он вновь был утвержден в сане русского митрополита уже другим патриархом. После этого в Орде сменился хан, и Алексий, пови-

нуясь давнишней традиции, прошел все этапы церемонии выдачи ему ханской грамоты, в которой за русской церковью закреплялись ее обязанности и привилегии. Это и был интересующий нас ярлык Бердибека.

Последовательность событий, имевших место от лета 1353 г. до осени 1357 г., их хронология и осмысление представляют для исследователя целый ряд трудностей. Многие из вопросов до сих пор не нашли удовлетворительного решения. В частности, хронология двух поездок Алексия в Константинополь представляется и обосновывается учеными по-разному. П. П. Соколов, например, считал, что Алексий в первый раз отправился в Византию весной 1353 г., прибыл в Константинополь в июле–августе 1353 г., поставлен в митрополиты 30 июня 1354 г., выехал из Константинополя в Киев осенью 1354 г., обозревал епархии Малой Руси весной 1355 г., вернулся во Владимир летом 1355 г. Во второй раз Алексий выехал в Константинополь не ранее сентября 1356 г., а домой вернулся зимой 1356/57 г.[15] Последний по времени исследователь тех же событий Г. М. Прохоров полагает, что Алексий в первый раз поехал в Византию зимой 1353/54 г., поставлен в митрополиты 30 июня 1354 г., вернулся на Русь осенью 1354 г. Свое второе путешествие в Константинополь Алексий предпринял осенью 1355 г. Его возвращение из Византии датируется той же осенью[16]. Предлагаем свое понимание тех же событий.

Немедленно отправиться в Византию летом 1353 г. Алексий не имел возможности по соображениям как материальным, так и политическим. Его первоочередным делом являлось содействие в получении ханского ярлыка на великое княжение для Ивана Красного. Скорее всего, Алексию уже приходилось помогать в подобных делах отцу и старшему брату нового претендента на престол во Владимире. Алексий являлся нареченным русским митрополитом, и в этом качестве он мог претендовать на получение ханской жалованной грамоты — ярлыка для русской церкви. Такой ярлык вместе с золотой пайцзой, его удостоверявшей, уже выдавался Джанибеком митрополиту Феогносту в 1342 г.[17] Надо полагать, что текст ярлыка теперь, после смерти Феогноста, требовалось переписать на имя Алексия, с сохранением за последним права на уже имевшуюся пайцзу Джанибека, на которой имя получателя не было обозначено. Все это Алексий прекрасно понимал. Подлинный текст ярлыка на имя Феогноста и пайцза Джанибека, хранившиеся до

того в митрополичьей ризнице во Владимире, находились теперь на руках у Алексия. Он рассчитывал переоформить ярлык на свое имя, а после этого ходатайствовать о получении в ханской ставке специальной грамоты для проезда через ордынские владения в Константинополь.

Выполнение главной задачи сразу же столкнулось с серьезными трудностями. Дело в том, что после смерти Ивана Калиты в Северо-Восточной Руси, при активном содействии Орды, возникло новое государственное образование с обширной территорией, сложившейся из земель бывшего Суздальского и бывшего Нижегородского (ранее — Городецкого) княжеств, столицей которого стал Нижний Новгород. Ханский ярлык на Нижегородское княжество в 1341 г. получил суздальский князь Константин Васильевич, являвшийся младшим братом упомянутого выше соперника Ивана Калиты Александра Васильевича. После кончины Семена Гордого Константин Васильевич предъявил свои притязания на владимирский престол[18]. Осенью 1353 г. все русские князья, а с ними Иван Красный с Алексием собрались в ставке Джанибека, которая тогда размещалась в Гюлистане, находившемся в районе Булгара. Длительная тяжба за владимирское великое княжение разрешилась в пользу Ивана Красного. Нижегородский князь вернулся в свои владения и в 1355 г. умер.[19]

В первых числах января 1354 г. Иван Красный покинул ханскую ставку. Видимо, он торопился закрепиться во Владимире. Не исключено, что для ускорения оформления ярлыка на имя нового русского митрополита потребовались дополнительные денежные средства, которые великий князь рассчитывал получить на родине. Алексий задержался в Гюлистане еще минимум на 1,5 месяца. Основную массу «подарков» за новый ярлык получили Джанибек и его приближенные. Ханша-мать Тайдула, которая еще в 1351 г. «подтвердила» за соответствующую мзду ярлык Джанибека Феогносту[20], в 1354 г. ублаготворила себя за счет платы за оформление проезжей грамоты, которую Алексий испрашивал для поездки в Константинополь. Тайдула выдала ее от своего имени 10 февраля 1354 г.[21] После этого Алексий отправился во Владимир, где 25 марта того же года принял вместе с послами от Джанибека обязательное участие в торжественной церемонии посажения на великокняжеский престол Ивана Красного[22].

Утвердившись на престоле, великий князь помог Алексию сна-

рядить экспедицию в Константинополь. Надо полагать, что маршруты традиционных хождений русских митрополитов на патриаршие утверждения в Византию к тому времени были уже детально отработаны. Важнейшими из них являлись два пути: один — через старинную митрополичью резиденцию Киев, другой — через Орду. Первый маршрут для Алексия оказался закрытым в связи с тем, что в Киеве тогда уже обосновался при поддержке великого князя литовского Ольгерда (1345–1377) некий монах Феодорит, которого посвятил в сан митрополита киевского и всея Руси болгарский патриарх в Тырново. Из Константинополя против Феодорита рассылались отлучительные грамоты. Ольгерд был объявлен гонителем православия. Однако реальная власть в Киеве продолжала оставаться в руках литовского князя[23], так что весной 1354 г. Алексию предстояло добираться до резиденции константинопольского патриарха через Орду.

Сохранилось подневное описание маршрута хождения в Царьград (Константинополь) митрополита Пимена, предпринятого им в 1389 г. Митрополит и его спутники отправились 13 апреля из Москвы и дошли до Коломны. Оттуда они спустились на судах по Оке до Переяславля Рязанского (Рязань). 25 апреля путешественники покинули Рязань и волочили свои ладьи до верховьев Дона. 29 апреля они спустили суда в Дон и плыли на юг до впадения в него Тихой Сосны, куда прибыли 9 мая. С того участка русло Дона поворачивает на юг и юго-запад. Начались земли, где размещались улусы ордынских племенных вождей. Они тянулись по обоим берегам Дона вплоть до его устья, где находился ордынский город Азак (Азов). До него путники доплыли к 30 мая. Затем экспедиция погрузилась на морские суда, прошла через Азовское море, Керченский пролив и 2 июня вышла в Черное море. Проплыв вдоль южного берега Крымского полуострова, минуя Кафу (Феодосия) и Сурож (Судак), корабли взяли курс на юг и 10 июня бросили якорь на северном побережье полуострова Малая Азия, в гавани Синопа. Затем путешественники плыли вдоль берега на запад, делая остановки 12 июня — в Амасре, 15–24 июня — в Ираклии (Эрегли), 26 июня — в устье реки Сакарья. После этого экспедиции оставалось проделать морской путь до пролива Босфор и далее до Константинополя, за крепостные ворота которого митрополит и его спутники ступили 29 июня 1389 г. На все «хождение» потребовалось 2,5 месяца[24].

Описанный маршрут путешествия в Константинополь Пимена как нельзя лучше подходил и для Алексия. С патриаршим утверждением в сане митрополита Алексию нужно было поспешить. Откуда бы ни отправлялся в Византию претендент весной 1354 г. — из Владимира или из Москвы, — водный путь в тогдашнее бездорожье имел массу преимуществ. К тому же он был и самым коротким. Проблема заключалась в том, что отрезок этого пути от Коломны до Рязани по Оке и значительное его пространство от верховьев Дона и далее на юг приходились на территорию Рязанского великого княжества. Иван Красный еще не забыл прошлогодний набег Олега Рязанского на московскую волость Лопасню. Понадобилось дипломатическое искусство Алексия, чтобы примирить обе враждующие стороны и обеспечить митрополичьему каравану беспрепятственный проезд по землям Рязанского княжества.

Между рязанской и сарайской епископиями существовала многолетняя тяжба за руководство церковными приходами Червленого Яра. Так назывались обширные земли, простиравшиеся в левобережье Дона с запада на восток от реки Воронеж до притока Хопра реки Великая Ворона. Суть вопроса для владык обеих епархий заключалась в том, в чью пользу будет собираться с христианского населения края церковная десятина. Проблему Червленого Яра пытались разрешить митрополиты Максим, Петр и Феогност. Обычно они решали ее в пользу рязанского епископа, но всегда находились силы, приводившие к тому, что население спорных земель вновь оказывалось под управлением сарайского епископа. Алексий как нареченный митрополит всея Руси обещал, что после его утверждения в Константинополе вопрос окончательно будет решен в пользу рязанской епархии. Как показали дальнейшие события, свое слово Алексий сдержал[25].

Обеспечив содействие рязанского князя в речном путешествии по Оке и Дону, имея при этом на руках проезжую грамоту Тайдулы в качестве пропуска через ордынские владения, Алексий и его спутники смогли выехать из Владимира или Москвы в начале апреля 1354 г. Следовательно, до Константинополя митрополичья миссия добралась не ранее середины июня того же года. Там произошла встреча московской депутации с византийским императором Иоанном VI Кантакузином (1347–1354) и патриархом Филофеем (1353–1354). Уже 30 июня 1354 г. патриарх утвердил Алексия в сане митрополита всея Руси, а в начале июля того же года при-

нял решение об официальном переносе митрополичьей кафедры из Киева во Владимир с сохранением за митрополитом звания «киевского».

Исследователи описываемых событий не сомневались в том, что от прибытия Алексия в столицу Византии до церемонии его посвящения в митрополиты прошел почти год[26]. Это убеждение основано на словах Филофея, зафиксированных в его «настольной грамоте» от 30 июня 1354 г., где патриарх говорит о том, что со времени получения первых известий о русском кандидате в митрополиты до акта его посвящения прошел почти целый год[27]. Сам Филофей стал патриархом в конце 1353 г. Так что именно срок собственного патриаршества он имел в виду, говоря в конце июня 1354 г. о времени тщательного испытания достоинств русского кандидата. По прибытии в Константинополь Алексий был посвящен в митрополиты в рекордно короткий срок. После этого он тут же добился от патриарха признания за Владимиром статуса митрополичьей резиденции, не утратив при этом права величать себя «киевским».

Такая быстрота в деле посвящения и принятия перечисленных формальных моментов объяснялась враждебным отношением со стороны императора и патриарха к Болгарии и Литве и опасениями со стороны Алексия потерять Киев, ибо там все более утверждалась власть «схизматика» Феодорита. Алексий стремился незамедлительно покинуть Константинополь, формально отметить в Киеве акт своего посажения и вернуться в Москву. Для содействия в исполнении задуманного Алексий добился включения в свою свиту личного представителя и доверенного лица патриарха Георгия Пердики[28]. Кроме помощи русскому митрополиту в деле его посажения в Киеве патриарх возложил на Пердику еще одно поручение, которое представлялось Алексию чрезвычайно важным. Патриаршему посланцу вменили в обязанность привести к покорности новому митрополиту архиепископа Великого Новгорода Моисея. Дело в том, что Моисей интриговал против Алексия еще задолго до прибытия того в Константинополь. Новгородский владыка добился получения от византийского императора хрисовула, который выводил церковь Новгородской земли из подчинения русскому митрополиту. Для нейтрализации действия императорского хрисовула патриарх написал в июле 1354 г. две грамоты, в которых призывал Моисея вернуться в подчинение Алексию. Они были вручены Пердике для

передачи новгородскому архиепископу. Пердика успешно справился и с этим поручением[29].

По-видимому, в конце лета 1354 г. Алексий и его свита покинули Константинополь и направились в Киев. К тому времени в великом княжестве Литовском и зависимых от него землях произошли события, о которых ни в Византии, ни в стане Алексия еще ничего не знали. К лету 1354 г. Феодорит сошел с политической сцены. Ольгерд выдвинул нового кандидата в митрополиты в лице Романа. Последний был родственником тверской княжны Ульяны Александровны, еще в 1349 г. ставшей женой Ольгерда[30]. Роман отправился на посвящение в Константинополь, куда прибыл осенью 1354 г., разминувшись в пути с Алексием. Приезд Романа в Византию совпал по времени с резким обострением борьбы между одновременно правившими императорами Иоанном V Палеологом (1341–1391) и Иоанном VI Кантакузином. В ноябре того же года окончательно победил Иоанн V. Кантакузин отрекся от престола и стал монахом[31]. Патриарх Филофей вынужден был удалиться на Афон. Сразу после смены светской и церковной властей в Константинополе последовало примирение между Византией, Болгарией и Литвой. Вернувшийся весной 1355 г. в свою резиденцию патриарх Каллист (1350–1353, 1355–1363) летом 1355 г. посвятил Романа в сан митрополита киевского и всея Руси. К осени Роман возвратился из Византии и обосновался в Киеве. Русская церковь оказалась расколотой надвое.

Раскол русской церкви в 1355 г. не был случайным явлением. В его основе лежало политическое противостояние двух центров консолидации этнически однородных территорий. Эта консолидация являлась закономерным явлением в историческом развитии всей Европы того времени. На примере исторических судеб русских земель в XIV в. она ярче всего проявлялась в развитии параллельно существовавших феодальных государств — великих княжеств, одно из которых называлось Владимирским, а полным названием второго было «Литовское и Русское». Оба государства активно боролись за древнерусское наследство, за восстановление общерусского единства. Названная тенденция в обоих великих княжествах причудливо переплеталась с тенденцией становления многонационального государства[32]. Тенденция восстановления общерусского единства естественно влекла за собой борьбу за перетягивание на свою сторону русской православной церкви как в великом княже-

стве Владимирском, так и в великом княжестве Литовском и Русском.

Помимо фронтального наступления на земли великого княжества Владимирского, управление которым в середине XIV в. находилось в руках представителей московского княжеского дома, литовский великий князь Ольгерд действовал и обходным путем, пытаясь ослабить московских князей за счет поддержки русских претендентов на владимирский престол, главными из которых являлись князья тверские и нижегородские. В 1346–1365 гг. в Твери правил с перерывами Василий Михайлович, который придерживался в целом промосковской ориентации. Однако все годы его княжения были заполнены ожесточенной борьбой за власть с сыновьями его покойного брата Александра. Старшему из них, Всеволоду, удалось в 1348–1349 гг. согнать дядю с тверского престола, а затем, пользуясь поддержкой из Литвы, до 1360 г. держать Василия в постоянном напряжении и вооруженном противостоянии. Затем борьбу с Василием возглавил брат Всеволода Михаил, овладевший тверским престолом в конце 1365 г.[33]

В 1354 г. основная опасность для сидевшего на владимирском престоле Ивана Красного исходила от нижегородского князя Константина, который еще в октябре 1352 г. породнился с Ольгердом, женив своего сына Бориса на Огрофене — дочери литовского князя. 21 ноября 1355 г. Константин скончался. В начале 1356 г. его сын Андрей получил ярлык Джанибека на Нижегородское княжество. Поддерживаемое Ольгердом московско-нижегородское противостояние продолжалось. Прошло несколько лет, и в 1360 г. (после смерти Ивана Красного) другому сыну Константина, Дмитрию-Фоме, на короткое время удалось овладеть владимирским престолом[34].

Приехав из Константинополя в Киев осенью 1354 г., митрополит Алексий на месте оценил сложившуюся в регионе политическую ситуацию. Ввиду реальной угрозы захвата Киева Ольгердом он вынужден был поспешить в Москву, куда и прибыл в самом конце 1354 г. Там он узнал, что в его отсутствие город пострадал от сильнейшего пожара. Выгорел весь центр Москвы, огонь уничтожил 13 церквей. Все это нужно было спешно отстраивать. Восстановительные работы продолжались как минимум до осени 1355 г. К тому времени другой митрополит киевский и всея Руси, Роман, при поддержке Ольгерда обосновался в Киеве. Тогда же в Москве стало известно о смерти в Ростове епископа Ивана. На его место

Алексий поставил Игнатия. Не забыл митрополит и свое обещание помощи рязанской епархии. В Рязань он поставил епископа Василия, подчинив ему и территорию Червленого Яра. Для того чтобы поставить своеобразный идеологический заслон от Романа Владимирскому великому княжеству с запада, зимой 1355/56 г. Алексий назначил от своего имени в смоленскую епархию нового епископа Феофилактия[35].

Роман обратился к патриарху Каллисту с жалобой на самоуправство Алексия. Из Константинополя в Москву Алексию пришел вызов на патриарший суд. Обстановка внутри Владимирского княжества и на его границах была тревожной и неустойчивой. В феврале 1356 г. в Москве вскрылся конфликт Ивана Красного с боярством. При загадочных обстоятельствах был убит московский тысяцкий. После этого некоторые крупные московские бояре с женами и детьми «отъехали» по последнему санному пути на Рязань. Осенью Ольгерд открыл военные действия против Брянска и Смоленска. Ордынский хан Джанибек с весны до осени был занят войной в Иране. Алексий предпринял попытку разрешить ключевые проблемы взаимоотношений между Владимирским и Литовским великими княжествами в Константинополе. На руках у него оставалась проезжая грамота Тайдулы, выданная еще в феврале 1354 г. Алексий не преминул воспользоваться этим пропуском через ордынские владения.

Осенью 1356 г. он прибыл в Константинополь. Роман находился там еще с лета. В патриаршей резиденции «межи ихъ бысть споръ великъ и Грьцемь отъ нихъ дары великы»[36]. В результате на заседании синода Каллист выделил Роману литовские (полоцкую и туровскую) и малорусские епископии, а также Новогрудок. Киев формально остался во власти Алексия как митрополита «всея Руси». Такое решение, ограничивавшее права Романа в пользу Алексия, не устраивало литовского ставленника. Заранее зная решение синода, Роман на его заседание не явился и тайком уехал домой. «Поступая таким образом, он делал приговор относительно себя заочным и таким путем оставлял за собой возможность всегда потребовать пересмотра его»[37]. Алексий же на обратном пути едва не погиб, пересекая бушующее осенними штормами Черное море. Затем он прошел ордынские земли, где в Сарае уже тайно страдал от душевной болезни Джанибек, и к началу зимы 1356 г. прибыл в Москву.

Первую половину 1357 г. 64-летний Алексий провел в Москве, приходя в себя после во всех отношениях изнурительной поездки в Константинополь и разделяя все растущие опасения великого князя за свои западные и юго-западные границы, к которым вплотную подступил Ольгерд. В то же время ханша-мать Тайдула в Сарае терзалась тревогой за судьбу своего державного сына Джанибека. Болезнь его не отступала, и когда уже были перепробованы все доступные средства лечения, Тайдула в расчете на чудо решила обратиться за помощью к русскому митрополиту. Видимо, в начале лета 1357 г. она отправила в Москву своего посла. Открыто поведать о болезни Джанибека, информация о которой составляла государственную тайну, Тайдула не имела права. Поэтому официальным мотивом приглашения Алексия в Орду было объявлено «нездравие» самой ханши. Скорее всего, не успел еще посол Тайдулы добраться до Москвы, как в Сарае случился государственный переворот. 22 июля 1357 г. сын Джанибека Бердибек, примкнувший к заговору ордынских князей, возглавляемых Тоглубаем, убил отца и многих кровных родственников[38]. Русский летописец заметил по этому поводу: «Сеже есть братью и отца оубивыи и оубиты и оубивыи оба»[39], т. е. обвинение в убийстве отца и братьев можно было с равным основанием предъявить и Бердибеку, и Джанибеку. Так приоткрывается тайна смерти отца Джанибека Узбека.

Убийство Джанибека и воцарение Бердибека открыли в орде эпоху смут и калейдоскопической смены ханов 60–70-х годов XIV в.[40] Пока еще ничего не ведая о смерти Джанибека, Алексий получил приглашение Тайдулы, быстро собрался и выехал из Москвы в Орду 18 августа 1357 г.[41] Вряд ли стоит сомневаться, что о дворцовом перевороте в Сарае митрополит узнал еще в пути. При обычных условиях путешествие от Москвы до Сарая заняло бы не меньше месяца. При сложившихся обстоятельствах разноречивые слухи, поток которых по мере приближения каравана к цели непрерывно нарастал, заставляли путников часто и надолго останавливаться и совещаться. Так что до места назначения Алексий и его люди, сопровождаемые ордынцами из посольства Тайдулы, добрались не ранее октября 1357 г.

Возможно, новый хан Бердибек чувствовал себя в старой ордынской столице не вполне уверенно. Со времени переворота прошло уже около трех месяцев, а расходившиеся кругами волны сопротивления узурпатору все еще нарастали. Избежавшие смерти кров-

ные родственники Бердибека собирали силы, поодиночке готовясь захватить власть в Азове (Кулпа), Новом Сарае (Навруз), Гюлистане (Хызр)[42]. Бердибек доверял далеко не всем родовым князьям из своего сарайского окружения. Можно предположить, что с наиболее преданными ему людьми, еще недавно составлявшими костяк заговорщиков против Джанибека, Бердибек отошел к югу от Сарая и обустроил военный лагерь. Укрывшись там, он ждал подкреплений для последующего распространения своей власти на всю территорию Золотой Орды. Самую мощную материальную и военную поддержку Бердибек все годы своего правления получал от князей рода кунграт, база которых располагалась на востоке страны — в Хорезме.

Появление вблизи лагеря Бердибека митрополичьего каравана было благожелательно встречено ханом и его окружением. Правда, скоро выяснилось, что рассчитывать на немедленное получение от русского митрополита сколько-нибудь значительных «подарков» не приходится, ибо не за тем он сюда прибыл. Видимо, Алексию удалось заручиться поддержкой Тайдулы и реализовать весь свой дипломатический дар. Конечно, у нового хана все равно нужно было выкупить ярлык и пайцзу, которые гарантировали русской церкви традиционные привилегии. Часть денег можно было занять у купцов в Сарае, воспользовавшись содействием епископа Иоанна, недавно поставленного Алексием в сарайскую епархию. Недостающую сумму следовало пообещать вернуть через делегацию владимирского великого князя Ивана Красного, который, как и все другие русские князья, неизбежно должен был в скором времени явиться в ханскую ставку для получения ярлыка на великое княжение. Одним словом, Алексий у Бердибека не задержался, что отмечают все русские летописи[43]. 21 ноября 1357 г. он получил ярлык и пайцзу и благополучно вернулся домой. Не исключено, что в качестве сопровождения митрополичьего каравана на Русь пришел и ханский посол Иткара «по запрос», т. е. с требованием чрезвычайных сборов со всех русских князей[44].

Теперь требуется реконструировать содержание изначального текста ярлыка Бердибека от 1357 г., созданного в той его языковой и графической форме, которую еще предстоит определить. Для достижения поставленной цели используем проверенную методику, т. е. расчленяем текст ярлыка, руководствуясь содержанием его перевода, на отдельные статьи. Структурный, т. е. формулярный, ана-

лиз четырех ордынских ярлыков, выданных венецианским купцам Азова, выявил пять статей: *обращение, объявление о пожаловании, условия пожалования, предостережение, удостоверение.* Все они имеют место и в подлежащем анализу тексте ярлыка Бердибека.

Статья *обращение:* «Бесмертнаго бога силою и величьством из дед и прадед Бердибеково слово татарьским улусным и ратным князем Муалбугиною мыслию волостным самим дорогам и князем и писцем и таможником побережником и мимохожим послом и соколником и пардусником и бураложником и заставщиком и лодеищиком или кто на каково дело не пойдеть многим людем и ко всем».

Сравнение критического текста статьи в публикации А. А. Зимина с публикацией древнейшего списка ярлыка, осуществленной А. И. Плигузовым, выявляет лишь отдельные буквенные разночтения[45]. Отметим, что имя Муалбуга в тексте А. А. Зимина передано в тексте А. И. Плигузова в явно искаженной форме Муалгоуга.

Статья *обращение* в ярлыке состоит из двух оборотов — мотивированный указ и адресат. Воспроизведя эти строки, находящиеся в фарватере уже хорошо налаженного пути реконструкции содержания ордынских ярлыков, их автор вдруг вспомнил нечто, обнаруженное при реконструкции содержания ярлыка Джанибека от 1347 г. Там при анализе текста второго оборота первой статьи итальянского перевода ярлыка выяснилось, что в переводе содержалось выражение, которое можно было передать словами «возвещающее повеление». Это обстоятельство открывало возможность по-новому решить вопрос об изначальном языке, на котором были созданы ярлыки Узбека от 1332 г. и Джанибека от 1342 и 1347 гг. Они были написаны по-монгольски буквами уйгурского алфавита[46]. В то время констатацией означенного факта исследователи и ограничились, забыв, что в монгольских текстах ярлыков, в отличие от более древних тюркских формуляров, полагалось разделять единую статью *обращение* на две самостоятельные статьи. Прежде мы называли их «*мотивировочными*» и «*содержащими обращение*»[47]. Теперь назовем их короче «*мотивировка*» и «*обращение*».

В монгольских текстах статьи *мотивировка* содержалось указание на то, что устное распоряжение великого хана, его повеление-ярлык, подкрепляется силой предвечного бога и покровительством обожествленного предка монгольских великих ханов, велико-

го гения-хранителя, т. е. Чингис-хана. В текстах статьи *обращение* устное повеление предыдущей статьи рассматривалось уже как зафиксированное на письме, но под тем же названием «ярлык». Это повеление было обращено к перечисляемым в статье лицам, от которых в той или иной степени зависело точное исполнение условий пожалования данного ярлыка.

Формуляры дошедших до наших дней монгольских текстов ярлыков великих ханов империи Юань в деталях отличались от формуляров монгольских текстов ярлыков золотоордынских ханов, ибо последние начиная со времени правления Менгу-Тимура (1267–1280), присвоив себе прерогативы великих ханов[48], в своих письменных документах сохранили некоторые особенности, присущие актам только улусных ханов. Поскольку ни одного монгольского текста ордынских ярлыков не сохранилось, приходится вначале реконструировать характерные особенности их формуляров, а потом уже приступать к реконструкции содержания их переводных текстов.

В формуляре монгольских текстов ярлыков ордынских ханов больше всего повезло его первой статье — *мотивировка,* так как она сохранилась в почти дословной передаче, включенная в начертанные уйгурицей по-монгольски тексты на «золотых» пайцзах ханов Токты (1290–1312), Узбека (1313–1341) и Абдуллы (1361–1370)[49]. Поскольку пайцзы для держателей ханских ярлыков — грамотчиков выполняли роль металлических удостоверений в том, что они имеют при себе письменные документы, в которых перечисляются их привилегии, все тексты, выполненные на металлической поверхности пайцз, были единообразными. В них содержалась угроза смерти любому из ханских подданных, осмелившемуся не подчиниться ярлыку, т. е. повелению, зафиксированному в жалованной грамоте данного хана. Слово «повеление» = «ярлык» только и отличало начальные строки текста на пайцзе от точно таких же в составе статьи *мотивировка*, где на месте термина «повеление» находилось «слово наше».

Если вычленить статью *мотивировка,* какой ей надлежало быть в изначальном монгольском тексте ярлыка Бердибека от 1357 г., из русского перевода объединенной статьи *обращение,* осуществлявшегося через посредство тюркского языка, то на ее долю остаются слова: «Бесмертнаго бога силою и величьством из дед и прадед Бердибеково слово». Прежде мы не раз уже реконструировали со-

держание подобных статей. Походя сделать это сегодня уже нельзя, ибо появилась статья Т. Д. Скрынниковой, предметом исследования которой являются две из трех формул, составлявших статью *мотивировка* в монгольских ярлыках и грамотах XIII–XIV вв.:

Möngke tngri-yin küčün-dür
Yeke suu ǰali-yin ibegen-dür[50].

Т. Д. Скрынникова обращает внимание исследователей на функционально-семантическую характеристику терминов, составлявших приведенные формулы; дает их единственно верные, по ее мнению, русские переводы. Первая формула переводится: «Силой Вечного Неба». Термин «тэнгри» передается словом «Небо» с прописной буквы. Понятие «бог», считает Т. Д. Скрынникова, в данном случае неприемлемо, ибо оно персонифицировано, а «тэнгри» — нет. Понятие «небо» передавалось по-монгольски другим словом. Поэтому «тэнгри» = «Небо». Мы полагаем, что, если возникает необходимость отличить «тэнгри» от «бога» других религий, можно термин «тэнгри» оставить без перевода, как это в свое время делал Н. Н. Поппе[51]. При передаче значения слова «тэнгри» на русский язык в первой формуле статьи *мотивировка* оставляем свой прежний перевод: «Предвечного бога силою».

Вторую формулу Т. Д. Скрынникова переводит: «Покровительством великой харизмы». Она считает, что термины «суу» и «суу заль» являются синонимами[52]. Термин «суу заль» наиболее точно передается понятием «харизма»[53]. Если отдельные люди наделены просто харизмой, то хаган (правитель) — великой харизмой[54]. Здесь Т. Д. Скрынникова впадает в ошибку, которая вызвана пренебрежением к контексту рассматриваемой статьи *мотивировка*. Ключ к правильному пониманию как первой, так и второй формул находился в третьей, заключающей статью, формуле. Ее Т. Д. Скрынникова просто опустила в своем исследовании.

Третья формула статьи *мотивировка* в монгольских документах империи Юань определяла личность дарителя данного акта. Это мог быть великий хан (хаган), улусный хан или наследник престола. Только устное повеление (ярлык) великого хана подкреплялось покровительством великого «суу заль»[55]. Слово улусных ханов и наследников престола подкреплялось лишь «суу» великого хана[56]. Отсюда следует, что термины «суу заль» и «суу» не были синонимами. Если «суу» можно определить как сакраль-

ную субстанцию харизматического свойства, являвшуюся принадлежностью здравствовавшего хана, то «суу заль» имела отношение к личности обожествленного предка великих ханов, т. е. покойного Чингис-хана. Так что «суу» — это «харизма», а для «суу заль» больше подходит определение, прежде уже предлагавшееся Т. Д. Скрынниковой и безоговорочно принятое нами, — «гений-хранитель»[57] . Поэтому свой перевод второй формулы оставляем прежним: «Великого гения-хранителя покровительством». Полагаем, что старинный русский перевод этой формулы — «Величьством из дед и прадед» — по крайней мере своей углубленностью во времена ханских прародителей внутренне соответствует нашему переводу.

Третья формула статьи *мотивировка* в ярлыке Бердибека — «Бердебеково слово» — является свидетельством, подтверждающим наше допущение о некоторых отличиях в формуляре ордынских ярлыков от ярлыков великих ханов. В статье *мотивировка* это отличие заключается в том, что ордынские ханы сохранили без изменения третью формулу, характерную для улусных ханов, снабдив ее двумя рассмотренными выше формулами мотивировки великих ханов. Точный перевод третьей формулы: «Наше, Бердибека, слово». Реконструкция содержания статьи *мотивировка:* «Наше, Бердибека, слово, подкрепляемое силою предвечного бога и покровительством великого гения-хранителя». Предлагаем внести соответствующие коррективы в реконструкцию содержания статьи *мотивировка* ордынских ярлыков, изначально написанных по-монгольски.

Остается реконструировать содержание статьи *обращение*, имея в распоряжении ее старинный русский перевод, осуществленный не с оригинального монгольского текста, а через посредство его синхронного переложения на тюркский язык: «Татарьским улусным и ратным князем Муалбугиною мыслию волостным самим дорогам и князем и писцем и таможником побережником и мимохожим послом и соколником и пардусником и бураложником и заставщиком и лодеищиком или кто на каково дело ни поидеть многим людем и ко всем».

Нам уже приходилось анализировать статью *обращение* в ярлыке Бердибека от 1357 г.[58] В то время автор этих строк и не подозревал о существовании четырех текстов ярлыков Узбека, Джанибека и Бердибека, сохранившихся в латинском и итальянском перево-

дах. Теперь, когда проведена постатейная реконструкция содержания названных ярлыков, подытожим на базе новых источников наши сведения о содержании статьи *обращение* в ордынских ярлыках XIV в., ибо единственный документ XIII в. — ярлык Менгу-Тимура от 1267 г., дошел до наших дней только в русском переложении, со многими искажениями и позднейшими инородными вставками.

В правление Узбека перечень должностных лиц в статье *обращение* открывали воинские командиры во главе с беглербеком или улугбеком (приводилось его имя), на втором месте находились правители городов, третье место занимали сборщики торгового налога, на четвертом месте отмечались сборщики дорожных пошлин, пятое место отводилось государственным служащим, уполномоченным центральной властью выполнять различные поручения, всякого рода посланцам, на шестом месте стояло объединяющее всех вышеперечисленных ордынских подданных слово «все»[59].

В правление Джанибека содержание статьи *обращение* в целом не изменилось. В самом начале статьи ее переводчики обозначили официальное название Золотой Орды — Монгольское государство. В пункте 3 к сборщикам торгового налога добавилось обозначение сборщиков весового сбора — тартанак. Пункт 4 — сборщики дорожных пошлин — растворился в пункте 5 о всякого рода проезжих посланцах[60]. Текст русского перевода жалованной грамоты Тайдулы от 1351 г. сохранил содержание статьи *обращение* ярлыка Джанибека от 1342 г. митрополиту Феогносту. В нем переданы все пять названных пунктов. В пункте 1 уточняется ордынское официальное название Золотой Орды — Монгольский улус. Пункт 2 сохранил монгольское название должности правителя области, города или села — даруга. В пункте 3 сборщики торгового налога названы русской формой их подлинного ордынского имени — таможники[61]. В рассматриваемой статье ярлыка Джанибека от 1347 г. обнаруживается выражение «возвещающее повеление», которое можно истолковать как заключительные слова монгольских текстов статьи *обращение* — «к совершенному постижению ярлык»[62].

Ярлык Бердибека от 1358 г., написанный изначально по-тюркски, обнаруживает появление в его статье *обращение* новой категории должностных лиц — «всех чиновников», в которых мы видим обозначение служащих государственной канцелярии — «битикчиев дивана». Эта категория занимает в статье третье место после правителей городов. Такие должностные лица, как сборщики торгового

налога и сборщики дорожных пошлин, хотя и обозначены, но переносятся в разряд проезжих порученцев[63].

Последовательно рассмотрим категории должностных лиц, представленные в элементах статьи *обращение* ярлыка Бердибека от 1357 г.

Элемент «татарьскым улусным», как и прежде, интерпретируем в форме «Монгольского государства»[64]. Это официальное название Золотой Орды в равной степени относится ко всем перечисляемым ниже категориям должностных лиц.

Элемент «и ратным князем Муалбугиною мыслию» прежде мы лишили слов «и ратным», что неизбежно повлекло за собой искажение его смысла[65]. Убедившись после публикации самого раннего переводного текста ярлыка А. И. Плигузовым, что слова «и ратным» имели место изначально, возвращаем их в состав элемента. Уже существует реконструкция содержания аналогичного элемента в ярлыке Джанибека от 1347 г.: «князьям тюменов, под началом с Могулбугой, тысяч, сотен и десятков»[66]. В нашем случае может вызвать возражение разделение «ратных князей» на темников, тысячников, сотников и десятников. Не исключено, что формально монгольский оригинал ярлыка Бердибека указанного разделения мог и не содержать. В ярлыке Джанибека оно могло появиться, допустим, только после переложения монгольского текста на персидский язык-посредник, а в ярлыке Бердибека от 1358 г. это разделение стало традиционно воспроизводиться в текстах ханских ярлыков после того, как их изначально стали писать по-тюркски. В последнем случае традиция могла базироваться на воспроизведении указанного разделения в обращении ордынских грамот, писавшихся от лица сановников-нечингисидов, например ханских жен. Их грамоты выполнялись, скорее всего, сразу по-тюркски. Так или иначе, но во всех указанных случаях речь идет о форме. В нашем случае производится реконструкция не формы, а содержания элемента. По этой причине здесь воспроизводится реконструкция содержания элемента в ярлыке Джанибека от 1347 г. Только слово «князьям» дополняется определением «войсковым».

Элемент «волостным самим дорогам и князем» прежде мы понимали как обращение к даругам-князьям тюменов и городов[67]. Относительно этнической принадлежности и деятельности ордынских резидентов — даруг (баскаков) в русских городах нам уже приходилось писать[68]. Что касается даруг тюменов, то известно, что

составлявшие великие русские княжества XIII–XIV вв. отдельные княжества одновременно рассматривались ордынской администрацией как тюмены (темничества). Даругой тюмена считался тогда специальный представитель ордынского хана при русском князе, управлявшем отдельным княжеством[69]. Наша реконструкция содержания элемента остается неизменной: «даругам-князьям тюменов и городов».

Элемент «и писцем», как выяснилось, появился в обращении ордынских ярлыков только в правление Бердибека. В нем обозначались служащие государственной канцелярии — «битикчии». Дословный русский перевод термина — «писцы». Отметим, что термин «битикчи» встречается только в монгольских и персидских текстах жалованных грамот иранских ильханов XIII–XIV вв[70] В ярлыках монгольских великих ханов термин передавался описательно — «управители больших и малых канцелярий»[71]. В обращении тимуридских грамот XV в., написанных уйгурицей по-тюркски, тот же термин передавался одним названием государственной канцелярии — «диван»[72]. В тюркских текстах арабского и уйгурского письма ярлыков ордынских ханов конца XIV в. термин приобрел вид «диван битикчилери» — «служащие государственной канцелярии»[73]. Не исключено, что приведенный термин утвердился в Золотой Орде еще раньше. Например, везир в правительстве Джанибека Хусамеддин Махмуд имел прозвище Диван[74].

Элемент «и таможником побережником» любопытен тем, что являет собой вроде бы парный термин — без разделительного союза «и». Русское слово «побережником», похоже, выполняет роль перевода ордынского термина «таможником». В монгольском тексте ярлыка Джанибека от 1342 г. называются сборщики торгового налога и весового сбора — тартанака[75]. Реконструируем содержание элемента так же, как это делалось в отношении соответствующих элементов в ярлыках Узбека и Джанибека: «таможникам и весовщикам»[76].

Оборот «и мимохожим послом и соколником и пардусником и бураложником и заставщиком и лодеищиком или кто на каково дело не поидеть многим людем» состоит из ряда элементов, в которых названы группы ордынских подданных, объединяемые функциональной принадлежностью к разряду «мимохожих послов» и «многих людей, кто на каково дело не поидеть». «Мимохожие послы» принадлежали ко всякого рода государственным служащим, посы-

лаемым куда-либо центральной властью для выполнения определенных работ и поручений. В статьях *обращение* ярлыков монгольских великих ханов мы называли эту группу «уполномоченных» «проезжими послами»[77]. Точнее будет именовать их «проезжающими посланцами», ибо слово «посол» в наши дни воспринимается лишь как «дипломатический представитель», а в ярлыке Бердибека этот термин расшифровывается следующими за ним группами должностных лиц, ни одна из которых не имеет никакого отношения к дипломатической службе. Все эти группы мы рассмотрим ниже.

Их список венчается словами «или кто на каково дело не поиделть многим людем». Прежде мы уже выяснили, что приведенные слова являются дословным переводом тюркской формулы, известной по крымскоханским ярлыкам XV в., — «многим людям, идущим по какому-нибудь делу»[78]. По своему содержанию эта формула точно соответствовала монгольской формуле «проезжающим посланцам». В монгольском тексте статьи *обращение* ярлыка Бердибека была, скорее всего, только монгольская формула. Адекватная ей тюркская формула вклинилась в рассматриваемый оборот в результате переложения монгольского текста ярлыка на тюркский язык, являвшийся языком-посредником при переводе этого акта на русский язык. Так оказались в русском переводе обе равнозначные формулы. Для реконструированного содержания изначального текста статьи *обращение* достаточно одной — монгольской формулы.

Статья *обращение* в ее русском переложении заканчивается словами «и ко всем» (в ярлыках, написанных по-тюркски, здесь стояло обобщающее слово «всем», а монгольское его обозначение понималось «всему народу», т. е. «всем подданным»). Так и положено было заканчивать эту статью в ордынских ярлыках, начертанных по-тюркски, где обращение было слито в одну статью с мотивировкой[79]. Так и перевели ее на русский язык через тюркский язык-посредник. Вспомним, что монгольская концовка статьи проглянула в ярлыке Джанибека от 1347 г. только потому, что при переводе ее на итальянский язык в качестве языка-посредника был использован персидский язык[80]. К реконструированному содержанию статьи в ярлыке Бердибека от 1357 г. добавляем ее монгольское окончание: «к совершенному постижению ярлык».

Остается рассмотреть элементы статьи, в которых перечисляются конкретные представители «проезжающих посланцев».

Элемент «и соколником» обозначал ханских «сокольников»[81]. Элемент «и пардусником» имел в виду ордынских «звериных ловцов» — «барсников»[82]. Элемент «и бураложником» служил обращением к «скотникам». Предполагалось, что под тюркским термином «буралыкчи» подразумевались лица, ответственные за содержание стада верблюдов[83]. Позднее был найден соответствующий ему монгольский термин «адугучи» («скотник»)[84]. Забывалось при этом, что русский термин «скот» в средние века имел специфическое значение «богатство, деньги». «Скотница» означала «казну, казнохранилище». «Скотником» в таком случае называли «казначея»[85]. Так что «адугучи», «буралыкчи» и «скотник» в XIV в. являлись терминами, обозначавшими служащих, которые имели отношение к государственной казне.

В *обращении* ярлыка Узбека описательно говорилось о «тех, кто собирает дорожную пошлину»[86]. В тюркских текстах ярлыков Токтамыша и Тимур-Кутлука им соответствовали термины «букаулы и туткаулы», которые в *обращении* ярлыка Бердибека от 1358 г. мы передали по-русски словами «караульщики и заставщики»[87]. Первые из них выполняли роль подвижных отрядов, охранявших за плату проходившие купеческие караваны, миссии иностранных послов и т. д., а вторые взимали плату за проезд по дорогам, неся сторожевую службу на укрепленных заставах. Известно, что букаулы также ведали продовольственным снабжением и раздачей денежного довольствия армии. Видимо, возможности на осуществление этих мероприятий они получали за счет средств, собранных в процессе несения охранной службы на дорогах. Так сближались функции адугучиев, буралыкчиев, букаулов и караульщиков. Следующим элементом в *обращении* ярлыка Бердибека значится «и заставщиком». Монгольским соответствием термину «заставщик» являлся «тодхагул», а тюркским — «туткаул»[88]. Элемент «и лодеищиком» обозначал «лодейщиков» (монг. «онгачачи», тюрк. «кемэчи»), которые обеспечивали транспортировку через водные преграды[89].

Реконструкция содержания статьи *обращение* ярлыка Бердибека в полном объеме: «Ярлык к совершенному постижению всех подданных Монгольского государства: войсковых князей тюменов, под началом с Могулбугой, тысяч, сотен и десятков, даруг-князей тюменов и городов, служащих государственной канцелярии, таможников и весовщиков, проезжающих посланцев — сокольников, звериных ловцов, караульщиков, заставщиков и лодейщиков». Такая

реконструкция представляется наиболее точно передающей содержание статьи *обращение* в ордынских актах, которые были изначально написаны по-монгольски, т. е. ярлыках Менгу-Тимура, Узбека и Джанибека.

Статья *объявление о пожаловании:* «Ченгизь царь и последнии цари наши отци наши и за тех молилися молебники и весь чин поповьскыи какова дань ни буди или пошлина ино тем не надобе ни видети чтобы во упокои бога молили и молитву въздавали тако млъвя ярлыки подавали и кто ни будеть вси уведав ярлыки подавали. И нынечя мы пръвых цареи ярлыки не изыначивая одумав и по тому же есмы Алексия митрополита пожаловали и как сед в Володимере богу молиться за нас и за племя наше молитву творит так есмы млъвили и кая дань ни будеть или пошлина не емлют у них».

Как и прежде, русский текст статьи заимствован нами у А. А. Зимина. Из текста А. И. Плигузова взяты более правильные написания: «не изыначивая» (вместо «не изныначивая») и «в Володимере» (вместо «и Володимери»)[90]. Мы не принимали во внимание знаки препинания, расставленные публикаторами обоих текстов, а весь русский перевод статьи разбили на две части, т. е. два предложения, соответствующие двум оборотам, — прецедент пожалования и объявление о пожаловании.

Оборот прецедент пожалования: «Ченгизь царь и последнии цари наши отци наши // и за тех молилися молебники и весь чин поповьскыи // какова дань ни буди или пошлина // ино тем не надобе ни видети // чтобы во упокои бога молили и молитву въздавали // тако млъвя // ярлыки подавали // и кто ни будеть вси уведав ярлыки подавали».

Поскольку конкретный формуляр ярлыка рассматриваемого текста относится к группе жалованных грамот духовенству, монгольские тексты которых достаточно хорошо известны[91], то именно на их основе мы и будем в дальнейшем проводить свою реконструкцию содержания ярлыка Бердибека. На базе сводной таблицы монгольских текстов оборота прецедент пожалования[92] расчленяем соответствующий текст русского перевода нашего ярлыка на 8 фрагментов. Последовательно рассматриваем каждый из них.

Фрагмент «Ченгизь царь и последнии цари наши отци наши», обозначающий ряд правителей-чингисидов от их родоначальника в Монголии до непосредственных предшественников Бердибека в

Золотой Орде, может быть интерпретирован в таком виде: «Чингис-хана и последующих ханов — наших предшественников». Здесь и далее русскую форму перевода отдельных фрагментов мы, естественно, сближаем с той, которая имеет место в соответствующем фрагменте подобных монгольских текстов данной статьи.

Фрагмент «и за тех молилися молебники и весь чин поповьскыи» является переводом-толкованием списка различных религиозных конфессий, который обычно присутствовал в ярлыках монгольских великих ханов. Применительно к нашему случаю речь могла идти только о представителях «всего чина поповского» в русской православной митрополии, т. е. митрополите, священниках и монахах. Интерпретируем фрагмент в форме: «христианские митрополиты, священники и монахи».

Фрагмент «какова дань ни буди или пошлина» интерпретируем: «каких бы то ни было налогов и сборов». Фрагмент «ино тем не надобе ни видети» сократим до одной глагольной формы: «не видя».

Фрагмент «чтобы во упокои бога молили и молитву въздавали», как и весь остальной первоначальный монгольский текст ярлыка, переводился на русский язык через посредство тюркского языка. В тюркской передаче присутствовал, конечно, и «упокой» (тынчлык)[93], но в монгольском тексте этого слова не было. Поэтому восстанавливаем фрагмент в форме: «молились за них богу и возносили им благопожелания».

Фрагмент «тако млъвя» связан с содержанием предыдущих четырех фрагментов. Передаем его в форме «было сказано».

Фрагмент «ярлыки подавали» привязан по смыслу к самому первому фрагменту оборота. Восстанавливаем его в форме «в ярлыках».

Последний фрагмент — «и кто ни будеть вси уведав ярлыки подавали» — выбивается из контекста оборота если не как инородное вкрапление, то, определенно, как повторение уже сказанного. Поэтому мы исключаем его из числа фрагментов, подлежащих реконструкции.

Реконструированное содержание оборота в целом: «В ярлыках Чингис-хана и последующих ханов — наших предшественников было сказано, чтобы христианские митрополиты, священники и монахи, не видя каких бы то ни было налогов и сборов, молились за них богу и возносили им благопожелания».

Оборот объявление о пожаловании: «И нынечя // мы // пръвых цареи ярлыки не изыначивая // одумав и по тому же есмы // Алексия митрополита // пожаловали // и как сед в Володимере // богу молиться за нас и за племя наше молитву творит // так есмы млъвили // и кая дань ни будеть или пошлина // не емлют у них».

На прежних основаниях[94] расчленяем оборот на 11 фрагментов и последовательно рассматриваем каждый из них.

Фрагмент «и нынечя» оставляем в форме «и ныне». Фрагмент «мы» не требует уточнения. Фрагмент «пръвых цареи ярлыки не изыначивая» интерпретируем в форме «согласно с прежними ярлыками». Фрагмент «одумав и по тому же есмы» мы рассматриваем как своеобразное приложение к предыдущему фрагменту. При реконструкции содержания оборота он не учитывается.

Фрагмент «Алексия митрополита», вне зависимости от его изначальной словесной формы, рассматривается нами в общем контексте ярлыка, где речь идет о ханском пожаловании для представителей руководства данной конфессии в целом во главе с их митрополитом. Интерпретируем фрагмент в форме «христианское духовенство под началом с митрополитом Алексием».

Фрагмент «пожаловали» интересен с точки зрения свидетельства об эволюции формы оборота объявление о пожаловании в золотоордынских ярлыках монгольского письма. Если в ярлыках монгольских великих ханов настоящий фрагмент писался в форме «ярлыки дали», в ярлыке Джанибека от 1347 г. он засвидетельствован в форме «сделано было им пожалование и выданы ярлык и пайцза»[95], то в нашем случае факт выдачи ярлыка и пайцзы удостоверяется в конце текста ярлыка. Фрагмент в настоящем обороте сохраняем в форме «пожаловали».

Фрагмент «и как сед в Володимере» привязан по смыслу к личности Алексия, который был наречен русским митрополитом в Москве в 1353 г. и утвержден в этом сане в Константинополе в 1354 и 1356 гг. Интерпретируем фрагмент в форме «который, воссев во Владимире». Фрагмент «богу молиться за нас и за племя наше молитву творит» отражает деятельность того же Алексия и потому интерпретируется в форме «молится за нас богу и возносит нам благопожелания».

Фрагмент «так есмы млъвили» интерпретируется в форме «сказав».

Фрагмент «и кая дань ни будеть или пошлина» интерпретиру-

ется, как и в обороте прецедент пожалования, в форме «какие бы то ни было налоги и сборы». Фрагмент «не емлют у них» интерпретируется в форме «пусть не взимают у них».

Реконструированное содержание оборота в целом: «И ныне мы, согласно с прежними ярлыками, сказав: „Пусть не взимают у них какие бы то ни было налоги и сборы!“, — пожаловали христианское духовенство, под началом с митрополитом Алексием, который, восев во Владимире, молится за нас богу и возносит нам благопожелания».

Статья *условия пожалования:* «Ни подвод ни кормов ни пития ни запросов ни почестия не въздають. Или что церковнии домове земли и воды огороди виногради мелници и того у них не емлют ни силы над ними не творять никакые. А кто будеть что взял или кто возьметь и тот да отдасть назад. А в церковных кто ни будеть чтобы ся у них не ставили ни рушили их».

Текст статьи, по А. А. Зимину, здесь исправляется по тексту А. И. Плигузова только в одном случае «ни рушили» (вместо «ни рушити»)[96]. Статья состоит из отдельных предложений-оборотов, каждый из которых подлежит специальному рассмотрению.

Оборот «Ни подвод ни кормов ни пития ни запросов ни почестия не въздають» формально выглядит законченным предложением. Если попытаться вникнуть к его содержание, то создается впечатление чего-то эклектичного и невнятного. Вспомним, что прежде, при анализе статьи *удостоверение* в нашем ярлыке, выяснилось, что ее текст перемешан с таковым же из русского перевода ярлыка Мухаммеда Бюлека от 1379 г.[97] Это обстоятельство дает основание и в данном случае обратиться к соответствующему фрагменту в ярлыке Бюлека. В результате рассматриваемый оборот разрастается за счет дополнений из ярлыка Бюлека[98], отмеченных нами круглыми скобками, до такого вида: «Ни подвод ни кормов ни пития ни запросов (ни даров не дадуть). Ни почестия не въздають (никакова)». Иными словами, одно предложение превратилось в два. Проанализируем их содержание.

В обоих предложениях жалователь обращается к держателям ярлыка и предписывает им «не давать» и «не воздавать». При взгляде на три оставшихся предложения-оборота статьи *условия пожалования* нетрудно убедиться, что там имеет место обращение только к представителям адресата ярлыка. Такое положение уже кажется неправомерным. Обратившись к текстам ярлыков монголь-

ских великих ханов, убеждаемся, что там среди условий пожалования присутствует и такое: «Подвод, кормов пусть не берут»[99]. Это условие и является, на наш взгляд, подлинным содержанием рассматриваемого оборота. Приписанное к кормам «питие» служит не более чем припиской-уточнением к русскому переводу, которого не было в подлинном тексте ярлыка. Что касается слов «запрос» и «дар», то они служили терминами, обозначавшими разные чрезвычайные сборы[100]. Слово «почестье» также выполняло роль налогового термина[101]. Первоначально оно было приписано к двум предыдущим, а затем, видимо, очередной редактор русского текста ярлыка воспринял его в смысле «почитание, почесть» и приписал к нему глагол «возносить». Так возникли два предложения. На самом же деле в оригинальном тексте ярлыка здесь грамотчику даровался бережельный (заповедный) иммунитет на средства связи (подводы) и продовольственные припасы (корм), а полный податной иммунитет гарантировался ему в предыдущей статье.

Оборот: «Или что церковнии домове земли и воды огороди виногради мелници и того у них не емлют ни силы над ними не творять никакые». В соответствующем обороте ярлыка Бюлека вместо «и того у них не емлют» стоит «и в то ся у них не вступает никто»[102], что, как увидим ниже, является очередной ошибкой редактора русского текста ярлыка. В текстах ярлыков монгольских великих ханов адекватный оборот представлен в таком виде: «В отношении подведомственных храмам земель, вод, садов, мельниц... кто бы то ни было насилий над ними пусть не учиняет, что бы то ни было у них, отнимая и таща, пусть не забирает»[103]. Иными словами, и в данном случае перед нами образец бережельного иммунитета в отношении церковно-монастырского недвижимого имущества. Что касается словосочетания «церковнии домове», то о нем мы еще будем говорить при анализе последнего оборота этой статьи. Словосочетанию «огороди виногради» была посвящена специальная работа, из которой явствует, что в русский текст ярлыка оно попало через тюркский язык-посредник. Словосочетание обозначало «всякого рода плодовые насаждения». В оригинальном монгольском тексте здесь стояло одно слово «сады»[104].

Оборот «А кто будеть что взял или кто возьметь и тот да отдасть назад» не находит себе соответствия в текстах ярлыков монгольских великих ханов. Он представляется нам редакторским дополнением к русскому тексту перевода предыдущего оборота.

Оборот «А в церковных кто ни будеть чтобы ся у них не ставили ни рушили их» знаком по текстам ярлыков монгольских великих ханов. Там он обычно открывал перечень привилегий, гарантирующих грамотчикам бережельный иммунитет: «В их храмах, жилищах посланцы пусть не останавливаются»[105]. В русском обороте вызывает недоумение слово «церковных». Оно явно должно служить определением к слову, которого здесь нет. Вопрос снимается, если обратиться к соответствующему фрагменту в ярлыке Бюлека. Там наличествует чтение «церковных домех»[106], т. е. представлен тот же термин «церковнии домове», от подробного разбора которого мы отказались при анализе второго оборота настоящей статьи.

Словосочетание «церковные дома» в монгольском тексте оборота выглядело как два стоящих рядом слова «храмы» и «жилища». Русский перевод этих слов осуществлялся через посредство тюркского языка. В тюркских языках два рядом стоящих и не имеющих морфологических показателей связи существительных обычно воспринимаются как определение и определяемое (изафет I)[107], т. е. в нашем случае «храмовые жилища», или «церковные дома». При очередном редактировании текста русского перевода ярлыка это не отражающее содержания подлинного текста словосочетание было механически воспроизведено и в тексте второго оборота статьи *условия пожалования*, хотя там вообще речь шла только о храмах.

Неопределенное выражение «кто ни будеть» подразумевает ордынских подданных из того разряда «проезжающих посланцев», который уже знаком нам по статье *обращение* этого ярлыка. Последние слова оборота «ни рушили их» являются таким же редакторским дополнением к русскому тексту оборота, каким был весь предыдущий оборот статьи. Анализируемый оборот гарантировал бережельный иммунитет от постоя в форме «В их храмах и жилищах проезжающие посланцы пусть не останавливаются». Следует восстановить первое место этого оборота в ряду бережельных оборотов статьи.

Реконструированное содержание статьи *условия пожалования:* «В их храмах и жилищах проезжающие посланцы пусть не останавливаются. Подвод и кормов у них пусть не берут. В принадлежащих храмам и монастырям землях и водах, садах и мельницах никто и ничего насильно пусть на забирает».

Статья *предостережение:* «А кто ся иметь ставити или рушити их и тои в гресех будеть да умреть. А ты Алексеи митрополит и

весь вашь поповьскыи чин възмолвить что сяк пожаловани есмы да церковным домом землям водам огородом виноградом или над церковными людми что учинишь чрез пошлину ино то на тобе или кто разбоем татбою лжею лихое дело учинить каковъ а не имешь того смотрити ино то сам ведаешь каково о том исправление учинишь а о нас к богу молитву твори занеже ты преже а мы потом не млъвим ничего так рекши».

Тексты статьи, по А. А. Зимину и А. И. Плигузову, на наш взгляд, ничем существенным не разнятся[108]. Руководствуясь анализом содержания статьи в ярлыках Джанибека от 1347 г. и Бердибека от 1358 г.[109], разбиваем русский перевод нашей статьи на две части, соответствующие двум ее оборотам, — предостережение представителям адресата и предостережение грамотчику.

Оборот предостережение представителям адресата: «А кто ся иметь ставити или рушити их и тои в гресех будеть да умреть». Текст соответствующего оборота в ярлыке Бюлека[110] позволяет несколько уточнить его содержание: «А кто ся иметь (в церковных домех) ставити или рушити их и те люди в гресех будуть да умруть (смертию)». Иными словами, в расширенном тексте оборота ослушники из разряда представителей адресата обозначаются во множественном числе. Поскольку предостережение в этом обороте распространяется на возможных нарушителей не только запрета на постой в предыдущей статье, но в такой же мере и на всех других захватчиков, насильников и расхитителей церковной и монастырской собственности, то группу слов «а кто ся иметь в церковных домех ставити или рушити и те люди» мы заменяем выражением «поступающие наперекор этому повелению». При этом не исключено, что русский перевод ярлыка был все-таки ближе к его изначальному тексту, чем предлагаемое речение, которое распространяется не на одно, а на все условия пожалования. Это расширительное толкование вызвано нашей реконструкцией содержания соответствующего оборота в ярлыке Джанибека от 1347 г., где понятие «поступающие наперекор этому повелению» раскрывалось в словах «пусть никто из власть имущих не посмеет оказать неповиновение этому нашему ярлыку»[111].

Оставшаяся часть оборота: «в гресех будуть да умруть смертию» — являет собой заключительную часть выражения, которое в итальянском переводе ярлыка Джанибека от 1347 г., осуществлявшемся с монгольского оригинала через посредство персидского

языка, сохранилось в усеченном виде «разве не убоятся?». Полная форма этой концовки была: «разве они не убоятся того, что будут обвинены на основании положений Великой ясы и умрут?». В монгольских легендах на сохранившихся ордынских пайцзах эта концовка сжалась до слов «да будут обвинены и умрут!»[112]. Получается, что русское выражение «в гресех будуть да умруть смертию» было калькой с монгольского. Оборот в целом интерпретируем в форме «Поступающие наперекор этому повелению да будут обвинены и умрут!»

Оборот предостережение грамотчику: «А ты Алексеи митрополит и весь ваш поповьскыи чин възмолвить что сяк пожаловани есмы да церковным домом землям водам огородом виноградом или над церковными людми что учинишь чрез пошлину ино то на тобе // или кто разбоем татбою лжею лихое дело учинить каковъ а не имешь того смотрити ино то сам ведаешь каково о том исправление учинишь // а о нас к богу молитву твори // занеже ты преже а мы потом не млъвим ничего // так рекши».

Ввиду пространности и сложности оборота разбиваем его текст на фрагменты и рассматриваем каждый из них отдельно.

Фрагмент «А ты Алексеи митрополит и весь ваш поповьскыи чин възмолвить что сяк пожаловани есмы да церковным домом землям водам огородом виноградом или над церковными людми что учинишь чрез пошлину ино то на тобе» представляет собой несколько видоизмененную передачу оборота ярлыков монгольских великих ханов типа: «Также и этот... (имярек), говоря, что обладает ярлыком, противозаконные действия пусть не совершает! Если будет совершать, разве не убоится?»[113]. Такого же типа оборот мы видим и в ярлыке Джанибека от 1347 г.[114] В ярлыке Бердибека от 1358 г., изначально писавшемся по-тюркски, также наличествует аналогичный оборот. Только там грамотчик ссылается уже на обладание пожалованием, а не ярлыком[115]. Но ведь и в нашем акте, представляющем собой переходную форму от монгольского формуляра к тюркскому, в статье *объявление о пожаловании* речь идет не о ярлыке, а о пожаловании.

Прямое обращение жалователя к грамотчику в форме «а ты» было характерным для тюркского формуляра ордынских ярлыков. Его мы видим, например, в ярлыках Токтамыша и Улуг-Мухаммеда[116]. В монгольских текстах ярлыков вместо прямого обращения употреблялось косвенное: «также и этот», которое мы вос-

станавливаем и в нашей интерпретации фрагмента. Имя грамотчика — «Алексеи митрополит» — дополняется в русской передаче ярлыка словами «и весь ваш поповьскыи чин». Это дополнение не увязывается по содержанию с концовкой фрагмента, где сказано: «ино то на тобе», т. е. речь идет только о митрополите. В соответствующем фрагменте ярлыка Бюлека это дополнение отсутствует[117]. Предполагаем, что дополнение является позднейшей припиской редактора русского текста ярлыка Бердибека. Поэтому последующее выражение «възмолвить что сяк пожаловани есмы» рассматриваем как относящееся к одному митрополиту и интерпретируем в виде: «говоря, что он так пожалован».

Выражение «да церковным домом землям водам огородом виноградом или над церковными людми что учинишь чрез пошлину» мы рассматриваем как предостережение грамотчика от возможных насильственных действий по отношению к находящимся в его распоряжении людям: «противозаконные действия в отношении подведомственных храмам и монастырям людей пусть не совершает!» Концовка фрагмента — «ино то на тобе» — представляет собой сокращенную форму старинного русского выражения «тогда то [прегрешение бог] на тебе [взыщет]». Такая концовка освобождала бы митрополита от ответственности за возможные противозаконные действия перед лицом земных владык. Это никак не согласуется с самим духом статьи *предостережение*. Поэтому заменяем явно тенденциозно искаженную в позднейшей переписке концовку знакомой формулой: «Если будет совершать, разве не убоится?»

Реконструкция содержания фрагмента в целом: «Также и этот митрополит Алексий, говоря, что так пожалован, противозаконные действия в отношении подведомственных храмам и монастырям людей пусть не совершает! Если будет совершать, разве не убоится?»

В содержании фрагмента «Или кто разбоем татбою лжею лихое дело учинить каковъ а не имешь того смотрити ино то сам ведаешь каково о том исправление учинишь» предостережение как таковое отсутствует. Здесь говорится о том, что церковные руководители на Руси могут по своему усмотрению решать или оставлять без рассмотрения вопросы, связанные с осуществлением в своих епархиях судопроизводства за преступления такого рода, как разбойное нападение, кража со взломом или злостный обман. Иными словами, перед нами иммунитетная привилегия по вопросам судопроизвод-

ства, якобы дарованная русскому митрополиту ордынским ханом. Если бы это было действительно так, то данный фрагмент помещался бы не здесь, а в статье *условия пожалования.* Его там нет. Следовательно, фрагмент является позднейшей припиской.

Кому и зачем нужна была эта приписка? Из сохранившихся многих десятков подлинных текстов жалованных грамот русских князей, дарованных христианским храмам и монастырям в XV в., выясняется, что вплоть до середины XV в. представители князя в церковных и монастырских владениях у «церковных людей» «поборов не берут, ни судят их ни в чем, опрочь душегубства»[118]. Получается, что светские власти могли осуществлять судопроизводство в церковных владениях и получать за это соответствующую мзду только в случаях смертоубийства. Плата за расследование всех других правонарушений поступала в казну духовных правителей. Такое положение стало нарушаться уже в 30–50-х годах XV в. В те годы встречаются княжеские грамоты духовным владыкам, где формула «опрочь душегубства» сменяется более пространной формулировкой «опрочь душегубства, розбоя, татбы с поличным». Правда, последняя формулировка была еще довольно редким явлением[119]. Видимо, сопротивление церкви наступлению светских властей на ее имущественные права было тогда достаточно эффективным. В 60–70-е годы XV в. вторая формулировка в иммунитетных грамотах становится массовым явлением и практически полностью заменяет первую[120].

Известно, что самый старый из сохранившихся списков собрания ханских ярлыков русским митрополитам датируется второй половиной 60-х годов XV в., т. е. временем, когда центральная власть фактически лишила духовных владык права суда и получения ими судебных пошлин. Тогда руководителям церкви и потребовались дополнительные аргументы и «доказательства» того, что даже «безбожные» ордынские ханы еще во времена стародавние не лишали духовных владык права суда, «опрочь душегубства». А из реконструируемого содержания ярлыка Бердибека рассмотренный фрагмент придется исключить как инородный.

Фрагмент «а о нас к богу молитву твори» по существу представляет собой повторение такового же в обороте объявление о пожаловании, которым заканчивалась одноименная статья в рассматриваемом ярлыке. В настоящем контексте фрагмент, видимо, понадобился редактору русского перевода ярлыка, который только что

интерполировал в текст статьи *предостережение* инородную иммунитетную привилегию по вопросам церковного судопроизводства для пущей убедительности. Исключаем фрагмент из реконструируемого содержания ярлыка.

Фрагмент «занеже ты преже а мы потом не млъвим ничего» звучит довольно нелепо. Во всяком случае, к содержанию оригинального текста ярлыка эта фраза отношения не имеет. Возможно, раньше она относилась к самому первому фрагменту оборота предостережение грамотчику. Когда редактор русского текста того фрагмента превратил его из предостережения грамотчику в право митрополита поступать с «церковными людьми» по своему усмотрению, он сделал еще одну приписку: «а мы о том (так значится в соответствующем месте ярлыка Бюлека[121]) не млъвим ничего», т. е. ордынский хан якобы не выскажет по названному поводу никаких возражений. Позднее, когда приписка оказалась отделенной от текста первого фрагмента инородной вставкой, слова «о том» прѣвратились в «потом». Приписка была трансформирована в самостоятельное предложение за счет добавления к ней слов: «занеже ты преже».

Фрагмент «так рекши», т. е. «сказавши („промолвив“) так», перед статьей *удостоверение* в грамотах монгольских великих ханов не употреблялся. Эта связка между полным текстом ярлыка («словом» хана) и его удостоверением (констатацией факта выдачи ярлыка, его оформительскими регалиями) была обязательным элементом во всех ордынских ярлыках, составленных по-тюркски[122]. В настоящем переводе ярлыка Бердибека она проявилась в связи с тем, что оригинальный текст ярлыка перелагался на русский язык через тюркский язык-посредник.

Реконструкция содержания статьи *предостережение:* «Поступающие наперекор этому повелению да будут обвинены и умрут! Также и этот митрополит Алексий, говоря, что так пожалован, противозаконные действия в отношении подведомственных храмам и монастырям людей пусть не совершает! Если будет совершать, разве не убоится?»

Статья *удостоверение:* «Баису да ярлык с алою тамгою дали есмы на утвержение вам // тигигуя лета десятаго месяца в семьсот осмое сылгата месяца в десятыи нова а орда кочевала на Каонге написано // Мувалбога Усяин Сараи Ягалтаи Кутлубугаи и те головные князи жалобу клали Сеунчь Темурь мюрь бакшии писал».

Старинный русский перевод статьи легко членится на три части, соответствующие трем оборотам формуляра монгольского оригинала ярлыка: удостоверительные знаки, время и место написания, представление. Все три оборота уже подвергались анализу при реконструкции содержания ярлыков Узбека и Джанибека[123]. Однако только при реконструкции содержания ярлыка Джанибека от 1347 г. статья *удостоверение* рассматривалась как написанная по-монгольски. Иными словами, формулярный анализ ярлыков Узбека от 1332 г. и Джанибека от 1342 г. не был завершен полностью.

Русский текст статьи *удостоверение*, по А. А. Зимину, дополняем в первом обороте, по тексту А. И. Плигузова, словом «есмы» после глагола «дали». В третьем обороте статьи первое личное имя «Мувалбога» в тексте А. А. Зимина передано точнее, чем в тексте А. И. Плигузова[124]. Вспомним, что эта статья прежде анализировалась[125]. Некоторого прогресса в ее понимании тогда удалось достичь после наложения ее текста на текст одноименной статьи в ярлыке Бюлека[126]. Теперь, при более тщательном анализе, без операции совмещения названных текстов также не обойтись.

Оборот удостоверительные знаки: «Баису да ярлык с алою тамгою дали емсы на утвержение вам» — в ярлыках монгольских великих ханов отсутствовал. В ярлыках улусных ханов он имел место. Монгольский текст оборота в ярлыке ильхана Абусаида от 1320 г. гласил: «С золотой пайцзой алотамговый ярлык милостиво выдан»[127]. Таким же по форме был рассматриваемый оборот и в ярлыке Джанибека от 1347 г.[128] Сравниваем тексты оборотов удостоверительные знаки в нашем ярлыке и ярлыке Бюлека, который изначально писался по-тюркски. Набор слов в том и другом оборотах практически одинаков. Только в ярлыке Бердибека оборот начинается со слова «баиса», которого нет в ярлыке Бюлека. Известно, что «байсой» тюрки называли пайцзу. В монгольском тексте ярлыка Абусаида пайцза названа по-монгольски «алтан гериге» (досл. «золотая дощечка»). Из сказанного можно сделать вывод, что одноименные обороты в ярлыках Бердибека и Бюлека переводились на русский язык с тюркского.

Теперь вспомним, что в старину перевод осуществлялся «слово за слово». Слова и словосочетания в переводе оборота ярлыка Бердибека следовали в таком порядке: «пайцзу, алотамговый ярлык, мы дали, на утверждение». Порядок слов в ярлыке Бюлека: «на утверждение, алотамговый ярлык, мы дали». По существу разни-

ца между обоими оборотами состояла в положении выражения «на утверждение». В ярлыке Бердибека оно находилось в самом конце оборота, а в ярлыке Бюлека — в самом начале.

Выражение «на утверждение» («на утвержение») уже было предметом специального рассмотрения. Выяснилось, что в первом обороте статей *удостоверение* чингисидских жалованных грамот это выражение встречается только в тюркских текстах ордынских ярлыков. По-русски оно может быть передано словами «для постоянного хранения»[129]. Это выражение в тюркских текстах ордынских ярлыков всегда ставилось в самом начале оборота удостоверительные знаки[130]. Следовательно, слова «на утвержение», поставленные в конце оборота в ярлыке Бердибека, были приписаны позднее редактором русского текста ярлыка. А раз это выражение изначально отсутствовало, то остается допустить, что весь оборот, как и весь ярлык, был написан по-монгольски. На русский язык он был переведен только через посредство тюркского языка. Поскольку слово «байса» («пайцза»), начинавшее русскую передачу оборота и принятое у тюрок, включало в себя его монгольское изначальное обозначение двумя словами «алтан гериге» («золотая дощечка»), то, реконструируя содержание монгольского текста оборота, нет необходимости снабжать слово «пайцза, вошедшее в состав русского литературного языка, определением «золотая»». Наша реконструкция содержания оборота «Милостиво выданы пайцза и алотамговый ярлык».

Оборот время и место написания — «Тигигуя лета десятаго месяца в семьсот осмое сылгата месяца в десятыи нова а орда кочевала на каонге написано» — переведен с монгольского явно через посредство тюркского языка. Вернее, это даже не перевод, а русское обозначение формы оборота, отражающего тюркский формуляр.

Фрагмент, обозначающий время написания: «Тигигуя лета десятаго месяца в семьсот осмое сылгата месяца в десятыи нова». Сравнение этого фрагмента с таковым же в ярлыке Бюлека выявило, что слова «в семьсот осмое сылгата месяца» не имеют отношения к ярлыку Бердибека[131]. Редактор русского текста собрания ханских ярлыков русским митрополитам заимствовал приведенные слова из ярлыка Бюлека. Непонятное для него слово «дарыка» («тарих»), которое предшествовало обозначению года и месяца по хиджре и было обязательным для тюркских текстов ордынских ярлыков[132], редактор в текст нашего фрагмента не включил. Вообще же причи-

ной того, что он «дополнил» фрагмент вставкой из ярлыка Бюлека, могло быть общее для обоих ярлыков обозначение дня выдачи — «в десятыи нова».

Таким образом, первоначальное обозначение времени написания в ярлыке Бердибека выражалось по-русски словами «тигигуя лета десятаго месяца в десятыи нова», т. е. «курицы года десятого месяца в 10-й день прибывающей Луны». Использование автором этих строк не очень удобного пособия для перевода дат лунно-солнечного календаря Азии на даты европейского календаря прежде привело его к ошибочному выводу о том, что десятый месяц года курицы в правление Бердибека приходился на 14 октября — 11 ноября 1357 г., а 10-й день названного месяца соответствовал 23 октября 1357 г.[133] Теперь, после появления синхронистических таблиц, составленных В. В. Цыбульским, можно уверенно говорить, что десятый месяц года курицы приходился тогда на 12 ноября — 11 декабря 1357 г., а его 10-й день соответствовал 21 ноября 1357 г.[134] Писец ханский канцелярии (ими, как правило, были тюрки-уйгуры), создавая параллельный монгольскому тюркский вариант текста ярлыка, естественно, и время его написания передал по-уйгурски. Так и получился 10-й день десятого месяца года курицы. По монгольским канонам, та же дата обозначалась несколько иначе: «курицы года зимы первого месяца в 10-й день прибывающей Луны»[135].

Фрагмент, обозначающий место написания, «а орда кочевала на Каонге», т. е. «когда ставка находилась на Каонге», — по форме соответствовал такому же элементу оборота время и место написания в тюркских текстах ордынских ярлыков. При обозначении места написания в монгольских текстах ярлыков термин «орда» («ставка») никогда не приводился. Значит, он исключается и из нашей реконструкции. Что касается топонима Каонга, то отождествление его Н. И. Веселовским с ериком Канга, располагавшимся в начале XX в. в Астраханском уезде[136], т. е. в непосредственной близости от Сарая, представляется нам вполне корректным.

Фрагмент «написано» вполне подходит в качестве концовки оборота время и место написания для тюркских текстов ордынских ярлыков[137]. Тот же оборот в монгольских текстах ярлыков всегда начинался словами «ярлык наш». Значит, глагол, завершавший оборот, должен был передаваться по-русски в форме «написан»[138].

Реконструкция содержания оборота время и место написания: «Наш ярлык написан в 10-й день прибывающей Луны первого ме-

сяца зимы года курицы [21 ноября 1357 г.], когда мы находились на Канге».

Оборот представление — «Мувалбога Усяин Сараи Ягалтаи Кутлубугаи и те головные князи жалобу клали // Сеунчь Темурь мюрь бакшии писал» — не имеет соответствия в тексте ярлыка Бюлека. Структура оборота в сохранившихся тюркских[139] и монгольских[140] текстах чингисидских актов уже рассматривалась. В тех и других текстах представление состояло из двух предложений. В первом предложении назывались сановники, которые ходатайствовали перед ханом о пожаловании для грамотчика. Во втором предложении называлось имя писца, составившего документ. Структура второго предложения в тюркских и монгольских текстах была одинаковой. Первое предложение в тюркских текстах начиналось именами ходатаев и заканчивалось словами «прошение представили». В монгольских текстах это предложение начиналось формулой «удзиг ину», которую мы передаем по-русски словом «представление», и заканчивалось перечислением имен ходатаев. Только на основании построения первого предложения можно утверждать, что оборот представление в переводных ярлыках Джанибека был изначально монгольским[141], а в ярлыке Бердибека от 1358 г. — тюркским[142].

На вышеуказанном основании сразу можно сказать, что и в ярлыке Бердибека от 1357 г. оборот был переведен на русский язык с тюркского. Другое дело, что изначально весь документ был составлен все-таки по-монгольски. Это попытался доказать здесь интерпретатор русского текста ярлыка, опираясь на те немногие формальные моменты, которые непроизвольно сохранил переводчик монгольского оригинала на тюркский язык-посредник, с которого осуществлялась последующая передача текста на русский язык. Казалось бы, зачем все эти сложности? Раз русский перевод акта производился с тюркского языка, при этом перевод явно отражал ряд черт тюркского формуляра, значит, ярлык и был тюркским. Так и считают некоторые современные тюркологи.

В процессе работы над обозначенной проблемой автор этих строк неоднократно испытывал колебания, путался в противоречиях. Неоценимую помощь в постепенном проникновении в суть проблемы оказала ему работа над реконструкцией содержания ордынских переводных документов из архивов Венеции. Теперь уже я считаю, что среди ордынских переводных актов XIV в., сохранен-

ных в архиве русской митрополии, только ханские ярлыки (до Бердибека включительно) изначально писались по-монгольски. Жалованные грамоты ханши Тайдулы составлялись сразу на тюркском языке. Монгольская форма документов, исходивших от особы хана в Золотой Орде, была, по крайней мере до середины 50-х годов XIV в., нерушимой чингисидской традицией, которой придерживались великие монгольские ханы и улусные ханы. Сохранились монгольские тексты ярлыков чагатаидов и хулагуидов. Позднейшие восточные правители, так или иначе приобщившиеся к «золотому роду», видимо, также пытались сохранить эту традицию. Например, согласно путевым заметкам испанского посла Руи Гонсалеса де Клавихо к среднеазиатскому правителю Тимуру в 1403–1406 гг.: «А сеньор (Тимур. — *А. Г.*) при себе держит нескольких писцов, которые умеют читать и писать на этом (монгольском. — *А. Г.*)»[143].

Сказанное совсем не исключает факта широкого бытования тюркского языка в Золотой Орде первой половины XIV в. Именно тюркский язык сделался тогда основным языком общения ее разноплеменного населения, а монгольский доживал свои дни в качестве элитарного языка в среде ханского окружения. Уже в 1358 г. ярлык Бердибека венецианским купцам Азова был изначально составлен по-тюркски.

Относительно личных имен ходатаев в первом предложении оборота представление можно констатировать, что все они узнаваемы. Мувалбога — это Могулбуга (ум. 1360), бывший улугбеком в правительствах Джанибека (до 1351 г.) и Бердибека. Его имя называлось в соответствующем обороте ярлыков Джанибека и Бердибека[144]. Усяин — это, вероятно, Хусейн-Суфи (ум. 1372), сын Нангудая, бывший при Бердибеке главой рода кунграт, который правил Хорезмом с резиденцией в Ургенче (Куня-Ургенч) на правах наследственного владения[145]. Сараи — это Сарай-Тимур, сын Джарука из рода кунграт, бывший везиром в правительстве Бердибека[146]. В 1334 г. Сарай-Тимур был послом Узбека к московскому князю Ивану Калите, которого он сопровождал в Орду в качестве ответчика по иску дмитровского князя Бориса Давыдовича. Осенью 1361 г. он был убит в междоусобной смуте в числе других «старых князей»[147]. Ягалтаи — это Ягалтай, до 1349 г. бывший везиром в правительстве Джанибека[148]. Кутлубугаи — это Кутлугбуга, который в 1351–1357 гг. был улугбеком в правительстве Джанибека[149]. Получается, что грамотчик, в данном случае митрополит Алексий, подби-

рал себе ходатаев из числа первых лиц в правительстве нового хана, а также признанных авторитетов из окружения бывшего монарха.

Второе предложение оборота представление — «Сеунчь Темурь мюрь бакшии писал» — уже интерпретировалось[150]. Сказать что-нибудь принципиально новое по этому поводу я не могу. «Новации» А. И. Плигузова относительно «эмира писцов»[151] основаны на былом (1966) толковании слов «мюрь бакшии» тюркологом А. К. Боровковым. Это толкование было аргументированно оттвергнуто мною. Предельно точное произношение имени писца — Севюнч-Темюр, переданное в старинном русском переводе ярлыка, можно несколько модернизировать в угоду принятой нами традиции — Севинч-Тимур. Тогда предложение будет читаться: «Написал Севинч-Тимур-бахши».

Полная реконструкция содержания ярлыка предстает в таком виде: «Наше, Бердибека, слово, подкрепляемое силою предвечного бога и покровительством великого гения-хранителя.

Ярлык к совершенному постижению всех подданных Монгольского государства: войсковых князей тюменов, под началом с Могулбугой, тысяч, сотен и десятков, даруг-князей тюменов и городов, служащих государственной канцелярии, таможников и весовщиков, проезжающих посланцев — сокольников, звериных ловцов, караульщиков, заставщиков и лодейщиков.

В ярлыках Чингис-хана и последующих ханов — наших предшественников было сказано, что христианские митрополиты, священники и монахи, не видя каких бы то ни было налогов и сборов, молились за них богу и возносили им благопожелания. И ныне мы, согласно с прежними ярлыками, сказав: „Пусть не взимают у них какие бы то ни было налоги и сборы!“ — пожаловали христианское духовенство, под началом с митрополитом Алексием, который, воссев во Владимире, молится за нас богу и возносит нам благопожелания.

В их храмах и жилищах проезжающие посланцы пусть не останавливаются. Подвод и кормов у них пусть не берут. В принадлежащих храмам и монастырям землях и водах, садах и мельницах никто и ничего насильно пусть не забирает.

Поступающие наперекор этому повелению да будут обвинены и умрут! Также и этот митрополит Алексий, говоря, что так пожалован, противозаконные действия в отношении подведомственных

храмам и монастырям людей пусть не совершает! Если будет совершать, разве не убоится?

Милостиво выданы пайцза и алотамговый ярлык. Наш ярлык написан в 10-й день прибывающей Луны первого месяца зимы года курицы [21 ноября 1357 г.], когда мы находились на Канге.

Представили князья Могулбуга, Хусейн-Суфи, Сарай-Тимур, Ягалтай, Кутлугбуга. Написал Севинч-Тимур-бахши».

Полученный Алексием в 1357 г. от Бердибека ярлык, в котором фиксировались права и обязанности русской церкви и ее иерархов, по своему содержанию лишь повторял те же права и обязанности, записанные в ярлыке, полученном предшественником Алексия митрополитом Феогностом от Джанибека в 1342 г. Не подлежит сомнению, что в годы лихолетья, наступившие в Орде после смерти Бердибека в 1359 г. и продолжавшиеся до 1379 г., Алексий неоднократно подтверждал свой ярлык еще у целого ряда быстро сменявших друг друга ордынских ханов. Так продолжалось до смерти Алексия, случившейся в Москве 12 февраля 1378 г.

Глава VI

ЯРЛЫК МУХАММЕДА БЮЛЕКА МИТРОПОЛИТУ МИХАИЛУ*

Реконструкция содержания 6-го, хронологически последнего документа собрания ханских ярлыков русским митрополитам — ярлыка Мухаммеда Бюлека митрополиту Михаилу от 1379 г. — является объектом настоящей главы.

Имена исторических деятелей, так или иначе причастных к интересующему нас акту, хорошо знакомы как в научных кругах, так и в широких слоях читающей публики в нашей стране и далеко за ее пределами. Объяснение тому лежит на поверхности: год 1379 примыкает к 1380-му — году Куликовской битвы. Всестороннему освещению последней посвящено море как научной, так и околонаучной литературы. Русский митрополит Михаил (Митяй) скончался осенью 1379 г., но и его личности историки уделили пристальное внимание. В 1978 г. вышло монографическое исследование Г. М. Прохорова, посвященное деятельности этого незаурядного человека[1].

Неоднократно отмечалось, что редактор русского текста ханских ярлыков в своем стремлении к унификации содержания текстов, составляющих это собрание, прибегал к методу прямого наложения сходных текстов ярлыков. Эта операция была проведена с текстами ярлыков Бердибека и Мухаммеда Бюлека[2]. Можно подумать, что исторические события, которые вызвали необходимость получения ярлыка Бюлека митрополитом Михаилом, общеизвестны

---

* *Григорьев А. П.* Ярлык Мухаммеда Бюлека от 1379 г. митрополиту Михаилу: Реконструкция содержания // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки / Отв. ред. Б. Н. Мельниченко, Б. М. Новиков. СПб., 2000. Вып. 19. С. 3–104.

и реконструкция содержания этого ярлыка не представляет особого интереса. Последующее исследование призвано опровергнуть подобного рода предположения.

Нареченный митрополит всея Руси Михаил, получив официальное признание означенного сана со стороны ордынского хана в виде анализируемого здесь ярлыка, отправился в Константинополь на церемонию своего посвящения в митрополиты со стороны патриарха. В самом конце пути он неожиданно заболел и скончался на корабле под стенами Константинополя.

Монастырский летописец откровенно писал по поводу неудачной попытки Михаила сделаться русским митрополитом: «Сего же епископи вси и игумени и прозвутери и мниси и священници вси не хотяху, но един князь великии хотяше»[3]. Стало быть, идея получения Михаилом сана митрополита всея Руси принадлежала великому князю Дмитрию Ивановичу, будущему Донскому, который встретил на пути ее осуществления мощную оппозицию в лице русских церковных иерархов. Создается впечатление, что в итоге победила оппозиция. Чем она была вызвана и какими силами направлялась? Для того чтобы ответить на эти вопросы, необходимо познакомиться с основными вехами жизни Дмитрия до 1379 г. применительно не только к светской и церковной жизни тогдашней Руси, но и к положению в Золотой Орде и русско-ордынским отношениям. Потому что в отличие от русского митрополита, которого утверждал в сане византийский патриарх, русского великого князя утверждал тогда ордынский хан.

Последний по времени отечественный исследователь, создавший исторический портрет Дмитрия Донского, — В. А. Кучкин[4], перу которого принадлежат также работы, в которых тщательно и тонко анализируются и интерпретируются данные русских источников о важнейшем деянии в жизни Дмитрия — Куликовской битве, сподвижниках и современниках великого князя[5]. В. А. Кучкин работал практически с теми же историческими источниками, которые были доступны и широко использовались в трудах прежних ученых. Однако результаты его исследований, как в частностях, так и в общих выводах, нередко разительно отличались от результатов, достигнутых его предшественниками. Это объясняется, в частности, тем, что В. А. Кучкин приступил к написанию своих означенных выше исследований, уже имея за плечами капитальные труды по исторической географии интересующего его региона, а также обширные

знания по русской генеалогии и хронологии. Автор этих строк, имея в своем активе некоторые достижения в деле изучения источников по истории Золотой Орды, попытается использовать свои знания в качестве средства к познанию истории России.

Начинать рассмотрение этапов жизни Дмитрия следует, конечно, со времени его рождения. Ясно, что личное активное участие Дмитрия в жизни Московского княжества и Владимирского великого княжества началось гораздо позднее. Тем не менее именно на 1350–1366 гг., т. е. годы его детства, отрочества и ранней юности, пришлись крупные перемены в истории Московского княжества, Владимирского великого княжества и Золотой Орды, а также в судьбах представителей московского княжеского дома, московского боярства и в личной жизни самого Дмитрия. События тех лет таят в себе еще много неразгаданных тайн.

Дмитрий родился 12 октября 1350 г. Его отец, Иван Красный, был тогда в Московском княжестве удельным князем звенигородским и рузским (1340–1353). Старший брат отца, Семен Гордый, являлся князем московским и великим князем владимирским (1340–1353). Младший брат Ивана, Андрей, был удельным князем серпуховским (1340–1353). Мать Дмитрия звали Александрой. Источники не сохранили сведений о ее происхождении. Из летописи известно, что в 1344 г. Семен, Иван и Андрей ездили в Орду «к царю» (хану) Джанибеку (1342–1357). 26 октября того же года братья вышли из Орды «пожалованы богом и царем»[6]. В 1345 г. трое братьев вторично женились. Семен взял в жены княжну волоцкую, Андрей — княжну галицкую. Из каких краев была вторая жена среднего брата, Ивана, летописец умалчивает[7].

Это умолчание русских летописцев наводит на мысль о том, что первоначально о свадьбах всех троих князей в летописях имелись подробные рассказы. Однако записи XIV в. в их начальном виде до нас не дошли. Они были безжалостно «отредактированы» последующими переписчиками. Зачем было кому-то вымарывать данные о прошлом? Видимо, цензура на Руси всегда стояла на высоте. Купюры в летописях делались прежде всего из политических соображений. В XV в. на сведения о русско-ордынских связях был наложен запрет. Приходится радоваться и тому немногому, что в наших летописях по разным причинам все-таки сохранилось.

Первая жена Ивана Красного Феодосия, урожденная княжна брянская, скончалась, видимо при родах, зимой 1342/43 г.[8] От нее

осталась дочь Анна (или Мария), позднее выданная замуж за князя Дмитрия Михайловича Боброка Волынского. Одним из результатов поездки Семена, Ивана и Андрея в Орду в 1344 г., скорее всего, было успешное сватовство Ивана на родственнице Джанибека. Это обстоятельство и последовавшая в 1345 г. свадьба Ивана сразу подняли авторитет в Орде не только удельного князя, но и его старшего брата, великого князя Семена Гордого. На вопрос — почему в 1344 г. Семен сам не посватался к ордынской царевне — есть однозначный ответ: первая супруга Семена скончалась 11 марта 1345 г.[9] Можно предположить, что отец троих братьев и дед Дмитрия Иван Калита, бывший великим князем владимирским в 1328–1340 гг. и последовательно женатый на Елене (ум. 1332) и Ульяне (ум. ок. 1373)[10], выбирал себе жен также в Орде.

В эту эпоху русские великие князья чувствовали себя в стольном городе Владимире не вполне уверенно. Получив в ставке ордынского хана ярлык и пайцзу, удостоверявшие его право на великое княжение, очередной великий князь вместе с митрополитом всея Руси и в сопровождении ханского уполномоченного, возглавлявшего ордынский военный отряд, прибывали во Владимир, который давно уже фактически (а с начала июля 1354 г. и юридически) считался и официальным местом пребывания митрополичьей кафедры. После того, как во Владимире проводилась официальная церемония восшествия на великокняжеский престол, на которую «к ярлыку» были обязаны приезжать и князья всех остальных княжеств, входивших в состав Владимирского, новый великий князь «для порядка» какое-то время жил в столице, а затем стремился уехать в свою «отчину и дедину», где и проводил бóльшую часть своей жизни в окружении кровных родственников и ближних бояр. В столице и других городах Владимирского княжества великий князь оставлял своих наместников и военные гарнизоны.

Эта практика объяснялась неуверенностью великого князя в завтрашнем дне. Ордынский хан-«благодетель» мог внезапно и непредсказуемо изменить свое первоначальное решение или неожиданно погибнуть в результате государственного переворота. Тот же хан или его преемник всегда имели возможность выбрать нового владимирского князя из числа претендентов, принадлежавших к тверскому, московскому или нижегородскому княжеским домам. Так Иван Калита пришел на смену двум великим князьям из Твери. Что касается русских митрополитов, то и они старались не от-

рываться от «своих» князей и бóльшую часть времени проводили в их отчинах. В Москве жил, умер и был погребен митрополит Петр (1308–1326). Его примеру последовал и митрополит Феогност (1328–1353). Иногда это не мешало митрополиту проводить политический курс, отличный от устремлений великого князя.

Проживая в центре своей отчины, великий князь экономически, политически и в военном отношении зависел от своего ближайшего окружения — бояр, в особенности «старцев градских» — потомков местной родо-племенной знати, которые занимали ведущие места в государственном управлении. Во главе боярского управленческого аппарата в Москве первой половины XIV в. стояли тысяцкие. Эта должность считалась наследственной[11]. Случилось так, что утвердившемуся в Москве боярскому роду тысяцких Вельяминовых[12] в правление Семена Гордого бросил вызов род Босоволковых[13]. Великий князь поддержал и утвердил в должности московского тысяцкого Алексея Петровича Хвоста Босоволкова.

В начале 50-х годов Семен Гордый обнаружил со стороны своего новóго тысяцкого «коромолу», т. е. заговор. Конкретное содержание заговора не разглашалось и осталось семейной тайной великого князя и его братьев — удельных князей Ивана Красного и Андрея. Семéн Гордый не решился применить по отношению к Алексею Петровичу и членам его семьи меры физического воздействия. Тот был отрешен от должности и выведен из состава великокняжеских бояр. Имущество бывшего тысяцкого было конфисковано в пользу Семена Гордого. Часть этого имущества Семен передал среднему брату Ивану. Должность московского тысяцкого была пожалована Василию Васильевичу Вельяминову. К управлению в Московском княжестве вернулись и другие представители рода Вельяминовых и их родственники.

В самом начале 1353 г. между великим князем и его братьями был подписан специальный договор, согласно которому, во-первых, подтверждалось право свободного перехода бояр и вольных слуг каждой из договаривающихся сторон к любому из братьев, во-вторых, этого права категорически лишался до конца дней своих А. П. Босоволков. Братьям ни под каким видом не разрешалось не только принимать бывшего тысяцкого к себе, но и чем бы то ни было помогать ему или членам его семьи[14].

Под договором были поставлены 6 подписей свидетелей. Надо полагать, что там подписались по два ближних боярина каждого

из братьев. На стороне Семена свидетелями выступали тысяцкий Василий Васильевич Вельяминов и его тесть Михаил Александрович. Имя старшего боярина со стороны Ивана в подлиннике договора оказалось на сегодня вырванным. Оно занимало место, где разместились бы примерно 4 буквы. Отчество боярина было Васильевич. Имя второго боярина — Василий Окатьевич. Поскольку род последнего известен со времен Ивана Калиты[15], то старше Василия Окатьевича, т. е. влиятельнее его, у Ивана Красного мог быть Федор Васильевич Воронец Вельяминов — родной брат тысяцкого. Со стороны Андрея под договором подписались неведомый нам окольничий Онанья и Иван Михайлович, имя которого еще встретится далее при изложении событий 1371 г.

В завещании Семен Гордый отписывал свою долю недвижимости, чем «благословил» его Иван Калита, жене Марии. При ней он «велел быти» «своему дяде Василию». Так чествовал великий князь тысяцкого В. В. Вельяминова. А «своей братье», князьям Ивану и Андрею, он наказывал «жити заодин» и слушать владыку Алексия и «старых бояр»[16].

Весна 1353 г. принесла в Московское княжество эпидемию чумы, от которой скончались митрополит всея Руси Феогност (11 марта), двое сыновей Семена Гордого — Иван и Семен (18 марта), сам великий князь (26 апреля) и его младший брат Андрей (6 июня). На сорочины со дня смерти серпуховского князя, 15 июля, у его супруги родился сын, названный Владимиром. Заботы по отпеванию и погребению умерших легли на плечи 60-летнего владимирского епископа, наследника Феогноста, Алексия, родившегося в Москве в семье боярина Федора Бяконта[17].

Единственным взрослым претендентом на московский княжеский и владимирский великокняжеский престолы из князей московского дома остался отец 3-летнего княжича Дмитрия Иван Красный. Для того чтобы официально утвердиться на обоих престолах, Ивану еще предстояло отправиться в Новый Сарай, где после смерти Узбека (1313–1341) находилась постоянная резиденция ордынских ханов, выиграть там в присутствии Джанибека тяжбу за владимирское великое княжение и получить на то ханский ярлык.

События лета 1353 г. в Московском княжестве венчало возвращение посольства, отправленного в Византию еще покойными великим князем и митрополитом. В привезенных послами императорских и патриарших грамотах содержалось приглашение Алек-

сия в Константинополь на поставление в митрополиты всея Руси[18]. Алексию, теперь уже нареченному митрополиту всея Руси, предварительно надлежало получить официальное признание своего сана со стороны ордынского хана, открывавшее возможность на получение его ярлыка, освобождавшего возглавляемую митрополитом русскую церковь от всех налогов и повинностей. Вторым не менее обязательным предварительным мероприятием Алексия было его участие в церемонии посажения на престол во Владимире Ивана Красного. Только после осуществления этих непременных условий Алексий мог рассчитывать на помощь со стороны великого князя в сборе средств на организацию представительной русской делегации, проезд ее в далекий Константинополь, содержание ее там, достойные дары византийскому императору и патриарху и благополучное возвращение обратно.

Осенью 1353 г. Иван Красный, скорее всего с супругой и сыном Дмитрием, в сопровождении Алексия, назначенного по завещанию Феогноста советником Ивана, отправился в Орду. Туда же за ярлыками, подтверждавшими их вотчинные права, потянулись и все остальные князья Владимирского великого княжества. В Новом Сарае основную конкуренцию на великокняжеский престол Ивану Красному составил нижегородский князь Константин Васильевич (1341–1355). В итоге Иван победил и получил от Джанибека ярлык на владимирское великое княжение. Получил свой ярлык и Алексий. Текст его ярлыка, как и подавляющее большинство текстов других ордынских документов, до наших дней не сохранился. В первых числах января 1354 г. Иван Красный, Алексий, сопровождавшие их лица и другие русские князья покинули ханскую ставку[19].

Путь делегации Ивана и Алексия из Нового Сарая на родину пролегал вдоль правого берега Волги мимо ордынского города Укека (Увека), который находился приблизительно на полдороге между ханской ставкой и Булгаром. Прежде, ознакомившись с предположением А. Г. Мухамадиева о том, что где-то в пределах Булгара, возможно в самом Булгаре, располагался ордынский Гюлистан, или Гюлистанский дворец (Гюлистан-сарай), являвшийся одним из центров монетной чеканки в 50–70-х годах XIV в., т. е. тогда, когда эмиссия монет булгарского чекана прекратилась[20], автор этих строк, убежденный в нахождении Гюлистана не южнее, а севернее Нового Сарая, безоговорочно принял предположение

А. Г. Мухамадиева[21]. Теперь, когда наши знания о событиях тех лет стали шире и глубже, прежние выводы нуждаются в пересмотре.

Вдовствующая ханша Тайдула, бывшая старшей женой Узбека, а в правление его и ее сына Джанибека возведенная в ранг «главной матери», являлась выдающейся государственной и общественной деятельницей Золотой Орды 20–50-х годов XIV в. Ее роль во внутренней и внешней политике государства особенно возросла после смерти Узбека, случившейся осенью 1341 г.[22] Тайдула происходила из рода князей правого крыла, представители которого занимали важнейшие государственные и придворные должности, сильно потеснив при Джанибеке своих соперников из князей левого крыла, владения которых располагались к востоку от Волги, и противопоставив силу и влияние своего племени другим князьям правого крыла, которые поддерживали главу всех князей правого крыла, управлявшего Крымским тюменом. Захват руководства над Крымским тюменом являлся вожделенной целью князей — кровных родственников Тайдулы.

Автор этих строк, руководствуясь данными антропонимии и письменных источников, предложил видеть в могущественных князьях правого крыла 40–50-х годов XIV в. Могулбуге и Кутлугбуге родных братьев и кровных родственников Тайдулы[23]. В развитие этой идеи можно предположить, что отцом Могулбуги и Кутлугбуги являлся Севинчбуга. Зимой 1322 г. в качестве доверенного лица Узбека Севинчбуга посадил на великое княжение во Владимире тверского князя Дмитрия Михайловича (1322–1326)[24]. Осенью 1337 г. он же в качестве ордынского старшего сановника, одновременно с Могулбугой, прислал в Египет личное посольство к мамлюкскому султану[25]. Больше в источниках имя Севинчбуги не встречается.

Прежде мы не могли сказать ничего определенного относительно местонахождения территории, закрепленной в качестве тюмена, т. е. ордынской административно-территориальной единицы, за этим могущественным племенем кровных родственников Тайдулы. Теперь, кажется, появились проблески и в этом направлении поиска.

Согласно сообщению русского летописца, зимой 1361/62 г., в самый разгар «ордынской замятни», о которой речь пойдет ниже, в Тверь к князю Василию Михайловичу приезжал уполномоченный хана Мурата (Мюрида) Урузбуга (Урусбуга) Бездежский[26]. В дан-

ном случае для нас важно не существо поручения, которое выполнял тогда Урусбуга, а его личное сложное имя. Вторая часть имени «буга» предположительно свидетельствует о кровном родстве этого сановника с братьями Могулбугой и Кутлугбугой[27]. Возможно, что род Урусбуги был традиционно связан с русскими князьями тверского дома. Вспомним, что еще гипотетический отец Могулбуги и Кутлугбуги Севинчбуга в качестве ханского уполномоченного в 1322 г. сажал на великокняжеский престол тверского князя.

Автор этих строк далек от мысли, что все ордынские сановники того времени, в сложных именах которых в качестве второго компонента присутствовало слово «буга» («бык»), являлись кровными родственниками. Однако в той конкретной исторической ситуации усиления реальной власти родственников ханши Тайдулы Урусбуга вполне мог быть младшим братом Могулбуги и Кутулгбуги. В начале 1359 г. Кутлугбуга с помощью Тайдулы стал начальником Крымского тюмена и главой всех князей правого крыла[28]. Могулбуга был убит в Новом Сарае осенью 1361 г. При хане Мюриде, пославшем с поручением в Тверь Урусбугу, главой правительства — беглербеком, или улугбеком, являлся сын Могулбуги Ильяс[29]. После смерти Могулбуги и ухода Кутлугбуги в другой тюмен Урусбуга остался старшим в родовом владении братьев. Определение русского летописца к имени Урусбуги — Бездежский — указывает на то, что родовым владением его был город Бездеж, или Бельджамен арабских источников[30]. Город Бездеж, основательно изученный археологами[31], находился на правом берегу Волги к северу от Нового Сарая. Своему возникновению этот ордынский город был обязан положением на месте наибольшего сближения Дона и Волги. Здесь издревле существовала переволока между двумя великими реками, и купеческие речные караваны, поднимавшиеся вверх по Дону из Черного и Азовского морей, с наименьшими затратами переправляли свои суда с товарами в Волгу. Естественно, что Бездеж контролировал переволоку и его правители извлекали из ее бесперебойного функционирования крупную материальную выгоду. Одновременно Бездеж и сам по себе являлся значительным торговым центром, проводившим посредническую торговлю вверх и вниз по всему бассейну Волги.

Располагая материальными и людскими ресурсами, родовые князья — родственники Тайдулы — имели возможность удерживать под своей властью и обширные земельные владения. Рассмотре-

ние географических карт и анализ свидетельств русских летописцев позволяют получить приблизительное представление о размерах Бездежского тюмена. Находясь в непосредственной близости от Нового Сарая, Бездеж вряд ли распространял свою власть далеко на юг. Скорее всего, южный предел Бездежского тюмена ограничивала трасса переволоки между Волгой и Доном. Естественной восточной границей тюмена, примерно до Сарыкамыша, служил правый берег Волги. На севере владения тюмена простирались до районов, контролируемых мордовскими князьями. Определенно известно, что в территорию Бездежского тюмена входили земли Наручади (Мокши) и Мещеры[32], а также земли, примыкавшие к южной границе Рязанского княжества. На западе владения родственников Тайдулы ограничивал левый берег Дона.

Вышеупомянутое географическое обозначение Сарыкамыш нуждается в дополнительном комментарии. Нам удалось зафиксировать это название в русском переводе грамоты Тайдулы от 25 сентября 1347 г. в форме Желтая Трость, что является дословной передачей тюркских слов Сары + Камыш[33]. Тогда автор бездоказательно отнес этот Сарыкамыш к территории Хорезма. Теперь мы полагаем, что, поскольку грамота писалась «на Желтой Трости», под Сарыкамышем следует видеть обозначение названия реки. В «Книге Большому Чертежу», составленной в 1627 г., отмечена река Камышенка, впадавшая справа в Волгу в 110 верстах южнее городища Увешенского[34]. В настоящее время реку называют Камышинка. В ее устье расположен город Камышин, возле которого разведано ордынское городище, именуемое ныне Шишкин Бугор[35]. Река Камышинка называлась по-тюркски Сарыкамыш и, видимо, служила южной границей земельных владений Тайдулы, протянувшихся вдоль правого берега Волги. Административным центром и северным пределом их являлся город Укек.

Вернемся к событиям января 1354 г., когда получивший ярлык на великое княжение Иван Красный и сопровождавший его нареченный митрополит Алексий возвращались на родину из ханской ставки в Новом Сарае. Пройдя Бездеж и двигаясь вдоль правого берега Волги на север, путники добрались до города Укека. Именно этот город, как мы теперь считаем, после смерти Узбека сделался постоянной резиденцией Тайдулы. Укек был основан в 50-х годах XIII в., имел свой монетный двор. Там чеканили монету от имени Токты (1390–1412), после чего чекан Укека исчезает. Основная мас-

са ордынских монет XIV в., обнаруженная на территории Укекского городища, отмечена чеканом Нового Сарая и Гюлистана[36]. Можно предположить, что монетный двор в Укеке продолжал функционировать после Токты под названием дворца Гюлистан (что значит «розарий», «цветник»), где и находилась резиденция Тайдулы.

Укек устраивал Тайдулу во многих отношениях. Он располагался не очень далеко от ханской ставки в Новом Сарае, с которой ханше-матери необходимо было поддерживать постоянную устойчивую связь. В то же время, во избежание возможных придворных интриг, с юга Укек защищал от всякого рода неожиданностей оплот кровных родственников Тайдулы — Бездеж. На протяжении всей своей жизни в качестве ханши Тайдула играла роль «христианской заступницы», т. е. официально выступала покровительницей всех христиан. Для связи с европейскими христианами-католиками использовался водный путь Укек — Бездеж — Дон — Азов — Кафа (Феодосия). В Азове ханша со времен Узбека пользовалась правом прямого сбора в свою пользу части ввозной пошлины с европейских торговых кораблей[37]. Она стремилась как-то закрепиться и в Кафе. Видимо, Тайдула достигла своей цели, когда в начале 1359 г. добилась, чтобы ее родственник Кутлугбуга стал правителем Крымского тюмена.

Тайдула являлась «заступницей» и для православных христиан Владимирского великого княжества. Русские князья прекрасно знали об этом и постоянно, с разным успехом, обращались к ханше за содействием, конечно, не бесплатным. Южный водный торговый путь русских купцов в Азов, Крым и Византию начинался с верховьев Дона. Этот район контролировался городом Тулой — владением Тайдулы, которым управляли ее наместники — даруги (баскаки)[38].

Иван Красный и Алексий вынуждены были остановиться в Укеке. Этого требовал от великого князя и митрополита не только долг вежливости по отношению к сидевшей в Гюлистанском дворце христианской заступнице. Для юридического утверждения в сане митрополита всея Руси Алексию еще нужно было получить личное благословение византийского патриарха, а для этого — совершить поездку в далекий Константинополь. Существовал путь в Византию по суше, пролегавший через старинную митрополичью резиденцию Киев. Этот путь для Алексия был тогда закрыт литовским великим князем Ольгердом (1345–1377)[39]. Водный путь в Константинополь

через ордынские владения по Дону на Азов и Кафу контролировался все той же Тайдулой. 10 февраля 1354 г. Алексий получил от Тайдулы проезжую грамоту в Византию[40]. В качестве ходатая перед ханшей за удовлетворение прошения митрополита выступал ее приближенный Тимур-ходжа, приходившийся родным сыном Могулбуге, который тогда правил Бездежским тюменом[41].

Далее великий князь и митрополит проследовали во Владимир, где 25 марта 1354 г. состоялась торжественная церемония посажения на престол Ивана Красного. Только тогда, т. е. не ранее конца марта — начала апреля 1354 г., Алексий получил возможность отправиться в Константинополь. Уже 30 июня 1354 г. патриарх Филофей утвердил там Алексия в сане. Новый русский митрополит вернулся в Москву через Киев в самом конце 1354 г.[42] На время поездки в Византию Алексий оставлял своим местоблюстителем в Переяславле Залесском епископа волынского Афанасия. Во время отсутствия митрополита епископ Афанасий поставил игуменом Троицкого монастыря Сергия Радонежского — будущего духовника Дмитрия. Расчет времени показывает, что поставление Сергия в игумены следует относить не к лету–осени 1353 г.[43], а к лету–осени 1354 г.

Итак, за время от весны 1353 г. до весны 1354 г. 3-летний Дмитрий, сам того не заметив, совершил головокружительный взлет от положения удельного княжича до наследника московского княжеского стола и великокняжеского престола во Владимире. Его отец, Иван Красный, свой взлет, несомненно, ощутил, но одновременно приобрел и массу связанных с ним новых проблем. Остроту этих проблем на всем протяжении его правления сглаживал митрополит Алексий, который включился в решение задач внутренней и внешней политики великого княжества Владимирского еще в годы княжения отца и старшего брата Ивана Красного. Одновременно Алексий, сделавшись главой русской православной церкви, решал и политические проблемы, далеко выходившие за рамки границ великого княжества Владимирского.

Литовский великий князь Ольгерд выдвинул нового кандидата на роль митрополита киевского и всея Руси. Им стал Роман, приходившийся родственником тверской княжне Ульяне Александровне, еще в 1349 г. ставшей женой Ольгерда. Роман использовал ситуацию, сложившуюся в Византии в конце 1354 — начале 1355 г., когда там сменились у власти император и патриарх, и летом 1355 г.

получил посвящение в сан митрополита. К осени 1355 г. Роман обосновался в Киеве. Русская церковь оказалась расколотой надвое. Зимой 1355/56 г. Алексий назначил от своего имени нового епископа в смоленскую епархию. Роман обратился к патриарху с жалобой на самоуправство Алексия. Из Константинополя в Москву к Алексию пришел вызов на патриарший суд.

Алексий спешно отправился в Византию через ордынские владения и осенью 1356 г. прибыл в Константинополь, где Роман находился еще с лета. На заседании синода патриарх Каллист выделил Роману литовские (полоцкую и туровскую) и малорусские епископии, а также Новогрудок. Киев формально остался во власти Алексия как митрополита «всея Руси». Такое решение ограничивало права Романа в пользу Алексия. Современники именно так его и оценили. Алексий вернулся через Орду в Москву к началу зимы 1356 г.[44]

После смерти Семена Гордого и утверждения на престоле во Владимире Ивана Красного в рядах московского боярства произошли перемены. В. В. Вельяминова на посту тысяцкого сменил поддержанный новым великим князем бывший опальный тысяцкий А. П. Босоволков. В. В. Вельяминов и верные ему бояре составили заговор, в результате чего 3 февраля 1357 г. А. П. Босоволков был обнаружен убитым на площади в Москве. В том, что это убийство являлось заказным, как и в том, кто именно были его заказчики, никто в Москве не сомневался. Поэтому «тое же зимы по последьнему поути болшии бояре московьскые... отъехаша на Рязань съ женами и зъ детьми[45]». Беглецов возглавляли В. В. Вельяминов и его тесть Михаил Александрович, т. е. лица, в начале 1353 г. выступавшие в качестве свидетелей со стороны Семена Гордого при подписании между братьями договора о московском тысяцком.

Тем временем внутри ордынского общества росло напряжение, грозившее новым взрывом княжеских междоусобиц. Джанибек организовал завоевательный поход в Иран, где некогда единая держава монгольских ильханов уже распалась на ряд враждующих территорий. Вековая борьба между ордынскими джучидами и хулагуидами Ирана за территорию Азербайджана завершилась в 1356 г. в пользу Орды. Войска Джанибека, собравшись в Хаджитархане (Астрахани), прошли через прикаспийские степи и переправились через Терек. Затем они миновали Дербенд и Ширванскую степь,

перешли Куру, обогнули Тебриз с юга и в сражении под Уджаном разгромили армию Мелик-Ашрефа. После этого, осенью 1356 г., ордынский хан посадил в Тебризе в качестве самодержавного государя своего сына Бердибека, а сам с основными силами отправился домой. В дороге у Джанибека произошел нервный срыв. Приближенные, тщательно стараясь скрыть его недуг от огласки, привезли тяжелобольного хана в Сарай.

Не прошло и полугода, как в среде ордынских племенных вождей созрел заговор против Джанибека. Возглавлявший заговорщиков Тоглубай связался с находившимся в Азербайджане Бердибеком и предложил ему, устранив отца, занять ордынский престол. Бердибек оставил за себя в Тебризе местного правителя Ахиджука и поспешил в Сарай. В ночь на 22 июля 1357 г. он тайно прибыл в ханскую ставку лишь с 10 спутниками и остановился в доме Тоглубая. Вскоре заговорщики блокировали ханский шатер и задушили Джанибека. Тотчас же был совершен обряд провозглашения новым ханом Бердибека[46].

Видимо, за несколько дней до убийства Джанибека, после того как все доступные средства его лечения были перепробованы и не принесли успеха, ханша-мать Тайдула, в расчете на чудо, решила обратиться за помощью к русскому митрополиту. От ее имени в Москву к Алексию отправился посол, получивший задание сопровождать митрополита в ханскую ставку под предлогом «нездравия» самой Тайдулы. К середине августа 1357 г. ордынский посол добрался до Москвы. 18 августа, вместе со спешно собравшимся Алексием, он уже выехал из Москвы в Орду[47]. Надо полагать, что основные события по захвату власти Бердибеком происходили в Новом Сарае, который в обиходе назывался просто Сараем. С начала правления Джанибека, когда ханская ставка и все связанные с нею учреждения, включая монетный двор, перебазировались на новое место, прежняя ордынская столица запустела. Не исключено, что в народе она иначе, чем Старый Сарай, и не называлась.

Пусть от Нового Сарая до Москвы ордынские посланцы и купеческие караваны (а одни без других, как правило, не ходили) покрывали примерно за месяц. Обратный путь продолжался столько же времени. Во всяком случае к концу сентября 1357 г. Алексий уже должен был добраться до Нового Сарая. Однако после событий, имевших место в Новом Сарае 22 июля того же года, обстановка в Золотой Орде непредсказуемо изменилась. В Орде началась

«великая замятня», которая быстро охватила всю ее территорию и продолжалась много лет. Власть Бердибека в стране была в значительной степени номинальной. В новом Сарае он закрепиться не сумел, а устроил военный лагерь в окрестностях Старого Сарая и пребывал там до своей гибели в 1359 г.

Только к ноябрю 1357 г. Алексий добрался до ставки Бердибека в низовьях Волги. Еще в пути он во всех подробностях узнал об убийстве Джанибека и последовавших за ним событиях в Орде. Под угрозой оказалось не здоровье Тайдулы, а личная безопасность самого митрополита. Главная задача, вставшая перед Алексием в тот момент, была одна — получение от нового хана ярлыка и пайцзы, которые гарантировали бы русской церкви ее традиционные привилегии. Эту задачу митрополит незамедлительно решил. Текст полученного им 21 ноября ярлыка Бердибека сохранился в русской передаче[48]. Благополучное возвращение Алексия в родные края зимой 1357 г. послужило сигналом для Ивана Красного и других князей великого княжества Владимирского отправиться в Орду за подтверждением владетельных прав на свои княжества. Бердибек, заинтересованный в скорейшем получении от русских князей обязательной платы за ярлыки, не чинил им проволочек. Поэтому уже в марте 1358 г. великий князь и другие князья с ярлыками и пайцзами вернулись в свои владения[49].

Приблизительно в феврале 1358 г. Иван Красный встретил в ханской ставке своих, еще в феврале 1357 г. бежавших от его гнева в Рязань, бояр-заговорщиков во главе с В. В. Вельяминовым. Видимо, у бывшего московского тысяцкого нашлись в Орде очень влиятельные покровители. Великий князь вынужден был не только принять обратно опальных бояр и вместе с ними вернуться в Москву, но даже согласиться на возвращение В. В. Вельяминову его прежней должности тысяцкого[50].

Самыми грозными соперниками князей московского дома в их борьбе за владимирский великокняжеский престол в XIV в. являлись представители тверского княжеского дома. Владимирскими великими князьями были тверской князь Михаил Ярославич (1305–1317) и его сыновья Дмитрий (1322–1326) и Александр (1326–1327). Начиная с 1328 г. удача в этой борьбе надолго перешла на сторону князей московского дома. Их успеху в большой мере способствовало взаимное соперничество между потомками Михаила Ярославича в их стремлении овладеть тверским престолом. В середине XIV в.

особенно ожесточенной была борьба между младшим сыном Михаила Ярославича Василием и сыном Александра (племянником Василия) Всеволодом[51].

После того как в 1346 г. умер тверской князь Константин Михайлович (1328–1337, 1340–1346), его младший брат Василий, удельный князь кашинский, рассчитывал, пользуясь правом старшинства, получить в Орде ярлык на тверское княжение. Однако его опередил сын Константина Всеволод, удельный князь холмский, оказавшийся в Орде раньше Василия и первым испросивший вожделенный ярлык у Джанибека. Так завязалась борьба за тверской престол между дядей и племянником, продолжавшаяся до смерти Всеволода в январе 1366 г. Борьба велась с переменным успехом. Обе стороны старались привлечь к себе в союзники великого князя литовского, князей из московского и нижегородского домов и, конечно, митрополита Алексия.

К лету 1357 г. во Владимире у Алексия побывала делегация из Твери во главе со Всеволодом и тверским епископом Феодором. Всеволод поведал митрополиту о своих обидах от Василия, который учинил их вопреки взаимному между ними соглашению после того, как, «по митрополичю слову», «возма любовь» с великим князем Иваном. Видимо, тогда же Иван Красный получил от Василия обязательство не претендовать на владимирский престол. В споре дяди и племянника Алексий принял сторону Василия, и делегация Всеволода ни с чем вернулась домой. Когда же зимой 1358 г. русские князья потянулись в Орду за новыми ярлыками, поехал туда и Василий. Он получил от Бердибека ярлык на тверское княжение и 17 марта 1358 г. возвратился в Тверь. Отправившийся вместе со всеми в Орду Всеволод был остановлен в Переяславле Залесском наместником Ивана Красного и вынужден был уехать в Литву, где проживала его сестра Ульяна, жена Ольгерда.

Получив поддержку в Литве, Всеволод вновь поехал в ханскую ставку. Узнав об этом, Василий отпустил из Твери в Орду своих посланцев с прошением к хану выдать ему Всеволода. Тайдула поддержала ходатайство Василия, и Бердибек под конвоем выслал Всеволода в Тверь. Там он был выдан Василию. «И бышетъ отъ князя Василья князю Всеволоду томление велико и бояромъ и слоугамъ продажа данная велика, тако же и чернымъ людемъ».[52] Видимо, таким образом, т. е. выдачей сторонников Всеволода в неволю ханским уполномоченным, Василий расплатился с Бердибеком за

его услугу и получил при этом зачет за какую-то долю будущей обязательной дани в Орду с Тверского княжества.

В то самое время удельным князем микулинским в Тверском княжестве был младший брат Всеволода Михаил Александрович, которому к моменту государственного переворота Бердибека исполнилось 24 года. Михаил был человеком умным, энергичным и даже образованным. С 8 лет он обучался грамоте у своего крестного отца митрополита Феогноста[53]. Дмитрий Донской, например, не умел ни читать, ни писать[54]. В 1352 г. Михаила женили на Елене — дочери нижегородского князя Константина Васильевича. Последний осенью 1353 г. являлся в Орде основным конкурентом Ивана Красного в тяжбе за великокняжеский престол. Не добившись своего, нижегородский князь вернулся домой и в 1355 г. умер. Не имея пока реальной возможности претендовать на княжеский стол в Твери, Михаил пошел дальше своего нижегородского тестя в стремлении овладеть престолом во Владимире.

Против узурпатора Бердибека с самого начала его правления выступали старшие представители рода Джучи: Кулпа, базой которому служил Азов, Хызр, боровшийся за Укек (Гюлистан), и Навруз, осаждавший Новый Сарай. Все трое, начиная по крайней мере с 1358 г., эпизодически чеканили от своего имени монету в названных городах[55]. По словам современника Бердибека арабского историка Ибн Халдуна, хан погиб на третьем году своего царствования[56]. Если вести отсчет правления Бердибека от 22 июля 1357 г., то кончина его приходилась на 1359 г. Можно ли определить ее во времени более точно? Известно, что, когда 4 марта 1359 г. Тайдула отправляла свое послание венецианскому дожу, Бердибек был жив[57]. Для того чтобы датировать более поздние, прижизненные для Бердибека, события названного года с точностью до дня, нужно иметь точно датированные письменные источники. А их у нас нет.

Что еще известно о событиях 1358–1359 гг., связанных с Ордой? Из русских летописей мы знаем, что в 1358 г. (во всяком случае не позднее зимних месяцев 1359 г.) Бердибек посылал своего сына Мухаммед-ходжу на рязанские земли. Тот «много въ нихъ зла сотвори» и обратился к Ивану Красному с требованием «о розъезде земля рязаньскыя». Иными словами, речь шла о размежевании земель и установлении новых ордыно-рязанских границ с великим княжеством Владимирским. Территориальные споры и взаим-

ные захваты между Рязанью и Москвой происходили постоянно. В данном случае, скорее всего, Мухаммед-ходжа собирался оттягать в свое пользование спорные земли в пределах серпуховского и коломенского уделов Московского княжества. Создавшуюся очень острую для Ивана Красного ситуацию разрядило неожиданное разоблачение Мухаммед-ходжи как «коромольника» по отношению к Бердибеку. Он был срочно отозван в ханскую ставку. Зная, чем это для него кончится, Мухаммед-ходжа попытался бежать в Ургенч, но был настигнут посланниками отца и убит[58].

Дальнейшее последовательное изложение событий, связанных с Ордой, в русских летописях прерывается. О происшествиях 1359 г. вначале сообщается, что «тое же зимы» 1359/60 г. «князи роусьскыи поидоша въ Ордоу». Потом говорится о смерти в Москве Ивана Красного, случившейся 13 ноября 1359 г. Далее написано о смерти в Орде Бердибека, воцарении Кулпы, его 5-месячном правлении, убийстве Наврузом Кулпы «со двема сынома своима, со Михаиломъ и Иваномъ». Именно к Наврузу зимой 1359/60 г. «приидоша вси князи роусьскыи и бысть имъ въ Орде розделъ княжениемъ ихъ»[59]. Приведенные летописные сообщения вызывают у внимательного читателя недоумение. Чем вызвано такое странное расположение летописного материала? Сначала говорится о событиях зимы 1359/60 г., затем — о событиях осени 1359 г., далее летописец сообщает о смерти Бердибека, воцарении и 5-месячном правлении Кулпы, смерти Кулпы и воцарении Навруза, т. е. о происшествиях, начало которых должно было приходиться на лето 1359 г., а заключает этот перечень сообщение, уже приводившееся в самом начале, — о том, что именно к Наврузу направлялись русские князья зимой 1359/60 г.

Уже перечисление нами означенных событий позволяет сделать вывод о том, что смерть Бердибека имела место летом 1359 г. Более определенную дату этого происшествия назвать пока не представляется возможным. Смерть очередного хана в Орде и восшествие на престол нового хана, тем более узурпатора, всегда скрывались от посторонних глаз и ушей возможно более продолжительный срок, что позволяло новому хану утвердить свое положение в ставке. Так что сокрытие обстоятельств и точной даты смерти Бердибека не особенно удивляет исследователя. Более странным представляется факт сокрытия русским летописцем обстоятельств явно преждевременной смерти Ивана Красного, скончавшегося в возрасте 33 лет.

Обращает на себя внимание и еще одна странность в летописном изложении событий 1359 г. Иван Красный являлся великим князем владимирским. После его смерти все русские князья Владимирского великого княжества автоматически обязаны были отправиться в Орду для утверждения ханом нового претендента на великокняжеский престол. Однако описание этого действа в летописи нет. Летописец недвусмысленно связывает исход русских князей в Орду не со смертью Ивана Красного, а с воцарением Навруза. Почему? Надо полагать, что к моменту своей кончины Иван Красный великим князем владимирским уже не являлся, хотя традиционно сохранял титул «великий князь», на который имелись соответствующий ярлык и пайцза. Промосковский летописец не стал заострять на этом горестном для москвичей случае внимание будущих читателей. Этим обстоятельством объясняются и странное расположение летописного материала, и отсутствие там сообщений о поездках русских князей в Орду летом 1359 г. (а она, конечно, была) и осенью 1359 г. (в ней не было необходимости).

Летом 1359 г. Кулпа возвестил мир о своем восшествии на престол и был официально признан ханом на всей территории Золотой Орды, ибо монета с его именем чеканилась в ордынских городах Новом Сарае, Азове, Укеке и Ургенче[60]. Другое дело, что великим князем владимирским Кулпа утвердил не Ивана Красного, который в Орду ездил, но ярлык получил лишь на свою отчину — Московское княжество. Имя счастливого обладателя ярлыка на великое княжение прозрачно вырисовывается в сообщении русского летописца, поведавшего о том, что после 5-месячного правления Кулпа был убит вместе со своими сыновьями Михаилом и Иваном.

Русские христианские имена у сыновей ордынского хана могли появиться только в том случае, если ханычи были крещены по православному обряду. Резонно допустить, что Кулпа заручился материальной поддержкой одного из русских князей — претендентов на владимирский великокняжеский престол и благодаря этой поддержке убил Бердибека и, оттеснив своих главных соперников, Навруза и Хызра, воссел на троне в Новом Сарае. В качестве платы за содействие он вначале крестил своих детей, а затем, ставши ханом, предоставил своему помощнику владимирский престол.

Попробуем вычислить этого помощника. Начнем с того, что претендентами на владимирский престол в тот момент могли высту-

пать три русских княжеских дома — нижегородский, московский и тверской. Как определить — к какому из этих домов принадлежал искомый князь? Это легко устанавливается с помощью новых имен сыновей Кулпы — Михаил и Иван. Оказывается, что за полстолетия до 1359 г. среди княжат нижегородского дома не было ни одного Михаила и лишь один Иван. В московском доме к середине 1359 г. остался в живых только Иван Красный. В то же время в Тверском княжестве проживал удельный князь микулинский Михаил Александрович.

После того, как в 1352 г. Михаил женился на дочери Константина Нижегородского Елене, она подарила ему сына Ивана и, скорее всего, ок. 1357 г. скончалась. Сведений о смерти Елены не сохранилось. Однако через много лет тот же летописец сообщает, что 1 ноября 1405 г. скончалась жена Михаила Александровича по имени Евдокия[61]. Такое могло случиться, если Евдокия была второй женой Михаила. Она являлась родственницей Кулпы, получившей христианское имя Евдокия после своего крещения в Твери приблизительно в 1358 г. Крестил ее тогдашний тверской епископ Феодор, а в качестве крестной матери, давшей ей свое имя, могла выступать вдова дяди Михаила Константина Михайловича Евдокия, которая скончалась от чумы в декабре 1356 г[62]. После женитьбы Михаила на ордынской царевне у них родился сын, в честь деда названный Александром. В 1382 г. Александр сменил внука тверского князя Василия Михайловича — удельного князя Василия, умершего бездетным в Кашине. На кашинском столе Александр сидел до самой смерти, случившейся в 1389 г. Он имел зафиксированное в летописи прозвище Ордынец[63].

Отнюдь не праздным является вопрос о том, кто из русских церковных иерархов мог совершить церемонию, освящавшую восшествие на великокняжеский престол во Владимире Михаила Александровича? Вспомним, что с осени 1355 г. в Киеве обосновался Роман, который наряду с Алексием был рукоположен патриархом константинопольским в митрополиты всея Руси. Алексий имел ярлык Бердибека, освобождавший русскую церковь от налогов и повинностей. Что мешало Кулпе, свергшему власть Бердибека, выдать соответствующий ярлык митрополиту Роману? Алексий навсегда связал свою судьбу с московским княжеским домом, а Роман, тверич по рождению, не мог отказаться принять личное участие в посажении на престол во Владимире своего земляка Михаила.

Итак, Михаил, которому в 1359 г. исполнилось 26 лет, вполне мог быть реальным претендентом на владимирский престол, а затем и стать на короткое время правления Кулпы великим князем владимирским. Другой вопрос — стал ли он им в действительности? Сохранились ли в письменных источниках хотя какие-нибудь отголоски, подтверждающие наши предположения?

Обращаемся к материалам Рогожского летописца. Оказывается, что там за 9 лет (1353–1361), которые представляют для нас особенный интерес, о Михаиле нет ни слова. Это наблюдение настораживает. Такого просто быть не могло. Вся дальнейшая биография Михаила говорит за то, что и в указанные годы он являлся слишком видной политической фигурой, чтобы его можно было не заметить. Остается предположить, что имя этого князя и события, с ним связанные, были позднее специально изъяты из летописных сообщений. Под 1362 г. записано, что князь Михаил Александрович взял мир с литовским великим князем Ольгердом[64]. Под 1363 г. читаем заметку о том, что тверской князь Василий собрал было рать к Микулину, где сидел его племянник Михаил, и опять распустил ее[65]. Под 1364 г. искомого имени в летописи нет. События, записанные под 1365–1373 гг., буквально пестрят сведениями о многогранной деятельности Михаила Александровича. Однако самое интересное заключается в том, что летописец во всех без исключения случаях называет его великим князем[66].

Мы уже знаем, что тверским князем до самой смерти, случившейся в 1368 г., считался Василий Михайлович, который долгие годы с переменным успехом боролся за власть в Твери со старшим братом Михаила Всеволодом, скончавшимся в 1366 г. Михаил все это время числился удельным князем в Микулине. Как же можно было называть его тогда великим князем? Крупный исследователь истории Тверского княжества Эккехард Клюг обратил внимание только на то, что летописец называл Михаила великим князем под 1366 и 1367 гг. Он объяснил эту несообразность таким образом. Рогожский летописец писал о микулинском князе Михаиле так, как если бы он был уже великим князем тверским. Иными словами, в летописи наблюдается «анахронистическое употребление великокняжеского титула»[67].

Как же мог летописец «анахронистически» титуловать Михаила великим князем тверским, когда ни Всеволода, ни Василия он ни разу великими князьями тверскими не называл? Решение этой

проблемы видится в другом: летописец называл Михаила великим князем в память о том, что при ордынском хане Кулпе в 1359 г. тот действительно стал великим князем владимирским, а затем на всю оставшуюся жизнь сохранял за собой этот титул. Титулование Михаила просто князем под 1362–1363 гг. в Рогожском летописце может объясняться вмешательством руки промосковского цензора, который предварительно вымарал в летописце описания всех событий за 1353–1361 гг., связанных с именем Михаила, а под 1362–1363 гг. сохранил только краткие заметки о взаимоотношениях Михаила с Литвой и собственным дядей.

До наших дней дошел так называемый «Тверской сборник» — летописный свод, построенный на тверских летописных материалах XV в., излагавших события русской истории с позиций тверских князей. Однако этот сборник сохранился только в списках XVII в. Промосковский редактор сборника не оставил никаких сведений о Михаиле Александровиче вплоть до 1368 г. Под этим годом Михаил называется великим князем[68].

Основываясь на вышеуказанных данных, автор этих строк представляет себе события 1357–1359 гг. применительно к Орде и личности Михаила Александровича следующим образом. После убийства Джанибека и узурпации власти Бердибеком один из главных претендентов на ордынский трон Кулпа нашел себе убежище и поддержку на западных рубежах Золотой Орды. Возможно, он тайно получал материальную помощь от венецианцев в Азове, за счет чего и принялся чеканить монету от своего имени прежде всего в Азове. Мог поддерживать связи с Кулпой и литовский великий князь Ольгерд, женатый на старшей сестре Михаила Ульяне. Честолюбивый микулинский князь в ближайшей перспективе имел очень мало шансов на приобретение престола в Твери. Познакомившись и подружившись с Кулпой, Михаил задумал овладеть престолом во Владимире. Когда скончалась супруга Михаила Елена, оставив ему сына Ивана, микулинский князь породнился с Кулпой, взяв в жены его родственницу, которую тут же окрестили, назвав Евдокией. Со своей стороны, Кулпа крестил собственных сыновей, избрав их крестным отцом Михаила и дав наследникам имена восприемника и его сына.

Получив материальную поддержку от соседей на западе, Кулпа заручился военной помощью ордынских князей правого крыла, а также одобрением Тайдулы, летом 1359 г. сверг Бердибека и воссел

на ордынском троне. В то же лето 1359 г. состоялась поездка в Орду русских князей во главе с Иваном Красным.

Великий князь был хорошо осведомлен о ситуации в Твери и роли Михаила в ордынских делах, ибо Мария, вдова брата Ивана Красного Семена, приходилась Михаилу родной сестрой, а дочь Семена от первого брака Василиса являлась женой старшего сына тверского князя Василия. Поэтому предстоявшая малоперспективная, но совершенно обязательная поездка в Орду потребовала от Ивана Красного, помимо прочего, напряжения всех его душевных сил. Между тем его советник и помощник в реализации внутренней и внешней политики великого княжества митрополит Алексий был далеко от Москвы и от Владимира. Еще 6 января 1359 г. митрополичий караван направился из Владимира в Киев[69] по маршруту Владимир — Коломна — Серпухов — Оболенск — Калуга — Перемышль — Белев — Брянск — Стародуб — Чернигов — Киев. Поездка Алексия была вызвана тревожными сообщениями о том, что литовский митрополит Роман прибрал к рукам Киев и брянскую епископию.

На родину из этого путешествия, которое едва не закончилось для него трагически, Алексий вернулся только в 1360 г. Из позднейших византийских документов известно, что Ольгерд заключил тогда под стражу митрополита и его спутников, отнял у него многоценную утварь и угрожал смертью. У Алексия все же нашлись тайные помощники, которые содействовали его бегству из-под стражи и благополучному возвращению домой[70]. Ивану Красному так и не довелось больше увидеть митрополита Алексия. Перед самой поездкой в Орду летом 1359 г., в тоске и тревоге перед грядущим, князь пишет свое завещание — «духовную грамоту»[71]. Л. В. Черепнин, подготовивший завещание к печати, считал, что оно было написано ок. 1358 г. Основанием для датировки завещания Л. В. Черепнину послужила его связь с летописным известием 1358 г. о попытке Бердибека пересмотреть ордыно-рязанскую границу с Московским княжеством[72]. А. А. Зимин на основании содержащихся в завещании невнятных указаний на состав семьи Ивана Красного полагал, что духовная грамота была составлена не позднее 1356 г.[73] При этом оба историка упускали из виду то обстоятельство, что в тексте завещания двоюродный брат Дмитрия Владимир Андреевич совершенно четко рассматривался как единственный наследник удела своего отца. Не секрет, что у Владимира был

еще старший брат Иван, сообщение о смерти которого в летописях помещается непосредственно перед известием о поездке Алексия в Киев[74]. Значит, Иван Андреевич умер в 1358 г., а Иван Красный написал свое завещание не ранее этого года.

В тексте завещания действительно высказывается опасение за сохранность спорных с Рязанью московских пограничных владений, которые может оттягать себе Орда. Сама по себе такая боязнь в завещаниях князей московского дома была далеко не новой. Еще в завещании Ивана Калиты, который составлял его также перед поездкой в Орду, содержалось точно такое же опасение[75]. Только там боязнь великого князя высказана в общей форме, без указания на конкретные территории, а в завещании Ивана Красного даются точные адреса возможных ордынских захватов[76]. Откуда Ивану Красному стала известна такая конкретика? Только из нереализованных требований уполномоченного Бердибека Мухаммед-ходжи. После того, как вся история с ордынскими притязаниями на московские земли была полностью завершена, митрополит Алексий получил возможность в начале января 1359 г. отправиться в Киев. Текст завещания Ивана Красного свидетельствует о том, что в момент его составления митрополита в стране уже не было. Следовательно, завещание было написано в 1359 г.

К тому времени, кроме самого великого князя, не осталось в живых ни одного взрослого мужчины из московского княжеского дома. Старшему сыну Ивана Красного Дмитрию было только 8 лет, младшему — Ивану едва сравнялось 5 лет. Примерно столько же было и племяннику великого князя Владимиру, который родился 15 июля 1353 г. Свою отчину — Московское княжество — Иван Красный завещал сыновьям, племяннику и жене Александре. После этого он съездил в Орду, уступил там великое княжение Михаилу, а осенью вернулся в Москву, где и умер 13 ноября 1359 г. Однако торжество великого князя владимирского Михаила Александровича продолжалось недолго.

Неожиданный взлет одного из мелких удельных держателей тверского княжеского дома до высот правителя страны, которая раз в 15 превышала размеры всего Тверского княжества, объяснялся своеобразием той эпохи, когда необозримые пространства Золотой Орды, лишившись руководства из единого центра, распались на составлявшие государство отдельные владения и их фрагменты. Их состояние в то время очень образно и точно обрисовал русский

летописец: «Гладу же въ нихъ велику надлежащу и замятне мнозе и нестроению надълзе пребывающу и не престающе другъ на друга въстающе и крамолующе и воюющe межи собою, ратящеся и убивающеся»[77]. То же самое своеобразие эпохи объясняет и кратковременность пребывания Михаила на престоле во Владимире.

В отношении очередности и хронологии правлений в Золотой Орде конца 50–70-х годов XIV в. отдельных представителей рода Джучи автор этих строк несколько продвинулся вперед по сравнению со своими прежними исследованиями[78]. Основными источниками наших сведений по исследуемой теме остаются сохранившиеся монеты ордынских ханов, синхроннные материалы русских летописей, список имен ордынских ханов персидского автора начала XV в. Низамеддина Шами и довольно путаное, но основанное на не дошедшем до нас тюркоязычном первоисточнике повествование современника Шами, также тимуридского придворного историографа — Муинеддина Натанзи. Кроме того, интересующую нас тему разрабатывает с точки зрения изучения предыстории Казахского государства Т. И. Султанов, перу которого принадлежат работы, основанные на подлинных текстах целого ряда восточных источников[79].

Улус Джучи, границы которого определились только после смерти этого старшего сына Чингис-хана и в основном в результате завоевательных походов сына Джучи Бату, в исследовательской литературе получил название Золотая Орда. Как выяснилось из сохранившихся ордынских документов, его подлинными названиями были Монгольское государство (Монгол улус) или, позднее, Великое государство (Улуг-улус)[80]. В Золотой Орде, так же как и в Монгольской империи в целом, государственное административное деление повторяло традиционное деление монгольской армии на центр и два крыла[81]. Центр, возглавляемый ханом-джучидом, управлял крыльями, официальными предводителями которых являлись наиболее авторитетные родовые князья — нечингисиды. Естественной границей между территориями расселения крыльев и одновременно центром страны служила река Волга, на берегах которой располагались ханские резиденции — Сарай и Новый Сарай.

Считалось, что у Джучи было около 40 сыновей, от которых народилось несчетное число внуков. Самыми известными сыновьями Джучи являлись Бату и Орда. Бату был старшим сыном Джучи,

а Орда — четвертым[82]. Если не считать недолгое правление брата Бату Берке, то всеордынскими ханами до конца 50-х годов XIV в. являлись только сам Бату и его потомки. Орда после смерти Джучи получил его коренной юрт, располагавшийся в верховьях Иртыша, т. е. на восточной окраине Золотой Орды. С течением времени род Орды переместился на многие сотни километров в юго-западном направлении и к началу XIV в. обосновался в районе среднего течения Сырдарьи.

Отдаленный потомок Орды Мубарек-ходжа уже в 1328–1329 гг., т. е. во время правления Узбека, предпринял попытку чеканки в Сыгнаке собственной монеты, т. е. провозгласил себя независимым государем. Это своеволие было пресечено центральной властью. Через полгода Мубарек-ходжа был вынужден бежать за пределы страны и погиб в изгнании на Алтае. По предписанию Узбека владение Мубарек-ходжи было передано его брату Чимтаю[83].

Следует отметить, что территория расселения потомков Джучи, приходившаяся на левое крыло Золотой Орды (т. е. земли к востоку от Волги), по крайней мере вдвое превышала территорию ее правого крыла. Поэтому именно на просторах левого крыла кочевала бóльшая часть потомков многочисленных сыновей Джучи. Из них кроме Орды наиболее известными были представители родов сыновей Джучи Шибана и Тука-Тимура. За местами постоянных кочевок ордуидов (т. е. восточными пределами левого крыла) закрепилось название Синяя орда. Шибанидов и тука-тимуридов (кочевья которых изначально находились западнее) относили к царевичам Белой орды. В середине XIV в. география расселения названных потомков Джучи менялась непредсказуемо быстро. Отсюда возникла путаница в цветовом обозначении владений перечисленных джучидов левого крыла, которая наблюдается в произведениях более поздних по времени мусульманских авторов. В изначальной основе этой путаницы лежит различие в цветовой символике тюркских и иранских народов. У тюрок белый цвет обозначает запад, синий — восток, а у иранцев семантика этих цветообозначений была обратной[84]. Для русских летописцев все царевичи, приходившие с волжского левобережья, считались выходцами из Синей орды. Обозначение Белая орда осталось для них неведомым.

Видимо, уже в конце ноября 1359 г. Кулпа погиб от руки Навруза, также являвшегося «своим» для родовых князей правого крыла, т. е. батуидом. Навруз успел отчеканить свою монету не только в

городах правого крыла, но и в Ургенче. Зимой 1359/60 г. к нему в ставку пришли все князья великого княжества Владимирского, «и бысть имъ въ Орде роздел княжением ихъ»[85]. Естественно, присутствовал на этой церемении и великий князь Михаил, не имевший никаких шансов получить престол во Владимире из рук Навруза — смертельного врага Кулпы. Великокняжеский престол был предложен нижегородскому князю Андрею Константиновичу, который отказался от этой чести в пользу своего младшего брата суздальского князя Дмитрия (имевшего крещальное имя Фома). Московские бояре привозили в орду и 9-летнего Дмитрия Ивановича. Он получил ярлык на Московское княжество.

22 июня 1360 г. состоялся торжественный въезд во Владимир Дмитрия Константиновича. Однако церемонии посажения его на престол так и не суждено было совершиться. Из Орды получили тревожные вести о том, что «приде на царство Волжьское некыи царь со въстока Заядьскы, именем Хидырь, прида взялъ Ордоу и царя Навроуса оубилъ и царицу Таидулу, а князи ординьскыхъ Муалбоузиноу чадъ множьство оубилъ, а сам седе на царство»[86]. Представителям погибшего Навруза во Владимире сразу стало не до церемоний.

К какому роду принадлежал новый хан Хызр? Натанзи считает его ордуидом[87]. Трон в Сыгнаке тогда уверенно держал Чимтай, и Хызр решил поискать счастья на западе. Русский летописец называет его «Заядьскым» правителем. В позднейшей Никоновской летописи это название воспроизводится в форме «Заяицкий», т. е. обозначает территорию, расположенную за рекой Яик (Урал). Вряд ли это правильное решение, ибо данное название стоит в паре с названием «царство Волжьское». Известно, что тюркское название реки Яик писалось через букву «джим» и произносилось Джаик. Поэтому точнее будет считать Хызра правителем джаикским, или яицким.

Вряд ли ставка Хызра располагалась в нижнем течении Яика — в Сарайчике. Этот джучид эпизодически захватывал Укек уже с 1358 г. и даже чеканил там свою монету. Летом 1360 г. он также, по словам русского летописца, вначале убил Тайдулу и опустошил владения Могулбуги, а потом уже «седе на царство», т. е. шел к Новому Сараю через Укек, Сарыкамыш и Бездеж. Это значит, что база Хызра, на которой он готовил вторжение, находилась на берегу Яика значительно севернее Сарайчика, возможно, на месте ны-

нешнего Оренбурга, где прежде находились развалины татарского поселения, название которого не сохранилось.

Летом 1360 г. Хызр огнем и мечом проложил себе дорогу через Укек в Новый Сарай. Там он провозгласил себя всеордынским ханом. Монета с его именем действительно в течение года чеканилась во всех крупных центрах Золотой Орды, включая Ургенч. Для закрепления победы над Укеком Хызр оставил там военный гарнизон под началом своего брата Мюрида, а сам с двумя сыновьями и основными силами расположился военным лагерем в Новом Сарае. Узурпатор-чужак, снискавший ненависть родовых князей правого крыла, практически не имея сторонников, Хызр недолго продержался на общеордынском троне.

Весной 1361 г. посланцы Хызра были разосланы во все концы великого княжества Владимирского с призывами к русским князьям собираться в ханскую ставку для выкупа очередных ярлыков и пайцз от имени нового хана. Русские князья потянулись в Орду. Московские бояре опять повезли за ярлыком Дмитрия. Прибыл туда же и великий князь Дмитрий Константинович. Других, кроме старшего сына Ивана Красного, претендентов на стол Московского княжества не имелось. На имя Дмитрия был без проволочек написан ханский ярлык, с которым 10-летний московский князь благополучно вернулся домой[88]. На долю претендента на престол во Владимире Дмитрия Константиновича выпала масса всякого рода затрат и смертельного риска. Орду захлестнул новый вал «великой замятни».

По словам Натанзи, в Сыгнак к Чимтаю неоднократно приезжали посольства от князей правого крыла, которые призывали его занять общеордынский трон. Вместо себя сыгнакский правитель отправил в Новый Сарай своего брата Орда-шейха с несколькими ближайшими родственниками — огланами[89]. В начале 1361 г. армия под командованием Орда-шейха подошла к рубежу, с которого начинал свой поход на Новый Сарай Хызр, т. е. к реке Яику. Базой для подготовки броска на Новый Сарай Орда-шейху послужил, скорее всего, город Сарайчик, находившийся на правом берегу Яика (в 60 км выше нынешнего Гурьева). Летом 1361 г. царевичи Синей орды осуществили поход на Новый Сарай с юга — вдоль берега Ахтубы. Город был блокирован со всех сторон, и Орда-шейх бросил своих воинов на его штурм. Отчаянно сопротивлявшийся Хызр был убит вместе со своим младшим сыном. Его старший сын, которого

Натанзи называет Халифа, провозгласил ханом себя. Однако, как отмечает русский летописец, он смог противостоять натиску воинов Орда-шейха только две недели[90].

После гибели Халифы всеордынский престол захватил Орда-шейх, который удерживал его приблизительно месяц и был убит. Правда, он успел отчеканить свою монету под именем Орда-мелик в Новом Сарае и Азове[91]. Место Орда-шейха на троне занял его сын Тимур-ходжа. Монеты с именем последнего найдены только в Новом Сарае. Наступила осень 1361 г., и на ордынскую столицу нагрянул Кельдибек.

Попытка разобраться в перипетиях борьбы за власть Кельдибека уже производилась[92]. Князь из рода бахрин Яглыбай сын Тоглубая, имевший резиденцию к югу от Кафы (Феодосии) в Янгишехре (который венецианцы называли Провато), поддержал в борьбе за ордынский трон Кельдибека — самозванца, объявившего себя сыном Джанибека. Получив тайную финансовую помощь от венецианцев в Азове, Кельдибек в 1361 г. захватил этот город, но долго в нем не задержался. Снарядив войско, которым командовал Яглыбай, Кельдибек выступил на Новый Сарай. Путь его лежал вверх по течению Дона, в обход владений рода Могулбуги. Совершив этот глубокий рейд, Кельдибек захватил Наручадь (Мокшу). Оттуда он двинулся на юго-восток, переправился через Волгу, обходя с севера Укек, где укрепился брат Хызра Мюрид, прошел вдоль левого берега Волги по ее течению и осенью 1361 г. обрушился на Новый Сарай с севера.

Не видя возможности удержаться в Новом Сарае, Тимур-ходжа попробовал обрести защиту и поддержку у своего сородича Мюрида и перебежал на правый берег Волги. Мюрид и сам имел виды на общеордынский трон. Сразу после того, как летом 1361 г. его брат Хызр был убит в Новом Сарае, Мюрид принялся чеканить в Укеке монету от своего имени. Так что на другом берегу Волги Тимур-ходжа нашел только свою скорую смерть. Тем временем Кельдибек завладел Новым Сараем и провозгласил себя общеордынским ханом. Отдавая себе отчет в том, что наиболее могущественные и авторитетные родовые князья никогда не согласятся долго терпеть на ордынском престоле хана-самозванца, Кельдибек принялся физически устранять княжескую элиту. Натанзи и русские летописцы передают, что Кельдибек проводил свою политическую линию довольно искусно, тайно вызывая князей в свою ставку и стравливая

их между собой. Так, с осени 1361 до весны 1362 г. погибли «старые князья» Могулбуга, Ахмат, Нангудай, Сарай-Тимур, Кога[93].

Со времени правления Бердибека при ханской ставке проживал родовой князь Мамай, который, предположительно, приходился старшим сыном Кутлугбуге — правителю Крымского тюмена[94]. Мамай, женатый на сестре Бердибека, видимо, опекал жен, детей и ближайших родственников хана и после его смерти, т. е. выполнял функции хранителя его ставки (орды). Когда осенью 1361 г. на город напал Кельдибек, Мамай, вслед за Тимур-ходжой, перебрался на правый берег Волги, «а орда и царици вси съ нимъ»[95]. Затем Мамай сопроводил ханскую ставку вниз по Дону до Крыма и поручил ее заботам своего отца. После этого он провозгласил законным наследником ордынского престола одного из ближайших родственников Бердибека по имени Абдулла, при содействии отца и финансовой помощи генуэзцев Кафы снарядил войско и, скорее всего, весной 1362 г. двинулся в поход на засевшего в Новом Сарае Кельдибека.

К лету 1362 г. состоялось отвоевание Нового Сарая. Мамай посадил Абдуллу на трон, а себя объявил главным министром его правительства — беглербеком. Началась чеканка сарайской монеты с именем Абдуллы. Однако продержался Мамай в Новом Сарае лишь до осени, когда был выбит оттуда Мюридом. Видимо, Мюрид учел ошибки своего брата Хызра и, просидев свыше двух лет в Укеке, восстановил доверительные отношения с княжеским родом Могулбуги, владения которого простирались от Бездежа на юго-востоке до границ с русскими княжествами на северо-западе. После смерти Могулбуги этими землями управлял его брат Урусбуга. Своим беглербеком Мюрид назначил сына Могулбуги Ильяса[96]. Мамаю Ильяс приходился двоюродным братом. Кровное родство не мешало им насмерть биться друг с другом за власть, прикрываясь именами своих ставленников — джучидов.

Вообще следует подчеркнуть, что в основе «великой замятни» в Орде лежали прежде всего центробежные тенденции. Феодализирующиеся родовые князья, некогда составлявшие монолитную опору трона ханов-джучидов, стремились теперь превратить ордынские тюмены, которыми они управляли от имени правившего хана как воинскими округами, в свои безусловные наследственные владения — бейлики. Формы, в которые родовые князья облекали фактическую независимость своих владений от ханов, были различными.

Одни из них продолжали оставаться правителями тюменов хановпобедителей. Так поступали сыновья Севинчбуги: Кутлугбуга, правивший Крымским тюменом, Могулбуга и Урусбуга, управлявшие Бездежским тюменом.

Другим был сын князя Тевеккеля Булат-Тимур, в 1361 г. овладевший Булгаром и чеканивший там монету от своего имени, подкрепляя его благодарной памятью о покойном хане Джанибеке. Князь был убит в 1367 г. ханом-ордуидом Азиз-шейхом[97]. Однако и после смерти Булат-Тимура Булгар остался во владении его родственника Хасана, о котором речь пойдет ниже. Третьим можно считать сына Тоглубая Яглыбая, который обеспечил себе высший чин беглербека в правительстве самозванного сына Джанибека Кельдибека. Примером четвертого был родовой князь Тагай, в 1361 г. попросту захвативший северную часть Бездежского тюмена с центром в Наручади[98]. Совершенно особое место в названном ряду занимает сын Кутлугбуги Мамай, почти два десятка лет фактически владевший ордынскими землями к западу от Волги.

Овладев Новым Сараем осенью 1362 г., Мюрид с подачи Ильяса вспомнил о возможности быстро пополнить свою казну за счет русских князей. Московские бояре с лета 1360 г. не забывали о том, что представитель нижегородского княжеского дома суздальский князь Дмитрий Константинович получил от хана великое княжение «не по очине, ни по дедине»[99]. Когда в Орде немного улеглась вакханалия убийств, митрополит Алексий и наиболее влиятельные московские фамилии возобновили переговоры с ханской ставкой о восстановлении исторической справедливости — выдаче ярлыка на великое княжение представителю московского княжеского дома. Соперничества со стороны тверского князя Василия Михайловича московская сторона тогда не опасалась. В то еще достаточно смутное время сношения между Ордой и русскими князьями осуществлялись не за счет личных поездок князей, а через посредство ордынцев, постоянно проживавших слободами при всех значительных русских городах. Во главе каждой такой слободы находился ордынский начальник, которого называли по-тюркски баскак, а по-монгольски даруга. Ордынских гонцов, или вестников, на русской дипломатической службе, которые проживали в тех же слободах, называли по-тюркски киличеями.

Результатом названных русско-ордынских переговоров явился ярлык Мюрида на великое княжение, выданный на имя 12-летнего

Дмитрия и привезенный его киличеями в Москву поздней осенью 1362 г.[100] Под флагом нового великого князя, вряд ли отдававшего полный отчет о своей роли в политике страны и задачах на будущее, бояре собрали со всех московских уделов войско, в которое вошли и ополчения малолетних братьев Дмитрия — князя звенигородского и рузского Ивана и князя серпуховского Владимира. В декабре 1362 г. ополчение двинулось к Переяславлю Залесскому, где в то время находился Дмитрий Константинович. Не приняв боя, суздальский князь бежал из Переяславля во Владимир, а оттуда — в свою отчину. В первых числах января 1363 г. московские войска вступили во Владимир. Состоялась торжественная церемония посажения Дмитрия «на великом княжении на столе отца своего и деда и прадеда»[101]. Эта демонстрация торжества московского княжеского дома во Владимире продолжалась три недели, после чего войска вместе с юным великим князем вернулись в Москву.

Уже зимой 1362/63 г. в Москве было получено известие о смерти в Киеве митрополита Романа. Таким образом, русская православная церковь вновь формально вернула себе единство под началом 70-летнего митрополита Алексия. В начале 1363 г. в излучине Днепра на территории так называемого Великого Луга Мамай обустроил ставку для своего ставленника Абдуллы, которая на легендах монет последнего называлась Орда (Орду)[102]. Примерно в то же время Мюрид был изгнан из Нового Сарая Мир-Пуладом[103]. Видимо, он же иногда назывался на монетных легендах Пулад-ходжой[104]. Откуда взялся Пулад-ходжа? Можно предположить, что он был в числе тех огланов, которые в начале 1361 г. пришли в составе армии Орда-шейха на Яик, создав в Сарайчике базу для наступления на Новый Сарай. В начале 1363 г. Пулад-ходжа выбил Мюрида из Нового Сарая и сам укрепился там, на короткий срок выключив общеордынскую ставку из числа ордынских городов, напрямую связанных с историей великого княжества Владимирского. Роль таких городов стали выполнять Орда на Днепре и Укек (Гюлистан) на Волге, за которыми в русских летописях закрепились обозначения «Мамаева орда» и «Муротова орда». Собственная резиденция Мамая находилась в городе Крым (Старый Крым) — центре Крымского тюмена, которым управлял отец Мамая Кутлугбуга.

Весной 1363 г. из Мамаевой орды в Москву приезжал посол с ярлыком на великое княжение для Дмитрия. Пришлось боярам снова

везти мальчика — великого князя во Владимир и повторить церемонию его посажения уже от имени Абдуллы. Затем все вернулись восвояси. В ответ на это в Укеке, видимо по совету своего беглербека Ильяса, Мюрид тут же выдал ярлык на великое княжение для Дмитрия Константиновича. Последний незамедлительно отправился во Владимир и провозгласил себя великим князем от имени Мюрида. Однако он смог просидеть во Владимире только одну неделю и был согнан с престола московским войском, которое преследовало суздальского князя до самой его отчины. Московская рать простояла под Суздалем несколько дней. Дмитрий Константинович был вынужден отказаться от притязаний на владимирский престол в пользу своего юного тезки. Взамен московская сторона, направляемая митрополитом Алексием, обещала Дмитрию Константиновичу содействие в получении нижегородского стола, захваченного его младшим братом — городецким князем Борисом[105].

Закрепив договор с Дмитрием Константиновичем поставлением на Суздаль епископа Алексия, летом 1363 г. митрополит Алексий через Тверь отправился в литовские православные епархии. Теперь он уже имел на это законное право. В качестве предлога для встречи с литовским великим князем Ольгердом Алексий использовал поездку к нему в семью из Твери вдовы тверского князя Александра Михайловича Анастасии, дочь которой Ульяна, жена Ольгерда, недавно родила девочку. Когда, погостив у зятя, в июне 1364 г. Анастасия вернулась домой с некрещеной внучкой, митрополит Алексий специально приезжал в Тверь, чтобы совершить обряд крещения дочери великого князя литовского. Что касается одинаково опасного для Твери и Москвы претендента бывшего великого князя владимирского, а в то время удельного князя микулинского, Михаила Александровича, то его блокировал в Микулине тверской князь Василий[106].

Летом же 1363 г., произведя пастырскую поездку по западным православным епархиям, получив положенную ему церковную десятину и плату за митрополичий суд, Алексий после того совершил поставление в епископы Брянска Парфения, за что также получил законную долю. Официально конечной целью путешествия Алексия являлось посещение им Киева — исторической митрополичьей резиденции, где князем тогда сидел сын Ольгерда Владимир (Олелько). Алексий, конечно, посетил Киев, но в обратный путь отправился не прежней дорогой, а спустился вниз по течению Днепра

до ставки Абдуллы на Великом Лугу и употребил собранные деньги на выкуп у ставленника Мамая ярлыка, освобождавшего русскую православную церковь от всех налогов и повинностей.

Текст этого ярлыка не сохранился. Не дошли до наших дней и какие-либо упоминания о нем в письменных источниках. Но ведь и о ярлыке Бюлека митрополиту Михаилу от 1379 г., содержание которого еще предстоит реконструировать, науке стало известно лишь по счастливой случайности, после того, как в 40-е годы XV в., т. е. через многие десятилетия после составления ярлыка, неведомый нам составитель сборника русских переводов ханских ярлыков ненароком предпочел именно этот ярлык множеству других, обнаруженных им в митрополичьей ризнице, а ныне безвозвратно утраченных. После того как московский князь Дмитрий получил ярлык на великое княжение от «Мамаева царя» Абдуллы, митрополит Алексий, родившийся в Москве и с детских лет связавший свою судьбу с князьями московского дома, просто обязан был получить на свое имя ярлык от того же Абдуллы. Он и получил этот документ и осенью 1363 г. возвратился домой, но уже не через Киев и Тверь, а через Верховские княжества и Серпухов.

Крупнейшим событием середины 60-х годов XIV в. для всего интересующего нас региона явился «великий мор», охвативший Орду и Северо-Восточную Русь. Волна «черной смерти» — чумы — пришла откуда-то с востока и поздней осенью 1363 г. захлестнула вначале Новый Сарай. Перед лицом страшной опасности хан Пулад-ходжа надолго покинул свою главную ставку, и потому монета с его именем в 765 году хиджры (10 октября 1363 г. — 27 сентября 1364 г.) в Новом Сарае не чеканилась[107]. А эпидемия чумы вместе с бегущими от нее людьми переправилась на правый берег Волги и двинулась на север через Бездеж и Сарыкамыш в Укек, куда она добралась уже лютой зимой 1363/64 г., сделала свое черное дело и на время затаилась. Похоже на то, что именно зимой 1364 г. в Укеке заразился и умер от чумы хан «Муротовой орды» Мюрид. По версии Натанзи, Мюрида убил его беглербек, сын Могулбуги Ильяс[108].

Наступила весна 1364 г., и возродилась эпидемия чумы, которая, продвигаясь к северу от Укека, охватила Булгар и к лету того же года пришла в Нижний Новгород. Далее вал «черной смерти» прокатился по городам и весям великого княжества Владимирского, выписывая непредсказуемые многосотверстные кривые, так что

хронология этих то замиравших, то вновь набиравших силу смертельных кругов стерлась в памяти оставшихся в живых людей и сегодня за время от 1364 до 1366 г. с трудом поддается точной датировке[109]. А между тем во властных структурах Орды и Северо-Восточной Руси в тот период произошел целый ряд крупных перемен. Определяющие перемены за то же время случились и в личной жизни Дмитрия.

В упомянутом 765 г.х., когда на Волге в Новом Сарае из-за эпидемии чумы полностью прекратилась монетная чеканка, она началась от имени Абдуллы в центре Мамаевой орды на Днепре, где была устроена резиденция Абдуллы, занимаемая им в 1363–1370 гг. С лета 1362 г. монета с именем Абдуллы чеканилась и в Азове — центре Азовского тюмена, где находилась венецианская торговая фактория, управлявшаяся консулом. В Кафе, располагавшейся на территории крымского тюмена, находился центр управления генуэзскими факториями — извечными торговыми соперниками венецианцев. Азовская монета с именем Абдуллы в 765 г. х. вдруг сменяется монетой с именем хана Азиз-шейха[110]. Что произошло?

Исходя из логики последующих событий, можно предположить, что Азиз-шейх являлся родственником Мюрида, может быть, его наследником престола — калгой. После того как в начале 1364 г. Мюрид умер и его ставкой в Укеке овладел Пулад-ходжа, Азиз-шейх отступил на запад к Азову. Этот город десятки лет был связан с Укеком личностью ханши Тайдулы — кровной родственницы князей-братьев Могулбуги и Кутлугбуги, руководивших основными противоборствующими силами в «великой замятне» на территории правого крыла Золотой Орды. К тому времени Могулбугу сменил его младший брат Урусбуга, а Кутлугбуга, хотя он и здравствовал еще в Крымском тюмене, но передал все бразды правления своему старшему сыну Мамаю. Мамай делал тогда ставку на батуида Абдуллу, а Урусбуга — на ордуида Азиз-шейха.

Надо полагать, что венецианцы Азова тайно помогли Азиз-шейху к лету 1364 г. захватить в свои руки управление городом и снарядить войско для отвоевания Укека и Нового Сарая, куда уже вернулся Пулад-ходжа. К осени того же года Азиз-шейх отвоевал Укек у Пулад-ходжи, а затем отобрал у него и общеордынскую столицу — Новый Сарай. После того, как Дмитрий Московский весной 1363 г. получил престол во Владимире от руки Абдуллы, бояре, руководимые митрополитом Алексием, осенью 1364 г. не сочли нуж-

ным испрашивать новый ярлык у преемника Мюрида Азиз-шейха. А Дмитрий Суздальский послал в Новый Сарай своего старшего сына Василия Кирдяпу, и зимой тот вернулся с ярлыком на великое княжение для Дмитрия Константиновича[111].

Московские бояре, державшие наместников в городах великого княжения, не собирались уступать своих позиций. Они вступили в переговоры с суздальским князем, убеждая его в бесперспективности борьбы за престол во Владимире в то время, когда его младший брат Борис захватил отеческий престол в Нижнем Новгороде. Москва предложила Суздалю военную помощь в деле отвоевания Нижнего Новгорода. Дмитрий Константинович эту помощь принял, отказался от великого княжения и действительно принудил Бориса передать ему власть над Нижним Новгородом, а самому возвратиться в Городец. Это была крупная победа московской дипломатии. Однако 14-летнему великому князю она вряд ли послужила тогда большим утешением. Дело в том, что 23 октября 1364 г. все от той же чумы умер его младший брат Иван, а 27 декабря того же года скончалась его мать[112]. Дмитрий остался круглым сиротой.

Весь 1365 г. мор продолжал косить людей в княжествах Северо-Восточной Руси. Летом, когда наступили великий зной и сушь, страшный пожар в одночасье испепелил деревянную Москву и ее окраины[113]. К тому времени московское боярское правительство, фактически руководимое митрополитом Алексием, зримо ощутило угрозу физического вымирания своего княжеского дома, из представителей мужских потомков которого в живых остались только 15-летний Дмитрий Московский и 12-летний Владимир Серпуховский. Дмитрий стал единственной реальной надеждой на скорейшее возрождение династии, а Владимир — ее последним запасным вариантом. Именно в 1365 г. (а не зимой 1362/63 г.[114] или ок. 1367 г.) «по благословенью» митрополита Алексия была составлена первая договорная грамота между Дмитрием и Владимиром[115]. Из сгоревшей Москвы Дмитрия перевезли в его наследственный удел — Коломну. Будущий тесть юного великого князя уже определился силою исторических обстоятельств — им стал Дмитрий Суздальский, недавно посаженный с помощью Москвы на нижегородский стол.

Из внешнеполитических событий 1366 г., непосредственно затронувших Владимирское великое княжество, всеми летописями отмечается широкомасштабная акция бояр Великого Новгорода, организовавших грабительский поход по Волге на 150 речных судах-

ушкуях в Нижний Новгород и далее до устья Камы. Ушкуйники захватили большое количество товаров, которые принадлежали в основном приезжим восточным купцам, «посекоша» их торговые корабли, полонили и увезли с собой множество окрестных мужчин, женщин и детей. Практически они не встретили организованного сопротивления и в том же году вернулись домой «по здорову» и «со многымъ прибыткомъ»[116]. Зимой 1366/67 г. московское правительство от лица владимирского великого князя Дмитрия выступило с резким протестом против этой акции новгородцев и «разверже миръ» с Великим Новгородом. В начале 1367 г. новгородские бояре составили представительное посольство к Дмитрию «о миру съ поклономъ». Видимо, в Коломне в том же году был подписан мирный договор, согласно которому послал великий князь в Великий Новгород «и наместникы своя»[117].

Таким образом, московское правительство делом подтвердило свои заверения в дружбе к нижегородскому князю Дмитрию Константиновичу и укрепило собственные позиции в Великом Новгороде. 18 января 1367 г. в Коломне состоялась свадьба 16-летнего Дмитрия и дочери нижегородского князя Евдокии[118]. В будущем этот брак полностью себя оправдал, приведя к возрождению московского княжеского дома. А тогда, в начале 1367 г., Дмитрий стал уже «не мальчиком, но мужем». Детство кончилось, наступило время принятия самостоятельных решений. При разрешении всех сложных проблем государственного управления слово 74-летнего митрополита Алексея продолжало оставаться первенствующим. Дмитрий с малолетства безгранично доверял Алексию и теперь, потеряв всех родных, видел в митрополите нечто большее, чем просто духовного отца. Одним из первых после женитьбы Дмитрия совместных деяний великого князя с Владимиром Серпуховским «и съ всеми бояры стареишими» явилось решение о превращении Москвы в каменную крепость. «Тое же зимы повезоша каменье къ городоу... Того же лета на Москве почали ставити городъ каменъ»[119].

В 1365 г. великий мор внес кардинальные перемены в соотношение противоборствующих сил на территории Тверского княжества. Вспыхнув осенью в наследственном уделе тверского князя Василия Михайловича — Кашинском княжестве, эпидемия чумы перекинулась на соседние уделы, князья которых в большинстве своем находились в оппозиции к Василию Михайловичу. Первой умерла мать

Михаила Александровича Микулинского Анастасия (20 ноября). В декабре чума унесла жизни вдовы клинского князя Константина Евдокии, крестной матери жены Михаила Микулинского, и одного из князей-соправителей Клинского удела, двоюродного брата Михаила — Семена. Перед смертью Семен поручил управление своей частью Клинского удела и заботу о своей жене Михаилу. Его брат-соправитель Еремей тут же воспротивился этому решению и обратился за содействием к тверскому князю, горячо его поддержавшему.

Между тем чума продолжала свое черное дело. 8 января 1366 г. скончался главный противник Василия Михайловича в борьбе за тверской престол, старший брат Михаила Всеволод Александрович Холмский, за два дня до этого потерявший свою жену Софью. Заботу о сыновьях Всевлода Юрии и Иване, а значит, и об управлении уделом взял на себя Михаил. 12 января и 5 февраля 1366 г. умерли младшие братья Михаила Андрей и Владимир, совместно управлявшие Зубцовским уделом. Их удел также оказался в руках Михаила[120].

В итоге власть в Тверском княжестве перешла в руки Михаила Александровича. Его дядя Василий Михайлович был вытеснен из резиденции тверского князя в свой наследственный Кашинский удел. На случившиеся в Твери перемены не замедлило отреагировать руководство Мамаевой орды. Маловразумительное на первый взгляд сообщение русского летописца: «Тое же зимы еда изъ Литвы Веснеилясъ Коултубузинъ сынъ былъ во Тфери»[121], следует понимать так: «Побывав [с дипломатическим поручением от своего старшего брата Мамая у великого князя Ольгерда] в Литве зимой [1365/66 г.], весной [1366 г.] сын [правителя Крымского тюмена] Кутлугбуги Ильяс [с той же целью] посетил в Твери [Михаила Александровича и вернулся в Орду]». Мамай, конечно, понимал, что изменение соотношения сил в Твери не пройдет незамеченным для московского правительства. Дмитрий Московский имел ярлык на великое княжение от «Мамаева царя» Абдуллы. Это не помешало ордынскому правителю, проводя старую как мир политику «разделяй и властвуй», посодействовать стравливанию Твери с Москвой.

Летом 1366 г. Михаил Александрович «нарядилъ городокъ новый» на правом берегу Волги[122]. Это был Белгородок (Белый Городок)[123], располагавшийся в устье правого притока Волги — ре-

ки Хотчи, которая являлась крайним восточным пределом территории части Клинского уезда, отошедшей к Михаилу после смерти его двоюродного брата Семена. Белгородок охранял эту часть владения Михаила от посягательств со стороны кашинского князя Василия Михайловича. Последний совместно с братом покойного Семена Еремеем обратился за помощью к Москве. Правительство Дмитрия Московского, занятое тогда конфликтом с Великим Новгородом, от имени Алексия предложило выступить в качестве третейского судьи между князьями тверского дома тверскому епископу Василию. Судебное разбирательство «по митрополичю приказу» состоялось в Твери зимой 1366/67 г. Епископ Василий принял сторону сильнейшего и «оправилъ», т. е. признал правым в этом деле, Михаила Александровича[124].

В ответ на повторную жалобу московскому правительству со стороны кашинского князя весной 1367 г. в Тверь прибыли представитель митрополита Алексия и московский военный отряд. Епископ Василий был отвезен в Москву, где постигли его «истома и проторъ великъ». Объединенные силы Василия Кашинского, Еремея и Москвы захватили Тверь. Михаил Александрович бежал за помощью в Литву. Кашинская и московская рати повоевали земли удела князя Семена. Белгородок осадили, но взять не смогли и возвратились по домам, «извоевавъ люди»[125]. В конце октября того же года из Литвы с военной помощью вернулся Михаил Александрович. Он вернул свои земли обратно и в начале января 1368 г. заключил мир с Василием Кашинским. Князь Еремей покинул свой удел и поехал на московскую службу[126].

Получается, что в 1366–1367 гг. соперничавшие между собой ханы Мамаевой и Муротовой орд позволили руководству Московского и Тверского княжеств практически беспрепятственно проводить собственную внутреннюю и внешнюю политику. Это объяснялось в первую очередь смертельным противостоянием между Абдуллой и сменившим в 1364 г. Мюрида Азиз-шейхом. Все силы Абдуллы и Азиз-шейха были направлены на взаимное уничтожение. В последний раз Азиз-шейх, занимавший престол в Новом Сарае, упоминается в русских летописях под 1367 г.[127] Видимо, не позднее лета того же года он и погиб в сражении с Мамаем. Сохранились монеты от имени Абдуллы с чеканом Сарая, датированные 768 г. х. (7 сентября 1366 — 27 августа 1367 г.). Можно предположить, что Сараем на этих монетах назывался именно Новый Сарай. Последние новоса-

райские монеты Азиз-шейха датируются также 768 г. х[128]. Иными словами, Муротова орда, возглавлявшаяся ханом-ордуидом, прекратила свое существование летом 1367 г. Вся территория правого крыла Золотой Орды оказалась под властью Мамая и послушного ему хана-батуида Абдуллы. От имени этого хана Дмитрий Московский с весны 1363 г. имел ярлык на великое княжение владимирское. Митрополит всея Руси Алексий, по предположению автора этих строк, получил от лица того же Абдуллы ярлык, освобождающий русское духовенство от налогов и повинностей, осенью 1363 г.

Возвращаясь к взаимоотношениям литовско-тверско-московским, отметим, что в 1368 г. московская рать под командованием 15-летнего князя Владимира Серпуховского овладела захваченным Литвой городом Ржевой, находившимся за пределами Тверского княжества, к западу от Зубцова. Литовцы были отпущены из Ржевы. После этой военной демонстрации московское правительство пригласило Михаила Александровича в Москву. Дмитрий и митрополит Алексий целовали крест на том, что не причинят Михаилу вреда и заключат с ним полюбовное соглашение по всем спорным вопросам. Когда же тверской князь прибыл в Москву, то был схвачен и держан «въ истоме». Сопровождавших его бояр развели по одному и также «дръжаша ихъ въ истоме». Спасло Михаила и его людей полученное Дмитрием сообщение о скором приезде в Москву посла от хана Абдуллы. Михаила освободили из заключения и тут же подписали с ним соглашение, по которому часть Клинского удела, принадлежавшая князю Семену, передавалась его брату Еремею. В Белгородке был посажен московский наместник[129].

Михаила спешно отпустили домой, а в Москве, получив известие о том, что 24 июля 1368 г. в Кашине скончался князь Василий Михайлович, принялись собирать силы для неизбежной войны с Тверью. Михаил уехал в Литву просить помощи у Ольгерда. Последний во главе литовской рати, подкрепленной смоленскими и тверскими силами, осенью того же года выступил в поход на Москву, обходя ее с юго-запада. Не успели еще собраться к Москве все силы Дмитрия, как Ольгерд форсированным маршем, сметая на своем пути московские заградительные отряды, в конце октября 1368 г. дошел до Москвы и осадил ее каменный Кремль, где укрылись Дмитрий, Владимир Серпуховский и митрополит Алексий. Ольгерд простоял под городом трое суток, Кремль взять не смог и «възратися въсвояси», «много зла створивше*христианомъ». В результате этой

кампании московское правительство оказалось вынужденным зимой 1368/69 г. отозвать своих людей из Белгородка и Клинского уезда. Князь Еремей был уведен Михаилом в Тверь. Осенью 1369 г. Михаил за две недели обнес Тверь деревянными стенами[130].

Далее русский летописец сообщает, что весной 1370 г. «Мамаи у себе въ Орде посадилъ царя другаго Маматъ Солтанъ»[131]. Вопрос об имени и времени правления второго и последнего хана-батуида, возведенного на престол Мамаем вместо Абдуллы и до осени 1380 г. служившего лишь весьма прозрачной ширмой для прикрытия подлинного правителя территории правого крыла Золотой Орды, уже рассматривался автором этих строк[132]. На легендах первых монет Мухаммеда Бюлека значилось только его мусульманское имя — Мухаммед. Вскоре его сменило тюркское имя хана — Бюлек. Вспомним, что обозначение имени Мамая в ордынских документах претерпело такую же эволюцию[133]. Монеты от имени Бюлека регулярно чеканились от 1370 г. до середины 70-х годов как в его главной резиденции — городе Орде на Днепре, так и в официальной столице ордынских ханов — Новом Сарае[134].

Первым распоряжением от имени нового хана был приказ Бюлека, переданный в 1370 г. через его уполномоченного Хаджиходжу, нижегородскому князю Дмитрию Константиновичу. Русскому князю предписывалось оказать необходимую военную поддержку родственнику Бюлека, названному в летописи «Салтан Баковым сыном»[135], в посажении его на кормление в город Булгар. Этот крупнейший торговый центр на Волге в 1361 г. был захвачен родовым князем Булат-Тимуром, а после его смерти в 1367 г. остался во владении его преемника Хасана. Несколько странное обозначение имени ставленника Бюлека разъясняется через 6 лет, когда тот же летописец называет его Мухаммедом (Махматъ Солтанъ)[136]. Поскольку тот имел одинаковое с новым ханом мусульманское имя, а термином «султан» в Золотой Орде наделяли кровных родственников хана, летописец, во избежание путаницы, посчитал достаточным назвать ханского протеже, возможно калгу, лишь по отчеству — Баковым сыном. Бака — распространенное мусульманское имя[137].

Во исполнение повеления Бюлека, нижегородский князь собрал войска и послал их на Булгар во главе со своим братом Борисом Городецким и сыном Василием и в сопровождении ханского ставленника Мухаммеда, который, естественно, имел собственную свиту, и

уполномоченного Хаджи-ходжы. На подступах к Булгару посланцев Бюлека встретила делегация князя Хасана «съ челобитием и съ многыми дары». Хасан посчитал меньшим злом принять Мухаммеда на свое содержание, сохранив при этом фактическую независимость от центра. Посажение Мухаммеда в Булгаре состоялось, нижегородские войска без потерь, но «дары вземше», возвратились домой[138].

Укрепившись в Твери, Михаил Александрович летом 1370 г. отправил в Москву епископа Василия «любви крепити». Однако 20 августа московское правительство отпустило тверского епископа с заявлением о сложении с себя крестного целования Михаилу. Узнав о расторжении мира с Москвой, Михаил снова спешно отправился за помощью в Литву. После того, как он покинул Тверь, туда вернулись из Орды киличеи Михаила с ярлыком для него на тверское княжение. Собрав московские полки и заручившись военной поддержкой новгородцев из Волока Ламского (Волоколамска), Дмитрий 1 сентября 1370 г. лично прибыл с войском в Тверское княжество, прошел на земли Микулинского удела и остановился в Родне. Его воеводы за 6 дней взяли город Зубцов, «а волости Тферскыя вси повоевали и села пожьгли, а люди въ полонъ повели, а иныхъ побиша»[139].

Когда вести о происшедшем в тверских землях дошли до Литвы, Михаил Александрович собрался и в первых числах ноября 1370 г. отправился в Орду к Мамаю, ибо «въсхотеся ему самому княжениа великаго и многы дары раздавъ и многы посулы рассуливъ княземъ Ординскымъ и рядцямъ, испроси себе поселъ царевъ именемъ (Сары-ходжа. — *А. Г.*). И вземъ ярлыкъ и вышелъ былъ на княжение на великое»[140]. Московское правительство позаботилось о том, чтобы Михаил не прошел во Владимир. Поэтому он был вынужден вернуться в Литву. Видимо, договоренность Михаила с Ольгердом о подготовке к войне с Дмитрием Московским была достигнута еще до отъезда тверского князя к Мамаю. Поэтому уже 26 ноября литовское войско Ольгерда, усиленное отрядами Михаила Тверского и Святослава Смоленского, подошло к Волоку Ламскому. Взять город наскоком Ольгерд не смог, но больше двух дней задерживаться там не стал и устремился к Москве, до стен которой дошел на Николин день (6 декабря 1370 г.)[141].

Создается впечатление, что, поскольку первое нападение Ольгерда на Москву осенью 1368 г. было осуществлено им с юго-запа-

да, москвичи не ожидали его теперь с северо-запада. Их главные силы под командованием 17-летнего Владимира Серпуховского находились в Перемышле. Митрополит Алексий был тогда в Нижнем Новгороде. Дмитрий «затворился» в Москве. Ольгерд осаждал город 8 дней. Каменные стены Кремля вновь выдержали осаду. Затем Ольгерд получил известие о том, что из Рязанского княжества к Перемышлю на соединение с Владимиром Серпуховским подошла рязанская рать, которой командовал Владимир Пронский. В Москве состоялись мирные переговоры между Дмитрием и Ольгердом, в результате которых во второй половине декабря 1370 г. было заключено перемирие до Петрова дня (29 июня 1371 г.) и литовское войско «възвратися въ свою землю»[142].

Вернувшийся в Тверь Михаил собрался и в начале 1371 г. опять отправился в Орду на Днепре за ярлыком на великое владимирское княжение. С ярлыком Бюлека, находившимся пока в руках у сопровождавшего его ханского уполномоченного Сары-ходжи, Михаил возвратился в Тверь 10 апреля. Без промедления вся делегация проследовала в сторону Кашина, откуда открывался прямой путь на Владимир. Однако Дмитрий Московский «по всемъ городомъ бояре и люди превелъ къ целованию не датися князю великому Михаилу, а въ землю его на княжение на великое не пустити»[143]. Сам Дмитрий с Владимиром Серпуховским и войском укрепились в Переяславле, закрыв тем самым Михаилу дорогу к Владимиру. Дмитрий «съ великою любовию» пригласил ханского посла к себе в гости в Москву, обещая ему «многыя дары и серебро». Сары-ходжа с готовностью принял это предложение. Михаил же, получив на руки свой ярлык, с боями отступил к Твери, куда прибыл 23 мая 1371 г. Вскоре он отпустил в Орду своего сына Ивана в качестве заложника при ханском дворе. Со своей стороны, Дмитрий, ублаготворив ханского посланца, в начале июня сам, сопровождаемый Сары-ходжой, поехал в Орду, оставив за себя в Москве митрополита Алексия. 15 июня 1371 г. делегация Дмитрия переправилась через Оку[144].

Между тем закончился срок перемирия Дмитрия с Ольгердом, и в конце июня 1371 г. в Москву приехали литовские послы для заключения очередного перемирия. Сохранился подлинный текст «перемирной грамоты», скрепленной двумя печатями, литовской и митрополита Алексия, в июле 1371 г.[145] Этот текст проясняет и существенно дополняет сведения русского летописца. Оказывается,

что литовская и русская стороны в конце декабря 1370 г. согласились на полугодовое перемирие, которое должно было подготовить обручение Владимира Серпуховского с дочерью Ольгерда Еленой. Обручение состоялось в Москве в июле 1371 г.[146] Стороны договорились о новом перемирии на 3 месяца — от 31 июля до 26 октября 1371 г. За этот срок Дмитрию Московскому нужно было самостоятельно, без вмешательства литовской стороны, наладить взаимоотношения с Михаилом Тверским, т. е. дать ему любой отпор на великокняжеской территории, но в тверские земли ни в коем случае не вступать. Что касалось московской жалобы ордынскому хану относительно притязаний Михаила на великое княжение, «то есмы въ божьи воли и во цареве»[147].

На втором перемирии со стороны Дмитрия Московского и Владимира Серпуховского целовали крест четверо их ближних бояр и воевод. Первым стояло имя Дмитрия Михайловича Боброка Волынского, который был перешедшим на московскую службу племянником Ольгерда, сыном Кориата (Михаила), с 1356 г. женатым на старшей сестре Дмитрия. Престарелый московский тысяцкий Василий Васильевич Вельяминов в переговорах участия не принимал. Второй целовавший крест боярин, Иван Михайлович, представлял, скорее всего, Владимира Серпуховского, которому он достался по наследству от отца. Третьим и четвертым были бояре и воеводы Дмитрий Александрович Всеволож[148] и Иван Федорович Воронцов-Вельяминов, представлявшие Дмитрия Московского. Отметим, что московский тысяцкий имел старшего сына Ивана Васильевича, по рангу превосходившего своего двоюродного брата Ивана Федоровича. Однако похоже на то, что у Дмитрия и митрополита Алексия уже тогда имелись какие-то основания не особенно доверять Ивану Васильевичу Вельяминову.

Дмитрий, добравшись летом 1371 г. до Орды на Днепре, «многы дары и великы посулы подавалъ» Бюлеку и Мамаю. В результате его отпустили домой, «опять давъ ему княжение великое»[149]. Фактически он получил подтверждение на право держания великого княжения все от того же Мамая, но формально это был акт пожалования от лица нового всеордынского хана со всеми полагающимися к нему атрибутами, включая золотую пайцзу, удостоверявшую право держания. Не только не исключено, но, скорее всего, даже непременно, великому князю пришлось откупать ярлык и пайцзу не только для себя, но и для оставшегося в Москве 78-летнего митро-

полита Алексия. По-другому просто и быть не могло. Привезенных из дома денег на все не хватило. Потому-то осенью того же года Дмитрий приехал из Орды «съ многыми длъжникы, и бышеть от него по городомъ тягость даннаа велика людемъ»[150]. Той же осенью удельный князь кашинский Михаил Васильевич заключил мир с Москвой, сложив крестное целование Михаилу Тверскому.

В конце октября 1371 г., после окончания срока второго перемирия с Ольгердом, в Москву прибыли литовские послы. За два месяца были подготовлены условия для свадьбы Владимира Серпухов-ского с Еленой и подписание мира с Литвой. Наконец эти мероприятия состоялись. Торжество великого князя Дмитрия дополнилось рождением 30 декабря 1371 г. его наследника Василия (первенец великого князя Даниил умер вскоре после рождения). Той же зимой Дмитрий, войдя в соглашение с Владимиром Пронским, собрал войско и отпустил его под командованием Д. М. Боброка Волынского на Олега Рязанского. Армия Олега была разгромлена, рязанским великим князем стал Владимир Пронский[151].

Брак Владимира Серпуховского с литовской княжной оказался на редкость удачным, что немало способствовало укреплению московского княжеского дома. Много лет спустя внук Дмитрия же-нился на внучке Владимира. От их брака родился мальчик Иван, ставший впоследствии общепризнанным героем «стояния на Угре».

В первой половине 1372 г. Михаил Тверской в союзе в Литвой активизировал свою антимосковскую политику. В апреле он захватил и разорил город Дмитров в Московском княжестве, а литовские войска под командованием брата-соправителя Ольгерда Кейстута и старшего сына литовского великого князя Андрея Полоцкого осаждали Переяславль на землях Владимирского княжества. После этого объединенные рати Твери и Литвы обрушились на Кашинский уезд. С Кашина был взят выкуп — контрибуция, и Михаил «въ всю свою волю введе брата своего князя Михаила Васильевича»[152]. В июне Михаил в сражении под Торжком разгромил объединен-ные силы новгородцев и новоторжцев, город спалил дотла и увел в Тверь множество пленных[153]. Той же весной Олег Рязанский совершил неожиданный набег на Рязань, согнал с престола Владимира Пронского и сам сел в Рязани на великое княжение[154].

Летом 1372 г. Михаил Тверской вновь привлек на свою сторону Ольгерда. В июле тверская и литовская рати встретились и объединили свои силы у южной границы Московского княжества под

городом Любутском. Вскоре туда же подошло войско Дмитрия. Однако до вооруженного столкновения дело не дошло. После нескольких дней противостояния стороны заключили мир и разошлись по домам. Однако Дмитрий на этом не успокоился и, возвратившись в Москву, направил своих киличеев в Орду «со многымъ сребромъ», за которое «выпосулилъ» у Мамая находившегося у того в заложниках сына Михаила Ивана. В середине ноября 1372 г. Иван был привезен в Москву, «и начаша его держати выстомѣ». К концу декабря того же года Михаил Кашинский сложил целование Михаилу Тверскому и, не дожидаясь репрессий со стороны Твери, отправился через Москву в Орду. К неудаче Дмитрия Московского относилась смерть его союзника и претендента на рязанский престол Владимира Пронского, которая случилась той же зимой[155].

С конца марта до конца июля 1373 г. в Великом Новгороде находился Владимир Серпуховский, посланный туда великим князем. Видимо, следствием его деятельности явилось осуществление подкопа и побега из заключения в Твери ряда пленных новгородских военачальников. Это случилось 20 апреля. Летом того же года Михаил Кашинский вернулся из Орды с ярлыком Бюлека на Кашинский удел. Тем же летом Мамай совершил карательный набег на владения Олега Рязанского, «грады пожгоша, а людии многое множество плениша и побиша». В ту пору Дмитрий Московский и Владимир Серпуховский блокировали войсками великого княжения границы Рязанского княжества с севера. 20 декабря 1373 г. Михаил Кашинский скончался. Его сын Василий «з бояры съ Кашиньскими приехалъ въ Тферь къ князю къ великому Михаилу съ челобитием и вдашася въ его волю»[156].

Как выяснилось, начиная с 1367 г. Мамай и находившиеся под его рукой последние ханы-батуиды Абдулла и Бюлек были единственными верховными правителями территории правого крыла Золотой Орды и ее центра — Нового Сарая на Ахтубе. Население громадных просторов левого крыла жило в то время своей жизнью, история которой нуждается в более тщательном и всестороннем изучении. Некоторые моменты этой истории представляются в настоящее время в таком виде. До середины XIV в. воля ханов Сарая и Нового Сарая довлела над всеми улусами потомков Джучи. Высвобождение последних из-под контроля и диктата центра, естественно, началось с восточных, наиболее отдаленных окраин левого крыла — с улуса Орды. Именно там начиная с 20-х годов

XIV в. отчетливо проявилось стремление местных правителей к формальному отмежеванию от центра. Теперь нам известно, что в 1360–1367 гг. царевичи-ордуиды попеременно захватывали Новый Сарай. Не располагая собственной экономической базой и стабильными людскими ресурсами, они могли какое-то время продержаться на всеордынском троне лишь как фактические ставленники одной из противоборствующих группировок родовых князей правого крыла. Как только группировку Могулбуги и его наследников одолел Мамай, именно он от лица подставных ханов-батуидов стал подлинным владыкой над всей территорией правого крыла.

Между тем усиление улуса Орды, центр которого уже давно переместился в Сыгнак, продолжалось. Не ранее лета 1371 г. престол в Сыгнаке занял ордуид Урус[157]. Прежде автор этих строк полагал, что Урус принадлежал к роду Тука-Тимура[158]. Теперь он разделяет мнение Муинеддина Натанзи о том, что Урус являлся сыном ордуида Чимтая[159]. Еще при жизни отца Урус пытался склонить его к походу на Новый Сарай. Сев на трон в Сыгнаке, Урус получил реальную возможность лично овладеть общеордынской столицей.

На многодневном пути из улуса Орды в Новый Сарай лежали владения Хорезмского тюмена[160], резиденция которого Ургенч (Куня-Ургенч) являлась экономическим центром всего левого крыла Золотой Орды. Последовательно владевшие Хорезмским тюменом после 1361 г. потомки вождя рода кунграт Нангудая братья Ак-Суфи, Хусейн-Суфи и Юсуф-Суфи правили им самовластно, не признавая сюзеренитета ханов Нового Сарая. К 1370 г. в Мавераннахре с центром в Самарканде сложилось государство Тимура, который, как и Мамай, формально управлял от имени подставных ханов-чингисидов. Только происходили они из рода не Джучи, а другого сына Чингис-хана — Чагатая. Первые военные походы Тимура были направлены на завоевание Хорезма. Их описание содержится в «Книге побед» ираноязычного автора Низамеддина Шами[161].

Первый поход Тимура на Хорезм состоялся весной 1372 г. Вначале его войска овладели прежней столицей Хорезма крепостью Кят, а затем устремились к Ургенчу. Тогдашний правитель Хорезма Хусейн-Суфи встретил Тимура на подступах к городу. Завязавшееся сражение выиграл Тимур. Хусейн-Суфи укрылся за стенами Ургенча. После нескольких дней осады города выяснилось, что Хусейн-Суфи умер и правителем Хорезма стал его брат Юсуф-Суфи. Тимур пошел с ним на мирные переговоры. Договор между обеи-

ми сторонами был скреплен обещанием Юсуфа-Суфи выдать дочь своего покойного старшего брата Ак-Суфи по имени Союнбек, приходившуюся внучкой ордынскому хану Узбеку, за старшего сына Тимура Джехангира (ум. 1376). Тимур отвел войска в Самарканд. Однако после того, как Юсуф-Суфи попытался отвоевать Кят, Тимур весной 1373 г. организовал второй поход на Ургенч, в результате которого Юсуф-Суфи «раскаялся в содеянном зле», запросил мира и занялся приготовлениями к свадьбе Союнбек с Джехангиром.

Только после замирения Юсуфа-Суфи с Тимуром Урус мог позволить себе весной 1374 г. собрать войско и, покинув Сыгнак, выступить в дальний поход на Новый Сарай. Наш анализ рассказа о событиях того времени, приведенный арабским историком Ибн Халдуном, позволяет утверждать, что армия Уруса, совершив переход, скорее всего, в обход владений Хорезма с севера, остановилась на подступах к Поволжью возле города Сарайчика на Яике, которым владел Эльбек[162]. Только произошло это, как теперь представляется, не весной, а летом 1374 г. Эльбек являлся потомком пятого сына Джучи Шибана. Возглавляемый им улус кочевал на северо-западе территории левого крыла Золотой Орды. После того как в 1367 г. Мамай захватил Новый Сарай у ордуидов, Эльбек укрепился в Сарайчике, намереваясь воспользоваться им в качестве плацдарма для отвоевания общеордынской столицы у Мамая и превращения ее в собственную резиденцию.

В сражении между Урусом и Эльбеком за Сарайчик летом 1374 г. последний, видимо, погиб. Его наследники отступили в районы своих постоянных кочевий, а воины Уруса получили возможность не позднее осени 1374 г. овладеть Новым Сараем, изгнав из него представителей Бюлека. Урус провозгласил себя общеордынским ханом. Однако очень скоро он почувствовал невозможность удержаться на престоле в Новом Сарае сколько-нибудь продолжительное время и был вынужден вернуться в родной улус на берега Сырдарьи. По всей вероятности, Урус был выбит из общеордынской столицы армией Мамая уже осенью 1375 г. и в конце того же года вернулся в Сыгнак. В 1376 г. Урусу неоднократно приходилось посылать войска на войну с сыном правителя Мангышлака тука-тимуридом Токтамышем, которому всемерно помогал Тимур. Осенью 1376 г. сам Тимур двинул армию против Уруса. Войска провели в бесплодном противостоянии под Отраром несколько месяцев и в начале 1377 г. разошлись по домам. Весной того же года

Тимур вновь собрался в поход на Уруса, но получил известие о его смерти[163].

После того как летом 1371 г. Дмитрий Московский получил ярлык Бюлека на владимирское великое княжение, он до начала 1374 г. пользовался неизменным расположением Орды. Попытки Михаила Тверского, заручившись помощью Ольгерда, силой вернуть себе владимирский престол никак не удавались. Зимой 1373/74 г. Михаил в очередной раз заключил с Дмитрием мир. Его сын Иван был отпущен великим князем из Москвы в Тверь. Тверской князь свел оставшихся на территории великого княжения своих наместников в Торжке и Угличе. В начале марта 1374 г. 80-летний митрополит Алексий приезжал в Тверь, где поставил нового епископа Евфимия. Незадолго до того, 19 февраля, Алексий поставил епископом Суздалю, Нижнему Новгороду и Городцу Дионисия, с именем которого нам еще предстоит встретиться[164].

Далее, под 1374 г. летописец сообщает: «А князю великому Дмитрию Московьскому бышеть розмирие съ Тотары и съ Мамаемъ»[165]. Хронологически это «розмирие» приходится на осень 1374 г., т. е. на время, когда ордуид Урус овладел Новым Сараем и провозгласил себя всеордынским ханом. Первым из княжеств, составлявших великое княжество Владимирское, с представителями администрации нового хана познакомилось Нижегородское княжество. Управлявший им тесть Дмитрия Московского Дмитрий Константинович был поставлен перед выбором — физическое уничтожение или принятие присяги на верность Урусу. Нижегородский князь выбрал последнее. Надо полагать, что ему пришлось съездить на поклон к Урусу и в качестве залога своей верности записать на личную службу хану младшего Сына Семена, который потом до самой смерти (21 декабря 1402 г.) служил в названном качестве и еще трем ханам. Видимо, Урус предложил Дмитрию Нижегородскому уговорить и других русских князей, в первую очередь великого князя владимирского, принять его сторону и объединить усилия в борьбе с Мамаем. Нижегородский князь согласился на эту роль.

Дмитрий Константинович оставил за себя в Нижнем Новгороде старшего сына Василия Кирдяпу, а сам с супругой, братьями, детьми, боярами и слугами отправился в Переяславль Залесский, где договорился встретиться с великим князем. Всем другим русским князьям были также разосланы приглашения собраться на

съезд в Переяславле. Случилось так, что еще 17 сентября 1374 г. в Москве скончался тысяцкий Василий Васильевич Вельяминов[166]. Посоветовавшись с митрополитом Алексием, Дмитрий решил, что этот тысяцкий будет в Москве последним. После его смерти старшим в роду бояр Вельяминовых остался третий брат Василия Тимофей, который числился при московском дворе окольничим. Еще до того, как отправляться из Москвы на съезд в Переяславль, 24-летний великий князь, как и его советник и сторонник престарелый митрополит Алексий, должны были решить каждый для себя жизненно важный вопрос — чью сторону выбрать в противостоянии Мамая и Уруса. Они предпочли Уруса. Мосты были сожжены. Перед лицом смертельной опасности Дмитрий составил свою первую духовную грамоту, которая была написана после смерти московского тысяцкого и до начала съезда в Переяславле, т. е. в сентябре–октябре 1374 г. (а не летом 1373 г.)[167]. Завещательный акт был скреплен в Москве печатями Дмитрия и митрополита Алексия. Свидетелями при том выступали окольничий Тимофей Васильевич Вельяминов, Иван Родионович Квашня, Иван Федорович Воронцов-Вельяминов, Федор Андреевич Свибл[168].

На съезд в Переяславль к великому князю Дмитрию собрались князья Дмитрий Нижегородский, Борис Городецкий, Дмитрий Ноготь Суздальский, служилый князь Уруса Семен Дмитриевич, Александр, Василий и Андрей Ростовские, Василий и Роман Ярославские, Федор Белозерский, Василий Кашинский (только что отказавшийся от службы Михаилу Тверскому), Федор Можайский, Андрей Стародубский и, возможно, некоторые князья, владения которых формально не входили во Владимирское великое княжество[169]. Названных князей сопровождали их военные отряды. Как и его тесть, Дмитрий Нижегородский, Дмитрий Московский прибыл в Переяславль всей семьей. Там 26 ноября 1374 г. родился его сын Юрий, которого крестил игумен Сергий, поскольку митрополит Алексий остался в Москве. Подступы к столице охранял Владимир Серпуховский, который незадолго до этого приказал обнести Серпухов дубовыми стенами[170]. Перед выездом великого князя в Переяславль, в сентябре–октябре 1374 г. (а не весной 1371 г.)[171], остававшийся в Москве с митрополитом Владимир Серпуховский подписал с Дмитрием свою вторую договорную грамоту[172].

Уже после отъезда из Нижнего Новгорода в Переяславль Дмит-

рия Константиновича, осенью 1374 г., Мамай направил к нему представительную делегацию во главе с Сарайкой и в сопровождении ордынского отряда. Оставленный в Нижнем Новгороде за отца Василий Кирдяпа захватил и разоружил посланцев Мамая. Сообщение о случившемся он послал в Переяславль, а до получения ответа приказал держать ордынскую делегацию под стражей[173]. Ответ из Переяславля был получен в конце марта 1375 г. Василий распорядился отделить послов от их охраны. Ордынцы взбунтовались и все были перебиты[174]. В качестве ответной меры ордынские отряды Мамая захватили на юге Нижегородского княжества волости Кишь и Запьянье, «все пограбиша и пусто сотвориша и людеи посекоша, а иныхъ въ полонъ поведоша»[175].

Весной того же 1375 г. из Москвы в Тверь на службу к Михаилу бежали сын последнего тысяцкого Иван Васильевич и Некомат Сурожанин. Они принесли точные сведения о переходе Дмитрия и многих князей великого княжения на сторону Уруса. С сообщением об этом Михаил послал того и другого к Мамаю в Орду на Днепре, а сам отправился на переговоры в Литву. Вскоре он вернулся в Тверь, видимо, заручившись обещаниями помощи против Дмитрия. 13 июля туда же возвратился из Орды Некомат в сопровождении посланца от Бюлека Хаджи-ходжи, который имел на руках ярлык на великое владимирское княжение на имя Михаила Тверского. Последний тут же послал к Дмитрию свое отречение от крестного целования и вновь направил своих наместников и военные гарнизоны в Торжок и Углич[176]. Естественно, тверичи «надеялися помочи отъ Литвы и отъ Татаръ»[177]. Однако ни с той, ни с другой стороны помощь тогда не пришла. Дмитрий двинул против Твери армию, в состав которой входили кроме отрядов князей, принимавших участие на съезде в Переяславле, полки князей Владимира Серпуховского, Ивана Смоленского, Романа Брянского, Романа Новосильского, Семена Оболенского и Ивана Тарусского[178].

Уже 1 августа 1375 г. Дмитрий захватил Микулин, а 8 августа приступил к планомерной осаде Твери. Михаил, «виде многую силу отъвсюду грядущу нань, паче же свое изнеможение видя, и посылаше послы своя [к великому князю Дмитрию] съ покорениемъ и съ поклонениемъ»[179]. 1 сентября между обеими сторонами был подписан мирный договор. Михаил признал себя по отношению к Дмитрию «братом молодшим», обещая ему «добра... хотети во всем, везде, без хитрости». Он поклялся «всего великого княжения,

и Новагорода Великого ... не искати, и до живота». Согласился на московскую формулировку: «А поидут на нас татарове (имелись в виду ордынцы Мамая. — *А. Г.*) или на тебе, битися нам и тобе с одинова всем противу их». Все недвижимое имущество предателей Ивана Васильевича и Некомата отходило великому князю. Стороны договорились, что третейским судьей между ними по всем порубежным делам будет выступать Олег Рязанский[180]. Последнее обстоятельство говорило за то, что великий князь рязанский, как и Дмитрий, перешел на сторону Уруса и находился тогда в союзе с Москвой. После заключения мира с Михаилом под Тверью, 3 сентября 1375 г., полки сводной армии Дмитрия разошлись по домам[181].

Летом 1375 г. Мамай обещал, конечно, Михаилу Тверскому свою всемерную поддержку в деле посажения его на владимирский престол. На самом же деле он и не собирался выполнять свое обещание. Ему нужно было столкнуть сводную армию Дмитрия с тверскими силами и тем на время обеспечить себе тылы в главном деле — штурме Нового Сарая, захваченного Урусом. Тем же летом отряды Мамая неожиданным набегом вторично повоевали нижегородские южные волости и побили заставу Нижнего Новгорода[182]. Свои основные силы Мамай обрушил на Уруса и, видимо, в начале сентября 1375 г. вынудил его покинуть Новый Сарай и уйти в Сыгнак. Той же осенью литовские войска Ольгерда совершили набег на Смоленское княжество. Перед Николиным днем (6 декабря) посланные Мамаем ордынцы захватили город Новосиль. В начале 1376 г. Михаил Тверской наладил отношения с Литвой. 9 февраля в Тверь привезли из Литвы дочь Кейстута Марию, которую тверской епископ Евфимий вначале окрестил, а затем обвенчал с сыном Михаила Иваном[183].

Настало время краткого знакомства еще с одним из героев нашего исследования — митрополитом Михаилом. От той поры сохранился литературный источник, сочиненный идеологическими противниками митрополита и великого князя. Это небольшой летописный рассказ, за которым закрепилось название «Повесть о Митяе»[184]. В Рогожском летописце «Повесть» помещается в качестве приложения к рассказу «О Алексеи митрополите»[185]. Анализ текста и реконструкция содержания «Повести» позволяют говорить о том, что кличка Митяй была не именем, а уничижительным прозвищем будущего нареченного митрополита и получателя ярлыка

Бюлека. Звали его Дмитрием и был он коломенским священником. При особе своего родовитого тезки Дмитрий состоял много лет. Коломна являлась наследственным владением великого князя, так что познакомиться со своим будущим духовником он мог еще в раннем детстве.

Когда осенью 1362 г. 12-летний Дмитрий Московский впервые получил ханский ярлык на великое княжение, возникла необходимость, чтобы при нем неотлучно находился советник и наставник, который терпеливо и неукоснительно проводил бы политическую линию митрополита Алексия. Такого человека обрели в лице коломенского священника, который был уже зрелого возраста, высоким и осанистым, с благообразным лицом и большой окладистой бородой. Притом он был «словесы речистъ, гласъ имея доброгласенъ износящь, грамоте гораздъ, пети гораздъ, чести гораздъ, книгами говорити гораздъ, всеми делы поповьскими изященъ и по всему нарочитъ»[186]. Митрополит позаботился о том, чтобы Дмитрий сделался духовным отцом не только великому князю, но и всем его старейшим боярам. Одновременно духовник великого князя выполнял и роль его печатника, постоянно нося при себе великокняжескую печать и в необходимых случаях оттискивая ее на документах государственной канцелярии. Бок о бок с этим человеком великий князь провел многие годы.

2 декабря 1375 г. в далеком Константинополе патриарх Филофей, стремясь добиться церковного единства православной Руси, рукоположил болгарина Киприана в митрополита киевского, русского и литовского. Предполагалось, что после смерти престарелого Алексия, который был оставлен пожизненно митрополитом Великой Руси, Киприан получит всю Русь и будет единственным митрополитом всея Руси. В Москву эту сенсационную новость привезли зимой 1375/76 г., скорее всего уже в марте 1376 г., два церковных сановника, посланные константинопольским патриархом к митрополиту Алексию, Георгий Пердика и Иоанн Докиан. Узнав о содержании патриаршего послания, великий князь во гневе назвал патриарха, вселенский собор и византийского императора «литвинами». Москве требовался свой претендент на русский митрополичий престол. Выбор пал на духовника и печатника великого князя Дмитрия. 16 апреля 1376 г. тот был спешно пострижен в монахи, наречен Михаилом и назначен архимандритом московского Спасского монастыря. Киприан же 9 июня 1376 г. приехал в Киев и стал

там жить под защитой киевского князя Владимира (Олелько), сына Ольгерда[187].

После того как осенью 1375 г. Мамаю удалось отвоевать Новый Сарай и прогнать из Поволжья Уруса, представители хана Бюлека недолго продержались во всеордынской столице. Уже зимой 1375/76 г. с востока к Новому Сараю подошли войска сына шибанида Эльбека, которого звали Каганбек. Ордынцы Мамая не смогли сдержать их наступательный порыв. В результате Новый Сарай оказался в руках Каганбека. Армия Мамая откатилась на запад. Началась краткая эпоха правления на золотоордынском престоле шибанидов[188]. Опять великий князь владимирский оказался между двух огней. Дмитрий вновь избрал себе в союзники держателя Нового Сарая. Хан-победитель требовал немедленной материальной и военной поддержки. Приходилось оказывать ее, не особенно афишируя свои действия. Под 1376 г. летописец коротко сообщает: «Того же лета князь великии Дмитрии Московьскыи ходилъ за Оку ратию, стерегася (Мамаевой. — *А. Г.*) рати тотарьское»[189]. Эта по существу пассивная сторожевая служба вскоре сменилась активной военной помощью Каганбеку.

Значительно севернее Нового Сарая, недалеко от впадения в Волгу Камы, лежал богатейший город Булгар. В 1370 г. по повелению Бюлека Дмитрий Нижегородский посылал войска под командованием своего брата и старшего сына на булгарского родового князя Хасана с тем, чтобы посадить к нему на кормление ханского родственника Мухаммеда. Экспедиция тогда прошла успешно, без пролития крови с обеих сторон. Теперь Каганбек вознамерился полностью подчинить Булгар себе, ликвидировав фактическую независимость Хасана от центра за счет принятия в город ханского наместника — даруги и сборщика торговой пошлины в пользу хана — таможника. На этот раз добровольного согласия со стороны Хасана не ожидалось. Каганбек провел основательную дипломатическую подготовку к этой акции. Ханское повеление было направлено не только к Дмитрию Нижегородскому (путь от Нижнего Новгорода до Булгара был вдвое короче расстояния от Нового Сарая до Булгара), но и к великому князю владимирскому. В итоге Дмитрий Нижегородский, согласовав свои действия с великим князем, направил к Булгару войско под началом своих старших сыновей Василия и Ивана. Дмитрий Московский послал на Булгар полки от городов великого княжения под общим руководством

князя Д. М. Боброка Волынского. Поход проходил в зимних условиях. Русские рати подошли к Булгару 16 марта 1377 г. Под городом состоялось ожесточенное сражение, в результате которого победа оказалась на стороне нападающих. Русские воеводы обложили Хасана и Мухаммеда крупной денежной контрибуцией, посадили в Булгар ханских даругу и таможника и вернулись по домам, «ссуды и села и зимници пожгоша, а люди посекоша»[190].

Оставшиеся в Булгаре Хасан и Мухаммед, а также представлявшие там Каганбека даруга и начальник таможни немедленно сообщили в Новый Сарай подробности исполнения ханского повеления. В дополнение к ним булгарские купцы представили хану жалобу на неправомерные действия русских воевод. Каганбек объявил о своем намерении примерно наказать русскую сторону за превышение полномочий, грабежи и насилия по отношению к своим новым подданным. Его войско возглавил двоюродный брат и, видимо, калга-соправитель Арабшах. Дмитрий Константинович получил сообщение о том, что Арабшах переправился через Волгу и движется к Нижнему Новгороду. Нижегородский князь срочно передал эту весть великому князю. Тот лично возглавил ополчения из Владимира, Переяславля, Юрьева, Мурома и Ярославля и направился с ними к Нижнему Новгороду. Однако слухи о подходе Арабшаха не подтвердились. Великий князь передал руководство войсками своим воеводам и вернулся в Москву. Дмитрий Нижегородский усилил великокняжескую рать отрядами под командованием своего второго сына Ивана. В конце июля 1377 г. объединенное войско двинулось к южным рубежам княжества.

Русские полки переправились через реку Пьяну. Здесь их командиры получили вести о нахождении армии Арабшаха неимоверно далеко на западе — на реке Волчьей (впадающей в Северский Донец в его верховьях)[191]. Воеводы повели себя крайне беспечно. Это дало возможность отрядам ордынцев Мамая, имевших проводников из местной мордвы, тайно сосредоточиться в тылу у русских и 2 августа 1377 г. неожиданно напасть на них с тыла. Русское ополчение потерпело сокрушительное поражение. Сын нижегородского князя утонул в реке. Развивая свой успех, ордынцы, оставив захваченное имущество и полон на месте под охраной, совершили стремительный конный рейд на север и уже 5 августа оказались под стенами Нижнего Новгорода. Дмитрий Нижегородский бежал в Суздаль. Без боя взяв и разграбив город, 7 августа ордынцы покинули его,

«волости Новогородскыя воюючи, а села жгучи и множьство людеи посекоша, а жены и дети и девици въ полон бещисла поведоша». В довершение всего к юго-восточной границе Нижегородского княжества подошли отряды Арабшаха. Возможно, они преследовали ордынцев Мамая. По отношению к нижегородской территории Арабшах ограничился тем, что «погради за-Сурие и огнемъ пожьже»[192].

Только в конце августа 1377 г. вернулось оставшееся в живых население Нижнего Новгорода в разоренный и сожженный город. Осенью того же года мордовские князья организовали грабительский набег на южные пределы княжества. Их отбил у реки Пьяны Борис Городецкий. К тому времени Каганбека на новосарайском престоле сменил Арабшах. Возможно, это с его стороны пришло повеление нижегородскому князю послать войска на земли мордовских князей, союзных с Мамаем. Дмитрий Константинович обратился за помощью к великому князю. Тот прислал рать под командованием московского воеводы Федора Андреевича Свибла. К ней примкнули отряды Бориса Городецкого и служилого князя Арабшаха Семена Дмитриевича. Поход против мордвы был проведен зимой 1377/78 г. Русские войска «всю землю ихъ пусту сотвориша»[193].

12 февраля 1378 г. в Москве на 85-м году жизни скончался митрополит Алексий. Как проницательно отметил В. А. Кучкин: «Трудно решить, был ли он твердым сторонником политики Дмитрия, или великий князь последовательно проводил в жизнь политику митрополита. Но ясно одно: в разного рода политических акциях Дмитрий и Алексий действовали с редким единодушием»[194]. Не подлежит сомнению, что настоятель придворного Спасского монастыря в Кремле Михаил был общим кандидатом в митрополиты как Алексия, так и Дмитрия. Алексий дал на это официальное согласие, о чем было послано извещение и константинопольскому патриарху. После смерти Алексия Михаил «на дворъ митрополичь взыде и ту живяше... по всеи митрополии съ поповъ дань сбираше... готовляшеся на митрополию и тщашеся и наряжашеся ити къ Царюгороду на поставление»[195].

В летописи сохранился короткий рассказ о том, как в конце апреля 1378 г. на Нижний Новгород приходили «татарове изгономъ». О каких «татарах» шла речь, летописец не уточняет. Это умолчание само по себе служит указанием на то, что имелись в виду не

ордынцы Мамая, с которым у великого князя было «розмирие». Тогда чьи же воины совершили неожиданный набег на Нижний Новгород? Остается предположить, что это был карательный отряд новосарайского хана Арабшаха, который еще в конце лета 1377 г. пограбил и пожег нижегородское Засурье в отместку за чрезмерное усердие русских воинов при захвате ими города Булгара весной того же года. В апреле 1378 г. Арабшах повелел разорить Нижний Новгород в наказание за опустошение нижегородцами зимой 1377/78 г. земель мордовских князей, которые теперь стали подданными владыки Нового Сарая. Каратели не застали в Нижнем Новгороде Дмитрия Константиновича, находившегося в Городце. Жители города также разбежались кто куда. В то время к оккупированному неприятелем городу прибыл из Городца нижегородский князь и предложил захватчикам выкуп. Однако те не пошли на переговоры. 2 мая город был ими сожжен. Назавтра каратели отошли к югу от Нижнего Новгорода и повоевали Березовое поле (земли по обоим берегам реки Кудьмы)[196].

После того, как в феврале-марте 1378 г. Михаил, «по великого князя слову», перешел на жительство в московский митрополичий двор и все свое время посвятил подготовке к поездке в Константинополь, резко активизировалась деятельность его соперника Киприана, проживавшего в Киеве, где он уже почти два года исполнял функции митрополита киевского, русского и литовского. Предшествующие исследователи отмечали хронологическое несоответствие приезда из Константинополя в Москву патриаршего посольства (в начале весны 1376 г.) и прибытия из той же отправной точки в Киев митрополита Киприана (в начале лета 1376 г.). Казалось бы, Москва была удалена от патриаршей резиденции значительно больше, чем Киев, а Киприан добрался до Киева на 3 месяца позднее, чем патриаршие послы доехали до Москвы. Высказывалось предположение, что Киприан задержался у себя на родине в Болгарии[197]. Такое объяснение представляется малоубедительным, ибо Киприан прекрасно отдавал себе отчет о возможной реакции Москвы на свое поставление и должен был стремиться как можно быстрее достичь Киева, утвердиться там и поставить великого князя Дмитрия перед свершившимся фактом. Этого не произошло. Почему?

Видимо, в начале 1376 г. Киприан был задержан Мамаем в резиденции Бюлека на Днепре. Основания для задержания новопоставленного митрополита у Мамая имелись. Русская православная цер-

ковь традиционно пользовалась полным податным иммунитетом, который фиксировался в ханских ярлыках русским митрополитам. Последний такого рода ярлык был предоставлен летом 1371 г. Бюлеком на имя митрополита Алексия, как полагает автор этих строк, одновременно с получением ярлыка от того же хана Дмитрием на великое княжение владимирское. И вот всю весну 1376 г. Киприану пришлось объяснять в Орде законность своего поставления на литовскую часть русской митрополии при еще живом Алексии. В конце концов ордынцы обязали Киприана выкупить ярлык Бюлека на свою часть митрополии, что тот и сделал, неизбежно прибегнув при этом к финансовой помощи великого князя литовского Ольгерда. В 1377 г. Ольгерд умер. Преемником Ольгерда стал его сын Ягайло (1377–1392). Когда зимой 1378 г. в Москве скончался митрополит Алексий, перед Киприаном открылась перспектива на законном основании сделаться митрополитом всея Руси. И свой шанс он упускать не собирался.

В ту пору среди церковных иерархов великого княжества Владимирского были люди, которые приветствовали приход Киприана на митрополию всея Руси. В подоплеке их симпатий лежало убеждение в том, что целостная, в масштабах всея Руси, церковная организация дала бы возможность получать доходы с гораздо большего числа верующих, чем это планировалось после утверждения Михаила на митрополичьем престоле во Владимире[198]. Оппоненты Михаила группировались вокруг настоятелей монастырей Сергия Радонежского и его племянника Феодора Симоновского. Киприан лично знал того и другого и уже два года поддерживал с ними переписку, которую последние скрывали от великого князя. Теперь Киприан решился на прямой контакт с Дмитрием. К маю 1378 г. он завершил подготовку к своему путешествию из Киева в Москву. В Орде о предстоящей поездке Киприана, несомненно, знали заранее. Скрыть обширный митрополичий караван было вообще невозможно. Надо полагать, что Киприан получил на это путешествие официальное разрешение Мамая и Бюлека. Уже с дороги, из пограничного города Любутска, Киприан специальным посланием от 3 июня 1378 г. предупредил о своем подходе Сергия Радонежского и Феодора Симоновского. Те послали с ответом Киприану своих людей, но эти вестники были перехвачены людьми великого князя. Киприану все же удалось окольными путями, минуя московские сторожевые заставы, добраться до города. В Москве митрополит

и его свита были задержаны и изолированы от встреч со своими сторонниками. Киприан провел ночь под стражей в холодной избе, а наутро его вместе со спутниками вывели за городские ворота и отправили восвояси.

По пути в Киев Киприан написал и отослал Сергию и Феодору свое второе послание от 23 июня 1378 г. В нем митрополит заявлял об отлучении им от церкви и предании анафеме великого князя, его бояр и их временщика Михаила. Своим адресатам Киприан наказывал хранить, переписывать и распространять это его послание. В конце митрополит сообщал о своем намерении незамедлительно отправиться в Константинополь, «оборонитися богом и святым патриархом и великим сбором»[199]. Однако наказание обидчикам Киприана пришло значительно раньше и совсем с другой стороны.

Летом того же года, убедившись в полном провале миссии Киприана, Мамай направил против великого князя Дмитрия карательную экспедицию под началом родового князя Бегича. Похоже на то, что в качестве консультанта «по русским делам», готовившего маршрут следования Бегича, выступал сын последнего московского тысяцкого Иван Васильевич, который с лета 1375 г. находился в Орде при дворе Бюлека. Известно, что позднее в составе обоза Бегича был обнаружен «некий поп» из приближенных Ивана Васильевича, который, возможно, выполнял в войске роль проводника. В начале августа 1378 г. ордынцы глубоко вторглись на территорию Рязанского княжества, обходя Переяславль Рязанский с северо-запада и стремясь выйти к Коломне, откуда открывался путь на Москву. Дмитрий был вовремя оповещен об ордынском набеге своим союзником Олегом Рязанским. Войска великого князя перешли Оку в районе Коломны и преградили путь Бегичу у реки Вожи, впадавшей в Оку к северу от Переяславля. На помощь Дмитрию подоспел рязанский полк под командованием князя Даниила Пронского, родственника Владимира Пронского, умершего зимой 1372 г.

Несколько дней противники простояли на разных берегах Вожи. Наконец 11 августа 1378 г. Бегич на глазах у неприятеля переправился на левый берег Вожи. Ордынцы с ходу бросились в бой и попали в клещи русских полков. В центре рубились воины Дмитрия, слева от него сражался полк Тимофея Вельяминова, справа — отряд Даниила Пронского. Ордынцы были сокрушены этим тройным ударом и повернули своих коней обратно к реке. Русские воины бросились за ними, «бьючи ихъ, секучи и колючи и убиваша ихъ

множьство, а инии въ реце истопоша». Наступившая ночь помешала преследованию бежавшего в панике врага. Победа Дмитрия была несомненной и полной[200].

В научных кругах бытует мнение, что в битве при Воже пало 5 ордынских князей. Это «свидетельствует как о значительных размерах войска Бегича, так и о масштабе нанесенного ему Дмитрием поражения»[201]. Относительно размеров воинства Бегича летописец кратко говорит — «воя многы». Что же касается пяти «павших» в битве ордынских князей, то здесь налицо явное недоразумение. Дело в том, что в русской летописи действительно перечисляются имена пятерых ордынских князей, но не «павших», а «избытыхъ»[202]. Старый русский глагол «избыти» означал «остаться, сохраниться, спастись, уцелеть, уберечься»[203]. Названные в летописи 5 князей переплыли на правый берег реки и тем спасли себя от неминуемой гибели. Контекст летописного рассказа подтверждает именно такое понимание его текста. Сразу после приведения списка имен уцелевших ордынских князей летописец живописует обстановку, которая помогла им спастись: «... и наста нощь и бысть тма и нелзе бяше гнатися *за ними* (курсив мой. — *А. Г.*) за реку»[204]. Последнее имя в списке ордынских князей читается Бегичка. Его можно расчленить на Бегич+ка. Бегич является уже знакомым нам именем предводителя ордынского войска. *Ка* — тюркский словообразовательный аффикс со значением уменьшительности[205]. Уменьшительные имена у тюрок были широко распространены, что нисколько не принижало достоинства их носителей. Вспомним главу представительной делегации Мамая Сарайку, погибшего в Нижнем Новгороде весной 1375 г. Правителем Азовского тюмена в 1359 г. стал Джанука[206].

Битва при Воже явилась кульминацией обозначившегося в 1374 г. «розмирия» Дмитрия с Мамаем. В XIV в. она была первым открытым военным столкновением между Ордой и Русью, о конкретных предпосылках и последствиях которого сохранившиеся источники хранят почти полное молчание. Крохи дошедших до нас письменных свидетельств об этом событии все еще нуждаются в обстоятельном и непредубежденном осмыслении.

Теперь обратим взгляд на территорию левого крыла Золотой Орды, где весной 1377 г. в своей резиденции Сыгнаке скончался хан Урус. Низамеддин Шами сообщает, что в том же году, после кровопролитных сражений с наследниками Уруса и в результате постоянной материальной и военной поддержки Тимура, на престо-

ле в Сыгнаке утвердился тука-тимурид Токтамыш. Зиму 1377/78 г. Токтамыш провел в своей ставке, а с наступлением весны он двинул прекрасно подготовленное войско в поход на Новый Сарай, намереваясь воссоединить под своей властью оба крыла Золотой Орды[207]. Надо полагать, что летом 1378 г. армия Токтамыша уже подошла к Сарайчику, захватила его, а затем устремилась к низовьям Волги и вверх по ее рукаву Ахтубе — на Новый Сарай. Видимо, новому претенденту на общеордынский трон противостоял шибанид Арабшах. Последний не сдержал наступательного порыва Токтамыша. Он был убит или бежал, а Новый Сарай, возможно, уже осенью 1378 г. достался победителю. Такому развитию событий не противоречит дошедший до нас монетный материал. Обнаруженная на одном из новосарайских дирхемов Арабшаха дата 782 г. х. (1380/81 г.), скорее всего, является результатом ошибки резчика монетного штемпеля[208]. В 1378 г. закончилось время пребывания шибанидов на золотоордынском троне.

Если летом 1378 г. Мамай мог еще ничего не знать о приближении к Новому Сараю армии Токтамыша, то уже вскоре после сражения на Воже он узнал о победе Токтамыша над Арабшахом как о свершившемся факте. Мамай, как выдающийся государственный деятель той эпохи, отчетливо понимал, что только немедленные радикальные действия с его стороны способны еще нейтрализовать громадную потенциальную мощь русских княжеств, руководителям которых было в общем-то безразлично, чью сторону в этой большой политической игре ордынских властителей им принимать — Мамая или Токтамыша. Для русских князей в ту пору важнее было не прогадать и принять сторону сильнейшего. В связи с этим Мамай «тое же осени собравъ останочную силу свою и совокупивъ воя многы, поиде ратию вборзе без вести изгономъ на Рязаньскую землю»[209]. Далее летописец рассказывает о том, как воины Мамая захватили и «огнемъ пожгоша» Переяславль Рязанский, затем «волости и села повоеваша, а люди много посекоша, а иные въ полонъ поведоша и возвратишася во страну свою, много зла сотворивше»[210].

Получалось так, что Мамай взял реванш за летнее поражение при Воже и спокойно вернулся домой. На самом деле не все было так просто. Тот же летописец поведал нам и о том, что застигнутые врасплох Олег Рязанский и его соратники «выбежали изъ своея земли... и перебежа за Оку»[211]. А там находилась территория со-

юзника Олега Дмитрия Московского. Мамай ни в коем случае не мог позволить себе просто уйти в Орду на Днепре, оставив в своем тылу объединенные московско-рязанские силы, которые буквально еще вчера громили ордынцев при Воже. Поскольку элемент внезапности все еще сохранялся и работал на ордынцев, Мамай должен был перейти Оку и вторгнуться во владения Дмитрия. А вот вторгся ли? Летописец об этом умалчивает. Может быть, специально. Как, например, умолчали московские летописи о кратковременном пребывании Михаила Тверского на владимирском великокняжеском престоле в 1359 г., или как позднее московские редакторы изъяли описание этого события из Тверской летописи. Поэтому, вероятнее всего, прежде, чем отвести свои войска в Орду, Мамай на плечах отступавшего Олега переправился через Оку в районе Коломны и оказался в какой-нибудь сотне километров от Москвы.

Неготовый тогда к немедленным военным действиям, Дмитрий вместе с Олегом Рязанским вступили с ордынской стороной в переговоры. Они согласились на все условия Мамая, главным из которых, вероятно, являлось обязательство великого князя обеспечить безопасность границ ордынских владений со стороны Литвы на северо-востоке. Это давало Мамаю возможность основные свои силы и средства бросить на борьбу с Токтамышем на юго-востоке. Русский летописец сообщает о том, что уже к началу зимы 1378 г. Дмитрию удалось собрать «воя многы». 9 декабря русские полки под командованием князей Владимира Серпуховского, Андрея Полоцкого (сына Ольгерда, недавно перешедшего на службу к Дмитрию) и Дмитрия Боброка Волынского двинулись «ратию на Литовскыя городы и волости воевати»[212]. Поход этот оказался для московской стороны успешным. Были захвачены «многы страны и волости и села», а также города Трубчевск и Стародуб. Трубчевский князь Дмитрий Ольгердович не оказал вооруженного сопротивления. Вместе с семьей и приближенными боярами он переехал на службу в Москву, за что получил от великого князя город Переяславль Залесский «со всеми его пошлинами». Видимо, одним из условий соглашения Дмитрия с Мамаем было и беспрепятственное принятие великим князем из Орды в Москву сына бывшего московского тысяцкого Ивана Васильевича, и возвращение ему родовых владений отца.

Последней точкой, поставленной ордынской стороной на былом московско-ордынском «розмирии», явилась выдача ярлыка Бюлека

нареченному митрополиту Михаилу, которая состоялась в Орде на Днепре в феврале 1379 г.

Предваряя реконструкцию содержания ярлыка, следует отметить, что в 1966 г. была посмертно опубликована небольшая статья А. К. Боровкова[213], в которой подводился краткий итог многолетнему изучению «тарханных ярлыков золотоордынской эпохи» и производился анализ некоторых фрагментов перевода ярлыка Бюлека по тексту А. А. Зимина[214]. Рассматривая имя жалователя ярлыка, которое в русском тексте читалось Тюляк, А. К. Боровков отверг догадку И. Н. Березина, принимавшуюся А. А. Зиминым как бесспорную, о том, что подлинное имя хана звучало Тулунбек[215]. А. К. Боровков полагал, что догадка И. Н. Березина недостаточно обоснована по существу, а с лингвистической стороны — тем более. С точки зрения тюрколога-лингвиста, А. К. Боровков предлагал видеть в имени Тюляк булгарское произношение имени хана Абдуллы. Поскольку в таком случае ярлык мог быть выдан только в 1367 г., ученый допускал, что в 1379 г. ханом-жалователем мог быть и Бюлек. В последнем случае в арабографическом подлиннике ярлыка была допущена вполне возможная описка и первая буква имени хана из «Б» превратилась в «Т».

Добавим от себя, что первым востоковедом, предположившим, что Тулунбек был «Тюлюбяком или Тюляком наших летописей», являлся не И. Н. Березин, а Х. М. Френ[216]. Теперь мы уже знаем, что имя Тулунбек (правильнее — Тоглунбек), сохранившееся на легендах медных монет, чеканенных в 1380/81–1381/82 гг. в Новом Сарае и Мокше, принадлежало жене Токтамыша, убитой им в 1386 г.[217] В наши дни имя жалователя ярлыка предложено воспринимать в форме Тюлякбек. Предложение исходит от А. И. Плигузова. Оно опубликовано им в качестве расшифровки имени Тюляк в заголовке к публикации древнейшего списка русского перевода ярлыка Бюлека[218]. Откуда взялось имя Тюлякбек?

Предыстория появления этого имени в трудах отечественных историков вкратце выглядит так. Списки русских летописей, освещавших события интересующего нас периода, которые датировались бы XIV в., до нас не дошли. Летописные сборники XV в., содержащие рассказ о Куликовской битве 1380 г., единодушно подают это событие как карательный поход на русские земли, осуществленный под командованием одного лишь ордынского князя Мамая. При этом правящим царем Мамай нигде не называется.

Только в тексте Новгородской IV летописи, видимо случайно, сохранился фрагмент рассказа о начале сражения, в котором можно прочитать: «Преже бо начаша ся съеждати сторожевым полки и рускии с тотарьскими, сам же великии князь (Дмитрий. — *А. Г.*) наеха наперед в сторожевых полцех на поганаго царя Теляка, на реченаго плотнаго дьявола Мамаа»[219]. Иными словами, только в этом случае в летописи XV в. проглядывает изначальный текст рассказа XIV в., из которого явствует, что главнокомандующим в этой битве был «царь Теляк», а «названный дьявол во плоти» князь Мамай формально был ему подчинен[220]. Кстати, именно в упомянутой Новгородской IV летописи в самом начале рассказа о подготовке ордынцев к сражению говорится: «Окаанныи же Мамаи разгордевся, мневъ себе аки царя»[221].

Почему позднейшие русские летописи активно старались скрыть факт участия в Куликовской битве ордынского хана? Четкий ответ на этот вопрос содержится в тех же летописях. В 1382 г., когда на русские земли пошел набегом хан Токтамыш, великий князь Дмитрий, «слышавъ, что самъ царь идеть на него съ всею силою своею, не ста на бои противу его, ни подня рукы противу царя, но поеха въ свои градъ на Кострому»[222]. Дело было в том, что князь, пусть даже великий, не имел формального права выступать с оружием в руках против своего царя. Таким был закон. В 1380 г. Дмитрий этот закон нарушил. Тому имелись свои объяснения, которые еще предстоит предъявить отечественным историкам. В XVI в. рассказ о начале Куликовской битвы претерпел дальнейшее развитие в русских летописях. Никоновская летопись, повествуя о возросшем авторитете Мамая перед 1380 г., представляет дело так, что тот «и самого царя своего уби», и объявил царем себя. Так что, отправляясь на Куликово поле, бывший ордынский темник «отъ всехъ сущихъ его нарицашеся великий царь Мамай»[223]. Таким образом, возможные обвинения потомков в цареубийстве в отношении великого князя Дмитрия полностью снимались. Русский историк XVIII в. В. Н. Татищев расцветил рассказ Никоновской летописи еще более фантастическими подробностями. В его изложении получалось, что Мамай за свою карьеру перебил «многих ханов». Перед Куликовской битвой он убил «и самого хана своего», которому было тогда 18 лет. Со времени Куликовского сражения его подданные «начаша Мамая ханом имяновати, и же не бысть хан, ни отродия ханска»[224].

Такова была предыстория появления имени Тюлякбек в трудах отечественных историков XIX–XX вв. В сохранившихся летописных рассказах XV в. лишь однажды, как отзвук былого, промелькнуло имя командовавшего на Куликовом поле ордынской армией хана Теляка. В русском переводе ярлыка Бюлека, древнейший из сохранившихся списков которого датировался второй половиной 60-х годов XV в., имя хана-жалователя писалось Тюляк. Оба имени являлись русскими вариантами написания хорошо известного в средние века тюркского имени Тюлек (Tülək)[225]. Столь же обычным для ордынцев являлось и тюркское имя Бюлек[226], которое легко рифмовалось с именем Тюлек. Отечественные историки хорошо знали оба имени по трудам нумизматов. Имя Бюлек они признавали за ханом, в 1370 г. сменившим в Мамаевой орде Абдуллу. Согласно летописному рассказу XIV в., Мамай перед Куликовской битвой убил своего подставного хана, т. е. Бюлека. Однако нумизматы вдруг обнаружили монеты, датированные 782 г. х. (1380/81 г.). На их арабографичных легендах значилось имя, которое можно было читать и Бюлек, и Тюлек, ибо там отсутствовала диакритика, позволявшая отличить букву «Б» от «Т».

Выход из затруднительного положения историки нашли не в отказе от легендарной версии русского летописца XVI в., а в том, что они немного подправили эту версию. Теперь считалось, что Мамай перед сражением все-таки убил Бюлека, но на его место тут же посадил Тюлека. Последней точкой в этой истории была находка в 1954 г. в Татарстане Мало-Атрясинского клада ордынских монет, в котором оказались и 16 монет 782 г. х. с именем, читавшимся в арабском написании Бюлек или Тюлек. В отличие от такого рода монет, известных еще Х. М. Френу, на этих экземплярах ниже имени хана отчетливо читалось слово «бек». А. Г. Мухамадиев счел это дополнение к имени достаточным основанием для утверждения, что наконец-то найдены монеты Тюлекбека (Тулякбека) — преемника Бюлека[227]. Вот отсюда в публикации А. И. Плигузова и появилось имя жалователя ярлыка — Тюлякбек.

Позиция автора этих строк определенна. Для понимания событий, предшествовавших Куликовской битве, фантастическую версию летописного рассказа XVI в. вообще не следует принимать в расчет. Хан Бюлек в сражении участвовал. Попытки позднейших летописцев скрыть этот факт служат лишь указанием на то, что Бюлек в той битве погиб. Что касается имени, обозначенного на 16

монетах Мало-Атрясинского клада, то его надлежит читать Бюлекбек. Совместимы ли имена Бюлек и Бюлекбек? Да, вполне совместимы. Тому есть примеры и в ордынской нумизматике. Они давно опубликованы. Возьмем, например, описания Х. М. Френом ордынских монет из собрания Азиатского музея в С.-Петербурге[228] и их коллекции при Казанском университете[229]. В правление хана Токты его имя на монетах изображалось уйгурскими буквами в форме Токтогу[230] и параллельно чеканились монеты, где то же имя вырезалось арабицей в форме Токтубек[231]. Имя хана Навруза чеканилось в форме не только Навруз[232], но и Наврузбек[233]. Остается признать Бюлека вторым и последним ханом Мамаевой орды.

Текст ярлыка Бюлека дошел до нас в составе сборника старинных русских переводов ханских ярлыков русским митрополитам. Для реконструкции содержания его изначального текста здесь используются публикация критического текста сборника, осуществленная А. А. Зиминым[234], и публикация самого старого из сохранившихся списка собрания ярлыков, которую подготовил А. И. Плигузов[235]. В случаях разночтений предпочтение будет отдаваться тому изданию текста ярлыка Бюлека, которое точнее отражает содержание его восточного оригинала[236]. Реконструкцию содержания ярлыка начнем с того, что расчленим его текст, руководствуясь содержанием русского перевода, на статьи: *обращение, объявление о пожаловании, условия пожалования, предостережение* и *удостоверение.* Проводим последовательную реконструкцию содержания каждой из названных статей, руководствуясь при этом результатами реконструкции содержания статей ярлыка Бердибека от 1357 г. митрополиту Алексию[237].

Статья *обращение*: «Бесмертного бога силою и величьством из дед и прадед Тюляково слово Мамаевою дядиною мыслию татарьским улусным и ратным князем и волостным самым дорогам и князем писцем таможником побережником и мимохожим послом и соколником и пардусником и бураложником и заставщиком и лодеицком или кто на каково дело ни поидеть многим людем и ко всем».

Сравнение текста статьи в публикации А. А. Зимина с публикацией А. И. Плигузова выявляет лишь отдельные буквенные разночтения[238]. Формальные показатели статьи практически совпадают с таковыми же в аналогичной статье ярлыка Бердибека[239].

Казалось бы, остается только воспользоваться результатами

уже проведенной реконструкции содержания этой статьи в ярлыке Бердибека[240], заменив в ней личные имена, и работа над первой статьей закончена. Такому простому решению мешает наше знакомство с ярлыком Бердибека от 1358 г. венецианским купцам Азова, из реконструированного содержания первой статьи которого явствует, что со второго года правления Бердибека ярлыки, составлявшиеся в государственной канцелярии от имени хана, перестали писать уйгурицей по-монгольски, сохранив традиционные монгольские тексты только на металлических пайцзах. Теперь их писали по-прежнему уйгурицей, но не по-монгольски, а по-тюркски. Значит, изменилось и содержание первой статьи[241]. Наличие в первой статье ярлыка Бюлека мотивировки («Бесмертного бога силою и величьством из дед и прадед») объясняется позднейшей работой составителя сборника ханских ярлыков русским митрополитам над унификацией их текстов. Именно русский составитель сборника сравнил переводы ярлыков Бердибека и Бюлека, заметил их текстуальную близость и взаимно «дополнил» их тексты. В частности, он приписал мотивировку из ярлыка Бердибека к обращению в ярлыке Бюлека, ибо в последнем эта мотивировка отсутствовала.

Так что исключаем мотивировку из текста статьи *обращение* в ярлыке Бюлека и реконструируем содержание статьи по составляющим ее оборотам и элементам. На оборот указ остается русский текст «Тюляково слово», который практически (различаются только имена ханов) одинаков с тем же оборотом во втором ярлыке Бердибека[242]. Таким же практически одинаковым будет и его реконструированное содержание: «Мое, Бюлека, слово».

Содержание более пространного второго оборота статьи *обращение* — адресата — реконструируем по составляющим его элементам.

Элемент «Мамаевою дядиною мыслию», судя по первому ярлыку Бердибека[243], является на самом деле не первым, а только составной частью второго элемента. На первое место выдвигаем элемент «татарьскым улусным», реконструированное содержание которого, как и в обоих ярлыках Бердибека[244], будет: «Монгольского государства».

Второй элемент — «и ратным князем Мамаевою дядиною мыслию» — по форме аналогичен второму элементу в первом ярлыке Бердибека[245].

Специального комментария заслуживает слово, находящееся в составе этого элемента в качестве приложения к имени Мамая, —

«дядиною». Отечественные историки обычно принимали концепцию русского составителя сборника ханских ярлыков и считали это слово русским — «дядя». Такое его объяснение вряд ли приемлемо. Теоретически допустимо, что Мамай приходился Бюлеку дядей с материнской стороны. Однако маловероятно, чтобы хан заявлял об этом в официальном документе. Такое еще мог себе позволить в своей духовной грамоте по отношению к московскому тысяцкому русский великий князь Семен Гордый[246]. Бюлек, представитель по мужской линии «золотого рода» Чингис-хана, на деле будучи даже во всем зависимым от Мамая его ставленником, в анализируемом акте формально приказывал всесильному родовому князю повиноваться ханскому повелению под угрозой смерти. Поэтому автор этих строк одно время, вслед за В. Д. Смирновым, видел в слове «дядин» (в другом написании, принятом в Троицком I списке, — «дятин») обозначение должности — титула Мамая — «тудун» и считал этот титул эквивалентом термина «беглербек»[247].

Теперь представляется возможность высказать о слове «дятин» более обоснованное суждение. В Лаврентьевской летописи под 1262 г. сохранилось известие о посылке на Русь ханом Берке своего чрезвычайного посланца, название должности которого (воспринятое писцом и последующими отечественными историками в качестве личного имени) писалось «титям» или «титяк»[248]. Русские исследователи всегда предпочитали второе написание. Между тем слово «титям» очень близко по форме к старинному тюркскому слову «тетим»[249], образованному от глагола tet-~tit- «противиться, сопротивляться». «Тетим» можно перевести как «упорный, стойкий, решительный»[250], т. е. «упорно отстаивающий интересы хана». Если обычно ханский посланец назывался в ордынских документах по-монгольски и по-тюркски словом «эльчи», которое передавалось русскими летописями термином «посол» и обозначало человека, уполномоченного верховной властью выполнять определенные поручения, то «тетим» являлся ханским доверенным лицом, выполнявшим особые поручения и наделенным чрезвычайными полномочиями. Термин «тетим» применительно к данному случаю можно было бы передать одним сложным словом «особоуполномоченный».

Генетическая связь термина «титям» Лаврентьевской летописи с термином «дятин» русского перевода ярлыка Бюлека представляется автору этих строк очевидной. Оба термина восходят к ордын-

скому термину «тетим». Однако при этом возникает новый вопрос. Если допустить бытование термина «тетим» в русской канцелярской практике за более чем столетний период, то чем в таком случае объяснить его полное отсутствие в текстах массы сохранившихся русских летописей в промежуток времени между 1262 и 1379 гг. Объяснение этого феномена, надо полагать, заключается в том, что исчезновение термина «тетим» в материалах русских летописей за указанный срок как раз и происходит вследствие его довольно частого употребления. Иными словами, термин стали переводить на русский язык. Страницы летописей пестрят упоминаниями о приходе на Русь ордынских послов. Иногда это упоминание о «после» («эльчи») и его личном имени. В других случаях слово «посол» сопровождается определениями «силен» или «лют». В словосочетаниях «посол силен» или «посол лют» следует видеть русское толкование ордынского термина «тетим» («особоуполномоченный»).

Возвращаясь к реконструкции содержания второго элемента оборота адресат статьи *обращение* ярлыка Бюлека, вновь обращаем внимание на такой же элемент во втором ярлыке Бердибека[251] и видим, что содержание его отличается от содержания аналогичного элемента в первом ярлыке[252]. Именно реконструированное содержание элемента во втором ярлыке Бердибека служит образцом для реконструкции содержания второго элемента в ярлыке Бюлека: «князьям тюменов, под началом с особоуполномоченным Мамаем, тысяч, сотен и десятков».

Содержание элементов «волостным самым дорогам и князем писцем таможником побережником» реконструируем в соответствии с аналогичными элементами в первом ярлыке Бердибека[253]: «даругам-князьям тюменов и городов, служащим государственной канцелярии, таможникам и весовщикам».

Элементы «и мимохожим послом и соколником и пардусником и бураложником и заставщиком и лодеищиком или кто на каково дело ни поидеть многим людем», как выяснилось при реконструкции их содержания в первом ярлыке Бердибека[254], заключает в себе две равнозначные формулы: 1) «и мимохожим послом» («проезжающим посланцам»); 2) «или кто на каково дело ни поидеть многим людем» («многим людям, идущим по какому-нибудь делу»). Первая из формул по своему происхождению в ордынских ярлыках является монгольской, а вторая — тюркской. Реконструируя содержание статьи *обращение* в первом ярлыке Бердибека, мы

оставили в окончательном ее тексте только первую формулу[255]. Занимаясь реконструкцией содержания той же статьи во втором ярлыке Бердибека, мы убедились в том, что тюркский текст статьи вполне мог содержать в переводе и монгольскую по происхождению формулу[256]. Теперь, видя перед собой в русском переводе ярлыка Бюлека первую формулу в неразрывном сочетании со второй, остается признать возможность их совместного бытования. Реконструкция содержания их сочетания: «проезжающим посланцам — сокольникам, звериным ловцам, караульщикам, заставщикам и лодейщикам, а также многим другим людям, идущим по какому-нибудь делу».

Элемент «и ко всем» в обоих ярлыках Бердибека, начертанных по-монгольски и по-тюркски, обозначал всех подданных ордынского хана[257]. Реконструкция его содержания: «ко всем подданным».

Реконструкция содержания статьи *обращение* ярлыка Бюлека в полном объеме: «Мое, Бюлека, слово ко всем подданным Монгольского государства: князьям тюменов, под началом и с особоуполномоченным Мамаем, тысяч, сотен и десятков, даругам-князьям тюменов и городов, служащим государственной канцелярии, таможникам и весовщикам, проезжающим посланцам — сокольникам, звериным ловцам, караульщикам, заставщикам и лодейщикам, а также многим другим людям, идущим по какому-нибудь делу».

Статья *объявление о пожаловании*: «Пред Чингис царь а опосле того цари Азиз и Бердебек и за тех молились молебникы и весь чин поповьскыи ино какова дань ни будеть или коя пошлина ино тем того ни видети не надобе чтобы во упокои бога молили и молитву въздавали да не ли иное что кто ни будеть вси отведав ярлыки подавали. И нынечя паки пръвых ярлыков не изыначив одумав и мы по тому же сего Михаила митрополита пожаловали есмы».

Как и в случае с первой статьей ярлыка, тексты этой статьи в публикациях А. А. Зимина и А. И. Плигузова[258] разнятся незначительно и на уровне нашего исследования не нуждаются во взаимных корректировках. Другое дело, что аналогичная статья в первом ярлыке Бердибека была вычленена нами из текста ярлыка не совсем правильно, ибо текст ее концовки, начинавшийся словами «и как сед в Володимере», целиком относится по содержанию к статье *условия пожалования*[259]. Эта ошибка исправляется при реконструкции содержания ярлыка Бюлека. Текст статьи *объявление о пожаловании* расчленяется на два разных по величине предло-

жения, которые соответствуют обороту прецедент пожалования и одноименному со статьей обороту объявление о пожаловании.

Приступая к реконструкции содержания оборота прецедент пожалования, расчленим его текст на элементы, применительно к тем фрагментам, на которые членился текст оборота в первом ярлыке Бердибека[260].

Содержание первого элемента «Пред Чингис царь а опосле того цари Азиз и Бердебек», в соответствии с интерпретацией содержания подобного элемента в ярлыке Бердибека[261], реконструируется в такой форме: «Чингис-хана и последующих ханов — наших предшественников Азиза и Бердибека». Здесь речь идет о ярлыках-пожалованиях преемственной цепочки ханов-чингисидов, начиная от их родоначальника Чингис-хана и кончая последними, наиболее авторитетными в глазах Бюлека, его потомками, т. е. ордынскими ханами Азизом и Бердибеком. Что касается двух последних имен, то бросаются в глаза по крайней мере два неразрешимых противоречия. Во-первых, нарушение очередности правлений ханов. Азиз-шейх, как выясняется выше, величался правосудным ханом в 1364–1367 гг., а Бердибек — в 1357–1359 гг., т. е. на первое место следовало поставить имя Бердибека. Во-вторых, Мамай по женской линии являлся родственником батуида Бердибека и потому зависимый от Мамая батуид Бюлек мог чтить память только Бердибека. Азиз-шейх был ордуидом, пришлым захватчиком, смертельным врагом Мамая, а значит, и Бюлека.

Следовательно, слово «азиз» в тексте анализируемого элемента не могло быть именем. Повторяем свое прежнее наблюдение: слово «азиз», заимствованное тюрками у арабов в значении «ценный, дорогой», является здесь синонимом монгольского слова «саин» («добрый») в значении «покойный»[262]. Тогда реконструированное содержание элемента можно передать словами: «Чингис-хана и последующих ханов — наших родственников, включая покойного Бердибека». Однако и в таком случае остается некоторое хронологическое несоответствие. Из «законных», в глазах Мамая, а потому и Бюлека, ордынских ханов Бюлеку предшествовал не Бердибек, а Абдулла. Мало того, по аргументированному предположению автора этих строк, после получения ярлыка, освобождавшего русскую церковь от налогов и повинностей, от Бердибека (осенью 1357 г.) митрополит Алексий получал аналогичные ярлыки от Абдуллы (осенью 1363 г.) и от самого Бюлека (осенью 1371 г.). Види-

мо, выдавая ярлык митрополиту Михаилу, Бюлек (или стоявший за ним Мамай) счел нужным назвать после Чингис-хана наиболее авторитетное для него имя своего покойного родственника — Бердибека, ибо два последующих ярлыка целиком повторяли основной текст ярлыка Бердибека.

Реконструкция содержания оставшейся части оборота — «и за тех молились молебникы и весь чин поповьскыи ино какова дань ни будеть или коя пошлина ино тем того ни видети не надобе чтобы во упокои бога молили и молитву въздавали да не ли иное что кто ни будеть вси отведав ярлыки подавали» — уже производилась применительно к первому ярлыку Бердибека[263]. Так что реконструированное содержание оборота в целом: «В ярлыках Чингис-хана и последующих ханов — наших родственников, включая покойного Бердибека, было сказано, чтобы христианские митрополиты, священники и монахи, не видя каких бы то ни было налогов и повинностей, молились за них богу и возносили им благопожелания».

На оборот объявление о пожаловании остается текст: «И нынечя паки пръвых ярлыков не изыначив одумав и мы по тому же сего Михаила митрополита пожаловали есмы». Сообразуясь с реконструкцией содержания того же текста в ярлыке Бердибека[264], но не забывая о том, что там концовка оборота была неправомерно увеличена за счет текста следующей статьи, интерпретируем оборот в его настоящем виде: «И ныне мы, согласно с прежними ярлыками, на тех же условиях пожаловали этого митрополита Михаила». Примечательно, что в этом обороте, как и в статье в целом, отсутствует упоминание о прошении грамотчика, на основании которого и после его благожелательного рассмотрения ханом совершалось пожалование и выдавался ярлык. В этом заключалось формальное отличие ханских жалованных грамот представителям различных конфессий. Во всех других иммунитетных грамотах, в их числе и во втором ярлыке Бердибека[265], указание на прошение грамотчика и благоприятное рассмотрение его жалователем ярлыка было обязательным.

Реконструкция содержания статьи *объявление о пожаловании* в полном объеме выглядит так: «В ярлыках Чингис-хана и последующих ханов — наших предшественников, включая покойного Бердибека, было сказано, чтобы христианские митрополиты, священники и монахи, не видя каких бы то ни было налогов и повинностей, молились за них богу и возносили им благопожелания. И ныне мы,

согласно с прежними ярлыками, на тех же условиях пожаловали этого митрополита Михаила».

После переосмысления объема и содержания статьи *объявление о пожаловании* приходится по-новому взглянуть на объем и содержание статьи *условия пожалования.* Теперь в восприятии текста названной статьи автором этих строк происходит качественное изменение, и он видит то, чего прежде, анализируя аналогичные тексты в хронологическом отношении более ранних ярлыков сборника, не замечал. Оказывается, объем статьи *условия пожалования* совсем не тот, каким он виделся нам изначально, еще прежде, чем мы приступили к интерпретации содержания статей в актах сборников ханских ярлыков русским митрополитам, т. е. тогда, когда мы анализировали тексты жалованных грамот храмам и монастырям, выданных в XIII–XIV вв. монгольскими великими ханами[266].

В настоящее время объем статьи *условия пожалования* в ярлыке Бюлека представляется нам в следующем виде: «И как сед в Володимери богу молиться за нас и за племя наше в род и род и молитву въздаеть тако есмы възмолвили ино никакова дань ни которая пошлина ни подвода ни корм ни питье ни запрос ни даров не дадуть ни почестья не вздают никакова». Весь последующий текст, включавшийся нами прежде в состав этой статьи, относится к статье *предостережение.*

Текст статьи в публикации А. А. Зимина существенно разнится с таковым в публикации А. И. Плигузова только в одном случае[267]. В самом его начале, после слов «и как», в публикации А. И. Плигузова пропущены слова «сед в». Наличие этого пропуска затрудняет понимание статьи. Он обязательно должен быть восполнен на основании других списков сборника.

Прежде чем мы приступим к реконструкции содержания статьи *условия пожалования,* важнейшей статьи этого ордынского ярлыка, изначально составленного по-тюркски, привлечем для большей убедительности наших выводов сохранившиеся тюркские тексты ярлыков Токтамыша от 1381 г., Тимур-Кутлука от 1398 г. и Улуг-Мухаммеда от 1420 г., уже подвергавшиеся нашей интерпретации[268].

Содержание первого элемента статьи — «И как сед в Володимери» — реконструируется довольно просто. Здесь речь идет о времени, когда Михаил утвердился в кафедральном соборе города Владимира, тем самым возглавив русскую православную церковь. Посколь-

ку слово «митрополия» исстари обозначало, в частности, «кафедральный собор»[269], реконструируем содержание элемента в таком виде: «После того, как он, воссев в митрополии города Владимира».

Элемент «богу молиться за нас и за племя наше в род и род и молитву въздаеть» в деталях понимается сложнее. Если в монгольском тексте первого ярлыка Бердибека выражения «богу молиться» и «благопожелания возносить» являлись калькой с монгольского и потому практически в неизменном виде перешли в реконструированное содержание соответствующего элемента[270], то для того, чтобы разобраться в русском переводе ярлыка Бюлека, требуется привлечь тюркские тексты ярлыков Токтамыша, Тимур-Кутлука и Улуг-Мухаммеда. Аналогичный интересующему нас элемент обнаруживается в ярлыке Тимур-Кутлука: «пусть постоянно возносят за нас и наш род родов молитвы и благопожелания»[271]. Словосочетание «за наш род родов» переводчик ярлыка Бюлека, стремясь к его дословной передаче по-русски, довольно неуклюже изобразил в виде «за племя наше в род и род». Реконструкция содержания элемента: «постоянно возносит за нас и наш род родов молитвы и благопожелания».

Элемент «тако есмы възмолвили» передается в ярлыках Тимур-Кутлука и Улуг-Мухаммеда в несколько сокращенном виде: «мы повелели»[272]. В ярлыке Токтамыша он представлен в полном виде: «мы повелели так»[273].

Содержание группы элементов «ино никакова дань ни которая пошлина ни подвода ни корм ни питье ни запрос ни даров не дадуть ни почестья не въздають никакова» в целом понятно. Анализируя первый ярлык Бердибека, мы разнесли аналогичный фрагмент по частям в разные статьи, чего делать не следовало[274]. Реконструируя теперь содержание того фрагмента в ярлыке Бюлека, исправляем и нашу прошлую ошибку. Общий смысл статьи *условия пожалования* уже сейчас не вызывает сомнений. Митрополит Михаил выступает здесь в качестве гаранта, который от лица всего русского православного духовенства обеспечивает постоянное вознесение молитв и благопожеланий особе хана и его роду. За это хан полностью освобождает русское духовенство от уплаты налогов и несения повинностей в пользу хана и его представителей.

Практически всю группу элементов связывает один глагол «не дадуть». Издревле по-тюркски инфинитивная форма глагола, выражавшего значения «давать, платить», звучала «бермек»[275]. В ин-

тересующей нас форме этот глагол в тюркских текстах сохранившихся ярлыков не представлен. На современный русский язык форму «не дадуть» лучше передать в виде «пусть они не дают». Пара русских терминов «дань» и «пошлина», под которыми понимались общепринятые налоги и традиционные сборы, соответствовала паре терминов ордынских ярлыков — тюркскому «салык» и арабскому, издревле воспринятому тюрками, «кысмет»[276]. Пара русских терминов «подвода» и «корм», которые обозначали повинности гужевую и кормовую, была однозначна паре терминов ордынских ярлыков — тюрко-монгольским «улаг» и «шусун»[277]. Термин «питье» являлся исключительно русским[278]. Он обозначал преимущественно хмельные напитки. Будучи механически приписан здесь в пару к русскому термину «корм», он не имел отношения к подлинному тексту ярлыка. Пара русских терминов «запрос» и «дар», означавших чрезвычайные налоги и сборы по случаю[279], могли быть калькой пары терминов ордынских ярлыков — персидского по происхождению «аварезат»[280] и тюркского «тузгу»[281].

Элемент «ни почестья не въздають никакова» является по существу отдельным предложением, по мнению автора этих строк, произвольно приписанным к статье *условия пожалования*. И прежде[282] и теперь мы не учитываем его при реконструкции содержания статьи.

Реконструированное содержание статьи *условия пожалования*: «После того, как он, воссев в митрополии города Владимира, возносит за нас и наш род молитвы и благожелания, мы повелели так: „Пусть они не дают никаких общепринятых налогов и сборов, подвод и кормов, а также чрезвычайных налогов и сборов“».

Статья *предостережение*: «Или что церковныя домы воды земли огороди виноградры мелници и в то ся у них не въступаеть никто ни насильства не творять им никакова а кто что будеть взял или что вземлеть и он отдасть назад а в церковных домех кто ни будеть чтобы не ставились ни рушили их».

Тексты этой статьи в публикациях А. А. Зимина и А. И. Плигузова практически равнозначны[283]. Другое дело, что содержание статьи разительно изменилось по сравнению с тем, которое мы определили для статьи *предостережение*, например, в первом ярлыке Бердибека[284]. Бывшую концовку статьи *условия пожалования* мы назвали теперь *предостережение* и предлагаем рассматривать ее отдельно от статьи *условия пожалования*.

Основанием для этого служат следующие соображения. Статья *условия пожалования* в ее новом прочтении провозглашает освобождение русской православной церкви, в лице ее священников, монахов и возглавляющего их митрополита, от всех налогов и повинностей. В статье *предостережение*, обращенной исключительно к возможным нарушителям ханского повеления — представителям адресата, возбраняется нарушать границы разного вида недвижимой собственности грамотчиков, чинить им всякого рода притеснения и неудобства. Для тех немногих из числа не только представителей адресата, но и грамотчиков, кто посмел бы нарушить предписания и смысл статей *предостережение*, *объявление о пожаловании* и *условия пожалования*, предназначалась статья *устрашение*, которую прежде мы называли *предостережение*.

Расчленяем текст статьи *предостережение* на предложения-фрагменты и последовательно рассматриваем их.

Фрагмент «Или что церковныя домы воды земли огороди виногради мелници и в то ся у них не въступаеть никто ни насильства не творять им никакова а кто что будеть взял ил что вземлеть и он отдасть назад» слишком сложен для прямой реконструкции его содержания. Проанализируем его по элементам.

Элемент «Или что церковныя домы», как мы выяснили на примере рассмотрения первого ярлыка Бердибека[285], отнюдь не однозначен. Слово «домы» здесь домыслено редактором русского текста ярлыка. На самом деле элемент переводится: «В принадлежащие их храмам». Поскольку слово «храмы» выступает тут в широком значении всякого рода недвижимости, то, реконструируя содержание элемента, на наш взгляд, нужно дополнить слово «храмам» словами «и монастырям». В таком случае элемент будет точнее отражать тогдашнюю русскую действительность: «В принадлежащие их храмам и монастырям».

Порядок слов в элементе «воды земли», обозначавшем основные виды недвижимости, в тюркских текстах ярлыков был обратным: «земли и воды»[286]. В таком же порядке расположены эти слова и в более ранних ярлыках сборника, начиная с ярлыка Менгу-Тимура от 1267 г.[287] Восстанавливаем их правильный порядок: «земли и воды».

Элемент «огороди виногради мелници» являет собой пару объектов недвижимости «сады и мельницы», которая впервые появилась в чингисидских ярлыках только в начале XIV в. Мы встреча-

ем ее в китайских переводах ярлыков от 1311–1314 гг. монгольского великого хана Аюрбарибады[288] и в монгольских текстах его ярлыков от 1314 г.[289] Поэтому пара «сады и мельницы» была вписана редактором сборника в русский перевод ярлыка Менгу-Тимура неправомерно[290]. В первом ярлыке Бердибека эта пара была совершенно законной[291]. В ярлыке Бюлека, поскольку его текст изначально писался по-тюркски, та же пара перестала быть парой. Для тюркских текстов всегда были характерны парные синонимы. В ярлыке Бюлека к слову «баг» («сад») приписали его синоним — «багче». Во множественном числе словосочетание выглядело «баг багчелер»[292] и обозначало «всякого рода плодовые насаждения» . В условиях Северо-Восточной Руси XIV в. реально это были «сады и огороды», а не «сады и виноградники» старинного русского перевода[293]. Так, словосочетание «сады и огороды» в ярлыке Бюлека давало одну пару, а бывший парный термин «мельницы» «повисал в воздухе».

Оказывается, в тюркских текстах ярлыков нашелся если и не синоним, то новый традиционный парный термин к слову «мельницы». Им стал термин «бани», который помещался перед словом «мельницы». В паре это словосочетание выглядело как «бани и мельницы»[294]. Возможно, их «сроднило» местоположение возле источника воды. Надо полагать, что слово «бани» присутствовало и в оригинале ярлыка Бюлека, и в его синхронном русском переводе. Почему же мы не находим этого слова ни в древнейшем из сохранившихся списке перевода ярлыка, ни в более поздних его списках? Видимо, слово «бани» было изъято из текста перевода ярлыка по цензурным соображениям. Само по себе это слово исстари было на Руси в свободном обращении[295]. Однако в обиходе русские мужчины частенько мылись в банях вместе с женщинами, что по церковным канонам не поощрялось. Уже в Ефремовской кормчей книге XII в. можно было прочесть: «...не подобаеть священикомъ или кририкомъ [так!] или постьникомъ в бани мытися съ женами ни всякому хрьстияноу или простьцю[296]». Возьмем на себя смелость восстановить историческую справедливость. Содержание элемента «огороди виногради мелници» реконструируется в виде «сады и огороды, бани и мельницы».

Элемент «и в то ся у них» отражает принадлежность всего вышеназванного «им». Это те «они», которые в статье *условия пожалования* освобождаются от всех налогов и повинностей. В статье

объявление о пожаловании «они» расшифровываются как «христианские митрополиты, священники и монахи». Вспомним, что содержание этого элемента уже интерпретировано нами в словах «в принадлежащие их», помещенных в самом начале реконструированного содержания фрагмента.

Элемент «не въступаеть никто», отвергнутый за неимением прецедента при реконструкции содержания этой статьи в первом ярлыке Бердибека[297], обнаруживается в китайских переводах ярлыков монгольских великих ханов (ярлык Есюн-Темюра от 1324 г.)[298]. В тюркских текстах ордынских ярлыков выражение типа «кто бы то ни было пусть не вступают» передавалось с помощью парных глаголов: «кто бы то ни было пусть не посягают и не вступают»[299]. В качестве реконструированного содержания элемента оставляем несколько сокращенный вариант: «кто бы то ни было пусть не вступают».

Элемент «ни насильства не творять им никакова» в том же обороте первого ярлыка Бердибека звучит примерно так же[300]. В жалованной грамоте Тайдулы от 1351 г., оригинал которой, как мы теперь считаем, составлялся сразу на тюркском языке, тот же элемент в русском переводе читался: «ни силы ни истомы не творять им никакие»[301]. Тюркский парный синоним «сила и принуждение», конечно, существовал, но в дошедших до нас тюркских текстах ордынских ярлыков он не просматривается. Там везде слово «кюч» («сила, насилие») употребляется отдельно[302]. Реконструкция содержания элемента: «какое бы то ни было насилие им пусть не причиняют».

Элемент «А кто что будеть взял или что вземлеть и он отдасть назад» прежде, как не имеющий себе соответствия в текстах ярлыков монгольских великих ханов, считался редакторским дополнением к русскому тексту предыдущего элемента[303]. Теперь автор этих строк пришел к другому пониманию элемента. Отыскался прецедент в ярлыках монгольских великих ханов. В китайском переводе ярлыка Хубилая от 1280 г. говорится о том, что принадлежавшие одному из монастырей незаконно захваченные земли и воды должны быть возвращены[304]. Так что наш элемент не являлся для ярлыка Бюлека полностью инородным. В русском переводе ярлыка Менгу-Тимура элемент предстает в таком виде: «да не заимають их и яже будуть поимали и они да въздадуть назад»[305]. В жалованной грамоте Тайдулы от 1351 г. читаем: «кто ни будеть не заимают

их... не отнимають у них ничего»[306]. В первом ярлыке Бердибека элемент опять двусоставный: «и того у них не емлют... а кто будеть что взял или кто возметь и тот да отдасть назад»[307].

Варианты обслуживания парными глаголами первой части элемента в тюркских текстах ордынских ярлыков: 1) «пусть не домогаются и не забирают»[308]; 2) «несправедливым образом что бы то ни было пусть не тащат и не забирают»[309]. Примеры, которые бы соответствовали второй части рассматриваемого элемента, в сохранившихся тюркских текстах не обнаруживаются. Кажется, что их и вообще не было, а редактор русских текстов ярлыков, выдавая желаемое за действительное, просто дополнил первую, оригинальную, часть элемента второй — своей собственной. Реконструкция содержания элемента: «что бы то ни было у них пусть не тащат и не забирают».

Реконструированное содержание фрагмента в целом: «В принадлежащие их храмам и монастырям земли и воды, сады и огороды, бани и мельницы кто бы то ни было пусть не вступают, какое бы то ни было насилие им пусть не причиняют, что бы то ни было у них пусть не тащат и не забирают».

Фрагмент: «А в церковных домех кто ни будеть чтобы не ставились ни рушили их».

Прежде мы уже выяснили, что находящееся здесь русское словосочетание «церковные дома» в тюркском тексте ярлыка Бюлека представляло собой два рядом стоящих и не имеющих морфологических показателей связи существительных — «храмы» и «жилища». Такое словосочетание обычно воспринималось как определение и определяемое, т. е. «храмовые жилища», или «церковные дома». Однако в данном конкретном случае словосочетание воспринимается именно в значении «храмы и жилища»[310]. Выражение «кто ни будеть чтобы не ставились» понимается однозначно. Другое дело, что в тюркских текстах ордынских ярлыков русскому выражению «чтобы не ставились» соответствовало тюркское — «на ночлег и на постой пусть не останавливаются»[311]. Выражение «ни рушили их» не находит соответствия в тюркских текстах ярлыков и воспринимается нами как произвольное дополнение русского редактора сборника ханских ярлыков.

Реконструированное содержание фрагмента: «В их храмах, монастырях и жилищах кто бы то ни было на ночлег и на постой пусть не останавливаются».

Реконструкция содержания статьи *предостережение* в полном объеме: «В принадлежащие их храмам и монастырям земли и воды, сады и огороды, бани и мельницы кто бы то ни было пусть не вступают, какое бы то ни было насилие им пусть не причиняют, что бы то ни было у них пусть не тащат и не забирают. В их храмах, монастырях и жилищах кто бы то ни было на ночлег и на постой пусть не останавливаются».

По своей направленности и логической завершенности статья *предостережение* имеет право на существование. В то же время грань, разделяющая ее и статью *условия пожалования*, довольно зыбкая и условная, ибо православные священники и монахи, возглавляемые митрополитом, получив полный налоговый и бережельный от повинностей иммунитеты в статье *условия пожалования*, оберегаются в статье *предостережение* от любого посягательства со стороны ханских подданных на свою недвижимость и свою личность, приобретая тем самым новые иммунитетные привилегии.

В итоге ханское повеление завершается статьей *устрашение*, в которой четко и недвусмысленно повествуется о том, что ждет его ослушников из числа как представителей адресата, так и держателей ярлыка. В ярлыках монгольских великих ханов статья *устрашение* в ее законченном виде сохранилась лишь в ярлыке Хубилая от 1280 г.[312] В более поздних их актах статья полностью утрачивает свой первый оборот, адресованный возможным ослушникам из числа представителей адресата, и сохраняет только обращение к нерадивым грамотчикам[313]. В ярлыках ордынских ханов наблюдается другая картина. Содержание первого оборота статьи *устрашение* в его наиболее полном виде можно видеть в старейшем из сохранившихся ордынских актов — русском переводе ярлыка Менгу-Тимура от 1267 г.[314] Почти в столь же полном виде, лишь с несколько видоизмененной формулой устрашения, первый оборот статьи наблюдается в сохранившихся тюркских текстах ярлыков Токтамыша от 1381 г. и Улуг-Мухаммеда от 1420 г.[315], т. е. первый оборот в статье *устрашение* не исчезает в ордынских ярлыках XIV–XV вв.

Статья *устрашение* в ярлыке Бюлека: «А кто ся иметь в церковных домех ставити или рушити их и те люди в гресех будуть да умруть смертию. А ты Михаило митрополит възмолвишь что тако есми пожалован да тем домом церковным или землям или водам и в огородех и в виноградех или над людми церковными что чрез пошлину учинишь ино то на тобе или учинить татьбу или ложь или

иное кое злое дело а не имешь того смотрити ино то и сам ведаешь каков ответ богу вздаси а за нас богу молитву вздаваи занеже ты преже а мы о том ничего же не млъвим».

Текст статьи в публикации А. И. Плигузова разнится от публикации его А. А. Зиминым по существу одной буквой в одном слове. Наличие или отсутствие этой буквы меняет смысл сообщаемого в статье. В паре «и в огородех и в виноградех» в слове «огородех» в публикации А. И. Плигузова пропущена первая буква «о». Восстанавливаем ее в соответствии с другими списками сборника[316].

Статья отчетливо делится на два оборота, сгруппированных нами в два предложения. Обороты можно назвать устрашение представителей адресата и устрашение грамотчика.

Оборот устрашение представителей адресата: «А кто ся иметь в церковных домех ставити или рушити их и те люди в гресех будуть да умруть смертию».

Обращает на себя внимание первая часть оборота: «А кто ся иметь в церковных домех ставити или рушити их». Она почти дословно воспроизводит последнюю фразу из статьи *предостережение*. Эта фраза обращена к представителям адресата, но составляет она лишь небольшую и отнюдь не главную часть статьи *предостережение*. Так что вряд ли только за эти предполагаемые грехи ослушники из числа представителей адресата во второй части оборота рассматриваемой сейчас статьи устрашаются неминуемой смертью. Положение кардинально меняется, если фрагмент из второго оборота этой же статьи «тем домом церковным или землям или водам и в огородех и в виноградех или» изъять и поместить его сразу после начальных слов первого оборота: «А кто ся иметь». Тогда первый оборот приобретает значительно более законченный вид.

Если в образовавшуюся словесную конструкцию добавить, руководствуясь содержанием оборота, после слова «виноградех» всего два слова («насильства творить»), то оборот устрашение представителей адресата будет выглядеть так: «А кто ся иметь тем домом церковным или землям или водам и в огородех и в виноградех насильства творить или в церковных домех ставити или рушити их и те люди в гресех будуть да умруть смертию».

Реконструкция содержания установленной выше словесной формы оборота нам уже известна. Выражение «те люди» понимается как «те из наших подданных». Формула «в гресех будуть да умруть

смертию» знакома из реконструкции содержания второго ярлыка Бердибека: «да будут обвинены и умрут!» Законченный вариант этой формулы сохранил ярлык Менгу-Тимура от 1267 г.: «да будут обвинены на основании положений Великой ясы и умрут!»[317]. Ссылка на положения Великой ясы Чингис-хана во второй половине XIV в. уже не афишировалась ордынскими ханами-мусульманами.

Реконструированное содержание оборота устрашение представителей адресата: «Те из наших подданных, кто будут творить притеснения в принадлежащих их храмам и монастырям землях и водах, садах и огородах, банях и мельницах, а также те, кто будут останавливаться на ночлег и на постой в их храмах, монастырях и жилищах, — да будут обвинены и умрут!»

На оборот устрашение грамотчика остается текст: «А ты Михаило митрополит възмолвишь что тако есми пожалован да над людми церковными что чрез пошлину учинишь ино то на тобе. Или учинить татьбу или ложь или иное кое злое дело а не имешь того смотрити ино то и сам ведаешь каков ответ богу вздаси. А за нас богу молитву вздваи занеже ты преже а мы о том ничего же не млъвим».

В самом начале оборота находится логически завершенное предложение: «А ты Михаило митрополит възмолвишь что тако есми пожалован да над людми церковными что чрез пошлину учинишь ино то на тобе».

Рассмотрев форму и содержание одноименного оборота в тюркских текстах ордынских ярлыков[318], легко убедиться, что первая половина приведенной выше фразы из ярлыка Бюлека ложится в означенную форму без малейшего отклонения. На современном русском языке начало фразы читается: «И ты, митрополит Михаил, говоря: „Я так пожалован!“» Выражение: «да над людми церковными что чрез пошлину учинишь» — интерпретируется в соответствии с первым ярлыком Бердибека[319] таким образом: «если совершишь в отношении людей, подведомственных храмам и монастырям, какие бы то ни было противозаконные действия». Концовка «ино то на тобе» (представляющая собой сокращенную форму известного русского выражения «тогда то прегрешение бог на тебе взыщет») не устраивает в качестве реконструкции содержания исследователя-востоковеда. Такая концовка перекладывает воздаяние за возможное прегрешение митрополита на бога, а не на ханскую администрацию. Поэтому здесь уместнее поместить формулу,

зафиксированную в ярлыке Токтамыша: «тогда тебе также хорошо не будет!»[320]

В итоге все предложение в начале оборота читается: «И ты, митрополит Михаил, говоря: „Я так пожалован!“— если совершишь в отношении людей, подведомственных храмам и монастырям, какое бы то ни было противозаконное действие, тогда тебе также хорошо не будет!»

Следующее предложение оборота — «Или учинить татьбу или ложь или иное кое злое дело а не имешь того смотрити ино то и сам ведаешь каков ответ богу вздаси» — было детально рассмотрено при реконструкции содержания первого ярлыка Бердибека[321]. Выяснилось, что в этом предложении декларируется якобы пожалованное ордынским ханом русскому митрополиту право по своему усмотрению решать вопросы, связанные с осуществлением в своей епархии судопроизводства за преступления такого рода, как разбойное нападение, кража со взломом или злостный обман. Самый старый из сохранившихся списков сборника ханских ярлыков датируется второй половиной 60-х годов XV в. Именно в то время центральная власть фактически лишила духовных владык права суда и получения ими судебных пошлин. Тогда руководителям церкви и потребовались дополнительные аргументы и «доказательства» того, что еще во времена стародавние даже «безбожные» ордынские ханы не лишали православных владык права судопроизводства, «опричь душегубства». Так что для подлинного текста ярлыка Бюлека рассмотренное предложение является инородным включением.

Предложение: «А за нас богу молитву вздаваи занеже ты преже а мы о том ничего же не млвъвим» также рассматривалось при реконструкции содержания первого ярлыка Бердибека[322]. Оказалось, что и этот довольно эклектичный фрагмент не имеет отношения к обороту устрашение грамотчика. Так что только то предложение, которое зафиксировано нами в первых строках русского текста оборота, является текстом оборота устрашение в ярлыке Бюлека.

Поскольку содержание обоих оборотов статьи *устрашение* выше уже реконструировано, ее целостное восприятие получается таким: «Те из наших подданных, кто будут творить притеснения в принадлежащих их храмам и монастырям землях и водах, садах и огородах, банях и мельницах, а также те, кто будут останавливаться на ночлег и на постой в их храмах, монастырях и жилищах — да

будут обвинены и умрут! И ты, митрополит Михаил, говоря: „Я так пожалован!“— если совершишь в отношении людей, подведомственных храмам и монастырям, какое бы то ни было противозаконное действие, тогда тебе также хорошо не будет!»

Далее в переводе ярлыка Бюлека стоят слова «тако рекши». Как прежде[323], так и теперь мы рассматриваем их как русскую передачу тюркской деепричастной формы от глагола «говорить». Эта связка между полным текстом ярлыка («словом» хана) и его удостоверением (констатацией факта выдачи ярлыка и его оформительскими регалиями) являлась обязательным элементом во всех ордынских ярлыках, составленных по-тюркски[324]. Формально связка передается по-русски словом «говоря», которое в тюркских текстах обычно венчает прямую речь. Однако поскольку здесь нас интересует реконструкция не столько формы, сколько содержания ярлыка, попытаемся воспроизвести по-русски ее содержание в более широком смысле. В первом обороте следующей статьи говорится о том, что ярлык в целом «был выдан». Произошло это после того, как было провозглашено «слово» хана, обращенное к своим подданным. Так что фактически все содержание ярлыка воспринимается как одно сложное предложение, которое начинается словом (речью) хана и заканчивается сообщением о выдаче его ярлыка. В таком контексте связка «говоря» может быть передана словами «после того, как было провозглашено».

Передавая не форму, а точное содержание изначального текста ярлыка, можно отделить всю речь хана от констатации факта выдачи его ярлыка. Выделяем эту констатацию в самостоятельное предложение, составляющее первый оборот статьи *удостоверение.* В этом случае связку «говоря» позволительно передать по-русски: «было провозглашено». Для облегчения восприятия текста ярлыка в целом следует переместить найденные слова из конца «слова» в его начало. Тогда русская передача содержания ярлыка будет начинаться словами: «Было провозглашено мое, Бюлека, слово...»

Теперь вспомним, что далее в ханском «слове» появляются такие речения, как «мы пожаловали» и «мы повелели». На этом фоне выражение «мое, Бюлека, слово» вступает в определенный диссонанс с «нашими» пожалованием и повелением. На протяжении всего времени существования Золотой Орды ее тюркоязычное население этого диссонанса просто не замечало. В русской передаче он бросается в глаза. Поэтому несколько видоизменяем начальную

строку в реконструированном содержании ярлыка Бюлека: «Было провозглашено наше, Бюлека, слово...»

Остальной текст русского перевода ярлыка относится к традиционной трисоставной статье *удостоверение*: «На утвержение с алою тамгою ярлыки дали есмы. Овечья лета дарыка семьсот осмое лето сылгата месяца в десятыи нова на Веколузе на речном орда кочевала написано».

Сравнение публикаций А. А. Зимина и А. И. Плигузова показывает[325], что только в одном случае в текст публикации А. А. Зимина следует внести незначительное исправление по тексту публикации А. И. Плигузова. Речь идет о слове «лето» в словосочетании «осмое лето». В тексте, опубликованном А. А. Зиминым, стоит слово «летъ». Не нужно забывать, что здесь и выше речь идет не о качестве названных публикаций, а о том, что самый древний из сохранившихся списков текстов русского перевода ханских ярлыков в целом и ярлыка Бюлека в частности выполнен менее качественно, нежели, например, тот более поздний список, который в публикации А. А. Зимина назван Троицким I. В интересующем нас сейчас фрагменте из ярлыка Бюлека в публикации А. И. Плигузова наблюдаются такие грубые ошибки переписчика, которые совершенно искажают смысл перевода. Например, там читается бессмысленное словосочетание «отвеличия леты» (вместо «овечья лета»), «восемсот» (вместо «семьсот»), «но Веколузе» (вместо «на Веколузе»).

Уже сравнительно давно автор этих строк реконструировал не только содержание, но и форму статьи *удостоверение* ярлыка Бюлека в ее изначальном тюркском варианте[326]. Выяснилось, что русский перевод сохранил лишь два первых из обязательных трех оборотов статьи: удостоверительные знаки, время и место написания, представление.

Оборот удостоверительные знаки: «На утвержение с алою тамгою ярлыки дали есмы». Его содержание реконструируется словами: «Для постоянного хранения был выдан алотамговый ярлык».

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что, в отличие, например, от первого из двух ярлыков Бердибека[327], в обороте удостоверительные знаки отсутствует указание на выдачу митрополиту Михаилу обязательного металлического удостоверения к ярлыку — «золотой» пайцзы. Та же недостача отмечалась и при анализе содержания ярлыка Джанибека от 1347 г.[328] Она объяснялась тем, что в 1342 г. Джанибек уже выдавал тем же грамотчикам

аналогичный ярлык и пайцзу. Поскольку на драгоценной пайцзе (выполненной из полукилограммовой серебряной, обильно позолоченной пластины) не вырезалось имя грамотчика, а только хана-жалователя, то она считалась действительной на все время правления данного хана, составляя законный комплект с аналогичными по содержанию его последующими ярлыками. Логично допустить, что ярлык Бюлека, предположительно выданный им еще осенью 1371 г. митрополиту Алексию, был снабжен его пайцзой. Эта пайцза хранилась в митрополичьей ризнице. Когда в 1378 г. функции русского митрополита стал осуществлять Михаил, пайцза перешла в его руки. Дополнительной ее выдачи Бюлеком в 1379 г. уже не требовалось.

Оборот время и место написания: «Овечья лета дарыка семьсот осмое лето сылгата месяца в десятыи нова на Веколузе на речном орда кочевала написано». Его реконструированное содержание передается так: «Написан в год овцы, по хиджре семьсот восьмидесятый, месяца зу-ль-каада в десятый день прибывающей Луны [28 февраля 1379 г.], когда ставка находилась в месте, называемом Великий Луг».

Оборот представление в переводе ярлыка Бюлека отсутствует, что крайне печально, ибо в нем перечислялись имена ходатаев за предоставление ханского ярлыка русской православной церкви, возглавлявшейся нареченным митрополитом Михаилом. По аналогии с представлением в первом ярлыке Бердибека[329] можно предположить, что в представлении ярлыка Бюлека назывались имена первых лиц в правительстве хана, т. е. беглербека (Мамай), везира (?), главы Крымского тюмена (Кутлугбуга) и, возможно, еще одного или двух влиятельных сановников (?).

В итоге реконструкция содержания ярлыка Бюлека в целом получает такой вид: «Было провозглашено наше, Бюлека, слово ко всем подданным Монгольского государства: князьям тюменов, под началом с особоуполномоченным Мамаем, тысяч, сотен и десятков, даругам-князьям тюменов и городов, служащим государственной канцелярии, таможникам и весовщикам, проезжающим посланцам — сокольникам, звериным ловцам, караульщикам, заставщикам и лодейщикам, а также многим другим людям, идущим по какому-нибудь делу.

В ярлыках Чингис-хана и последующих ханов — наших предшественников, включая покойного Бердибека, было сказано, чтобы

христианские митрополиты, священники и монахи, не видя каких бы то ни было налогов и повинностей, молились за них богу и возносили им благопожелания. И ныне мы, согласно с прежними ярлыками, на тех же условиях пожаловали этого митрополита Михаила.

После того, как он, воссев в митрополии города Владимира, возносит за нас и наш род родов молитвы и благопожелания, мы повелели так: „Пусть они не дают никаких общепринятых налогов и сборов, подвод и кормов, а также чрезвычайных налогов и сборов".

В принадлежащие их храмам и монастырям земли и воды, сады и огороды, бани и мельницы кто бы то ни было пусть не вступают, какое бы то ни было насилие им пусть не причиняют, что бы то ни было у них пусть не тащат и не забирают. В их храмах, монастырях и жилищах кто бы то ни было на ночлег и на постой пусть не останавливаются.

Те из наших подданных, кто будут творить притеснения в принадлежащих их храмам и монастырям землях и водах, садах и огородах, банях и мельницах, а также те, кто будут останавливаться на ночлег и на постой в их храмах, монастырях и жилищах, — да будут обвинены и умрут! И ты, митрополит Михаил, говоря: „Я так пожалован!" — если совершишь в отношении людей, подведомственных храмам и монастырям, какое бы то ни было противозаконное действие, тогда тебе также хорошо не будет!

Для постоянного хранения был выдан алотамговый ярлык. Написан в год овцы, по хиджре семьсот восьмидесятый, месяца зуль-каада в десятый день прибывающей Луны [28 февраля 1379 г.], когда ставка находилась в месте, называемом Великий Луг».

Таким было содержание ярлыка Бюлека и таким был его индивидуальный формуляр. После того, как текст ярлыка, на основании его содержания, был расчленен на логически завершенные статьи, оказалось, что их не пять, а шесть. Шестая статья, названная здесь *устрашение*, не является чем-то новым, в прежних ярлыках невиданным. Она легко отмежевалась от статьи *предостережение*, как только был пересмотрен и расширен объем последней за счет статьи *условия пожалования*. Предварительным условием такой операции явился пересмотр объема и содержания статей *объявление о пожаловании* и *условия пожалования*. Иными словами, объем и содержание статей ярлыка Бюлека были радикально пересмотрены. Теперь стало очевидным, что формуляр данной группы ордынских актов, предоставлявших права и привилегии русской право-

славной церкви, т. е. их конкретный формуляр, членился на шесть статей: *обращение, объявление о пожаловании, условия пожалования, предостережение, устращение* и *удостоверение*. Обязательная для формуляров позднейших ордынских ярлыков первая статья — *богословие* в ярлыке Бюлека отсутствовала по причине того, что он писался по-тюркски не арабицей, а уйгурицей.

Вернемся к событиям русской истории конца февраля 1379 г., когда Мамай через своего подставного хана Бюлека выдал в Орде на Днепре нареченному митрополиту Михаилу ярлык, освобождавший русскую церковь от налогов и повинностей, в обмен на организацию постоянных молитв во здравие ордынского хана и его рода во всех православных храмах на территории Руси. В летописях об этой поездке в Орду митрополита Михаила нет ни слова, что, как мы уже не раз имели случай убедиться, совсем не исключало возможности ее осуществления на деле.

Только узнав о переговорах Михаила в Орде, литовский митрополит Киприан поспешил в Константинополь, чтобы организовать противодействие поставлению Михаила в митрополиты всея Руси от руки византийского патриарха. Михаил, конечно, не мог воспрепятствовать этой поездке Киприана. Весна и половина лета 1379 г. были потрачены им на сборы для следования в Византию. Когда яростный противник Михаила нижегородский епископ Дионисий, заручившийся поддержкой Сергия Радонежского, попытался отправиться в Константинополь раньше Михаила и там противоборствовать поставлению великокняжеского ставленника в союзе с Киприаном, Михаил обратился за помощью к Дмитрию. Дионисий был задержан в Москве. К середине июля 1379 г. все сборы были закончены, и митрополичий караван торжественно двинулся из Москвы в Коломну.

До Коломны «проводиша его честно самъ князь великии съ бояры съ стареишими тако же и епископи и архимандриты и игумени, попове, диакони, черньци и множьство народа»[330]. 26 июля 1379 г. Михаил переправился через Оку. Далее его путь лежал на Рязань, а оттуда — в Орду на Днепре. Задержавшись там на несколько дней у Мамая, Михаил беспрепятственно продолжил путь на юг до Кафы, лежавшей на юго-восточном берегу Крыма. Там митрополит и его свита погрузились на корабль и взяли курс через Черное море на Константинополь. Должно быть, в конце августа 1379 г. их корабль пересек море с северо-востока на юго-запад и вошел в про-

лив Босфор. С корабля путники уже видели вдали купола храмов и крепостные башни Константинополя. И тут нареченный митрополит Михаил почувствовал себя плохо и скоропостижно скончался. Тело его перевезли на лодке в генуэзскую Галату, располагавшуюся на северном берегу Золотого Рога, и там похоронили[331].

Так судьба распорядилась с предпринятой великим князем Дмитрием и его заинтересованным сподвижником Михаилом попыткой поставить митрополитом всея Руси верного продолжателя дела митрополита Алексия, с которым, как мы видели, у Дмитрия никогда и ни в чем не было размолвок и противоречий. Далеко не все русские иерархи выступали против планов великого князя и нареченного митрополита. Противники Михаила группировались около митрополита Киприана, продолжительная жизнь которого складывалась трудно и противоречиво. Весной 1381 г. он был вызван из Киева в Москву самим Дмитрием в качестве митрополита всея Руси, но уже осенью 1382 г. изгнан оттуда великим князем и заменен Пименом. Незадолго до последнего события сам Киприан, талантливый писатель, редактор и переводчик, стараясь предостеречь Дмитрия от решения сменить его на посту митрополита, придал вид учительного риторического «слова» летописной Повести о Митяе-Михаиле[332]. Литературный дар Киприана надолго изменил отношение современников и потомков к делам и чаяниям человека, за год до Куликовской битвы получившего фактически из рук Мамая рассмотренный выше документ.

В итоге рассмотрения в этом исследовании положения внутри Золотой Орды в 50–70-е годы XIV в. уточнилось наше представление о калейдоскопической смене ордынских ханов на престоле в Новом Сарае. Хронологически это чередование сменявших один другого на троне представителей рода Джучи выглядело следующим образом: Джанибек (1342–1357), Бердибек (1357–1359), Кулпа (лето–осень 1359), Навруз (осень 1359 — лето 1360), Хызр (лето 1360 — лето 1361), Халифа (2 недели лета 1361), Орда-шейх (1 месяц лета 1361), Тимур-ходжа (лето — осень 1361), Кельдибек (самозванец, осень 1361 — лето 1362), Абдулла (лето — осень 1362), Мюрид (осень 1362 — начало 1363), Мир-Пулад (начало 1363 — осень 1364), Азиз-шейх (осень 1364 — лето 1367), Абдулла (2-й раз, лето 1367 — весна 1370), Мухаммед Бюлек (весна 1370 — осень 1374), Урус (осень 1374 — осень 1375), Каганбек (осень 1375 — осень 1377), Арабшах (осень 1377 — осень 1378), Токтамыш (осень 1378–1395).

Представленный список, ценный сам по себе и все еще нуждающийся в уточнении, не дает представления о принадлежности того или иного хана к роду боровшихся за верховную власть потомков сыновей Джучи — Бату, Орды, Шибана и Тука-Тимура. Батуидами в этом списке были последние формально всеордынские ханы от Джанибека до Навруза включительно, т. е. четыре сарайских хана 50-х годов XIV в. Следующие четыре хана, от Хызра до Тимур-ходжи, которые сменили друг друга за время от лета 1360 г. до осени 1361 г., были ордуидами — выходцами из далекой Синей орды.

Проживавшие к западу от нижнего течения Волги родовые князья правого крыла совершили отчаянную попытку противопоставить натиску джучидов с востока своих ставленников из угасавшего рода батуидов. В промежуток времени от осени 1361 г. до осени 1362 г. им удалось посадить на сарайский трон Кельдибека (самозванца) и Абдуллу. Ордуиды Мюрид, Мир-Пулад и Азиз-шейх, воспользовавшись своей базой в Укеке и расколом блока князей правого крыла, восстановили свою власть в Новом Сарае от осени 1362 г. до лета 1367 г.

Только родовой князь правого крыла Мамай, в начале 1363 г. создавший мощное объединение родовых князей с центром в Орде на Днепре — Мамаеву орду, летом 1367 г. смог выдворить ордуидов из Нового Сарая. Его ставленники Абдулла и Мухаммед Бюлек удерживали общеордынскую столицу от лета 1367 г. до осени 1374 г. Властитель Синей орды с центром в Сыгнаке Урус (1371–1377) на короткое время (осень 1374 — осень 1375) вернул Новый Сарай роду Орды.

Сын правителя Белой орды Эльбека, до 1374 г. возглавлявшего род шибанидов в Сарайчике на Яике, Каганбек изгнал Уруса из Нового Сарая и занимал трон от осени 1375 до осени 1377 г. Затем до осени 1378 г. новосарайским ханом был его двоюродный брат Арабшах. Выдворить шибанидов из Нового Сарая смог тука-тимурид Токтамыш. Предварительно, опираясь на всемерную поддержку Тимура, он овладел троном ордуидов в Сыгнаке. Весной 1378 г. армия Токтамыша выступила из Сыгнака на завоевание Нового Сарая. Свой замысел Токтамыш осуществил осенью 1378 г. Теперь для воссоединения под своей рукой Золотой Орды в ее исторических границах новому владыке Сарая предстояло выполнить одну главную задачу — сокрушить военную мощь Мамаевой орды.

ИТОГИ АНАЛИЗА ДОКУМЕНТОВ СБОРНИКА*

Итоги проделанной работы можно представить в следующем виде.

1. **Ярлык Менгу-Тимура митрополиту Кириллу.** Составлен на монгольском языке буквами уйгурского алфавита 10 августа 1267 г., когда ставка располагалась на берегу реки, называемой Талы. Так сегодня автор интерпретирует место написания ярлыка: «на Талы писано». Другое дело, что это толкование не намного приближает нас к точному определению того места, где именно эта река протекала. Сохранился в переводе на русский язык[1].

Ярлык ордынского хана Менгу-Тимура (1267–1280) был выдан на имя митрополита киевского и всея Руси Кирилла (1250–1280) в правление владимирского князя Ярослава Ярославича (1263–1270). Вначале автор вычленил из переводного, сильно искаженного инородными вставками текста ярлыка три статьи: *обращение, объявление о пожаловании* и *удостоверение*[2] и реконструировал их содержание.

В настоящее время, после того как мне удалось реконструировать содержание всех 6 актов сборника и наряду с этим совместно с В. П. Григорьевым проанализировать 10 латинских и итальянских переводов ордынских документов из коллекции ордынских актов, сохранившихся в архивах Венеции[3], формуляр ярлыка Менгу-Тимура предстает перед исследователем в составе шести статей.

---

* *Григорьев А. П.* Сборник ханских ярлыков русским митрополитам: Итоги источниковедческого анализа составляющих его документов // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки / Отв. ред. Л. А. Березный. СПб., 2001. Вып. 20. С. 20–64.

Объем статей *обращение* и *удостоверение* остается неизменным, а из текста, который находится между названными статьями, можно выделить не одну, а четыре статьи: *объявление о пожаловании, условия пожалования, предостережение* и *устрашение.*

Реконструируя содержание статьи *обращение*, автор обратил внимание на встречающееся в Новгородской первой летописи под 1259 г. слово «туску», обозначавшее специальный сбор в пользу ордынских переписчиков населения (численников) в Новгородской земле, и предположил, что это древнетюркское слово стало известно русским людям еще до прихода татаро-монголов — от половцев[4]. Теперь появилось специальное исследование И. Г. Добродомова, посвященное термину «туска». В нем автор приходит к убеждению, что этот термин является этнографическим, а не фискально-экономическим и заимствован он не прямо из тюркских языков, а через монгольское посредство[5].

На статью *объявление о пожаловании* приходится следующий сохранившийся в переводе в причудливых сочетаниях текст: «Чингиз царь и последнии цари по тому же пути пожаловали попов и черньцов что будеть дань или корм ать не заммають их да правым серцем богови за нас и за племя наше моляться и благославляють нас. И мы их грамоты не изыначили по первому пути сему митрополиту [Кириллу] грамоту дали есьмя».

К статье *условия пожалования* относится текст: «Потом [когда он] богу [за нас] молясь [воссел в митрополии] которая дань или подвода или корм [пусть они] не дають».

Статье *предостережение* принадлежит компактный текст: «Или что церковное земля вода огороди виноградыы зимовища летовища да не заимають их и яже будуть поимали и они да въздадуть назад а что церковное мастери соколници пардусници кто ни будеть да не заимають их ни стерегуть их или что в законе их книги или ино что да не заимають ни емлють ни издеруть ни погубять их».

Текст статьи *устрашение* складывается их трех следующих отдельных фрагментов перевода: «Сию грамоту видяще и слышаще от попов и от черньцов ни дани ни иного чего ни хотять ни възмуть баскаци княжи писци таможници а возмуть ине по велицеи язе извиняться и умруть. А попове от нас пожаловани по пръвои грамоте бога молящи и благословляюще нас стоите а иже имете не правым сердцем о нас молитесь богу тот грех на вас будеть. Тот человек извиниться и умреть».

Хотя содержание заново организованного и разнесенного по формулярным статьям переводного текста ярлыка представляется достаточно прозрачным, оно все же нуждается в более тщательной и мотивированной реконструкции.

2. **Проезжая грамота Тайдулы епископу Иоанну.** Составлена на тюркском языке буквами уйгурского алфавита 25 сентября 1347 г., когда ставка ханши располагалась на берегу реки, называемой Саракамыш (ныне Камышинка, впадающая в Волгу в районе г. Камышина)[6]. Сохранилась в переводе на русский язык[7].

Проезжая грамота ордынской ханши Тайдулы была выдана в бытность ханом в Золотой Орде Джанибека (1342–1357) на имя сарайского епископа Иоанна, когда митрополитом киевским и всея Руси являлся Феогност (1328–1353), а великим князем владимирским — Семен Иванович Гордый (1340–1354). В сборнике ханских ярлыков старинный русский редактор сборника постарался придать грамоте Тайдулы вид иммунитетного акта, защищавшего собственность православной церкви от посягательств со стороны русских князей во главе с Семеном Гордым. Русские источниковеды и по сей день числят грамоту Тайдулы в названном качестве[8]. Формуляр грамоты, который отчетливо проглядывает сквозь все позднейшие искажения ее текста, позволяет уверенно квалифицировать грамоту Тайдулы как проезжую. На это обстоятельство мне уже приходилось обращать внимание исследователей в 1985 и 1990 гг.[9]

В настоящее время автор предлагает одно из вероятных допущений относительно личности таинственного епископа Иоанна. Тайдула называла его в грамоте своим молебником со времен покойного Узбека. Иными словами, русский митрополит мог поставить Иоанна епископом в сарайскую епархию задолго до 1347 г. Из летописи известно, что в 1323 г. некий игумен (глава монастыря) Иоанн Царегородец, скорее всего грек по происхождению, построил и украсил в Твери каменную церковь[10]. Представители тверского княжеского дома занимали владимирский великокняжеский престол в 1322–1327 гг. Великими князьями тогда были братья Дмитрий (1322–1326) и Александр (1326–1327) Михайловичи. В период от 1328 до 1347 г. владимирским престолом владели князья московского дома Иван Калита (1328–1340) и его сын Семен Гордый. Так что в промежуток времени от 1323 до 1326 г., т. е. в годы правления великого князя Дмитрия Михайловича и по его рекомендации, русский митрополит Петр (1308–1326) вполне мог поставить

сарайским епископом упомянутого Иоанна Царегородца, который к тому моменту уже проявил себя как церковный руководитель. По месту своего бывшего проживания Иоанн был связан с правившим тогда тверским княжеским домом, а как природный грек он имел возможность напрямую контактировать с византийским императорским домом. Последнее обстоятельство особенно устраивало Узбека, одна из четырех жен которого являлась византийской принцессой.

Причиной поездки Иоанна в русские княжества в 1347 г., если не единственной, то по крайней мере открыто декларированной в грамоте Тайдулы, являлась обычная для сарайских епископов («как наперед сего кои дела делали а нынечя также делають») осенняя поездка в родные края для приобретения церковной утвари и богослужебных книг, хозяйственных закупок продовольствия и одежды.

При работе с ордынскими письменными источниками автору неоднократно приходилось убеждаться в том, что ярлыки, исходившие из ордынской канцелярии от имени ханов, изначально создавались на монгольском языке буквами уйгурского алфавита. Эта практика, видимо, отражала стойкую традицию правителей-чингисидов, которые, глубоко чтя своего обожествленного предка Чингис-хана, на протяжении многих поколений в кругу своих приближенных, ограниченном ханской ставкой, общались между собой по-монгольски. В то же самое время сравнительная малочисленность монголоязычного управленческого аппарата, многолетняя оторванность от родных собственно монгольских кочевий и проживание на территории Золотой Орды преимущественно в тюркской языковой среде с неизбежностью привели вначале к монголо-тюркскому двуязычию, а затем к тому, что основная масса населения Орды, включая и ее высшее руководство, стала общаться между собой исключительно по-тюркски.

Дольше всего монгольский язык продержался в письменных документах, исходивших от особы хана-чингисида. До конца 50-х годов XIV в. ордынской канцелярии при внешних сношениях приходилось мириться с таким неудобством, как параллельное изготовление дословных тюркских (иногда персидских) переводов с монгольских текстов ханских ярлыков. Иными словами, основным языком-посредником в международных сношениях ордынских ханов являлся тюркский язык. Последним таким актом был, как мне пред-

ставляется, ярлык Бердибека от 1357 г. митрополиту Алексию[11]. Ярлык того же хана от 1358 г. венецианским купцам Азова уже изначально писался по-тюркски[12]. С тех пор, надо полагать, ярлыки последующих ханов, даже обращенные к правителям зарубежных государств, писались только по-тюркски. Еще какое-то время монгольский язык как традиционное средство общения чингисидов удерживал свои позиции в таких, можно сказать экзотических, ордынских письменных источниках, как «золотые» ханские пайцзы, служившие металлическими удостоверениями наличия у данного грамотчика ханского ярлыка — иммунитетной грамоты. Последней по времени из ныне известных ордынских пайцз является пайцза хана Абдуллы (1362–1370).[13]

Что касается ордынских официальных документов, исходивших от лица сановников-нечингисидов, то до нас не дошло ни одного акта ранее середины XIV в., дающего представление об изначальном языке, на котором они составлялись. Русский перевод проезжей грамоты Тайдулы от 1347 г. является первым документом такого рода, позволяющим достаточно уверенно говорить, что этот акт (как и последующие документы сановников-нечингисидов) сразу писался по-тюркски.

3. **Жалованная грамота Тайдулы митрополиту Феогносту.** Составлена на тюркском языке буквами уйгурского алфавита 4 февраля 1351 г., когда ставка ханши располагалась в Сарае (Селитренное городище на Ахтубе). Сохранилась в переводе на русский язык[14].

Жалованная грамота ордынской ханши Тайдулы, подтверждавшая ярлык Джанибека митрополиту Феогносту, была выдана представителям русского митрополита, возвращавшимся из Константинополя в Москву, где находились неизлечимо больной Феогност и великий князь Семен Гордый. Вначале автор вычленил из переводного текста грамоты четыре статьи ее формуляра: *обращение, объявление о пожаловании, условия пожалования* и *удостоверение*[15].

В настоящее время мои представления о количестве и содержании статей в грамоте Тайдулы изменились. Прежними остались названия и объем статей *обращение* и *удостоверение.* Переводной текст, ранее отводившийся статьям *объявление о пожаловании* и *условия пожалования,* ныне распределяется на четыре статьи: *объявление о пожаловании, условия пожалования, предостережение* и *устрашение.*

Статья *объявление о пожаловании* увеличивается в объеме за счет того, что прежде неосновательно исключенный мною из переводного текста второй оборот статьи («И мы первых ярлыков не изыначя млъвя Феогносту митрополиту с нишением грамоту дали есмы») возвращается на свое законное место[16]. Статья *условия пожалования* ныне включает в себя лишь текст, который начинается словами: «И как в Володимери сед», а заканчивается фразой: «ни почестия не въздаст никакова ни люди его»[17]. Статья *предостережение* начинается словами: «А земль его ни вод» — и завершается словами: «или где стануть да не емлють у них ничего так есмы млъвили»[18]. Статья *устрашение* начинается словами: «А кто пак беспутно силу учинить» — и заканчивается фразой: «а за нас богу молитву въздаваи»[19].

Прежде автор пытался восстановить события в Золотой Орде, связанные с необходимостью для русского посольства в Византии, возвращавшегося из Константинополя в Москву через Орду (видимо, осенью 1350 г.), выкупить у Тайдулы жалованную грамоту, которая подтверждала ярлык Джанибека Феогносту, полученный последним еще в 1342 г. Тогда мною было приведено сообщение Рогожского летописца о возвращении Джанибека осенью 1352 г. из военного похода «на царя Оурдака», прогнанного ордынским ханом «в пустыню»[20]. Однако прокомментировать это сообщение сколько-нибудь вразумительно автору тогда не удалось[21].

Вот как названное сообщение Рогожского летописца понимается мною сегодня. Под именем летописного царя Оурдака следует видеть праправнука сына Джучи Тука-Тимура, подлинное имя которого, согласно персоязычным источникам, было Ургудак. Последний приходился родным дядей правителю Мангышлака Туй-ходже, отцу будущего ордынского хана Токтамыша[22]. В 1352 г. тука-тимурид Ургудак, предположительно, являлся правителем какой-то части Белой орды, земли которой простирались к востоку от Волги, занимая значительную часть владений родовых князей левого крыла Золотой Орды. В свою очередь, территория Белой орды противостояла Синей орде, располагавшейся на восток от нее.[23]. Если Туй-ходжа был правителем Мангышлака, то его дядя Ургудак властвовал над территорией, не столь отдаленной от Сарая; раз именно он какими-то действиями вызвал недовольство общеордынского хана Джанибека. Возможно, Ургудак кочевал тогда в пределах бассейна реки Эмбы.

Для подготовки дальнего карательного похода на восток по северному побережью Каспийского моря, следуя маршрутом Сарай — Сарайчик на Яике (Урале) — Эмба, Джанибеку требовались деньги. Их, в частности, мог принести выкуп русским посольством из Византии подтвердительной жалованной грамоты матери Джанибека Тайдулы. Однако как раз денег-то у задержанной в Сарае русской миссии и не было. Все имевшиеся средства были уже переданы византийскому императору Иоанну VI Кантакузину. Осень и значительную часть зимы русские послы ссылались с правительством великого князя Семена Гордого и русским митрополитом Феогностом. К февралю 1351 г. необходимые средства были наконец доставлены в Сарай. Получив грамоту Тайдулы, русское посольство вернулось в Москву. Основательно подготовившись, Джанибек совершил свой поход на Ургудака, из которого вернулся в Сарай осенью 1352 г.

4. **Проезжая грамота Тайдулы митрополиту Алексию.** Составлена на тюркском языке буквами уйгурского алфавита 10 февраля 1354 г., когда ставка ханши располагалась в городе Гюлистане, о местонахождении которого будет сказано ниже. Сохранилась в переводе на русский язык[24].

Проезжая грамота ордынской ханши Тайдулы была выдана в бытность ханом в Золотой Орде Джанибека на имя нареченного митрополита киевского и всея Руси Алексия (1354–1378) накануне поездки последнего на поставление в Константинополь, незадолго до восшествия на великокняжеский престол во Владимире московского князя Ивана Ивановича Красного (1353–1359). В отличие от русского перевода проезжей грамоты Тайдулы, выданной в 1347 г. на имя сарайского епископа Иоанна, перевод ее проезжей грамоты Алексию дошел до наших дней в удовлетворительном состоянии. В нем четко выделяются три статьи: *обращение, цель и условия проезда, удостоверение.* Сложная статья, которую ныне автор предлагает называть *цель и условия проезда,* включает в себя прежде всего элементы, называющие имя, социальное положение и цель проезда грамотчика через ордынские владения. Затем определяются условия проезда, которые складываются из элементов предостережение представителей адресата грамоты и оборота устрашение их же[25].

5. **Ярлык Бердибека митрополиту Алексию.** Составлен на монгольском языке буквами уйгурского алфавита 21 ноября 1357 г., когда ставка располагалась на берегу Канги (в низовьях Волги). Сохранился в переводе на русский язык[26].

Ярлык ордынского хана Бердибека (1357–1359) был выдан на имя митрополита киевского и всея Руси Алексия в правление владимирского великого князя Ивана Ивановича Красного (1354–1359). Вначале автор распределил текст русского перевода ярлыка на следующие шесть статей: *мотивировка, обращение, объявление о пожаловании, условия пожалования, предостережение, удостоверение*[27].

В настоящее время, после того как была произведена реконструкция содержания ярлыка Мухаммеда Бюлека от 1379 г. митрополиту Михаилу[28], количество и содержание статей в формулярах ярлыков ордынских ханов русским митрополитам представляются мне неизменными на всем протяжении истории существования Золотой Орды. В этом убеждают дошедший до нас переводной текст ярлыка Менгу-Тимура от 1267 г. и содержание ярлыка Джанибека от 1342 г., сохраненное в переводном тексте жалованной грамоты Тайдулы от 1351 г. Конкретная форма изложения каждой отдельной статьи в формулярах этих и последующих ярлыков могла в той или иной степени эволюционировать, но содержание их обязательно оставалось сопоставимым с содержанием одноименных статей в каждом предыдущем ярлыке.

Поэтому сейчас автор считает, что количество статей в формуляре ярлыка Бердибека от 1357 г. митрополиту Алексию, как и в ярлыках предыдущих ханов, равнялось шести, но переводной текст ярлыка Бердибека прежде распределялся мною на шесть частей в других пропорциях и назывались некоторые статьи этого ярлыка по-другому. Вношу необходимые уточнения.

Первая статья называется *обращение*. В нее объединяются тексты двух прежних статей *мотивировка* и *обращение*, ибо нет смысла в отделении адресанта от адресата. Теперь они сосуществуют в единой статье в качестве оборотов[29]. Вторая статья — *объявление о пожаловании* — сокращается в объеме. Теперь она заканчивается словами: «Алексия митрополита пожаловали»[30]. Третья статья — *условия пожалования* — включает в себя концовку прежней статьи *объявление о пожаловании* (которая начиналась словами: «И как сед в Володимери...») и первое предложение прежнего объема статьи *условия пожалования* («Ни подвод ни кормов ни пития ни запросов ни почестия не въздають»)[31]. Четвертая статья — *предостережение* — состоит из прежнего объема статьи *условия пожалования* без первого предложения, т.е. начинается словами: «Или что

церковнии домове...»[32]. Пятая статья — *устрашение* — сохраняет объем статьи, которая прежде называлась *предостережение*[33]. Шестая статья — *удостоверение* — сохраняет свое название и объем[34].

6. **Ярлык Мухаммеда Бюлека митрополиту Михаилу.** Составлен на тюркском языке буквами уйгурского алфавита 28 февраля 1379 г., когда ставка располагалась на Великом Лугу (в излучине Днепра). Сохранился в переводе на русский язык[35].

Ярлык хана Мамаевой орды Мухаммеда Бюлека (1370–1380) был выдан на имя нареченного митрополита киевского и всея Руси Михаила (1378–1379) накануне его поездки на поставление в Константинополь в правление владимирского великого князя Дмитрия Ивановича (будущего Донского, 1362–1389). Текст русского перевода ярлыка был распределен мною на шесть статей, названия которых соответствовали названиям статей в формулярах рассмотренных выше ярлыков Менгу-Тимура, Джанибека и Бердибека. После этого была произведена реконструкция содержания ярлыка Мухаммеда Бюлека, при проведении которой автор руководствовался многолетним опытом своих исследований содержания ордынских ярлыков[36].

Общий вывод относительно содержания вошедших в состав сборника ярлыков, выданных золотоордынскими ханами русскому духовенству в XIII–XIV вв., заключается в следующем. Формуляр всех известных нам ярлыков данной разновидности, вне зависимости от личности хана-жалователя и языка, на котором любой из этих документов изначально писался, состоял из шести стабильных по форме и сравнимых по содержанию статей. За указанный период ордынские ханы выдали значительно большее число ярлыков, чем их сохранил исследованный нами сборник. Однако теперь можно с большой степенью вероятности утверждать, что и все другие, не дошедшие до нас ханские ярлыки русскому духовенству, имели содержание, аналогичное тому, которое донесли до нас ярлыки сборника.

Сказанным выше автор вначале и ограничил свое подведение итогов источниковедческому анализу документов, из которых был составлен сборник ханских ярлыков русским митрополитам. Предполагалось, что пройдет еще достаточно продолжительное время для осмысления уже проделанной работы и накопления последующими исследователями новых фактов и наблюдений, которые послужат для них стимулом к уточнению и пересмотру моей рекон-

струкции содержания изначального текста актов сборника ханских ярлыков. Жизнь распорядилась так, что автор этих строк с некоторым опозданием познакомился с нумизматическим исследованием волгоградского ученого И. В. Евстратова[37]. Результаты этого знакомства заставили меня уже сегодня пересмотреть целый ряд своих прежних воззрений на нюансы конкретной исторической ситуации, приведшей к созданию некоторых золотоордынских письменных источников, рассмотренных мною прежде.

Работа И. В. Евстратова заслуживает того, чтобы с нею познакомились все исследователи истории средневековой России, в особенности те, чьи труды связаны с исторической географией Золотой Орды. Считаю своим долгом повторить основные выводы, к которым пришел И. В. Евстратов.

Исследователь начал с того, что, поставив перед собой задачу уточнить названия золотоордынских городов, находившихся в Поволжье на местах Селитренного и Царевского городищ, разработал оригинальный метод локализации золотоордынского города, известного как место чеканки монет. Он пришел к заключению, что такой город следует локализовать на том городище, где встречаемость различных типов медных монет, чеканенных в искомом городе, равно как и частота встречаемости большинства из них, выше, чем на других городищах. Иными словами, новый метод предусматривал сравнительное изучение нескольких монетных комплексов и не учитывал наличия в них серебряных монет[38].

Материалом для исследования И. В. Евстратову послужили монеты из опубликованных в научной литературе монетных комплексов Булгарского, Царевского и Селитренного городищ. Результаты приложения его метода к названному монетному материалу выглядели следующим образом. Попытка локализовать Новый Сарай показала, что из 30 монетных типов с именем этого города в монетной легенде на Булгарском городище зарегистрировано 14 типов, на Царевском — 16, на Селитренном — 25. Приоритеты по частоте встречаемости каждого типа распределялись так: Булгарское городище имеет приоритет 4 раза, Царевское — 7 раз, Селитренное — 18 раз. Если не учитывать монеты, чеканенные в Новом Сарае в огромных количествах при Джанибеке и Хызре, которые представлены на всех трех городищах, то преимущество Селитренного станет просто подавляющим. Оставшиеся 19 типов новосарайских монет суммарно представлены на Булгарском городище 13 моне-

тами, Царевском — 11 и Селитренном — 131 монетой. Проведенный анализ позволяет уверенно локализовать Новый Сарай на месте Селитренного городища[39].

Очень убедительно, на мой взгляд, развенчав общепринятый миф о расположении Нового Сарая на Царевском городище, И. В. Евстратов решает выяснить подлинное название города, находившегося на месте этого городища. Априори он предположил, что там был размещен загадочный город Гюлистан, местонахождение которого прежние исследователи (Х. М. Френ, В. В. Григорьев, Н. И. Веселовский) предполагали в окрестностях Царевского городища в качестве пригорода Нового Сарая[40].

Здесь можно добавить, что в наши дни археолог А. Г. Мухамадиев обратил внимание на то обстоятельство, что основная масса серебряных и медных монет чекана Гюлистана обнаружена на Булгарском городище. Это дало ему основание утверждать, что и сам Гюлистан находился где-то в пределах Булгара, возможно, в самом Булгаре, поскольку монеты булгарской чеканки периода 50–70-х годов XIV в. неизвестны[41]. На основании того, что на некоторых монетах название Гюлистан сопровождалось эпитетом «Присарайский», археолог В. Л. Егоров предположил, что город находился на левом берегу Ахтубы, где-то неподалеку от нынешнего Царевского городища[42]. Резюмируя эти мнения, археолог Г. А. Федоров-Давыдов считал, что и сегодня место города Гюлистана остается загадкой[43]. Убежденный в том, что Гюлистан находился севернее обоих Сараев, автор этих строк вначале принял допущение А. Г. Мухамадиева о нахождении города где-то в пределах Булгара[44]. Затем расстояние между Булгаром и Новым Сараем показалось мне слишком большим для того, чтобы Булгар смог устроить Тайдулу в качестве ее резиденции. Ханша нуждалась в постоянной устойчивой связи со ставкой ордынского хана, осуществлять которую, находясь в Булгаре, было слишком сложно. Поэтому позднее автор значительно сократил прежнее расстояние между ставкой Тайдулы и Новым Сараем, предположительно локализовав Гюлистан на месте золотоордынского города Укека (на правом берегу Волги возле нынешнего Саратова)[45].

Локализация города Гюлистана с помощью метода И. В. Евстратова по медным монетам оказалась затрудненной тем обстоятельством, что пока известны только 4 их типа, один из которых является широко распространенным на территории Золотой Орды, а

еще один, наоборот, представляет большую редкость. На Булгарском городище встречаются три из четырех типов и все четыре — на Царевском и Селитренном. По частоте встречаемости каждого типа Булгарский комплекс имеет приоритет один раз, Царевский — три раза, Селитренный — ни разу. Проведенный анализ показывает преимущество Царевского городища для отождествления с ним города Гюлистана. Состав монетных кладов, найденных на Царевском городище, подтверждает (хотя и косвенно) вывод о локализации Гюлистана именно на этом городище[46].

Локализовав Новый Сарай на месте Селитренного городища и Гюлистан на месте Царевского городища, И. В. Евстратов задался вопросом о месте бытования города Сарая. Для выяснения этого ученый провел методичный анализ типов пулов с обозначением места чеканки «Сарай». Для большей убедительности он сделал это отдельно по монетам Узбека и Токтамыша. Из 7 типов медных сарайских монет Узбека на Булгарском городище встречаются 5, на Царевском — 2, на Селитренном — 6. По частоте встречаемости каждого типа Булгарское городище имеет приоритет 2 раза, Царевское — ни разу, Селитренное — 5 раз. Из 10 типов медных монет Токтамыша чеканки Сарая на Булгарском городище зарегистрировано 7, на Царевском — 2, на Селитренном — 9. По частоте встречаемости каждого типа Булгарское городище имеет приоритет 3 раза, Царевское — ни разу, Селитренное — 5 раз. Общая численность сарайских монет Токтамыша составляет в Булгарском комплексе 18 монет, в Царевском — 2, в Селитренном — 70. Анализ показывает значительное превосходство Селитренного городища для локализации на нем города Сарая[47].

Получается, что в Золотой Орде за все время ее существования была только одна столица — Сарай, который располагался на левом берегу волжского рукава Ахтубы на территории Селитренного городища (в 120 км выше нынешней Астрахани). На некоторых легендах сарайских монет, выполненных буквами арабского алфавита по-арабски, город в период от конца правления Узбека (1313–1341) до конца правления Токтамыша (1378–1395) назывался Новым Сараем (Сарай ал-джедид)[48]. По письменным источникам впервые определение «новый» по отношению к Сараю стало известным из сообщения анонимного арабоязычного автора — биографа малюкского султана ан-Насира Насир ад-дина Мухаммада (1294–1295, 1299–1309, 1309–1340). Извещая о кончине Узбека, этот автор

уточнил, что умер хан в Новом Сарае[49]. Обычно это сообщение ученые трактовали как документальное подтверждение факта одновременного существования двух Сараев — «старого» и «нового». И. В. Евстратов допускает, что сообщение о смерти Узбека в Новом Сарае могло соответствовать действительности, но это совсем не означало, что Новый Сарай находился на значительном удалении от Сарая «старого». Исследователь предполагает, что широко известное отсутствие на Селитренном городище материальных свидетельств жизни города в XIII в. объясняется подъемом уровня Каспийского моря в конце XIII в., меандрированием русла Ахтубы и сезонными паводками, которые могли смыть и похоронить под слоем песка часть города или весь город, существовавший в XIII в. Город, видимо, отступая дальше от реки, отстраивался заново. Этим и объясняется наречение его «новым» в XIV в.[50]

Еще более часты ссылки ученых на слова арабоязычного автора XV в. Ибн Арабшаха: «Между построением Сарая и разрушением тамошних мест (прошло) 63 года»[51]. Указанный срок формально позволял исследователям считать, что речь шла о разрушении Сарая войсками Тимура в 1395 г., которое случилось через 63 года после построения этого города в 1332 г. В то время всем известный Сарай уже давно существовал. Значит, речь шла о другом городе — Новом Сарае. И. В. Евстратов прочитал русский перевод рассказа Ибн Арабшаха более внимательно, чем его предшественники. Он заметил, что чуть выше арабский автор говорил о том же самом городе следующее: «Столица Дешта — Сарай ... Султан Берке ... приняв ислам, построил его (Сарай), избрал его столицей (своего) царства и возлюбил его»[52]. Выходило, что, во-первых, между построением Сарая ханом Берке и событиями, случившимися в 1395 г., прошло не 63 года, а значительно более продолжительное время. Следовательно, во-вторых, явно ошибочное число 63 нельзя рассматривать в качестве доказательства одновременного существования в Золотой Орде двух Сараев[53].

Здесь можно предложить следующее объяснение причины появления ошибочного числа 63 в рукописи сочинения Ибн Арабшаха. Если считать, что Берке принял ислам в 1261 г. и после этого сразу заложил Сарай, то разрушение Сарая Тимуром произошло примерно через 134 солнечных года, или через 140 лунных лет. Небрежно начертанное подлинными арабскими цифрами число 140 переписчик текста рукописи (или его издатель) вполне мог принять за чис-

ло 63, ибо арабская единица могла выглядеть очень похожей на шестерку, четверку легко спутать с тройкой, а нуль арабы изображают в виде простой точки.

В качестве третьего, последнего, свидетельства существования двух Сараев привлекалась круговая карта мира, составленная в 1457–1459 гг. для Венецианской республики картографом Фра Мауро (ум. 1460). Последний уже в середине XV в. сделал шаг вперед по сравнению с величайшим авторитетом в области картографии, греческим математиком, астрономом и картографом Клавдием Птолемеем (90–168 г. н. э.), труд которого «География», проникший в Европу через посредство арабов, в начале XV в. был переведен на латинский язык. При создании своей карты Фра Мауро широко пользовался трудами предшественников, в особенности «Географией» Птолемея. В то же время он писал о себе: «Я все время старался проверить описание опытом, занимаясь многие годы и сообщаясь с людьми, достойными веры, видевшими собственными глазами то, что я правдиво указываю»[54].

На карте Фра Мауро показано Каспийское море. С севера в него впадает река Волга, на левом берегу которой в направлении от устья к северу нарисованы два города, названные Сарай и Большой Сарай. Первый внимательный исследователь фрагмента карты Фра Мауро, заключавшего территорию Поволжья, Ф. Ф. Чекалин отождествил Сарай со Старым Сараем на месте Селитренного городища и Большой Сарай — с Новым Сараем на месте Царевского городища[55]. Ф. Ф. Чекалин дополнительно привлек к своему исследованию две другие итальянские карты — братьев Пицигани (1367 г.) и Каталонский атлас (1375 г.), на которых значился только один Сарай. Фрагменты карты Фра Мауро ученый заимствовал из части ее, обнимающей территорию России, которая еще в 1871 г. была опубликована Археологической комиссией. Названное издание осуществлялось не с подлинника (хранящегося в Венеции во дворце дожей), а с факсимиле, напечатанного в середине XV в. португальским ученым М. Сантаремом[56].

Публикуя свою копию фрагмента карты Фра Мауро, Ф. Ф. Чекалин развернул ее ве́рхом вниз, ибо оригинал карты был ориентирован на юг, а потом уже сделал на ней все подписи. И. В. Евстратов обратил внимание на то, сколь многократные изменения претерпела подлинная карта Фра Мауро при переиздании ее Ф. Ф. Чекалиным. Исследователь отметил очевидную необходи-

мость нового издания карты с венецианского оригинала и привлечения к расшифровке ее не только историков, но также географов и лингвистов. Только после такого комплексного исследования можно будет сделать окончательный вывод: что означают надписи на карте и насколько эта карта соответствует изображенной на ней местности[57].

Автор этих строк в принципе согласен с предложенной И. В. Евстратовым перспективой — новым изданием карты Фра Мауро и последующим комплексным ее изучением. Более того, не мешало бы собрать воедино и переиздать все известные науке европейские средневековые карты, на которых нашли хоть какое-то отражение территории России и Золотой Орды, составив при этом их общий указатель географических названий. Затем следует комплексно, методично, в хронологической последовательности изучить эти карты, сопоставляя их данные с описаниями тех же территорий средневековыми восточными авторами, показаниями «Книги Большому Чертежу» и современными картами. Уверен, что подобное исследование даст свои плоды. В частности, оно поможет в деле привязки определенных ордынских населенных пунктов к десяткам уже разведанных, но пока безымянных городищ. На сегодняшний день известны следующие карты XIV–XV вв.: М. Санудо (1320 г.), П. Весконте (1327 г.), А. Дульцерта (1339 г.), анонима (1351 г.), братьев Ф. и Д. Пицигани (1367 г.), Каталонского атласа (1375 г.) и Фра Мауро (1459 г.). Пока предпринимались лишь робкие попытки их комплексного обзора[58].

И все-таки сказанное выше предлагает читателю не решение проблемы сегодня, а более или менее отдаленную перспективу ее решения. В то время как, на взгляд автора этих строк, относительно зафиксированных на карте Фра Мауро двух Сараев уже сегодня можно вынести обоснованное и окончательное суждение.

Дело в том, что часть карты Фра Мауро, включающая в себя земли России и Золотой Орды, неоднократно публиковалась отечественными учеными в ее изначальной, южной ориентации. Первая ее публикация 1871 г. далеко не всем доступна[59], а последние издания, принадлежащие уже цитированному географу-картографу К. А. Салищеву, не очень удачны в смысле полиграфического исполнения[60]. Существует хорошее издание карты в виде вклейки в исследование Л. С. Багрова[61]. Данное исследование существует как отдельный оттиск из «Вестника археологии и истории, изда-

ваемого Петроградским археологическим институтом» (Пг., 1917. Вып. 22. II+136 с.). Названный номер выпуска «Вестника» так и не был издан в связи с революционными событиями в Петрограде. Труд Л. С. Багрова повторно опубликован без всяких изменений текста и с той же отдельной нумерацией страниц в вып. 23 (Пг., 1918) «Вестника». Там же присутствует и вклейка интересующей нас карты. Фрагмент из нее приводится мною в настоящем издании.

Посмотрим, каким образом отмечались на карте Фра Мауро названия стран и населенных пунктов. На запад от русла Волги и в полосе Прикамья простирались земли страны, называемой Фра Мауро Татарией (TARTARIA). Это название шесть раз единообразно запечатлено на указанном пространстве карты печатными буквами латинского алфавита. Величину букв, одинаковую в каждом отдельном названии, можно распределить на 4 размера. Буквы первого, самого крупного, размера, все прописные, смотрятся как широкие белые литеры с тонкой черной окантовкой. Буквы второго размера, также все прописные, но чуть менее крупные, выполнены тонкими черными линиями. Буквы третьего размера значительно более мелкие, чем второго. В названии, начертанном ими, первая буква выделяется как прописная, а остальные пишутся как строчные. Буквы четвертого размера заметно меньше, чем третьего. В названиях, трижды начертанных ими, все литеры строчные, одинаковые по высоте. Итак, по одному разу название страны написано буквами первого, второго и третьего размеров, и три раза — буквами четвертого размера.

Нелишне будет вспомнить, что название страны Татария, отмеченное на карте Фра Мауро, не имеет прямой связи с нынешним Татарстаном. Словом «Татария» Фра Мауро именовал территорию на запад от Волги, захваченную в XIII в. кочевыми народами, которых возглавляли монголы. Теперь эту территорию историки называют Золотая Орда. Этноним «монгол» в ряде стран (и на Руси в том числе) не употреблялся. Его заменял этноним «татар», который тогда являлся названием одного из монгольских племен. В наши дни, чтобы отличить тех татар от современных, ученые пользуются двойными обозначениями: татаро-монголы или монголо-татары. Теперь посмотрим, какими по размеру буквами Фра Мауро обозначал населенные пункты Татарии. Например, названия большого города, лежавшего в низовье Волги на правом, западном, ее

берегу, — Хаджитархана (azetrechan) и города Азака (Азова), располагавшегося в устье Дона и именуемого итальянцами Тана (latana), картограф одинаково обозначал мельчайшими буквами четвертого размера.

Обратив взор на территорию, отмеченную на карте Фра Мауро к востоку от русла Волги, видим на ней три страны, названия которых тщательно выписаны буквами первого размера. С востока на запад это Чагатай (ÇAGATAI), Ургенч (ORGANÇA) и Большой Сарай (SARAY GRANDO). Все три страны имеют и другие обозначения типа военных округов, называемых Фра Мауро «ордами». Они написаны буквами второго размера и воспринимаются как Чагатайская орда (L ORDO DE ÇAGATAI), Ургенчская орда (L ORDO DE ORGANÇA) и Сарайская орда (L ORDO DE SARAY). В землях Чагатая буквами четвертого размера написаны названия таких, например, городов, как Кеш (ches) и Бухара (bocara). На территории Ургенча, т. е. Хорезма, можно прочитать названия старой и новой его столиц — Ургенча (Organza) и Нового Ургенча (Organça nuova). Эти названия выполнены буквами, размер которых приближается к третьему. Они начинаются с прописной буквы.

На пространстве Большого Сарая, или Сарайской орды, на левом, восточном, берегу Волги буквами четвертого размера обозначено название города Укека (lochachi). Много ниже по течению мы видим название города Сарая (Saray), начертанное буквами третьего размера. Севернее Сарая нарисован большой город, но вместо названия под ним читается обозначение всей страны — Большой Сарай. Это обозначение ни в коем случае нельзя принимать за имя города, ибо названия городов на карте Фра Мауро выполнялись только буквами четвертого или третьего размеров, а не второго или тем более первого размеров.

Придя к формально обоснованному и окончательному выводу относительно безымянности приволжского города на карте Фра Мауро, попробуем восстановить его подлинное название. Кстати, на карте 1459 г. нарисовано довольно много городов без названий. Решим загадку имени одного из них. Здесь трудно не увидеть очевидное. Если картограф поместил город Сарай в низовьях Волги на левом ее берегу, то это, конечно, и есть тот самый Сарай, или Новый Сарай, который располагался на нынешнем Селитренном городище. Его безымянный собрат, находившийся на том же берегу Волги выше по течению, просто не мог быть иным крупным насе-

Фрагмент круговой карты мира Фра Мауро (1459 г.)

ленным пунктом, кроме как Гюлистаном, от которого в наши дни осталось Царевское городище. Оба города лежали на левом берегу волжского рукава Ахтубы. Их разделяли 230 км.

Заслуга в локализации Гюлистана целиком принадлежит И. В. Евстратову. Мне хотелось бы лишь уточнить полное наименование этого города.

Благодаря «Карте монетной чеканки дирхемов Золотой Орды», составленной тем же И. В. Евстратовым[62], можно заключить, что собственный монетный двор в Гюлистане был открыт в 1344 г. С этого времени дирхемы Гюлистана регулярно чеканились в течение всего времени правления Джанибека. С 1351 по 1356 г. наблюдаются ежегодные превышения объемов эмиссии дирхемов в Гюлистане над таковыми же в Сарае в 1,5–3 раза и более[63]. Приведенные сведения хорошо дополняются письменными источниками. Именно в Гюлистане 26 декабря 1347 г. был составлен ярлык Джанибека венецианским купцам Азова[64]. Мать Джанибека Тайдула выдала проезжую грамоту русскому митрополиту Алексию 10 февраля 1354 г. в том же Гюлистане[65]. Там же 4 марта 1356 г. были написаны письмо правителя Крымского тюмена Рамадана венецианскому дожу и уведомление его венецианским купцам в Янгишехре[66].

Приведенные взаимодополняющиеся свидетельства источников говорят, на мой взгляд, о том, что находившаяся в Гюлистане ставка старшей жены Узбека Тайдулы от 40-х годов XIV в. до 1356 г. фактически служила ставкой и для ее сына Джанибека. Однако бурный рост Гюлистана после смерти Узбека зиждился не на авторитете Джанибека, а на экономической и политической деятельности его матери. «Христианская заступница» Тайдула со времен Узбека пользовалась правом прямого сбора в свою пользу части ввозной пошлины с европейских торговых кораблей в Азове[67]. Южный водный торговый путь русских купцов начинался с верховьев Дона. Этот район контролировался городом Тулой, которым владела и управляла через своих наместников все та же Тайдула[68]. Прямой водный маршрут по Ахтубе в Сарай всем русским посланцам преграждала с севера ее ставка Гюлистан. Политическую и военную поддержку Тайдуле обеспечивали ее кровные родственники — родовые князья правого крыла. Со своей стороны, она всегда поддерживала их материально[69].

При внуке Тайдулы Бердибеке, когда правящий род джучидов-батуидов фактически самоистребился и доживал свои последние

дни, а Золотая Орда находилась на грани распада, Тайдула и Гюлистан достигли пика своего могущества. Родственник Тайдулы Могулбуга занимал высший пост в правительстве Бердибека — беглербека. Его родной брат и соперник Кутлугбуга к началу 1359 г. сделался правителем Крымского тюмена[70]. Старший сын Кутлугбуги Мамай, женатый на сестре Бердибека, занимал в столице Сарае высокое положение ханского родственника[71]. В последние два года правления Бердибека эмиссия гюлистанских дирхемов в 2–3 раза превышала выпуск дирхемов сарайских[72]. Сохранилось послание Тайдулы венецианскому дожу, составленное 4 марта 1359 г. Место его написания читалось как Гюлистан-Сарай[73].

Прежде мы не задумывались над содержанием этого обозначения, считая, что Гюлистан-сараем назывался Гюлистанский дворец Тайдулы[74]. Теперь осмысление мною этого словосочетания изменилось. Изначально слово «гюлистан» означает «розарий», или просто «цветник», слово «сарай» — «дворец». Однако нельзя забывать, что для самих ордынцев название их столицы — Сарай к 1359 г. давно потеряло свой первоначальный смысл и воспринималось не как «дворец», а именно как «Главная Ставка», «Столица». Сарай в их представлении был вечным и неизменным. Поэтому, когда Гюлистан, по представлению его владычицы, по своему значению в стране достиг положения Сарая, Тайдула позволила себе официально приравнять название своей ставки к названию общеордынской столицы. Так возникло двойное название города, оба составляющих слова которого по-русски следует писать с большой буквы, соединяя их дефисом: Гюлистан-Сарай. Приблизительный русский перевод — толкование словосочетания — Гюлистан-Равностоличный. Такое определительное словосочетание, не имеющее морфологических показателей, в тюркской грамматике носит название изафет I[75].

Дальнейшая история Гюлистана в схеме известна. Тайдула пережила в своей ставке смерть Бердибека (лето 1359 г.), короткие правления последних батуидов — Кулпы (лето–осень 1359 г.) и Наврузa (осень 1359 — лето 1360 г.). Затем на ордынском троне утвердился ордуид Хызр (лето 1360 — лето 1361 г.), который прошел в Сарай через Гюлистан, где им была убита Тайдула. Видимо, Хызр по достоинству оценивал местоположение Гюлистана и отдавал ему предпочтение перед Сараем. Эмиссия гюлистанских дирхемов Хызра превышала выпуск его сарайских дирхемов. Мало того, Хызр первым стал чеканить в Гюлистане и медные монеты (пулы)[76].

Сохранились два гюлистанских дирхема с именем Хызра, на которых выбита дата 763 г.х. (31 октября 1361 — 20 октября 1362 г.), а место чекана обозначено по-арабски словами Гюлистан лис-Сарай. Таинственное словечко, которое читается как «лис», объясняется так. Оно составлено из арабского предлога «ли», обозначающего совместность, и арабского определенного артикля «ал», который перед «солнечной» буквой «син» (с нее начинается слово Сарай) надлежит произносить «ас». Сочетание «ли»+«ас» и дает «лис». Так что арабское словосочетание Гюлистан лис-Сарай равнозначно тюркскому Гюлистан-Сарай. Для родного брата и преемника Хызра Мюрида Гюлистан являлся постоянной резиденцией. От него осталась масса гюлистанских дирхемов, которые датируются 760–765 гг. х. (декабрь 1358 — сентябрь 1364 г.). Сохранилось восемь его дирхемов чеканки 762–763 гг. х. (ноябрь 1360 — октябрь 1362 г.), место чекана которых обозначено по-арабски словами Гюлистан лис-Сарай. Так что, возможно, Гюлистаном-Равностоличным именовал свою ставку только один Мюрид уже после смерти Хызра.

Название города Гюлистан-Сарай на монетных легендах после Мюрида никогда более не встречается. Преемник Мюрида ордуид Азиз-шейх чеканил дирхемы Гюлистана до 768 г. х. (1366/67 г.) включительно. В том же году войсками Мамая город был сожжен и практически полностью разрушен. Монетная чеканка в нем прекратилась[77]. Со времен Азиз-шейха до нас дошли сарайские дирхемы 767 г. х. (1365/66 г.), на которых название столичного города передается по-арабски словами ал-Сарай ал-джедид (читается ас-Сарай ал-джедид), т. е. Новый Сарай[78]. Арабский определенный артикль перед словом Сарай встречается на легендах ордынских монет исключительно редко.

Здесь автор заканчивает изложение основных выводов, к которым пришел в своем исследовании И. В. Евстратов, а также собственных соображений в развитие и поддержку некоторых положений труда И. В. Евстратова. В нескольких словах все это резюмируется так. Ордынская столица Сарай была единственной за всю историю Золотой Орды. Иногда к тому же городу, располагавшемуся на месте Селитренного городища, применялось название Новый Сарай. На месте Царевского городища размещался город Гюлистан. В отдельные моменты истории название его писалось Гюлистан-Сарай. Последнее воспринималось ордынцами как Гюлистан-Равностоличный.

В связи с вышеизложенным, содержавшие географические названия Сарай, Новый Сарай, Гюлистан и Укек исторические экскурсы, которые предшествовали непосредственной реконструкции содержания текстов, исследованных когда-либо прежде лично мною или в соавторстве с В. П. Григорьевым, ордынских документов, нуждаются в пересмотре. Сделать это при помощи простой замены одних названий другими не представляется возможным. Каждое отдельное историческое построение требует привлечения максимально полного набора источников. Изменение содержания хотя бы одного источника в любом конкретном комплекте неизбежно влечет за собой пересмотр построения в целом.

Введение

[1] *Ярлыки* татарских ханов московским митрополитам: Краткое собрание // Памятники русского права / Под ред. Л. В. Черепнина. М., 1955. Вып. 3. С. 463–491.

[2] *Григорьев А. П.* «Вышняя троица» в ярлыке золотоордынского хана Мёнгке-Темюра // Востоковедение / Отв. ред. И. Н. Винников, А. А. Долинина, Ю. М. Осипов. Л., 1974. Вып. 1. С. 188–200.

[3] *Каштанов С. М.* Очерки русской дипломатики. М., 1970.

[4] *Зимин А. А.* Краткое и пространное собрания ханских ярлыков, выданных русским митрополитам // Археологический ежегодник за 1961 г. / Под ред. М. Н. Тихомирова. М., 1962. С. 28–40.

[5] *Григорьев А. П.* «Вышняя троица» в ярлыке золотоордынского хана Мёнгке-Темюра. С. 188, 197, 198.

[6] *Зимин А. А.* Указ. соч. С. 36.

[7] *Григорьев А. П.* Монгольская дипломатика XIII–XV вв.: Чингизидские жалованные грамоты. Л., 1978. 136 с.

[8] *Григорьев А. П.* Дополнение к «Монгольской дипломатике XIII–XV вв.» // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки / Отв. ред. Г. Я. Смолин. Л., 1982. Вып. 6. С. 28–52.

[9] *Григорьев А. П.* 1) Эволюция формы адресанта в золотоордынских ярлыках XIII–XV вв. // Востоковедение / Отв. ред. С. Н. Иванов, Е. А. Серебряков. Л., 1977. Вып. 3. С. 132–156; 2) К реконструкции текстов золотоордынских ярлыков XIII-XIV вв. // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки / Отв. ред. А. Д. Желтяков. Л., 1980. Вып. 5. С. 15–38; 3) Обращение в золотоордынских ярлыках XIII–XIV вв. // Востоковедение / Отв. ред. Л. А. Березный, Е. А. Серебряков, С. Е. Яхонтов. Л., 1980. Вып. 7. С. 155–180; 4) Официальный язык Золотой Орды XIII–XIV вв. // Тюркологический сборник. 1977 / Отв. ред. А. Н. Кононов. М., 1981. С. 81–89.

[10] *Григорьев А. П.* 1) Время составления краткой коллекции ханских ярлыков русским митрополитам // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки / Отв. ред. Г. Я. Смолин. Л., 1985. Вып. 8. С. 93–134; 2) Проблемы реконструкции содержания сборника ханских ярлыков // Востоковедение / Отв. ред. А. А. Долинина, В. Г. Гузев. Л., 1986. Вып. 12. С. 151–155.

[11] *Григорьев А. П.* 1) Содержание термина «источниковедение» // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки / Отв. ред. А. Д. Желтяков. Л., 1986. Вып. 9. С. 71–97; 2) Формуляр золотоордынских жалованных грамот // Туркологика 1986: К 80-летию акад. А. Н. Кононова / Отв. ред. С. Г. Кляшторный, Ю. А. Петросян, Э. Р. Тенишев. Л., 1986. С. 76–84.

[12] *Григорьев А. П.* Сборник ханских ярлыков русским митрополитам: Итоги источниковедческого анализа составляющих его документов // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки / Отв. ред. Л. А. Березный. СПб., 2001. Вып. 20. С. 56–73.

Глава I

[1] *Ярлыки* татарских ханов московским митрополитам: Краткое собрание // Памятники русского права / Под ред. Л. В. Черепнина. М., 1955. Вып. 3. С. 463–491.

[2] *Зимин А. А.* Краткое и пространное собрания ханских ярлыков, выданных русским митрополитам // Археографический ежегодник за 1961 г. М., 1962. С. 28–40.

[3] *Григорьев А. П.* Проблемы реконструкции содержания сборника ханских ярлыков // Востоковедение / Отв. ред. А. А. Долинина, В. Г. Гузев. Л., 1986. Вып. 12. С. 151–155.

[4] *Григорьев А. П.* Формуляр золотоордынских жалованных грамот // Туркологика 1986: К 80-летию акад. А. Н. Кононова. Л., 1986. С. 76–84.

[5] *Ярлыки* татарских ханов московским митрополитам. С. 467–468.

[6] *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 113–115.

[7] Там же. С. 111.

[8] *Лаврентьевская* летопись // Полное собрание русских летописей (далее ПСРЛ). М., 1962. Т. 1. Вып. 2. Стб. 473–481; *Троицкая* летопись // Приселков М. Д. Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 324–328; *Тверская* летопись // ПСРЛ. М., 1965. Т. 15. Стб. 396–401.

[9] *Никольский Н. М.* История русской церкви. 3-е изд. М., 1985. С. 36–37.

[10] *Соколов П. П.* Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV в. Киев, 1913. С. 159–164. — О жизни и литературных трудах Кирилла см.: *Словарь* книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1: XI — первая половина XIV в. Л., 1987. С. 225–227.

[11] *История* Византии: В 3 т. / Отв. ред. С. Д. Сказкин. М., 1967. Т. 3. С. 15–37, 50–63.

[12] Там же. С. 37, 63.

[13] *Лаврентьевская* летопись. Стб. 473; *Троицкая* летопись. С. 324.

[14] *Лаврентьевская* летопись. Стб. 474; *Троицкая* летопись. С. 324–325.

[15] *Новгородская* I летопись старшего и младшего изводов // Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 81, 309.

[16] *Лаврентьевская* летопись. Стб. 475–476; *Троицкая* летопись. С. 326–327.

[17] *Лаврентьевская* летопись. Стб. 476; *Троицкая* летопись. С. 327.

[18] *Пигулевская Н. В., Якубовский А. Ю., Петрушевский И. П.* и др. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века. Л., 1958. С. 185–188.

[19] *Закиров С.* Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом. М., 1966. С. 3–16, 22–59.

[20] *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей: В 3 т. / Пер. с перс. А. К. Арендса. М.; Л., 1946. Т. 3. С. 54.

[21] Там же. С. 59.

[22] *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1: Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. С. 100–101, 163–165.

[23] *Пигулевская Н. В., Якубовский А. Ю., Петрушевский И. П.* и др. Указ. соч. С. 187.

[24] *История* Византии. С. 39–42, 65–72.

[25] Там же. С. 76.

[26] *Тизенгаузен В. Г.* Указ. соч. С. 62.

[27] Там же. С. 55, 98, 428–429.

[28] Там же. С. 58–59, 61.

[29] Там же. С. 59.

[30] Там же. С. 62.

[31] *Троицкая* летопись. С. 330.

[32] Там же. С. 336–337.

[33] *Соколов П. П.* Указ. соч. С. 166–167; *Голубинский Е. Е.* История русской церкви: В 2 т. М., 1900. Т. 2, первая половина тома. С. 41, 60.

[34] *Григорьев А. П.* Монгольская дипломатика XIII–XV вв.: Чингизидские жалованные грамоты. Л., 1978. С. 71–106.

[35] *Лаврентьевская* летопись. Стб. 474–475; *Троицкая* летопись. С. 325–326; *Московская* Академическая летопись // ПСРЛ. М., 1962. Т. 1. Вып. 3. Стб. 524.

[36] *Григорьев А. П.* Формуляр золотоордынских жалованных грамот. С. 77–78.

[37] *Григорьев А. П.* Официальный язык Золотоый Орды XIII-XIV вв. // Тюркологический сборник. 1977. М., 1981. С. 81–89.

[38] *Григорьев А. П.* Формуляр золотоордынских жалованных грамот. С. 78.

[39] *Ярлыки* татарских ханов московским митрополитам. С. 467.

[40] *Григорьев А. П.* Монгольская дипломатика XIII–XIV вв. С. 24–31.

[41] *Григорьев А. П.* «Вышняя троица» в ярлыке золотоордынского хана Мёнгке-Темюра // Востоковедение / Отв. ред. И. Н. Винников, А. А. Долинина, Ю. М. Осипов. Л., 1974. Вып. 1. С. 188–200.

[42] *Григорьев В. В.* О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству: Историко-филологическое исследование. М., 1842. С. 105—106.

[43] *Григорьев А. П.* «Вышняя троица» в ярлыке золотоордынского хана Мёнгке-Темюра. С. 194–195.

[44] *Григорьев А. П.* Эволюция формы адресанта в золотоордынских ярлыках XIII–XV вв. // Востоковедение / Отв. ред. С. Н. Иванов, Е. А. Серебряков. Л., 1977. Вып. 3. С. 138–139.

[45] *Григорьев А. П.* Монгольская дипломатика XIII–XV вв. С. 23–24.

[46] Там же. С. 29–30.

[47] Там же. С. 21.

[48] *Сокровенное* сказание: Монгольская хроника 1240 г. / Пер. с монг. С. А. Козина. М.; Л., 1941. С. 194, § 275 (перевод); 513 (текст).

[49] *История* Монгольской Народной Республики. М., 1983. С. 140–146.

[50] Там же. С. 146–152; *Далай Ч.* Монголия в XIII–XIV веках. М., 1983. С. 34–50.

[51] *Новгородская* I летопись старшего и младшего изводов. С. 80, 307; *Лаврентьевская* летопись. Стб. 474–475; *Троицкая* летопись. С. 322–323, 325–326, 329; *Московская* Академическая летопись. Стб. 524; *Рогожский* летописец // ПСРЛ. М., 1965. Т. 15. Вып. 1. Стб. 31–33; *Тверская* летопись. Стб. 395–396, 400–401.

[52] *Мухамадиев А. Г.* Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. М., 1983. С. 43–55.

[53] *Григорьев А. П.* Монгольская дипломатика XIII–XV вв. С. 26.

[54] *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей / Пер. с перс. Ю. П. Верховского. М.; Л., 1960. Т. 2. С. 82; Т. 3. С. 68.

[55] *Тизенгаузен В. Г.* Указ. соч. С. 205.

[56] *Рашид-ад-дин.* Указ. соч. Т. 3. С. 62, 64.

[57] *Тизенгаузен В. Г.* Указ. соч. С. 203.

[58] *Ипатьевская* летопись // ПСРЛ. М., 1962. Т. 2. Стб. 863.

[59] *Троицкая* летопись. С. 329.

[60] *Савельев П. С.* Монеты джучидов, джагатаидов, джелаиридов и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Тохтамыша. СПб., 1858. С. 283–285, № 491–492.

[61] *Ипатьевская* летопись. Стб. 871.

[62] *Грамоты* Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949. С. 57, № 30.

[63] *Новгородская* I летопись старшего и младшего изводов. С. 84, 313.

[64] Там же. С. 88–89, 319–321.

[65] *Грамоты* Великого Новгорода и Пскова. С. 11, № 3.

[66] Там же. С. 11–13, № 3.

[67] Там же. С. 13, № 3.

[68] *Новгородская* I летопись старшего и младшего изводов. С. 89, 321.

[69] *Грамоты* Великого Новгорода и Пскова. С. 20, № 9; 22, № 10.

[70] *Троицкая* летопись. С. 351.

[71] *Ярлыки* татарских ханов московским митрополитам. С. 469.

[72] *Ligeti L.* Monuments preclassiques. 1: XIII et XIV siecles. Budapest, 1972. P. 284–287, N XXVII (1, 2, 3); *Münküyev N. Ts.* A New Mongolian p'ai-tzŭ from Simferopol // Acta orientalia Academiae scientiarum hungaricae. Budapest, 1977. T. 31. Fasc. 2. P. 185–215.

[73] *Григорьев А. П.* Время составления краткой коллекции ханских ярлыков русским митрополитам // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки / Отв. ред. Г. Я. Смолин. Л., 1985. Вып. 8. С. 102–109.

[74] *Акты* социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.: В 3 т. М., 1964. Т. 3. С. 26. № 10.

[75] *Памятники* дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою ордами и с Турцией. Т. 1: с 1474 по 1505 год. Эпоха свержения монгольского ига в России / Под ред. Г. Ф. Карпова // Сборник имп. Русского исторического общества. СПб., 1884. Т. 41. С. 4–6, № 1.

[76] *Григорьев А. П.* Обращение в золотоордынских ярлыках XIII–XIV вв. // Востоковедение / Отв. ред. Л. А. Березный, Е. А. Серебряков, С. Е. Яхонтов. Л., 1980. Вып. 7. С. 155–164.

[77] *Рукописное* хранилище ЛО ИВ АН СССР. Шифр Д 222. № 1.

[78] *Радлов В. В.* Ярлыки Токтамыша и Темир-Кутлуга // Записки Восточного отделения имп. Русского археологического общества. СПб., 1889. Т. 3. Табл. 1.

[79] *Григорьев А. П.* Обращение в золотоордынских ярлыках XIII–XIV вв. С. 156–161.

[80] *Новгородская* I летопись старшего и младшего изводов. С. 88, 319, 344; *Ипатьевская* летопись. Стб. 829; *Троицкая* летопись. С. 340, 341.

[81] *Новгородская* I летопись старшего и младшего изводов. С. 88.

[82] *Троицкая* летопись. С. 340–343.

[83] *Ипатьевская* летопись. Стб. 828–829.

[84] *Григорьев А. П.* Обращение в золотоордынских ярлыках XIII–XIV вв. С. 156.

[85] *Словарь* русского языка XI–XVII вв. М., 1981. Вып. 8. С. 344.

[86] *Григорьев А. П.* Монгольская дипломатика XIII–XV вв. С. 43–44.

[87] *Ярлыки* татарских ханов московским митрополитам. С. 481, прим. 7; 487, прим. 11.

[88] *Григорьев А. П.* Время написания «ярлыка» Ахмата // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки / Отв. ред. Л. А. Березный. Л., 1987. Вып. 10. С. 40–45.

[89] *Григорьев А. П.* Монгольская дипломатика XIII–XV вв. С. 34–35, 40–41, 43–45.

[90] Там же. С. 44–45.

[91] Там же. С. 37–38.

[92] *Григорьев А. П.* Время составления краткой коллекции ханских ярлыков русским митрополитам. С. 129.

[93] *Акты* социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. 3. С. 18, № 6.

[94] *Григорьев А. П.* Обращение в золотоордынских ярлыках XIII–XIV вв. С. 159.

[95] *Троицкая* летопись. С. 342.

[96] *Поппе Н. Н.* Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб. М.; Л., 1938. Ч. 1–2. С. 203.

[97] *Григорьев А. П.* Пожалование в ярлыке Токтамыша // Востоковедение / Отв. ред. С. Н. Иванов, Ю. М. Осипов. Л., 1981. Вып. 8. С. 127–128.

[98] *Григорьев А. П.* Пожалование в ярлыке Тимур-Кутлука // Востоковедение / Отв. ред. А. Н. Болдырев, В. Г. Гузев. Л., 1984. Вып. 9. С. 126.

[99] *Григорьев А. П.* Пожалование в ярлыке Улуг-Мухаммеда // Востоковедение / Отв. ред. Е. А. Серебряков, С. Е. Яхонтов. Л., 1984. Вып. 10. С. 126.

[100] *Березин И. Н.* Ярлыки крымских ханов Менгли-Гирея и Мухаммед-Гирея // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1872. Т. 8. Прибавление к сборнику материалов. С. 17–18.

[101] *Отдел* рукописей и редких книг ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград). Фонд 1240. Тюркские документы. Ед. хр. 0–11, № 11.

[102] *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Т. 2. С. 36.

[103] *Новгородская* I летопись старшего и младшего изводов. С. 82, 309.

[104] Там же.

[105] *Григорьев А. П.* Обращение в золотоордынских ярлыках XIII–XIV вв. С. 162.

[106] *Лаврентьевская* летопись. Стб. 474–475; *Троицкая* летопись. С. 325–326.

[107] *Лаврентьевская* летопись. Стб. 475; *Троицкая* летопись. С. 326.

[108] *Новгородская* I летопись старшего и младшего изводов. С. 82–83, 310–311.

[109] *Григорьев А. П.* Обращение в золотоордынских ярлыках XIII–XIV вв. С. 162.

[110] *Новгородская* I летопись старшего и младшего изводов. С. 82, 310.

[111] *Древнетюркский* словарь. Л., 1969. С. 594.

[112] *Грамоты* Великого Новгорода и Пскова. С. 9–13, № 1–3.

[113] *Словарь* русского языка XI–XVII вв. М., 1977. Вып. 4. С. 171.

[114] *Григорьев А. П.* 1) Обращение в золотоордынских ярлыках XIII–XIV вв. С. 163; 2) Дополнение к «Монгольской дипломатике XIII–XV вв.» // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки / Отв. ред. Л. А. Березный. Л., 1982. Вып. 6. С. 44–45.

[115] *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Т. 3. С. 303, 306.

[116] *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1903. Т. 3. Стб. 459.

[117] *Троицкая* летопись. С. 340–341.

[118] *Словарь* русского языка XI–XVII вв. Вып. 8. С. 269.

[119] Там же. С. 265.

[120] Там же. С. 266.

[121] Там же. С. 265.

[122] Там же. М., 1975. Вып. 1. С. 253.

[123] Там же. М., 1982. Вып. 9. С. 56.

[124] Там же. Вып. 8. С. 269.

[125] *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1895. Т. 2. Стб. 880.

[126] *Григорьев А. П.* Монгольская дипломатика XIII–XV вв. С. 43.

[127] Там же. С. 34, 37–39, 43–45.

[128] *Григорьев А. П.* Формуляр золотоордынских жалованных грамот. С. 79.

[129] *Ярлыки* татарских ханов московским митрополитам. С. 467–468.

[130] *Григорьев А. П.* Монгольская дипломатика XIII–XV вв. С. 74, табл. 1.

[131] *Ярлыки* татарских ханов московским митрополитам. С. 468.

[132] Там же. С. 469.

[133] *Григорьев А. П.* 1) Пожалование в ярлыке Тимур-Кутлука. С. 124; 2) Пожалование в ярлыке Улуг-Мухаммеда. С. 124.

[134] *Акты* социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. 3. С. 19, № 6.

[135] *Григорьев А. П.* Официальный язык Золотой Орды XIII–XIV вв. С. 88–89.

[136] *Григорьев А. П.* Пожалование в ярлыке Тимур-Кутлука. С. 126.

[137] *Акты* социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. С. 18–19, № 6.

[138] Там же. С. 19, № 6.

[139] Там же. М., 1958. Т. 2. С. 478, № 434.

[140] Там же. Т. 3. С. 152, № 116; С. 193, № 178; С. 259, № 238.

[141] Там же. С. 19, № 6.

[142] *Ипатьевская* летопись. Стб. 872.

[143] *Григорьев А. П.* Пожалования в ярлыке Тимур-Кутлука. С. 127.

[144] *Григорьев А. П.* Монгольская дипломатика XIII–XV вв. С. 79, табл. 2.

[145] *Ярлыки* татарских ханов московским митрополитам. С. 468.
[146] Там же. С. 469.
[147] *Григорьев А. П.* Формуляр золотоордынских жалованных грамот. С. 79.
[148] *Григорьев А. П.* Монгольская дипломатика XIII–XV вв. С. 86, табл. 4.
[149] *Ярлыки* татарских ханов московским митрополитам. С. 468.
[150] Там же. С. 469.
[151] *Григорьев А. П.* Время составления краткой коллекции ханских ярлыков русскими митрополитами. С. 103–106.
[152] *Ярлыки* татарских ханов московским митрополитам. С. 470.
[153] *Березин И. Н.* Указ. соч. С. 17.
[154] *Казакова Н. А., Лурье Я. С.* Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI в. М.; Л., 1955.
[155] *Акты* социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. 3. С. 19, № 6.
[156] *Григорьев А. П.* Формуляр золотоордынских жалованных грамот. С. 80.
[157] *Григорьев А. П.* Монгольская дипломатика XIII–XV вв. С. 89–92.
[158] *Ярлыки* татарских ханов московским митрополитам. С. 468–469.
[159] Там же. С. 470.
[160] *Акты* социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. 3. С. 19, № 6.
[161] *Григорьев А. П.* Формуляр золотоордынских жалованных грамот. С. 79–80.
[162] *Григорьев А. П.* Монгольская дипломатика XIII — XV вв. С. 82–87.
[163] Там же. С. 87–89.
[164] *Ярлыки* татарских ханов московским митрополитам. С. 468.
[165] Там же.
[166] Там же. С. 470.
[167] *Григорьев А. П.* 1) Пожалование в ярлыке Токтамыша. С. 128; 2) Пожалование в ярлыке Улуг-Мухаммеда. С. 127.
[168] *Григорьев А. П.* Монгольская дипломатика XIII–XV вв. С. 91–92.
[169] *Münküyev N. Ts.* Op.cit. P. 208–215.
[170] *Григорьев А. П.* Формуляр золотоордынских жалованных грамот. С. 80–83.
[171] *Ярлыки* татарских ханов московским митрополитам. С. 468.
[172] *Григорьев А. П.* Монгольская дипломатика XIII–XV вв. С. 55–62.
[173] *Ярлыки* татарских ханов московским митрополитам. С. 469, 470.
[174] *Григорьев А. П.* К реконструкции текстов золотоордынских ярлыков XIII — XIV вв. // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки / Отв. ред. А. Д. Желтяков. Л., 1980. Вып. 5. С. 17–22.
[175] Там же. С. 22. Дата уточнена по кн.: *Цыбульский В. В.* Лунно-солнечный календарь стран Восточной Азии с переводом на даты европейского календаря (с 1 по 2019 г. н. э.). М., 1987. С. 253.

Глава II

[1] *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. 1. С. 293–294, 296, 311.
[2] *Полное* собрание русских летописей (ПСРЛ). СПб., 1913. Т. 18. С. 89.

[3] *Тизенгаузен В. Г.* Указ. соч. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 101.

[4] Там же. Т. 1. С. 293, 295.

[5] ПСРЛ. Пг., 1992. Т. 15. Вып. 1. Стб. 49–50.

[6] *Юргевич В. Н.* Рассказ римско-католического миссионера доминиканца Юлиана о путешествии в страну приволжских венгерцев, совершенном перед 1235 годом, и письма папы Венедикта XII к хану Узбеку, его жене Тайдолю и сыну Джанибеку в 1340 году // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1863. Т. 5. С. 1002–1006.

[7] Там же. С. 1005–1006.

[8] *Тизенгаузен В. Г.* Указ. соч. Т. 1. С. 263.

[9] *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей / Пер. с перс. О. И. Смирновой: В 3 т. М.; Л., 1952. Т. 1, кн. 2. С. 269.

[10] *Григорьев А. П.* Время составления краткой коллекции ханских ярлыков русским митрополитам / Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки / Отв. ред. Г. Я. Смолин. Л., 1985. Вып. 8. С. 119–125.

[11] *Григорьев А. П., Григорьев В. П.* Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции: Источниковедческое исследование. СПб., 2001. С. 5–33.

[12] *Григорьев А. П.* Время составления краткой коллекции ханских ярлыков русским митрополитам. С. 93–113.

[13] *Григорьев А. П.* Формуляр золотоордынских жалованных грамот // Тюркологика 1986: К 80-летию акад. А. Н. Кононова / Отв. ред. С. Г. Кляшторный, Ю. А. Петросян, Э. Р. Тенишев. Л., 1986. С. 76–84.

[14] *Ярлыки* татарских ханов московским митрополитам. С. 466–467.

[15] Там же. С. 468, 470.

[16] *Григорьев А. П.* Конкретные формуляры чингизидских жалованных грамот XIII–XV вв. (1) // Тюркологический сборник. 1974 / Отв. ред. А. Н. Кононов. М., 1978. С. 213.

[17] *Григорьев А. П.* Официальный язык Золотой Орды XIII–XIV вв. // Тюркологический сборник. 1977 / Отв. ред. А. Н. Кононов. М., 1981. С. 88–89.

[18] *Ярлыки* татарских ханов московским митрополитам. С. 483, прим. 39.

[19] *Григорьев А. П.* Монгольская дипломатика XIII–XV вв.: Чингизидские жалованные грамоты. Л., 1978. С. 106–109.

[20] *Григорьев А. П.* Время составления краткой коллекции ханских ярлыков русским митрополитам. С. 120–121.

[21] Там же. С. 119, 121–122.

[22] Там же. С. 125.

[23] *Григорьев А. П.* Монгольская дипломатика XIII–XV вв. С. 109–111.

[24] *Ярлыки* татарских ханов московским митрополитам. С. 470.

[25] *Григорьев А. П.* Время составления краткой коллекции ханских ярлыков русским митрополитам. С. 112.

[26] *Григорьев А. П., Григорьев В. П.* Указ. соч. С. 26–27.

[27] *Цыбульский В. В.* Лунно-солнечный календарь стран Восточной Азии с переводом на даты европейского календаря (с 1 по 2019 г. н. э.). М., 1987. С. 266.

[28] *Соколов П. П.* Подложный ярлык Узбека митрополиту Петру // Русский исторический журнал. 1918. Кн. 5. С. 70–85.

[29] *Рогожский* летописец. Стб. 57; Симеоновская летопись. С. 95.

[30] *Тизенгаузен В. Г.* Указ. соч. Т. 1. С. 529–530.

[31] *Маркс К.* Хронологические выписки: IV // Архив Маркса и Энгельса. М., 1946. Т. 8. С. 149.

Глава III

[1] *Ярлыки* татарских ханов московским митрополитам (краткое собрание) // Памятники русского права / Под ред. Л. В. Черепнина. М., 1955. Вып. 3. С. 468–469.

[2] Гл. II. С. 45–46.

[3] *Словарь* книжников и книжности Древней Руси / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1987. Вып. 1. С. 453–457.

[4] *Полное* собрание русских летописей (ПСРЛ). Пг., 1922. Т. 15. Вып. 1. Стб. 54–55; СПб., 1913. Т. 18. С. 94.

[5] Там же.

[6] *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. 1. С. 529–530.

[7] *Голубинский Е. Е.* История русской церкви: В 2 т. М., 1900. Т. 2. 1-я половина тома. С. 163.

[8] *Волков М. А.* О соперничестве Венеции с Генуею в XIV веке // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1860. Т. 4. Отд. 2 и 3. С. 216, № 7.

[9] *Соколов П. П.* Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV в. Киев, 1913. С. 308–309.

[10] ПСРЛ. Пг., 1922. Т. 15. Вып. 1. Стб. 60; СПб., 1913. Т. 18. С. 97.

[11] *Словарь* книжников и книжности Древней Руси / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1988. Вып. 2. Ч. 1. С. 25–34.

[12] *История* Византии / Отв. ред. С. Д. Сказкин: В 3 т. М., 1967. Т. 3. С. 158.

[13] ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 61.

[14] *Ярлыки* татарских ханов московским митрополитам. С. 465–466, 469–470.

[15] *Григорьев А. П.* Формуляр золотоордынских жалованных грамот // Тюркологика 1986: К 80-летию акад. А. Н. Кононова / Отв. ред. С. Г. Кляшторный, Ю. А. Петросян, Э. Р. Тенишев. Л., 1986. С. 78–80.

[16] *Григорьев А. П.* Монгольская дипломатика XIII–XV вв.: Чингизидские жалованные грамоты. Л., 1978. С. 71–94.

[17] Гл. I. С. 7–44; Гл. II. С. 45–54.

[18] *Григорьев А. П., Григорьев В. П.* Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции: Источниковедческое исследование. СПб., 2001. С. 14.

[19] *Словарь* русского языка XI–XVII вв. / Под ред. Г. П. Смолицкой. М., 1989. Вып. 15. С. 125.

[20] *Григорьев А. П.* Время составления краткой коллекции ханских ярлыков русским митрополитам // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки / Отв. ред. Г. Я. Смолин. Л., 1985. Вып. 8. С. 120–121.

[21] *Григорьев А. П., Григорьев В. П.* Указ. соч. С. 25.

[22] *Григорьев А. П.* Формуляр золотоордынских жалованных грамот. С. 79.

[23] *Словарь* русского языка XI–XVII вв. / Под ред. Г. А. Богатовой. М., 1978. Вып. 5. С. 280.

[24] ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 23. С. 105.

[25] *Словарь* русского языка XI–XVII вв. / Под ред. Г. А. Богатовой. М., 1977. Вып. 4. С. 172.

[26] Гл. I. С. 28.

[27] *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: В 3 т. СПб., 1895. Т. 2. Стб. 1331.

[28] *Григорьев А. П.* Монгольская дипломатика XIII–XV вв. С. 74, 79.

[29] Там же. С. 86.

[30] Там же. С. 86–89.

[31] *Григорьев А. П.* Формуляр золотоордынских жалованных грамот. С. 79.

[32] *Григорьев А. П.* 1) Пожалование в ярлыке Токтамыша // Востоковедение / Отв. ред. С. Н. Иванов, Ю. М. Осипов. Л., 1981. Вып. 8. С. 128; 2) Пожалование в ярлыке Улуг-Мухаммеда // Востоковедение / Отв. ред. Е. А. Серебряков, С. Е. Яхонтов. Л., 1984. Вып. 10. С. 127.

[33] *Григорьев А. П.* Монгольская дипломатика XIII–XV вв. С. 89–92.

[34] *Григорьев А. П.* Формуляр золотоордынских жалованных грамот. С. 80.

[35] *Григорьев А. П.* 1) Пожалование в ярлыке Токтамыша. С. 129; 2) Пожалование в ярлыке Улуг-Мухаммеда. С. 127.

[36] Гл. II. С. 51–52.

[37] *Цыбульский В. В.* Лунно-солнечный календарь стран Восточной Азии с переводом на даты европейского календаря (с 1 по 2019 г. н. э.). М., 1987. С. 267.

[38] *Ярлыки* татарских ханов московским митрополитам. С. 486, прим. 57.

[39] *Григорьев А. П., Григорьев В. П.* Указ. соч. С. 102.

[40] *Гафуров А. Г.* Имя и история: Об именах арабов, персов, таджиков и тюрков: Словарь. М., 1987. С. 173.

[41] *Древнетюркский словарь* / Под ред В. М. Наделяева и др. Л., 1969. С. 621–622.

Глава IV

[1] *Ярлыки* татарских ханов московским митрополитам: Краткое собрание // Памятники русского права / Под ред. Л. В. Черепнина. М., 1955. Вып. 3. С. 470.

[2] Гл. II. С. 45–54.

[3] *Словарь* книжников и книжности Древней Руси / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1988. Вып. 2. Ч. 1. С. 25–34.

[4] *Рогожский* летописец // Полное собрание русских летописей. Пг., 1922. Т. 15. Вып. 1. Стб. 62–63; *Симеоновская* летопись // Там же. СПб., 1913. Т. 18. С. 98–99; *Ермолинская* летопись // Там же. СПб., 1910. Т. 23. С. 111.

[5] *Григорьев А. П.* Формуляр золотоордынских жалованных грамот // Тюркология 1986: К 80-летию акад. А Н. Кононова / Отв. ред. С. Г. Кляшторный, Ю. А. Петросян, Э. Р. Тенишев. Л., 1986. С. 76–84.

[6] *Григорьев А. П., Григорьев В. П.* Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции: Источниковедческое исследование. СПб., 2001. С. 11–18.

[7] *Словарь* русского языка XI–XVII вв. М., 1976. Вып. 3. С. 8–9.

[8] *Григорьев А. П.* Обращение в золотоордынских ярлыках XIII–XIV вв. // Востоковедение / Отв. ред. Л. А. Березный, Е. А. Серебряков, С. Е. Яхонтов. Л., 1980. Вып. 7. С. 165–168.

[9] *Ярлыки* татарских ханов московским митрополитам. С. 489, прим. 18.

[10] *Словарь* русского языка XI–XVII вв. М., 1988. Вып. 14. С. 266.

[11] *Словарь* современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1960. Т. 10. Стб. 1752–1753.

[12] *Ярлыки* татарских ханов московским митрополитам. С. 468.

[13] *Улымжиев Д. Б., Ням-Осор Н.* О «Великой Ясе» («Их засаг») Чингис-хана. Улан-Удэ, 1999.

[14] *Будагов Л. З.* Сравнительный словарь турецко-татарских наречий со включением употребительнейших слов арабских и персидских и с переводом на русский язык: В 2 т. СПб., 1871. Т. 2. С. 329.

[15] *Шипова Е. Н.* Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата. 1976. С. 441.

[16] *Ярлыки* татарских ханов московским митрополитам. С. 468.

[17] *Григорьев А. П.* Время составления краткой коллекции ханских ярлыков русским митрополитам // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки / Отв. ред. Г. Я. Смолин. Л., 1985. Вып. 8. С. 119.

[18] *Будагов Л. З.* Указ. соч. С. 386.

[19] *Цыбульский В. В.* Лунно-солнечный календарь стран Восточной Азии с переводом на даты европейского календаря (с 1 по 2019 г. н. э.). М., 1987. С. 268.

[20] *Григорьев А. П.* Шибаниды на золотоордынском престоле // Востоковедение / Отв. ред. В. Б. Касевич, Ю. М. Осипов. Л., 1985. Вып. 11. С. 172.

[21] *Ярлыки* татарских ханов московским митрополитам. С. 470.

Глава V

[1] *Григорьев А. П., Григорьев В. П.* Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции: Источниковедческое исследование. СПб., 2001. С. 5–33, 34–77, 78–121, 122–167.

[2] *Ярлыки* татарских ханов московским митрополитам: Краткое собрание // Памятники русского права / Под ред. Л. В. Черепнина. М., 1955. Вып. 3. С. 463–491 (далее — Зимин).

[3] *Древнейший* список краткого собрания ярлыков, данных ордынскими ханами русским митрополитам // Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века / Под ред. В. И. Буганова. М., 1987. Вып. 3. С. 571–594 (далее — Плигузов).

[4] *Плигузов А. И., Хорошкевич А. Л.* Русская церковь и антиордынская борьба в XIII–XV вв.: По материалам краткого собрания ханских ярлыков русским митрополитам // Церковь, общество и государство в феодальной России / Отв. ред. А. И. Клибанов. М., 1990. С. 99–100.

[5] Зимин. С. 469–470: Плигузов. С. 591–592.

[6] Гл. I. С. 8–11.

[7] *Охотина Н. А.* Русская церковь и монгольское завоевание (XIII в.) // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990. С. 67–84.

[8] *Григорьев А. П., Григорьев В. П.* Указ. соч. С. 123–128.

[9] *Хорошев А. С.* Политическая история русской канонизации (XI–XVI в.) М., 1986. С. 110–112.

[10] *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 116–119, 125–144.

[11] *Прохоров Г. М.* 1) Максим // Словарь книжников и книжности Древней Руси / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1987. Вып. 1. С. 253–354; 2) Петр // Там же. С. 325–329; 3) Феогност // Там же. С. 453–457; 4) Алексей (Алексий) // Там же. Л., 1988. Вып. 2. Ч. 1. С. 25–34.

[12] *Прохоров Г. М.* Повесть о Митяе. Л., 1978. С. 216.

[13] *Кучкин В. А.* Указ. соч. С. 140–141.

[14] *Полное* собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Пг., 1922. Т. 15. Вып. 1. Стб. 62–63; СПб., 1913. Т. 18. С. 98–99; СПб., 1910. Т. 23. С. 111.

[15] *Соколов П. П.* Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV века. Киев, 1913. С. 333–384.

[16] *Прохоров Г. М.* Алексей (Алексий). С. 26–28.

[17] Гл. III. С. 55.

[18] ПСРЛ. Т. 23. С. 111.

[19] *Кучкин В. А.* Указ. соч. С. 218–225.

[20] Гл. III. С. 55–66.

[21] Гл. IV. С. 67–71.

[22] ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 63; Т. 18. С. 99; Т. 23. С. 111.

[23] *Соколов П. П.* Указ. соч. С. 353–355.

[24] *Фрагмент* краткой редакции Хождения [бывшего архимандрита переяславского горицкого Успения богородицы монастыря] и претендента на русскую митрополию Пимена в Константинополь в 1389 г., [описанного его спутником Игнатием Смольнянином] // Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века. М., 1987. Вып. 3. С. 546–549.

[25] *Грамота* митрополита Алексия на Червленый Яр боярам, баскакам, духовенству и мирянам о подсудимости их Рязанскому епископу // Русская историческая библиотека, издаваемая Археологическою комиссиею. СПб., 1880. Т. 6. Стб. 167–172, № 19.

[26] *Соколов П. П.* Указ. соч. С. 334; *Прохоров Г. М.* Алексей (Алексий). С. 26.

[27] *Соколов П. П.* Указ. соч. С. 349.

[28] Там же. С. 351–353.

[29] Там же. С. 365–372.

[30] ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 59; Т. 18. С. 97.

[31] *История* Византии: В 3 т. / Отв. ред. С. Д Сказкин. М., 1967. Т. 3. С. 159–160.

[32] *Греков И. Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды: На рубеже XIV–XV вв. М., 1975. С. 45–58.

[33] *Кучкин В. А.* Указ. соч. С. 171–175.

[34] Там же. С. 225.

[35] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 63–64; Т. 18. С. 99; Т. 23. С. 111–112.

[36] Там же. Т. 15. Вып. 1. Стб. 65.

[37] *Соколов П. П.* Указ. соч. С. 380.

[38] *Григорьев А. П., Григорьев В. П.* Указ. соч. С. 125–128.

[39] ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 66.

[40] *Григорьев А. П.* Золотоордынские ханы 60–70-х годов XIV в.: Хронология правлений // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки / Отв. ред. Г. Я. Смолин. Л., 1983. Вып. 7. С. 9–54.

[41] ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 66; Т. 18. С. 100.

[42] *Григорьев А. П.* Золотоордынские ханы 60–70-х годов XIV в. С. 34. Табл. 2.

[43] ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 66; Т. 18. С. 100; Т. 23. С. 112.

[44] Там же. Т. 15. Вып. 1. Стб. 66; Т. 18. С. 100.

[45] *Зимин.* С. 469; *Плигузов.* С. 591.

[46] *Григорьев А. П., Григорьев В. П.* Указ. соч. С. 136–137.

[47] *Григорьев А П.* Монгольская дипломатика XIII–XV вв.: Чингизидские жалованные грамоты. Л., 1978. С. 17–55.

[48] Гл. I. С. 7–44.

[49] *Ligeti L.* Monuments préclassiques. 1. XIIIe et XIVe siècles. Budapest, 1972. P. 284–287.

[50] *Скрынникова Т. Д.* Представления монголов о сакральности правителя // Тюркские и монгольские письменные памятники: Текстологические и культуроведческие аспекты исследования / Отв. ред. С. Г. Кляшторный, Ю. А. Петросян. М., 1992. С. 71–85.

[51] *Поппе Н. Н.* 1) Монгольский словарь Мукаддимат ад-Адаб. М.; Л., 1938. С. 347–348: 2) Квадратная письменность. М.; Л., 1941. С. 93–95.

[52] *Скрынникова Т. Д.* Указ. соч. С. 81.

[53] Там же. С. 78.

[54] Там же. С. 82.

[55] *Григорьев А. П.* Монгольская дипломатика XIII–XV вв. С. 20–23.

[56] Там же. С. 24–26.

[57] *Григорьев А. П., Григорьев В. П.* Указ. соч. С. 46–47.

[58] *Григорьев А. П.* Обращение в золотоордынских ярлыках XIII–XIV вв. Востоковедение / Отв. ред. Л. А. Березный, Е. А. Серебряков, С. Е. Яхонтов. Л., 1980. Вып. 7. С. 164–172.

[59] *Григорьев А. П., Григорьев В. П.* Указ. соч. С. 12–18.

[60] Там же. С. 45–50, 86–95.

[61] Гл. III. С. 58.

[62] *Григорьев А. П., Григорьев В. П.* Указ. С. 89.

[63] Там же. С. 134–136.

[64] *Григорьев А. П.* Обращение в золотоордынских ярлыках XIII–XIV вв. С. 165–166, 172; *Григорьев А. П., Григорьев В. П.* Указ. соч. С. 14.

[65] *Григорьев А. П.* Обращение в золотоордынских ярлыках XIII–XIV вв. С. 165–166, 172.

[66] *Григорьев А. П., Григорьев В. П.* Указ. соч. С. 89–95.

[67] *Григорьев А. П.* Обращение в золотоордынских ярлыках XIII–XIV вв. С. 165–168, 172.

[68] Гл. I. С. 23–24.

[69] *Трепавлов В. В.* Россия и кочевые степи: Проблема восточных заимствований в российской государственности // Восток. 1994. № 2. С. 53–54.

[70] *Григорьев А. П.* Обращение в золотоордынских ярлыках XIII–XIV вв. С. 162.

[71] *Григорьев А. П.* Монгольская дипломатика XIII–XV вв. С. 35, 38.

[72] Там же. С. 46.

[73] *Григорьев В. В.* Ярлыки Токтамыша и Сеадет-Герая // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1844. Т. 1. Табл. X; *Радлов В. В.* Ярлыки Токтамыша и Темир-Кутлуга // Записки Восточного отделения имп. Русского археологического общества. СПб., 1889. Т. 3. Табл. 1.

[74] *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. 1. С. 338, 348, 349, 401, 412; М.; Л., 1941. Т. 2. С. 95, 96.

[75] *Григорьев А. П., Григорьев В. П.* Указ. соч. С. 50.

[76] Там же. С. 15, 50, 94.

[77] *Григорьев А. П.* Монгольская дипломатика XIII–XV вв. С. 34–43.

[78] *Григорьев А. П.* Дополнение к «Монгольской дипломатике XIII–XV вв.» // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки / Отв. ред. Л. А. Березный. Л., 1982. Вып. 6. С. 49.

[79] *Григорьев А. П., Григорьев В. П.* Указ. соч. С. 17.

[80] Там же. С. 95.

[81] Гл. I. С. 28–29.

[82] Там же.

[83] *Григорьев А. П.* Обращение в золотоордынских ярлыках XIII–XIV вв. С. 169–170.

[84] *Григорьев А. П.* Дополнение к «Монгольской дипломатике XIII–XV вв.». С. 45.

[85] *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1882. Т. 4. С. 207.

[86] *Григорьев А. П., Григорьев В. П.* Указ. соч. С. 15–16.

[87] Там же. С. 135.

[88] *Григорьев А. П.* Дополнение к «Монгольской дипломатике XIII–XV вв.». С. 45.

[89] Там же. С. 46.

[90] *Зимин.* С. 469; *Плигузов.* С. 591.

[91] *Григорьев А. П.* Монгольская дипломатика XIII–XV вв. С. 71–106.

[92] Там же. С. 74.

[93] *Григорьев А. П.* Пожалование в ярлыке Тимур-Кутлука // Востоковедение / Отв. ред. А. Н. Болдырев, В. Г. Гузев. Л., 1984. Вып. 9. С. 126.

[94] *Григорьев А. П.* Монгольская дипломатика XIII–XV вв. С. 79.

[95] *Григорьев А. П., Григорьев В. П.* Указ. соч. С. 96.

[96] *Зимин.* С. 469–470; *Плигузов.* С. 591–592.

[97] *Григорьев А. П.* К реконструкции текстов золотоордынских ярлыков XIII–XIV вв. // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки / Отв. ред. А. Д. Желтяков. Л., 1980. Вып. 5. С. 22–26.

[98] *Зимин.* С. 466; *Плигузов.* С. 586.

[99] *Григорьев А. П.* Монгольская дипломатика XIII–XV вв. С. 83.

[100] *Словарь* русского языка XI–XVII вв. М., 1977. Вып. 4. С. 171; 1978. Вып. 5. С. 280.

[101] Там же. М., 1992. Вып. 18. С. 70.

[102] *Зимин.* С. 466; *Плигузов.* С. 586.

[103] *Григорьев А. П.* Монгольская дипломатика XIII–XV вв. С. 86.

[104] *Григорьев А. П.* «Огороди виногради» в ханских ярлыках русским митрополитам // Вестник С.-Петербургского ун-та. 1992. Сер. 2. Вып. 1. С. 28–32.

[105] *Григорьев А. П.* Монгольская дипломатика XIII–XV вв. С. 83.

[106] *Зимин.* С. 466; *Плигузов.* С. 586.

[107] *Серебренников Б. А., Гаджиева Н. З.* Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М., 1986. С. 261.

[108] *Зимин.* С. 470; *Плигузов.* С. 592.

[109] *Григорьев А. П., Григорьев В. П.* Указ. соч. С. 109–111, 155–160.

[110] *Зимин.* С. 466; *Плигузов.* С. 586.

[111] *Григорьев А. П., Григорьев В. П.* Указ. соч. С. 109–110.

[112] Там же. С. 110.

[113] *Григорьев А. П.* Монгольская дипломатика XIII–XV вв. С. 90–92.

[114] *Григорьев А. П., Григорьев В. П.* Указ. соч. С. 110–111.

[115] Там же. С. 159.

[116] *Григорьев А. П.* 1) Пожалование в ярлыке Токтамыша // Востоковедение / Отв. ред. С. Н. Иванов, Ю. М. Осипов. Л., 1981. Вып. 8. С. 129; 2) Пожалование в ярлыке Улуг-Мухаммеда // Востоковедение / Отв. ред. Е. А. Серебряков, С. Е. Яхонтов. Л., 1984. Вып. 10. С. 127.

[117] *Зимин.* С. 466; *Плигузов.* С. 586.

[118] *Акты* социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV–XVI вв. / Отв. ред. Б. Д. Греков. М., 1952. Т. 1. С. 102–103, № 133.

[119] Там же. С. 93–94, № 177; С. 124–125, № 171; С. 199, № 278.

[120] Там же. С. 234, № 325; С. 291, № 399; С. 293–294, № 401; С. 305–306, № 416; С. 308–309, № 419; Отв. ред. Л. В. Черепнин. М., 1958. Т. 2. С. 113–114, № 180; С. 153–154, № 232; С. 352, № 359; С. 353–354, № 360.

[121] *Зимин.* С. 466; *Плигузов.* С. 586.

[122] *Григорьев А. П.* 1) Пожалование в ярлыке Токтамыша. С. 129; 2) Пожалование в ярлыке Тимур-Кутлука. С. 127; 3) Пожалование в ярлыке Улуг-Мухаммеда. С. 127.

[123] *Григорьев А. П., Григорьев В. П.* Указ. соч. С. 24–28, 61–72, 112–118.

[124] *Зимин.* С. 470; *Плигузов.* С. 592.

[125] *Григорьев А. П.* К реконструкции текстов золотоордынских ярлыков XIII–XIV вв. // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки / Отв. ред. А. Д. Желтяков. Л., 1980. Вып. 5. С. 22–35.

[126] *Зимин.* С. 466; *Плигузов.* С. 586–587.

[127] *Григорьев А. П.* Монгольская дипломатика XIII–XV вв. С. 67.

[128] *Григорьев А. П., Григорьев В. П.* Указ. соч. С. 112–114.

[129] *Григорьев А. П.* К реконструкции текстов золотоордынских ярлыков XIII–XIV вв. С. 23–24.

[130] *Григорьев А. П.* 1) Пожалование в ярлыке Токтамыша. С. 129; 2) Пожалование в ярлыке Тимур-Кутлука. С. 127; 3) Пожалование в ярлыке Улуг-Мухаммеда. С. 127.

[131] *Григорьев А. П.* К реконструкции текстов золотоордынских ярлыков XIII–XIV вв. С. 23–24.

[132] *Радлов В. В.* Ярлыки Токтамыша и Темир-Кутлуга. С. 16, 38; *Березин И. Н.* Ярлыки крымских ханов Менгли-Гирея и Мухаммед-Гирея. С. 18.

[133] *Григорьев А. П.* К реконструкции золотоордынских ярлыков XIII–XIV вв. С. 26.

[134] *Цыбульский В. В.* Лунно-солнечный календарь стран Восточной Азии с переводом на даты европейского календаря (с 1 по 2019 г. н. э.). М., 1987. С. 268.

[135] *Григорьев А. П.* Монгольская дипломатика XIII–XV вв. С. 56–57.

[136] *Веселовский Н. И.* Несколько пояснений касательно ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству // Записки имп. Русского географического общества по отделению этнографии. СПб., 1909. Т. 34. С. 536.

[137] *Григорьев А. П.* Дата выдачи ярлыка Токтамыша // Востоковедение / Отв. ред. С. Н. Иванов. Л., 1979. Вып. 6. С. 172–173; *Радлов В. В.* Указ. соч. С. 38; *Березин И. Н.* Указ. соч. С. 18.

[138] *Григорьев А. П.* Монгольская дипломатика XIII–XV вв. С. 55–56.

[139] *Григорьев А. П.* К реконструкции текстов золотоордынских ярлыков XIII–XIV вв. С. 26–28.

[140] *Григорьев А. П.* Дополнение к «Монгольской дипломатике XIII–XV вв.». С. 50–51.

[141] *Григорьев А. П., Григорьев В. П.* Указ. соч. С. 68–72, 115–118.

[142] Там же. С. 163–164.

[143] *Руи Гонсалес де Клавихо.* Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403–1406) / Пер. со староисп. М., 1990. С. 99.

[144] *Григорьев А. П., Григорьев В. П.* Указ. соч. С. 71, 116, 163.

[145] Там же. С. 163.

[146] Там же.

[147] ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 47, 71.

[148] *Григорьев А. П., Григорьев В. П.* Указ. соч. С. 116–117, 163.

[149] Там же. С. 117, 163.

[150] *Григорьев А. П.* К реконструкции текстов золотоордынских ярлыков XIII–XIV вв. С. 26–29.

[151] *Плигузов.* С. 591.

Глава VI

[1] *Прохоров Г. М.* Повесть о Митяе: Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л., 1978.

[2] *Григорьев А. П.* 1) К реконструкции текстов золотоордынских ярлыков XIII–XIV вв. // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки / Отв. ред. А. Д. Желтяков. Л., 1980. Вып. 5. С. 23–24; 2) Время составления краткой коллекции ханских ярлыков русским митрополитам // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки / Отв. ред. Г. Я. Смолин. Л., 1985. Вып. 8. С. 113–114; 3) Гл. V. С. 101, 110.

[3] *Полное* собрание русских летописей (ПСРЛ). Пг., 1922. Т. 15. Вып. 1. Стб. 136.

[4] *Кучкин В. А.* Дмитрий Донской // Вопросы истории. 1995. № 5–6. С. 62–83.

[5] *Кучкин В. А.* 1) Победа на Куликовом поле // Вопросы истории. 1980. № 8. С. 3–21; 2) Сподвижник Дмитрия Донского // Там же. 1979. № 8. С. 104–116; 3) Дмитрий Донской и Сергий Радонежский в канун Куликовской битвы // Церковь, общество и государство в феодальной России / Отв. ред. А. И. Клибанов. М., 1990. С. 103–126; 4) Сергий Радонежский // Вопросы истории. 1992. № 10. С. 75–92.

[6] ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 55–56.

[7] Там же. Стб. 56.

[8] Там же. Стб. 54.

[9] Там же. Стб. 56.

[10] *Кучкин В. А.* Сергий Радонежский. С. 79–80.

[11] *Кривошеев Ю. В.* О средневековой русской государственности: К постановке вопроса. СПб., 1995. С. 50–54.

[12] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 211–229.

[13] Там же. С. 244–246.

[14] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подг. к печ. Л. В. Черепнин. М.; Л., 1950. С. 11–13, № 2. (ДДГ).

[15] *Веселовский С. Б.* Указ. соч. С. 230–236.

[16] ДДГ. С. 13–14, № 3.

[17] *Веселовский С. Б.* Указ. соч. С. 247–262.

[18] ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 62–63.

[19] Там же. Стб. 63.

[20] *Мухамадиев А. Г.* Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. М., 1983. С. 21–23.

[21] *Григорьев А. П.* Шибаниды на золотоордынском престоле // Востоковедение / Отв. ред. В. Б. Касевич, Ю. М. Осипов. Л., 1985. Вып. 11. С. 172.

[22] *Григорьев А. П., Григорьев В. П.* Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции: Источниковедческое исследование. СПб., 2001. С. 34–36.

[23] Там же. С. 208–209.

[24] ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18. С. 89.

[25] *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. 1. С. 269.

[26] ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 71.

[27] *Григорьев А. П., Григорьев В. П.* Указ. соч. С. 208.

[28] Там же. С. 209.

[29] *Тизенгаузен В. Г.* Указ. соч. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 130.

[30] *Григорьев А. П., Фролова О. Б.* Географическое описание Золотой Орды в энциклопедии ал-Калкашанди // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки / Отв. ред. Н. Н. Дьяков. СПб., 1999. Вып. 18. С. 79.

[31] *Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985. С. 109–110.

[32] ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 70.

[33] Гл. II. С. 52.

[34] *Книга* Большому Чертежу / Подг. к печ. и ред. К. Н. Сербиной. М.; Л., 1950. С. 143.

[35] *Егоров В. Л.* Указ. соч. С. 108.

[36] *Мухамадиев А. Г.* Указ. соч. С. 18.

[37] *Григорьев А. П., Григорьев В. П.* Указ. соч. С. 152–154.

[38] ДДГ. С. 29, № 10.

[39] Гл. V. С. 80.

[40] Гл. IV. С. 67–71.

[41] *Григорьев А. П., Григорьев В. П.* Платежная ведомость Тайдулы (1359 г.). С. 209.

[42] Гл. V. С. 83–85.

[43] *Кучкин В. А.* Сергий Радонежский. С. 78.

[44] Гл. V. С. 85–86.

[45] ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 65.

[46] *Григорьев А. П., Григорьев В. П.* Указ. соч. С. 125–128.

[47] ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 66.

[48] Гл. V. С. 72–115.

[49] ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 66–67.

[50] Там же. Стб. 66.

[51] *Клюг Э.* Княжество Тверское (1247–1485 гг.)/ Пер. с нем. А. В. Чернышова. Тверь, 1994. С. 163–174.

[52] ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 65–67.

[53] ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 23. С. 106.

[54] *Кучкин В. А.* Дмитрий Донской. С. 73.

[55] *Григорьев А. П.* Золотоордынские ханы 60–70-х годов XIV в.: Хронология правлений // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки / Отв. ред. Г. Я. Смолин. Л., 1983. Вып. 7. С. 34. Табл. 2.

[56] *Тизенгаузен В. Г.* Указ. соч. Т. 1. С. 389.

[57] *Григорьев А. П., Григорьев В. П.* Указ. соч. С. 198–199.

[58] ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 67.

[59] Там же. Стб. 68.

[60] *Григорьев А. П.* Золотоордынские ханы 60–70-х годов XIV в.: Хронология правлений. С. 34. Табл. 2.

[61] *Приселков М. Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 460.

[62] ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 79.

[63] ПСРЛ. СПб., 1863. Т. 15. Стб. 444.

[64] ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 73.

[65] Там же. Стб. 75.

[66] Там же. Стб. 79, 81, 84, 87, 88, 90–96, 98–101, 103–105.

[67] *Клюг Э.* Указ. соч. С. 178–179.

[68] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 428.

[69] ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 67.

[70] *Прохоров Г. М.* Алексей (Алексий) // Словарь книжников и книжности Древней Руси: Вторая половина XIV–XVI вв. Л., 1988., Ч. 1. С. 28–29.

[71] ДДГ. С. 15–19, № 4.

[72] Там же. С. 19.

[73] *Зимин А. А.* О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV–XV вв. // Проблемы источниковедения / Отв. ред. А. А. Новосельский. М., 1958. Сб. 6. С. 280–281.

[74] ПСРЛ. Т. 23. С. 112.

[75] ДДГ. С. 8, № 1.

[76] Там же. С. 15, № 4.

[77] ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 70–71.

[78] *Григорьев А. П.* 1) Золотоордынские ханы 60–70-х годов XIV в.: Хронология правлений. С. 9–54; 2) Шибаниды на золотоордынском престоле. С. 160–182.

[79] *Султанов Т. И.* 1) Письмо золотоордынского хана Улуг-Мухаммада турецкому султану Мураду II // Тюркологический сборник. 1973 / Отв. ред. А. Н. Кононов. М., 1975. С. 53–61; 2) К истории Казахстана 70-х годов XIV в. // Известия АН КазССР. Сер. обществ. наук. 1976. № 5. С. 47–52; 3) (в соавт. с С. Г. Кляшторным). Казахстан: Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата, 1992. С. 189–202; 4) (в соавт. с С. Г. Кляшторным). Государства и народы Евразийских степей: Древность и средневековье. СПб., 2000. С. 165–297.

[80] *Григорьев А. П.* Время написания «ярлыка» Ахмата // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки / Отв. ред. Л. А. Березный. Л., 1987. Вып. 10. С. 40–45.

[81] *Трепавлов В. В.* Государственный строй Монгольской империи XIII в.: Проблема исторической преемственности. М., 1993. С. 96–102.

[82] *Григорьев А. П.* Использование древнемонгольского института «эджен» в практике наследования отцовского юрта // Общественные науки в Узбекистане. 1972. № 7. С. 60–62.

[83] *Тизенгаузен В. Г.* Указ. соч. Т. 2. С. 130.

[84] *Кононов А. Н.* Семантика цветообозначений в тюркских языках // Тюркологический сборник. 1975 / Отв. ред. А. Н. Кононов. Л., 1978. С. 159–179.

[85] ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 68.

[86] Там же. Стб. 69.

[87] *Тизенгаузен В. Г.* Указ. соч. Т. 2. С. 130.

[88] ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 70.

[89] *Тизенгаузен В. Г.* Указ. соч. Т. 2. С. 130.

[90] ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 71.

[91] *Григорьев А. П.* Золотоордынские ханы 60–70-х годов XIV в.: Хронология правлений. С. 34. Табл. 2.

[92] *Григорьев А. П.* Золотоордынский город Янгишехр // Вестн. С.-Петербург. ун-та. 1994. Сер. 2. Вып. 2. С. 28–36.

[93] *Тизенгаузен В. Г.* Указ. соч. Т. 2. С. 129; ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 71.

[94] *Григорьев А. П., Григорьев В. П.* Указ. соч. С. 209–214.

[95] ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 71.

[96] *Тизенгаузен В. Г.* Указ. соч. Т. 2. С. 130.

[97] *Мухамадиев А. Г.* Указ. соч. С. 93–95.

[98] ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 70.

[99] Там же. Стб. 69.

[100] Там же. Стб. 72.

[101] Там же. Стб. 73.

[102] *Григорьев А. П.* Золотоордынский город Орда // Востоковедение / Отв. ред. В. Г. Гузев, О. Б. Фролова. Л., 1990. Вып. 16. С. 152–158.

[103] *Мухамадиев А. Г.* Указ. соч. С. 92.

[104] *Григорьев А. П.* Золотоордынские ханы 60–70-х годов XIV в.: Хронология правлений. С. 50. Табл. 4.

[105] ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 74.

[106] Там же. Стб. 75–76.

[107] *Григорьев А. П.* Золотоордынские ханы 60–70-х годов XIV в.: Хронология правлений. С. 50. Табл. 4.

[108] *Тизенгаузен В. Г.* Указ. соч. Т. 2. С. 130.

[109] ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 76–83.

[110] *Григорьев А. П.* Золотоордынские ханы 60–70-х годов XIV в.: Хронология правлений. С. 50. Табл. 4.

[111] ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 77–78.

[112] Там же. Стб. 78.

[113] Там же. Стб. 79–80.

[114] *Зимин А. А.* Указ. соч. С. 281–283.

[115] ДДГ. С. 19–21. № 5.

[116] ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 81–83.

[117] Там же. Стб. 85.

[118] Там же. Стб. 83.

[119] Там же. Стб. 83–84.

[120] *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 169–171, 195.

[121] ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 79.
[122] Там же. Стб. 81.
[123] *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. С. 182–184.
[124] ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 81.
[125] Там же. Стб. 84.
[126] Там же. Стб. 84–85.
[127] Там же. Стб. 85.
[128] *Григорьев А. П.* Золотоордынские ханы 60–70-х годов XIV в.: Хронология правлений. С. 50. Табл. 4.
[129] ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 87–88.
[130] Там же. Стб. 88–91.
[131] Там же. Стб. 92.
[132] *Григорьев А. П.* Золотоордынские ханы 60–70-х годов XIV в.: Хронология правлений. С. 41–42, 46–47.
[133] *Григорьев А. П., Григорьев В. П.* Указ. соч. С. 209–214.
[135] ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 92.
[136] Там же. Стб. 116.
[137] *Гафуров А. Г.* Имя и история: Об именах арабов, персов и тюрков. Словарь. М., 1987. С. 131.
[138] ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 92.
[139] Там же. Стб. 92–93.
[140] Там же. Стб. 93.
[141] Там же. Стб. 94.
[142] Там же. Стб. 94–95.
[143] Там же. Стб. 95.
[144] Там же. Стб. 96.
[145] ДДГ. С. 21–22, № 6.
[146] ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 95–96.
[147] ДДГ. С. 22.
[148] *Веселовский С. Б.* Указ. соч. С. 332–333.
[149] ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 96.
[150] Там же. Стб. 98.
[151] Там же. Стб. 98–99.
[152] Там же. Стб. 99–100.
[153] Там же. Стб. 101–102.
[154] Там же. Стб. 100.
[155] Там же. Стб. 103–104.
[156] Там же. Стб. 104–105; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 372.
[157] *Григорьев А. П.* Шибаниды на золотоордынском престоле. С. 168.
[158] Там же. С. 165.
[159] *Тизенгаузен В. Г.* Указ. соч. Т. 2. С. 131.
[160] *Григорьев А. П., Фролова О. Б.* Географическое описание Золотой Орды в энциклопедии ал-Калкашанди. С. 67–79.
[161] *Материалы* по истории туркмен и Туркмении / Под ред. С. Л. Волина, А. А. Ромаскевича, А. Ю. Якубовского. М.; Л., 1939. Т. 1. С. 514–519.
[162] *Григорьев А. П.* Шибаниды на золотоордынском престоле. С. 166–171.

[163] *Материалы* по истории туркмен и Туркмении. С. 517–518; *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Казахстан: Летопись трех тысячелетий. С. 199–201.
[164] ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 105–106.
[165] Там же. Стб. 106.
[166] Там же. Стб. 108.
[167] *Зимин А. А.* Указ. соч. С. 285–286.
[168] ДДГ. С. 24–25, № 8.
[169] ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 110–111.
[170] Там же. Стб. 106–107.
[171] *Зимин А. А.* Указ. соч. С. 283–285.
[172] ДДГ. С. 23–24, № 7.
[173] ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 106.
[174] Там же. Стб. 108–109.
[175] Там же. Стб. 109.
[176] Там же. Стб. 109–110.
[177] Там же. Стб. 112.
[178] Там же. Стб. 110–111.
[179] Там же. Стб. 111–112.
[180] ДДГ. С. 25–28, № 9.
[181] ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 112.
[182] Там же. Стб. 112–113.
[183] Там же. Стб. 113.
[184] *Прохоров Г. М.* Повесть о Митяе. С. 125–187.
[185] ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 124–132.
[186] Там же. Стб. 125.
[187] *Прохоров Г. М.* Повесть о Митяе. С. 47–50.
[188] *Григорьев А. П.* Шибаниды на золотоордынском престоле. С. 172–176.
[189] ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 116.
[190] Там же. Стб. 116–117.
[191] *Книга* Большому Чертежу. С. 66.
[192] ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 118–119.
[193] Там же. Стб. 120.
[194] *Кучкин В. А.* Дмитрий Донской. С. 73.
[195] ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 126.
[196] Там же. Стб. 133–134.
[197] *Прохоров Г. М.* Повесть о Митяе. С. 49.
[198] *Кучкин В. А.* Дмитрий Донской. С. 73–74.
[199] *Прохоров Г. М.* Повесть о Митяе. С. 54–60.
[200] ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 134–136.
[201] *Кучкин В. А.* Дмитрий Донской. С. 74.
[202] ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 134.
[203] *Словарь* русского языка XI–XVII вв. (далее — СлРЯ XI–XVII вв.) / Гл. ред. С. Г. Бархударов. М., 1979. Вып. 6. С. 104; Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / Гл. ред. Р. И. Аванесов. М., 1990. Т. 3. С. 460.
[204] ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 134.
[205] *Серебряков Б. А., Гаджиева Н. З.* Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М., 1986. С. 101.
[206] *Григорьев А. П., Григорьев В. П.* Указ. соч. С. 214–215.
[207] *Тизенгаузен В. Г.* Указ. соч. Т. 2. С. 108–109.

[208] *Григорьев А. П.* Золотоордынские ханы 60–70-х годов XIV в.: Хронология правлений. С. 46.

[209] ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 135.

[210] Там же.

[211] Там же.

[212] Там же. Стб. 138.

[213] *Боровков А. К.* Опыт филологического анализа тарханных ярлыков, выданных ханами Золотой Орды русским митрополитам // Известия АН СССР. Сер. лит-ры и языка. 1966. Т. 25. Вып. 1. С. 13–24.

[214] *Ярлыки* татарских ханов московским митрополитам: Краткое собрание // Памятники русского права / Под ред. Л. В. Черепнина. М., 1955. Вып. 3. С. 465–466 (далее — *Зимин*).

[215] *Березин И. Н.* Тарханные ярлыки, данные ханами Золотой Орды русскому духовенству // Оттиск из «Казанских губернских ведомостей». 1852. № 22. С. 3.

[216] *Френ Х. М.* Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды, с монетами разных иных мухаммеданских династий в прибавлении / Пер. с нем. М. Г. Волкова. СПб., 1832. С. 22, № 179.

[217] *Григорьев А. П.* 1) Золотоордынские ханы 60–70-х годов XIV в.: Хронология правлений. С. 43; 2) Шибаниды на золотоордынском престоле. С. 173–174.

[218] *Древнейший* список краткого собрания ярлыков, данных ордынскими ханами русским митрополитам // Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века / Под ред. В. И. Буганова. М., 1987. Вып. 3. С. 585 (далее — *Плигузов*).

[219] ПСРЛ. Пг., 1915. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. С. 319.

[220] *Григорьев А. П.* Золотоордынские ханы 60–70-х годов XIV в.: Хронология правлений. С. 46–47.

[221] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. С. 311.

[222] ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 143–144.

[223] ПСРЛ. СПб., 1897. Т. 11. С. 46–47.

[224] *Татищев В. Н.* История Российская // Татищев В. Н. Собр. соч.: В 8 т. М., 1996. Т. 5. С. 138–139.

[225] *Древнетюркский* словарь. Л., 1969. С. 596.

[226] *Григорьев А. П.* Золотоордынские ханы 60–70-х годов XIV в.: Хронология правлений. С. 42.

[227] *Мухамадиев А. Г.* Указ. соч. С. 97.

[228] *Fraehn Ch. M.* Numi muhammedani, qui in Academiae Imperialis Scientiarum Petropolitanae Museo Asiatico asservantur. Petropoli, 1826. T. 1. P. 106–396.

[229] *Френ Х. М.* Указ. соч. С. 1–35.

[230] *Fraehn Ch. M.* Op. cit. P. 198–199, N 1–7; *Френ Х. М.* Указ. соч. С. 5, № 27, 28.

[231] *Fraehn Ch. M.* Op. cit. P. 203–204, N 12–16; *Френ Х. М.* Указ. соч. С. 5–6. № 29.

[232] *Fraehn Ch. M.* Op. cit. P. 263, N 2, 3; *Френ Х. М.* Указ. соч. С. 15. № 123, 124.

[233] *Fraehn Ch. M.* Op. cit. P. 263–264, N 1, 4–6; *Френ Х. М.* Указ. соч. С. 15, № 121, 122.

[234] *Зимин.* С. 463–491.

[235] *Плигузов*. С. 571–594.
[236] *Зимин*. С. 465–466; *Плигузов*. С. 585–587.
[237] Гл. V. С. 72–115 (далее — Бердибек I).
[238] *Зимин*. С. 465; *Плигузов*. С. 585.
[239] *Бердибек I*. С. 92.
[240] *Бердибек I*. С. 92–98.
[241] *Григорьев А. П., Григорьев В. П.* Указ. соч. (далее — Бердибек II). С. 32–39.
[242] *Бердибек II*. С. 33–34.
[243] *Бердибек I*. С. 94.
[244] *Бердибек I*. С. 94; *Бердибек II*. С. 34.
[245] *Бердибек I*. С. 94.
[246] ДДГ. С. 13, № 3.
[247] *Григорьев А. П.* Обращение в золотоордынских ярлыках XIII–XIV вв. // Востоковедение / Отв. ред. Л. А. Березный, Е. А. Серебряков, С. Е. Яхонтов. Л., 1980. Вып. 7. С. 172–173.
[248] ПСРЛ. Л., 1927. Т. 1. Вып. 2. Стб. 476.
[249] *Древнетюркский* словарь. С. 556.
[250] *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на буквы «В», «Г» и «Д». М., 1980. С. 218.
[251] *Бердибек II*. С. 34.
[252] *Бердибек I*. С. 94–95.
[253] *Бердибек I*. С. 95.
[254] *Бердибек I*. С. 95–96.
[255] *Бердибек I*. С. 96.
[256] *Бердибек II*. С. 36.
[257] *Бердибек I*. С. 96; *Бердибек II*. С. 37.
[258] *Зимин*. С. 465; *Плигузов*. С. 585–586.
[259] *Бердибек I*. С. 98.
[260] *Бердибек I*. С. 98.
[261] *Бердибек I*. С. 98–99.
[262] *Григорьев А. П.* Время составления краткой коллекции ханских ярлыков русским митрополитам. С. 120–121.
[263] *Бердибек I*. С. 99.
[264] *Бердибек I*. С. 99–100.
[265] *Бердибек II*. С. 39–47.
[266] *Григорьев А. П.* Монгольская дипломатика XIII–XV вв.: Чингизидские жалованные грамоты. Л., 1978. С. 71–106.
[267] *Зимин*. С. 465–466; *Плигузов*. С. 586.
[268] *Григорьев А. П.* 1) Пожалование в ярлыке Токтамыша // Востоковедение / Отв. ред. С. Н. Иванов, Ю. М. Осипов. Л., 1981. Вып. 8 (далее — Ярлык Токтамыша). С. 127–129; 2) Пожалование в ярлыке Тимур-Кутлука // Востоковедение / Отв. ред. А. Н. Болдырев, В. Г. Гузев. Л., 1981. Вып. 9 (далее — Ярлык Тимур-Кутлука). С. 124–127; 3) Пожалование в ярлыке Улуг-Мухаммеда // Востоковедение / Отв. ред. Е. А. Серебряков, С. Е. Яхонтов. Л., 1984. Вып. 10 (далее — Ярлык Улуг-Мухаммеда). С. 124–127.
[269] СлРЯ XI–XVIII вв. / Гл. ред. Ф. П. Филин. М., 1982. Вып. 9. С. 181.
[270] *Бердибек I*. С. 100.
[271] *Ярлык* Тимур-Кутлука. С. 127.

[272] *Ярлык* Тимур-Кутлука. С. 125; Ярлык Улуг-Мухаммеда. С. 127.
[273] *Ярлык* Токтамыша. С. 128.
[274] *Бердибек I.* С. 100–101.
[275] *Древнетюркский* словарь. С. 95.
[276] *Ярлык* Токтамыша. С. 128.
[277] *Ярлык* Токтамыша. С. 127.
[278] СлРЯ XI–XVII вв. / Гл. ред. Г. А. Богатова. М., 1989. Вып. 15. С. 62–63.
[279] СлРЯ XI–XVII вв. / Гл. ред. С. Г. Бархударов. М., 1978. Вып. 5. С. 280; Там же / Гл. ред. Г. А. Богатова. М., 1977. Вып. 4. С. 171.
[280] *Ярлык* Тимур-Кутлука. С. 126.
[281] *Древнетюркский* словарь. С. 594.
[282] *Бердибек I.* С. 101.
[283] *Зимин.* С. 466; *Плигузов.* С. 586.
[284] *Бердибек I.* С. 101–102.
[285] *Бердибек I.* С. 102–103.
[286] *Ярлык* Тимур-Кутлука. С. 125.
[287] Гл. I. С. 38; *Бердибек I.* С. 58.
[288] *Зограф И. Т.* Монгольско-китайская интерференция: Язык монгольской канцелярии в Китае. М., 1984. С. 97, 99, 101, 106–107.
[289] *Поппе Н. Н.* Квадратная письменность. М.; Л., 1941. С. 65, 69.
[290] Гл. I. С. 38.
[291] *Бердибек I.* С. 103.
[292] *Ярлык* Тимур-Кутлука. С. 125.
[293] *Григорьев А. П.* «Огороди виногради» в ханских ярлыках русским митрополитам // Вестн. С.-Петербург. ун-та. 1992. Сер. 2. Вып. 1. С. 28–32.
[294] *Ярлык* Тимур-Кутлука. С. 125.
[295] СлРЯ XI–XVII вв. / Гл. ред. С. Г. Бархударов. М., 1975. Вып. 1. С. 70–71.
[296] *Словарь* древнерусского языка (XI–XIV вв.) / Гл. ред. Р. И. Аванесов. М., 1988. Т. 1. С. 105.
[297] *Бердибек I.* С. 102.
[298] *Зограф И. Т.* Указ. соч. С. 105.
[299] *Ярлык* Улуг-Мухаммеда. С. 126.
[300] *Бердибек I.* С. 103.
[301] Гл. III. С. 62.
[302] *Ярлык* Токтамыша. С. 129; *Ярлык* Тимур-Кутлука. С. 125; *Ярлык* Улуг-Мухаммеда. С. 127.
[303] *Бердибек I.* С. 102.
[304] *Зограф И. Т.* Указ. соч. С. 95.
[305] Гл. I. С. 38–39.
[306] Гл. III. С. 62.
[307] *Бердибек I.* С. 102–103.
[308] *Ярлык* Токтамыша. С. 128.
[309] *Ярлык* Тимур-Кутлука. С. 125–126.
[310] *Бердибек I.* С. 103.
[311] *Ярлык* Тимур-Кутлука. С. 126.
[312] *Зограф И. Т.* Указ. соч. С. 95–96.
[313] Там же. С. 97, 99, 101, 105, 109; *Поппе Н. Н.* Указ. соч. С. 65, 69.
[314] Гл. I. С. 42.
[315] *Ярлык* Токтамыша. С. 128; Ярлык Улуг-Мухаммеда. С. 127.

[316] *Зимин.* С. 466; *Плигузов.* С. 586.

[317] *Бердибек II.* С. 55–56.

[318] *Ярлык* Токтамыша. С. 129; Ярлык Улуг-Мухаммеда. С. 127.

[319] *Бердибек I.* С. 104.

[320] *Ярлык* Токтамыша. С. 129.

[321] *Бердибек I.* С. 105–106.

[322] *Бердибек I.* С. 107–108.

[323] *Бердибек I.* С. 108.

[324] *Ярлык* Токтамыша. С. 129; *Ярлык* Тимур-Кутлука. С. 127; *Ярлык* Улуг-Мухаммеда. С. 127.

[325] *Зимин.* С. 466; *Плигузов.* С. 586–587.

[326] *Григорьев А. П.* К реконструкции текстов золотоордынских ярлыков XIII–XIV вв. С. 22–26, 35–38.

[327] *Бердибек I.* С. 108–109; *Бердибек II.* С. 59–60.

[328] *Григорьев А. П., Григорьев В. П.* Указ. соч. С. 112–113.

[329] *Бердибек I.* С. 111–112.

[330] ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 128.

[331] Там же. Стб. 129.

[332] *Прохоров Г. М.* Киприан // Словарь книжников и книжности Древней Руси: Вторая половина XIV–XVI в. Л., 1988. Ч. 1. С. 464–467.

Итоги анализа документов сборника

[1] *Ярлыки* татарских ханов московским митрополитам: Краткое собрание // Памятники русского права / Под ред. Л. В. Черепнина. М., 1955. Вып. 3 (далее — Зимин). С. 467–468; *Древнейший* список краткого собрания ярлыков, данных ордынскими ханами русским митрополитам // Русский феодальный архив XIV — первой половины XVI века / Под ред. А. И. Буганова. М., 1987. Вып. 3 (далее — Плигузов). С. 588–589.

[2] Гл. I. С. 15–44.

[3] *Григорьев А. П., Григорьев В. П.* Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции: Источниковедческое исследование. СПб., 2001.

[4] Гл. I. С. 28.

[5] *Добродомов И. Г.* Туска: Об одном гапаксе Новгородской первой летописи // 90 лет Н. А. Баскакову: Н. А. Баскакову от коллег и учеников. М., 1996. С. 75–78.

[6] Гл. VI. С. 125.

[7] *Зимин.* С. 466–467; *Плигузов.* С. 587.

[8] *Плигузов.* С. 587.

[9] *Григорьев А. П.* 1) Время составления краткой коллекции ханских ярлыков русским митрополитам // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки / Отв. ред. Г. Я. Смолин. Л., 1985. Вып. 8. С. 119–125; *Григорьев А. П.* Проезжая грамота Тайдулы от 1347 г.: Реконструкция содержания // Вестн. Ленингр. ун-та. 1990. Сер. 2. Вып. 3. С. 37–44.

[10] *Полное* собрание русских летописей (ПСРЛ). СПб., 1913. Т. 18. С. 89.

[11] Гл. V. С. 72–115.

[12] *Григорьев А. П., Григорьев В. П.* Указ. соч. С. 122–167.

[13] *Münküyev N. Ts.* A new Mongolian p'ai-tzŭ from Simferopol // Acta orientalia Acad. Scientiarum Hungaricae. Budapest, 1977. T. 31. Fasc. 2. P. 185–215.

[14] *Зимин.* С. 468–469; *Плигузов.* С. 589–591.

[15] Гл. III. С. 57–66.

[16] Там же. С. 59–60.

[17] Там же. С. 60–62.

[18] Там же. С. 62.

[19] Там же. С. 62–63.

[20] ПСРЛ. Пг., 1922. Т. 15. Вып. 1. Стб. 61.

[21] Гл. III. С. 57.

[22] *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 61, 131.

[23] Гл. VI. С. 141.

[24] *Зимин.* С. 470; *Плигузов.* С. 593.

[25] Гл. IV. С. 68–71.

[26] *Зимин.* С. 469–470; *Плигузов.* С. 591–592.

[27] Гл. V. С. 88–115.

[28] Гл. VI. С. 181–202.

[29] Гл. V. С. 88–98.

[30] Там же. С. 98–100.

[31] Там же. С. 100–102.

[32] Там же. С. 102–103.

[33] Там же. С. 103–108.

[34] Там же. С. 108–114.

[35] *Зимин.* С. 465–466; *Плигузов.* С. 585–587.

[36] Гл. VI. С. 181–202.

[37] *Евстратов И. В.* О золотоордынских городах, находившихся на местах Селитренного и Царевского городищ: Опыт использования монетного материала для локализации средневековых городов Поволжья // Эпоха бронзы и ранний железный век древних племен южнорусских степей: Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения П. Д. Рау (1897–1997) / Отв. ред. И. И. Дремов. Саратов, 1997. Ч. 2. С. 88–118.

[38] Там же. С. 88–95.

[39] Там же. С. 95–98

[40] Там же. С. 98–99.

[41] *Мухамадиев А. Г.* Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. М., 1983. С. 21–23.

[42] *Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985. С. 114.

[43] *Федоров-Давыдов Г. А.* Золотоордынские города Поволжья. М., 1994. С. 23.

[44] *Григорьев А. П.* Шибаниды на золотоордынском престоле // Востоковедение / Отв. ред. В. Б. Касевич, Ю. М. Осипов. Л., 1985. Вып. 11. С. 172.

[45] Гл. VI. С. 122–125.

[46] *Евстратов И. В.* Указ. соч. С. 98–101.

[47] Там же. С. 101–103.

[48] Там же. С. 116–118.

[49] *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. 1. С. 254 (текст), 263 (перевод).

[50] *Евстратов И. В.* Указ. соч. С. 89, 103.

[51] *Тизенгаузен В. Г.* Указ. соч. С. 463.

[52] Там же. С. 460.

[53] *Евстратов И. В.* Указ. соч. С. 89–90.

[54] *Салищев К. А.* Основы картоведения: Часть историческая и картографические материалы. М., 1948. С. 56.

[55] *Чекалин Ф. Ф.* 1) Саратовское Поволжье в XIV в. по картам того времени и археологическим данным // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Саратов, 1889. Т. 2. Вып. 1. С. 19–20; 2) *Нижнее* Поволжье по карте космографа XV в. Фра Мауро // Там же. Саратов, 1890. Т. 2. С. 248–249.

[56] *Чекалин Ф. Ф.* Нижнее Поволжье на карте космографа XV в. Фра Мауро. С. 247.

[57] *Евстратов И. В.* Указ. соч. С. 90–91.

[58] *Егоров В. Л.* Указ. соч. С. 130–139.

[59] *Материалы* для историко-географического атласа России. СПб., 1871.

[60] *Салищев К. А.* Указ. соч. С. 58. Рис. 25б.

[61] *Багров Л. С.* История географической карты: Очерк и указатель литературы. Пг., 1917. С. 16–17. Рис. 24.

[62] *Евстратов И. В.* Указ. соч. С. 116–118.

[63] Там же. С. 106.

[64] *Григорьев А. П., Григорьев В. П.* Указ. соч. С. 78–121.

[65] Гл. IV. С. 67–71.

[66] *Григорьев А. П., Григорьев В. П.* Указ. соч. С. 168–179, 180–184.

[67] Там же. С. 152–154.

[68] Гл. VI. С. 126.

[69] *Григорьев А. П., Григорьев В. П.* Указ. соч. С. 204–217.

[70] Там же. С. 208–209.

[71] Там же. С. 209–214.

[72] *Евстратов И. В.* Указ. соч. С. 117.

[73] *Григорьев А. П., Григорьев В. П.* Указ. соч. С. 196–203.

[74] Там же. С. 199.

[75] *Серебренников Б. А., Гаджиева Н. З.* Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М., 1986. С. 261.

[76] *Евстратов И. В.* Указ. соч. С. 112.

[77] Там же. С. 104.

[78] *Федоров-Давыдов Г. А.* Клад серебряных джучидских монет с Селитренного городища // Нумизматика и эпиграфика / Отв. ред. Д. Б. Шелов. М., 1980. Т. 13. С. 69. Табл. IV, № 301.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абага, ильхан Ирана 19
Абдулла, джучид (батуид), хан 21, 90, 145, 147–150, 153–156, 161, 178, 180, 186, 204, 205, 210
Абулфадл Рашидаддин, персидский историк 18, 26
Абусаид, ильхан Ирана 109
Азиз см. Азиз-шейх
Азиз-шейх, джучид (ордуид), хан 146, 150, 154, 185, 186, 204, 205, 226
Ак-Суфи, правитель Хорезмского тюмена 162
Ак-ходжа, сановник при Джанибеке 65, 66
Акъхочя см. Ак-ходжа
Александр Васильевич, суздальский князь 77, 80
Александр Константинович, ростовский князь 165
Александр Михайлович, тверской князь 46, 76, 85, 130, 148, 208
Александр Михайлович Ордынец, кашинский князь 135
Александр Ярославич Невский, тверской князь 8–11, 20, 74
Александра, жена Ивана Ивановича Красного 118, 139
Алексеи см. Алексий
Алексей Петрович Хвост Босоволков, московский тысяцкий 120, 128
Алексий, русский митрополит 36, 40, 56, 57, 67–72, 74–88, 98, 100, 101, 103, 105, 106, 108, 113–115, 121, 122, 129–131, 135, 138, 139, 146–152, 154, 155, 157–159, 164, 165, 167, 168, 171–173, 181, 186, 200, 203, 209, 212, 213, 224
Алексий, суздальский епископ 148
Амраган, владимирский великий даруга 24
Анастасия, жена Александра Михайловича 148, 152
Андреа Дандоло, дож Венеции 56
Андрей, даруга Кременца 24
Андрей Александрович, зубцовский князь 153
Андрей Иванович, серпуховский князь 67, 78, 118–121
Андрей Константинович, нижегородский князь 85, 142
Андрей Ольгердович, полоцкий князь 160, 177
Андрей Федорович, ростовский князь 165
Андрей Федорович, стародубский князь 165
Андрей Ярославич, суздальский князь 8, 9, 11
Анна (или Мария), жена Дмитрия Михайловича Боброка Волынского 119
Ануширван-хатун, жена Тенибека 45
Арабшах, джучид (шибанид), хан 170, 171, 176, 204, 205

Аригбуга, чингисид, великий хан 11, 12, 17, 18
Арсений, византийский патриарх 13
Афанасий, волынский епископ 127
Ахиджук, правитель Южного Азербайджана 129
Ахмат, курский даруга 24, 26
Ахмат, ордынский родовой князь 144
Аюрбарибада, чингисид, великий хан 191

Багров Лев Семенович, российский историк 220, 221
Баиши, посланец Менгу-Тимура 20
Бака, джучид, отец Мухаммеда 156
Баков сын см. Мухаммед
Бату, сын Джучи, хан 8, 9, 17, 18, 24, 41, 74, 75, 140, 204
Батый см. Бату
Бахрушин Сергей Владимирович, российский историк 75
Баялун, жена Узбека 45
Бегич, ордынский военачальник 174, 175
Бегичка см. Бегич
Бейбарс I, мамлюкский султан 12–14
Беклемишев Никита Васильевич, посол Ивана III 22
Бенедикт XII, папа 46
Бердебек см. Бердибек
Бердибек, джучид (батуид), хан 21–23, 25, 26, 28, 30–36, 38–40, 42, 43, 57–60, 62, 63, 65, 68, 72–75, 79, 87–90, 92–98, 104–116, 129–135, 137–139, 144, 145, 181, 182, 184–193, 196–198, 200, 201, 204, 209, 212–214, 224, 225
Березин Илья Николаевич, российский востоковед 5, 26, 178
Берке, сын Джучи, хан 11–15, 18, 19, 41, 140, 183, 218
Боброк Волынский см. Дмитрий Михайлович Боброк Волынский
Борис Давыдович, дмитровский князь 113
Борис Константинович, нижегородский князь 85, 148, 151, 156, 165, 171
Боровков Александр Константинович, российский востоковед 114, 177, 178
Босоволков А. П. см. Алексей Петрович Хвост Босоволков
Босоволковы, московский боярский род 120
Булат-Тимур, правитель Булгара 146, 156
Бюлек см. Мухаммед Бюлек
Бюлек, тюркское имя 180
Бюлекбек см. Мухаммед Бюлек

Василий, рязанский епископ 85
Василий, тверской епископ 154, 157
Василий Васильевич, ярославский князь 165
Василий Васильевич Вельяминов, московский тысяцкий 120, 121, 128, 130, 159, 164, 165
Василий Дмитриевич, московский князь 26, 33, 34, 40, 160
Василий Дмитриевич Кирдяпа, городецкий князь 150, 156, 164–166, 169
Василий Константинович, ростовский князь 165
Василий Михайлович, кашинский князь 135, 161, 165
Василий Михайлович, тверской князь 85, 123, 130, 131, 136, 146, 152–155
Василий Окатьевич, московский боярин 121
Василий Ярославич, костромской князь 20
Василиса Семеновна, жена Михаила Васильевича 138
Василько Романович, владимиро-волынский князь 9
Ватац см. Иоанн III Дука Ватац
Вельяминов В. В. см. Василий Васильевич Вельяминов
Вельяминовы, московский боярский род 120, 165
Веселовский Николай Иванович, российский востоковед 111, 216
Весконте П., генуэзский картограф 220
Владимир Александрович, зубцовский князь 153

Владимир Андреевич, серпуховский князь 78, 121, 138, 139, 147, 151, 152, 155, 157–161, 165, 166, 177
Владимир (Олелько) Ольгердович, киевский князь 148, 168
Владимир Ярославич, пронский князь 158, 160, 161, 174
Всеволод Александрович, тверской князь 85, 131, 136, 153

Георгий Пердика, доверенное лицо патриарха Филофея 83, 168
Голубинский Евгений Евстигнеевич, российский историк 56
Григора Никифор, византийский историк 56
Григорьев Вадим Павлович, российский филолог-романист 72, 206, 227
Григорьев Василий Васильевич, российский востоковед 16, 216
Гуюк, чингисид, великий хан 17

Даниил Александрович, московский князь 75, 76
Даниил Дмитриевич, сын Дмитрия Ивановича Донского 160
Даниил Пронский, князь 174
Даниил Романович, галицко-волынский князь 9–11
Даудбуга, сановник при Джанибеке 65, 66
Джанибек, джучид (батуид), хан 36, 45–48, 52, 55–61, 64, 65, 68–72, 75, 79, 80, 85–89, 92–96, 98, 100, 104, 105, 109, 112, 113, 115, 118, 119, 121–123, 128–131, 137, 144, 146, 200, 204, 208, 213–215, 224
Джанука, правитель Азакского тюмена 175
Джарук, вождь монгольского рода кунграт 113
Джехангир, сын Тимура 162, 163
Джучи, сын Чингис-хана, хан 17–19, 25, 74, 132, 140, 141, 161–163, 204, 211
Дионисий, нижегородский епископ 164, 203
Дмитр Ейкович, наместник Киева 9
Дмитрий см. Михаил
Дмитрий Александрович Всеволож, московский боярин 159
Дмитрий Иванович Донской, московский князь 78, 117, 118, 121, 122, 127, 132, 138, 139, 142, 143, 146, 147, 149–155, 157–161, 163–169, 171–179, 203, 204, 210–212, 214, 224
Дмитрий Константинович см. Дмитрий-Фома Константинович
Дмитрий Константинович Ноготь, суздальский князь 165
Дмитрий Михайлович, тверской князь 76, 123, 130, 208
Дмитрий Михайлович Боброк Волынский, сын Михаила (Кориата) Гедиминовича 119, 159, 160, 169, 177
Дмитрий Ольгердович, трубчевский князь 177
Дмитрий-Фома Константинович, нижегородский князь 85, 142, 143, 146–148, 150–152, 156, 164, 165, 169–172
Добродомов Игорь Георгиевич, российский лексиколог 207
Дульцерт Далорто, итальянский картограф 220
Дченебек см. Джанибек
Дченибек см. Джанибек

Евдокия, жена Константина Михайловича 135, 152
Евдокия, жена Михаила Александровича 135, 137
Евдокия Дмитриевна, жена Дмитрия Ивановича Донского 152
Евстратов Иван Владимирович, волгоградский краевед 215–220, 224
Евфимий, тверской епископ 164, 167
Егоров Вадим Леонидович, российский археолог 216
Едигей, вождь монгольского рода мангыт 25
Елена, жена Ивана Даниловича Калиты 119
Елена Константиновна, жена Михаила Александровича 132, 135, 137
Елена Ольгердовна, жена Владимира Андреевича 158, 160
Еремей Константинович, клинский князь 153–155

Есюн-Темюр, чингисид, великий хан 192

Жанибек см. Джанибек

аз-Захаби, арабский историк 19
Зденибек см. Джанибек
Зимин Александр Александрович, российский историк 4, 5, 73, 89, 98, 101, 104, 109, 138, 178, 181, 185, 188, 190, 195, 199, 200

Ибн Абд аз-Захир, арабский историк 13
Ибн Арабшах, арабский историк 218
Ибн Баттута, арабский путешественник 45, 46
Ибн Халдун, арабский историк 132, 163
Иван, ростовский епископ 85
Иван, сын Кулпы 133–135
Иван Андреевич, серпуховский князь 138
Иван Васильевич, смоленский князь 166
Иван Васильевич, сын Василия Васильевича Вельяминова 159, 166, 174, 177
Иван III Васильевич, московский великий князь 160
Иван Всеволодович, холмский князь 153
Иван Данилович Калита, московский князь 48, 56, 60, 76, 77, 80, 113, 119, 121, 139, 208
Иван Дмитриевич, сын Дмитрия-Фомы Константиновича 169, 170
Иван Иванович, сын Ивана Ивановича Красного 139, 147, 151
Иван Иванович Красный, московский князь 67, 68, 78, 79, 82, 85, 86, 88, 118–122, 125–128, 130–135, 137–139, 143, 212, 213
Иван Калита см. Иван Данилович Калита
Иван Михайлович, серпуховский боярин 121, 159
Иван Михайлович, тверской князь 135, 137, 158, 161, 164, 167
Иван Родионович Квашня, московский боярин 165
Иван Семенович, сын Семена Ивановича Гордого 78, 121
Иван Тарусский, князь 166
Иван Федорович Воронцов-Вельяминов, московский боярин 159, 165
Игнатий, ростовский епископ 85
Ильяс, беглербек при Мюриде 124, 145, 146, 148, 149
Ильяс, сын Кутлугбуги 153
Иоан см. Иоанн
Иоанн, сарайский епископ 45, 47, 49, 52, 67, 88, 208, 209, 212
Иоанн Докиан, доверенное лицо патриарха Филофея 168
Иоанн III Дука Ватац, византийский император 10
Иоанн V Палеолог, византийский император 84
Иоанн VI Кантакузин, византийский император 56, 82, 84, 212
Иоанн Царегородец см. Иоанн
Иона, русский митрополит 22, 47
Иса, беглербек при Узбеке 46, 58, 65
Иса-гурген см. Иса
Иткара, посланец Бердибека 88

Каганбек, джучид (шибанид), хан 169–171, 204, 205
Каллист, византийский патриарх 84, 86
Кантакузин см. Иоанн VI Кантакузин
Карапчии см. Харабчи
Каштанов Сергей Михайлович, российский историк 4
Кейстут, литовский великий князь 160, 167
Кельдибек, самозванец, хан 21, 144–146, 204, 205
Киприан, русский митрополит 26, 33, 34, 40, 168, 172–174, 203, 204, 207
Кирилл, ростовский епископ 11
Кирилл, русский митрополит 7, 9–11, 14, 15, 20, 41, 74, 206
Клюг Эккехард, немецкий историк 136

Ключевский Василий Осипович, российский историк 75
Кога, ордынский родовой князь 144
Константин Васильевич, нижегородский князь 80, 85, 122, 132, 135
Константин Михайлович, тверской князь 131, 135, 152
Константин Ярославич, галицкий и дмитровский князь 11
Кончак (Кунчек, по крещении Агафья), жена Юрия Даниловича 76
Кориат (Михаил), сын Гедимина 159
Кулпа, джучид (батуид), хан 75, 87, 132–137, 141, 142, 204, 225
Кутлубугаи см. Кутлугбуга
Кутлугбуга, правитель Крымского тюмена 108, 112, 113, 115, 123, 124, 145–147, 150, 153, 201, 224, 225
Кутлуг-Тимур, беглербек при Узбеке 45
Кучкин Владимир Андреевич, российский историк 117, 171

Лихачев Дмитрий Сергеевич, российский литературовед 75

Максим, русский митрополит 75, 76, 82
Малик ан-Насир, мамлюкский султан 46
Мамай, сын Кутлугбуги 25, 145–148, 150, 153, 154, 156, 157, 159, 161–183, 185, 186, 201–205, 225, 226
Маматъ Солтанъ см. Мухаммед Бюлек
Мангала, сын Хубилая 24
Мануил II, византийский патриарх 10
Мария Александровна, жена Семена Ивановича Гордого 121, 138
Мария (Микловса) Кейстутовна, жена Ивана Михайловича 167
Махматъ Солтанъ см. Мухаммед Бюлек
Махмуд Кашгарский, составитель словаря тюркских языков 28
Махмутек, казанский хан 22
Мелик-Ашреф, вождь монгольского рода сулдуз 128
Менгли-Гирей, крымский хан 22
Менгутемерь см. Менгу-Тимур
Менгу-Тимур, джучид (батуид), хан 4, 7, 8, 14–44, 46, 69, 90, 92, 98, 191, 193, 195, 196, 206, 213, 214
Милей, даруга Бакоты 24
Мир-Пулад, джучид (ордуид), хан 147, 149, 150, 204, 205
Митрофан, сарайский епископ 11, 14
Митяй см. Михаил
Михаил, русский нареченный митрополит 47, 116, 117, 149, 167, 168, 171–174, 185–189, 195, 197, 198, 200–204, 213, 214
Михаил, сын Кулпы 133–135
Михаил IV Авториан, византийский патриарх 10
Михаил Александрович, тверской князь 85, 132, 135–140, 142, 148, 152–155, 157–161, 164–167, 177
Михаил Александрович, тесть Василия Васильевича Вельяминова 121, 128
Михаил Васильевич, кашинский князь 160, 161
Михаил VIII Палеолог, византийский император 13, 14
Михаил Ярославич, тверской князь 21, 76, 130
Михаило см. Михаил
Могулбуга, беглербек при Джанибеке и Бердибеке 25, 68, 70, 89, 92, 94, 97, 108, 111, 113–115, 123, 124, 127, 142, 144, 145, 149, 150, 162, 224
Моисей, новгородский архиепископ 83
Муалбоуга см. Могулбуга
Муалбуга см. Могулбуга
Муалгоуга см. Могулбуга
Мубарек-ходжа, джучид (ордуид), правитель Синей Орды 141
Мувалбога см. Могулбуга
Муинеддин Натанзи, персидский историк 140, 142–144, 149, 162
Мунке (Менгу), чингисид, великий хан 17, 18
Мункуев Николай Цырендоржиевич, российский востоковед 43
Мурат см. Мюрид
Мустасим, аббасидский халиф 12

Мухамадиев Азгар Гатауллович, российский археолог 122, 123, 180, 216
Мухаммед, джучид, родственник Мухаммеда Бюлека 156, 157, 169, 170
Мухаммед Бюлек, джучид (батуид), хан 22, 23, 25, 26, 28, 30, 35, 57–60, 62, 63, 73, 101–104, 106, 108–110, 112, 116, 149, 156, 158, 159, 161, 163, 166–169, 172–174, 177–186, 188, 189, 191–193, 195, 197–202, 204, 205, 213, 214
Мухаммед-ходжа, сын Бердибека 132, 133, 139
Мухтар, сановник при Джанибеке 65, 66
Мюрид, джучид (ордуид), хан 123, 124, 143–150, 154, 204, 205, 226

Навроус см. Навруз
Навруз, джучид (батуид), хан 87, 132–134, 141, 142, 181, 204, 225
Наврузбек см. Навруз
Нангудай, правитель Хорезмского тюмена 113, 144, 162
ан-Насир Насир ад-дин Мухаммад, мамлюкский султан 217
Натанзи см. Муинеддин Натанзи
Невский см. Александр Ярославич Невский
Некомат Сурожанин, московский купец 166
Низамеддин Шами, персидский историк 140, 162, 175
Никола, святой 157, 167
Новиков Николай Иванович, российский просветитель, издатель 5

Огрофена (Агриппина), жена Бориса Константиновича 85
Олег Иванович, рязанский великий князь 78, 82, 160, 161, 167, 174, 176, 177
Ольгерд, литовский великий князь 81, 84–87, 126, 127, 131, 136–138, 148, 153, 155, 157–160, 164, 167, 168, 173, 177
Онанья, серпуховский боярин 121
Орда, сын Джучи 140, 141, 161, 162, 204, 205
Орда-мелик см. Орда-шейх
Орда-шейх, джучид (ордуид), хан 143, 144, 147, 204
Ордуджа см. Ордуча
Ордуча, жена Узбека 46
Орхан, турецкий султан 56
Оурдак см. Ургудак

Парфений, брянский епископ 148
Пердика см. Георгий Пердика
Петр, русский митрополит 75–77, 82, 120, 208
Петр, святой 158
Пимен, русский митрополит 81, 204
Пицигани, Франческо и Доменико, итальянские картографы 219, 220
Плигузов Александр Иванович, российский историк 73, 89, 94, 98, 101, 104, 109, 114, 178, 180, 181, 185, 188, 190, 195, 199, 200
Поппе Николай Иванович, российский востоковед 91
Пресняков Александр Евгеньевич, российский историк 75
Приселков Михаил Дмитриевич, российский историк 5
Прохор, ростовский епископ 77
Прохоров Гелиан Михайлович, российский литературовед 55, 67, 79, 116
Птолемей Клавдий, греческий математик, астроном и картограф 219
Пулад-ходжа см. Мир-Пулад

Рамадан, правитель Крымского тюмена 224
Рашидаддин см. Абулфадл Рашидаддин
Роман, русский митрополит 84–86, 127, 128, 135, 138, 147
Роман Брянский, князь 166
Роман Васильевич, ярославский князь 165
Роман Данилович, сын Даниила Романовича 10
Роман Новосильский, князь 166
Руи Гонсалес де Клавихо, испанский посол к Тимуру 113

Салищев Константин Алексеевич, российский географ-картограф 220

Салтан Баков сын см. Мухаммед
Сантарем Мануэл, португальский картограф 219
Санудо Марино старший, венецианский историк и картограф 220
Сараи см. Сарай-Тимур
Сарайка, посланец Мамая 165, 175
Сарай-Тимур, везир при Бердибеке 108, 111, 113, 115, 144
Сартак, джучид (батуид), хан 18, 41
Сары-ходжа, посланец Мухаммеда Бюлека 157, 158
Святослав Всеволодович, юрьевский князь 8
Святослав Иванович, смоленский князь 157
Севинчбуга, сановник при Узбеке 123, 124, 145
Севинч-Тимур-бахши, писец канцелярии Бердибека 108, 112, 114, 115
Севюнч-Темюр см. Севинч-Тимур-бахши
Семен см. Семен Иванович Гордый
Семен Гордый см. Семен Иванович Гордый
Семен Дмитриевич, суздальский князь 164, 165, 171
Семен Иванович, оболенский князь 166
Семен Иванович Гордый, московский князь 47, 48, 52, 54, 56, 57, 67, 76, 78, 80, 118–121, 128, 138, 182, 208, 210, 212
Семен Константинович, клинский князь 153–155
Семен Семенович, сын Семена Ивановича Гордого 78, 121
Сергий Радонежский, игумен Троицкого монастыря 127, 165, 173, 203
Сеунчь Темурь мюрь бакшии см. Севинч-Тимур-бахши
Симеон см. Алексий
Симеон см. Семен Иванович Гордый
Скрынникова Татьяна Дмитриевна, российский востоковед 90–92
Смирнов Василий Дмитриевич, российский востоковед 183
Соколов Платон Петрович, российский историк 5, 56, 79
Софья, жена Всеволода Александровича 153
Союнбек, дочь Ак-Суфи 162, 163
Султанов Турсун Икрамович, российский востоковед 140

Тагай, правитель Наручади 146
Таидула см. Тайдула
Тайдула, жена Узбека 4, 23, 25, 26, 30–33, 35, 36, 38–40, 42, 43, 45–53, 55–65, 67–70, 80, 82, 86–88, 93, 112, 123–127, 129–132, 137, 142, 150, 193, 208–213, 216, 224, 225
Таоббога см. Даудбуга
Таотбога см. Даудбуга
Татищев Василий Никитич, российский историк 179
Тевеккель, ордынский родовой князь 146
Теляк см. Мухаммед Бюлек
Темир ходчя см. Тимур-ходжа
Тенибек, сын Узбека 45, 46
Тимофей Васильевич Вельяминов, московский боярин 165, 174
Тимур, основатель династии тимуридов 113, 162, 163, 175, 205, 218
Тимур-Кутлук, джучид (тука-тимурид), хан 23, 25, 26, 33–35, 97, 188, 189
Тимур-ходжа, джучид (ордуид), хан 144, 145, 204
Тимур-ходжа, сын Могулбуги 70, 71, 127
Тихомиров Михаил Николаевич, российский историк 75
Тоглубай, вождь монгольского рода бахрин 87, 129, 144, 146
Тоглунбек, жена Токтамыша 178
Токта, джучид (батуид), хан 21, 90, 126, 180, 181
Токтамыш, джучид (тука-тимурид), хан 23, 26, 42, 43, 97, 105, 163, 175–179, 188, 189, 195, 197, 204, 205, 211, 217
Токтогу см. Токта
Токтубек см. Токта
Туй-ходжа, джучид (тука-тимурид), правитель Мангышлака 211

Тука-Тимур, сын Джучи 141, 162, 204, 211
Тулуй, сын Чингис-хана 17
Тулунбек см. Мухаммед Бюлек
Тулунбек см. Тоглунбек
Тулякбек см. Мухаммед Бюлек
Тюлек, тюркское имя 180
Тюлекбек см. Мухаммед Бюлек
Тюлюбяк см. Мухаммед Бюлек
Тюляк см. Мухаммед Бюлек
Тюлякбек см. Мухаммед Бюлек

Угедей, сын Чингис-хана, великий хан 17, 18, 26
Узбек, джучид (батуид), хан 5, 21, 45, 46, 49, 52, 53, 55, 57–59, 65, 68, 72, 76–78, 87, 89, 90, 92, 93, 95, 97, 98, 109, 113, 121, 123, 125, 126, 141, 162, 208, 209, 217, 218, 224
Улагчи, джучид (батуид), хан 18, 41
Улуг-Мухаммед, джучид (тука-тимурид), хан 26, 33, 39, 42, 43, 105, 188, 189, 195
Ульяна, жена Ивана Даниловича Калиты 119
Ульяна Александровна, жена Ольгерда 84, 127, 131, 137, 148
Урбан IV, папа 13
Ургудак, джучид (тука-тимурид), правитель части Белой Орды 57, 211, 212
Урузбуга см. Урусбуга
Урус, джучид (ордуид), хан 162–168, 175, 204, 205
Урусбуга, правитель Бездежского тюмена 123, 124, 145, 150
Усяин см. Хусейн-Суфи

Фегност см. Феогност
Федор Андреевич Свибл, московский боярин 165, 171
Федор Бяконт, московский боярин 76, 121
Федор Васильевич Воронец Вельяминов, московский боярин 121
Федор Можайский, князь 165
Федор Романович, белозерский князь 165
Федоров-Давыдов Герман Алексеевич, российский археолог 216
Феогност, русский митрополит 31, 36, 40, 49, 54–57, 59, 60, 63, 65–67, 75, 77–80, 82, 93, 115, 120–122, 132, 208, 210–212
Феогност, сарайский епископ 14
Феодор, московский архимандрит 77
Феодор, тверской епископ 131, 135
Феодор Симоновский, племянник Сергия Радонежского 173
Феодорит, русский митрополит 81, 83, 84
Феодосия, жена Ивана Ивановича Красного 118
Феофилактий, смоленский епископ 86
Филофей, византийский патриарх 82–84, 127, 168
Фотий, русский митрополит 39
Фра Мауро, венецианский картограф 219–223
Френ Х. М. см. Френ Христиан Данилович
Френ Христиан Данилович, российский востоковед 178, 180, 216

Хаджи-ходжа, посланец Мухаммеда Бюлека 156, 166
Хайду, чингисид 18
Хайсан сын Дармабалы, будущий великий хан Хайсан Кулуг 25
Халифа, джучид (ордуид), хан 143, 144, 204
Харабчи, сановник при Джанибеке 65, 66
Харабчи-бахши см. Харабчи
Харунбек, сын Кутлуг-Тимура 45
Хасан, правитель Булгара 146, 156, 169, 170
Хасан Бузург, основатель династии джелаиридов 45
Хидырь см. Хызр
Хорошев Александр Степанович, российский историк 75
Хубилай, чингисид, великий хан 11, 12, 17, 18, 24, 25, 193, 195
Хулагу, ильхан Ирана 11–13, 19
Хусамеддин Махмуд Диван, везир при Джанибеке 95

Хусейн-Суфи, правитель Хорезмского тюмена 108, 111, 113, 115, 162
Хызр, джучид (ордуид), хан 87, 132, 134, 142–145, 204, 215, 225, 226
Хызрбек, сын Узбека 46

Цыбульский Владимир Васильевич, российский востоковед 111

Чагатай, сын Чингис-хана 17, 18, 162
Чанибек см. Джанибек
Чевгу, посланец Менгу-Тимура 20
Чекалин Федор Федорович, саратовский краевед 219
Ченгизь царь — см. Чингис-хан
Ченибек см. Джанибек
Черепнин Лев Владимирович, российский историк 75, 138
Чимтай, джучид (ордуид), правитель Синей орды 141–143, 162
Чингиз царь см. Чингис-хан
Чингис-хан, основатель Монгольской империи 17, 30–33, 36, 41, 44, 58, 59, 68, 74, 89, 91, 98, 99, 114, 140, 162, 183, 185–187, 196, 201, 207, 209
Чингис царь см. Чингис-хан

Шами см. Низамеддин Шами
Шейх-Увейс, джелаирид 45
Шибан, сын Джучи 141, 163, 204

Эльбек, джучид, отец Каганбека 163, 169, 205

Юрий Всеволодович, холмский князь 153
Юрий Данилович, московский князь 76, 77
Юрий Дмитриевич, московский князь 165
Юсуф-Суфи, правитель Хорезмского тюмена 162, 163

Ягайло, литовский великий князь 173
Ягалтаи см. Ягалтай
Ягалтай, везир при Джанибеке 108, 111–113, 115
Яглыбай, беглербек при Кельдибеке 144, 146
Ярослав Всеволодович, переяславский князь 8
Ярослав Ярославич, тверской князь 19–22, 206

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Авиньон 46
Азак 72, 81, 87, 88, 113, 126, 127, 132, 134, 137, 144, 150, 181, 210, 221, 224
Азакский тюмен 150, 175
Азербайджан 12, 128, 129
Азия 52, 111
Азов см. Азак
Азовский тюмен см. Азакский тюмен
Азовское море 81, 124
Амасра 81
Англия 54
Астраханский уезд 111
Астрахань см. Хаджитархан
Афон 84
Ахтуба 143, 161, 176, 210, 217, 222, 224

Багдад 12
Бакота 24
Бездеж 54, 124–126, 142, 145, 149
Бездежский тюмен 125, 127, 146
Белая орда 141, 205, 211
Белгородок (Белый Городок) 153–155
Белев 138
Бельджамен см. Бездеж
Березовое поле 172
Болгария 83, 84, 172
Большая орда 22
Большой Сарай 219, 222
Босфор 10, 81, 203
Брянск 86, 138
Булгар 19, 70, 80, 122, 146, 149, 156, 157, 169–171, 216
Булгарское городище 215–217
Бухара 222

Веколуз см. Великий Луг
Великая Ворона 82
Великая Русь 168
Великий Луг 147, 148, 199–202, 214
Великий Новгород 8–11, 20, 26, 27, 54, 77, 83, 151, 152, 154, 161, 166
Великий улус см. Золотая Орда
Великое княжество Литовское и Русское 83–86, 131, 137, 153–155, 157, 160, 166, 167, 177
Венецианская республика 219
Венеция 56, 72, 112, 206, 219
Верховские княжества 149
Византийская империя см. Византия
Византийское государство см. Византия
Византия 9, 10, 12–14, 54, 57, 68, 78, 79, 81–84, 121, 126–128, 203, 211, 212
Владимир см. Владимир на Клязьме
Владимир на Клязьме 9–11, 27, 36, 60, 62, 65, 76–80, 82, 83, 98, 100, 101, 114, 119, 122, 123, 127, 128, 131, 132, 135, 137, 138, 140, 142, 143, 147, 148, 150, 151, 157, 158, 170, 173, 185, 188, 211–213
Владимирское великое княжество 8, 11, 68, 74, 75, 77, 84–86, 118, 119, 122, 126, 127, 130, 132, 134, 141, 143, 147, 149, 151, 160, 164, 165, 173
Владимирское княжество — см. Владимирское великое княжество

Вожа 174–176
Волга 122–125, 130, 140, 141, 144–147, 149–151, 153, 156, 169, 170, 176, 204, 208, 211, 212, 216, 219, 221, 222
Волжьское царство см. Золотая Орда
Володимер см. Владимир на Клязьме
Волок Ламский (Волоколамск) 157
Волчья 170
Волынь 76
Воронеж река 82
Восток 13
Восточное Средиземноморье 13

Галата 203
Галицко-Волынская Русь 10
Генуя 13, 56
Германия 54
Главная Ставка см. Сарай
Городец 151, 164, 172
Городецкое княжество 80
Греки см. Византия
Грузия 12
Гулистан см. Гюлистан
Гурьев 143
Гюлистан 70, 71, 80, 87, 122, 126, 132, 147, 212, 216, 217, 222, 224–226
Гюлистан лис-Сарай см. Гюлистан
Гюлистан-Равностоличный см. Гюлистан
Гюлистан-Сарай см. Гюлистан
Гюлистан-сарай см. Гюлистан
Гюлистанский дворец см. Гюлистан

Дамаск 12
Дербенд (Дербент) 128
Дешт 218
Джаик см. Яик
Дмитров 160
Днепр 147, 148, 150, 172, 214
Дон 54, 81, 82, 124–127, 144, 145, 221, 224

Европа 13, 219
Египет см. Мамлюкское государство

Желтая трость см. Сарыкамыш

Закавказье 57
Запад 13
Запьянье 166
за-Сурие см. Засурье
Засурье 170, 171
Золотая Орда 11, 12, 15, 17–20, 24, 25, 27, 29, 46, 49, 52, 53, 55–58, 61, 65, 68, 70, 74, 75, 77, 78, 81, 87, 88, 93–95, 97, 98, 113–115, 117–119, 122, 123, 128–134, 137–143, 145, 146, 149, 150, 153, 154, 156, 157, 161–163, 175, 182, 185, 199, 201, 204, 205, 208, 209, 211–213, 215, 216, 220, 221, 224, 226
Золотой Рог 203
Зубцов 155, 157
Зубцовский удел см. Зубцовское княжество
Зубцовское княжество 153

Ирак 12
Ираклия (Эрегли) 81
Иран см. Хулагуидское государство
Иранский Азербайджан 75
Иртыш 141
Италия 54, 56

Кавказ 19
Казахское государство 140
Каир 12
Кайпин 17
Калуга 138
Кама 151, 169
Камышенка см. Сарыкамыш
Камышин 125, 208
Камышинка см. Сарыкамыш
Канга 108, 110, 111, 115, 212
Каонга см. Канга
Каракорум 17
Каспийское море 211, 219
Кафа 81, 126, 127, 144, 145, 150, 203
Кашин 135, 155, 158, 160
Кашинский удел см. Кашинское княжество
Кашинское княжество 152, 153, 160, 161
Керченский пролив 81
Кеш 222
Киев 8, 9, 41, 74, 76, 79, 81–86, 126–128, 135, 138, 139, 147–149, 168, 172, 173, 204
Киевская Русь 9
Киевское княжество 9
Китай 5
Кишь 166

Клинский удел см. Клинское княжество
Клинское княжество 153, 155
Коломна 81, 82, 138, 151, 152, 167, 174, 177, 203
Константинополь 9, 10, 13, 14, 56, 69, 71, 78–86, 100, 117, 122, 126–128, 168, 171, 172, 174, 203, 210–212, 214
Кострома 79, 179
Кременец 24
Крым см. Крымскмй полуостров
Крым см. Крымский тюмен
Крым (Старый Крым) 19, 147
Крымский полуостров 54, 81, 126, 145, 203
Крымский тюмен 23, 123, 124, 126, 145, 147, 150, 153, 201, 224, 225
Кудьма 172
Куликово поле 179
Кура 128
Курское княжество 24
Кыев см. Киев
Кят 162, 163

Латинская империя 9, 13
Литва см. Великое княжество Литовское и Русское
Литовское великое княжество см. Великое княжество Литовское и Русское
Литовское и Русское великое княжество см. Великое княжество Литовское и Русское
Лопасня 78, 82
Любутск 160, 173

Мавераннахр 162
Малая Азия 81
Малая Русь 79
Мамаева орда 147, 150, 153, 154, 180, 181, 205, 214
Мамлюкское государство 12, 13, 123
Мангышлак 163, 211
Мещера 125
Микулин 136, 148
Микулинский удел см. Микулинское княжество
Микулинское княжество 157
Мокша 125, 144, 146, 178
Монголия 5, 17, 18, 98
Монгол улус см. Золотая Орда
Монгольская империя 61, 74, 140
Монгольский улус см. Золотая Орда
Монгольское государство см. Золотая Орда
Москва 55, 76–78, 81–83, 85–87, 115, 120, 121, 127–130, 132, 133, 138, 139, 146–149, 151–155, 157–161, 164–168, 170–174, 177, 203, 204, 210–212
Московское княжество 75, 78, 118, 120, 121, 133, 134, 138, 139, 142, 143, 154, 160
Муром 170
Муромская земля см. Муромское княжество
Муромское княжество 15, 27
Муротова орда 147, 149, 154
Мюромская земля см. Муромское княжество

Наручадь см. Мокша
Нижегородское княжество 80, 85, 164, 166, 170
Нижний Новгород 80, 151, 157, 164, 165, 167, 169–172, 175
Никейская империя 10, 12
Никея (Изник) 10
Новгород см. Великий Новгород
Новгородская земля см. Новгородское княжество
Новгородское княжество 28, 83, 207
Новогрудок 86, 128
Новосиль 167
Новый Сарай см. Сарай
Новый Ургенч 222

Оболенск 138
Ока 81, 82, 158, 169, 174, 176, 177, 203
Орда см. Золотая Орда
Орда на Днепре 147, 156–159, 161, 164, 166, 172–174, 176, 177, 202, 203, 205
Орда (Орду) см. Орда на Днепре
Оренбург 142
Орнач см. Ургенч
Отрар 163

Перемышль 138, 157, 158
Переяславль см. Переяславль Залесский

Переяславль Залесский 127, 131, 147, 158, 160, 164–166, 170, 177
Переяславль Рязанский (Рязань) 78, 81, 82, 85, 86, 128, 130, 160, 174, 176, 203
Петроград 221
Поволжье 77, 163, 168, 215, 219
Прикамье 221
Провато см. Янгишехр
Псков 54
Пьяна 170, 171

Ржева 155
Родня 157
Россия 45, 75, 118, 215, 219, 220
Ростов (Ростов Великий) 85
Русь 8–10, 15, 19, 26–29, 39, 41, 56, 61, 67, 68, 74, 76–79, 81, 82, 84–86, 88, 106, 117–119, 121, 122, 126–128, 135, 155, 168, 173, 175, 183, 184, 202–204, 206, 208, 212, 214, 221
Русьская земля см. Русь
Рязанская земля см. Рязанское великое княжество
Рязанское великое княжество 15, 27, 82, 125, 132, 139, 158, 161, 174, 176
Рязанское княжество см. Рязанское великое княжество
Рязань см. Переяславль Рязанский
Рязаньская земля см. Рязанское великое княжество

Сакарья 81
Самарканд 162
Сарай 11–14, 19, 49, 53, 57, 64, 66, 86–88, 111, 121, 122, 124–126, 129, 130, 132, 134, 140, 142–147, 149, 150, 154, 156, 161–164, 167–170, 172, 175, 176, 178, 204, 205, 210–212, 215–220, 222, 224–226
Сарай ал-джедид см. Сарай
ал-Сарай ал-джедид см. Сарай
ас-Сарай ал-джедид см. Сарай
Сарайская орда см. Большой Сарай
Сарайчик см. Сарайчик на Яике
Сарайчик на Яике 46, 142, 143, 147, 163, 175, 205, 212
Саратов 216
Сарыкамыш 47, 51–53, 125, 142, 149, 208
Сарыкамышская котловина 52
Северная Африка 54
Северная Россия 54
Северная Тартария см. Золотая Орда
Северо-Восточная Русь 9, 10, 49, 61, 62, 74, 78, 80, 149–151, 192
Северский Донец 170
Селитренное городище 65, 210, 215–217, 219, 222, 226
Серпухов 138, 149
Синоп 81
Синяя орда 141, 143, 204, 205, 211
Сирия 12
Скандинавские страны 54
Смоленск 86
Смоленское княжество 167
С.-Петербург 180
Средняя Азия 5, 57
Стародуб 138, 177
Старый Сарай см. Сарай
Столица см. Сарай
Судак 81
Суждальская земля см. Суздальское княжество
Суздаль 148, 151, 164, 170
Суздальская земля см. Суздальское княжество
Суздальское княжество 15, 20, 27, 80
Сурож см. Судак
Сыгнак 141–143, 162, 163, 167, 175, 205
Сырдарья 141, 163

Талы река 43, 206
Тана см. Азак
Татария 221
Татарстан 180, 221
Татары см. Золотая Орда
Тверское княжество 8, 131, 132, 135, 136, 139, 152–155, 157
Тверь 8, 85, 119, 123, 124, 131, 132, 135–137, 148, 149, 153–155, 157, 158, 160, 161, 164, 166, 167, 208
Тебриз 128, 129
Терек 128
Тихая Сосна 81
Торжок 160, 164, 166
Трапезундская империя 10
Трубчевск 177

Тула 126, 224
Тферь см. Тверь
Тырново 81

Увешенское городище 125, 126
Углич 164, 166
Угра 160
Уджан 128
Укек (Увек) 19, 122, 125, 126, 132, 134, 142–145, 147, 149, 150, 205, 216, 222
Укекское городище см. Увешенское городище
Улуг улус см. Золотая Орда
Улус Джучи см. Золотая Орда
Улус Орды 161, 162
Улус Хулагу см. Хулагуидское государство
Улус Чагатая см. Чагатайское государство
Ургенч см. Хорезмский тюмен
Ургенч (Куня-Ургенч) 52, 113, 133, 134, 141, 143, 162, 163, 222
Ургенчская орда см. Хорезмский тюмен

Феодосия см. Кафа
Франция 54

Хаджитархан (Астрахань) 128, 221
Халеб 12
Хиджаз 12
Хопер 82
Хорезм см. Хорезмский тюмен
Хорезмский тюмен 45, 53, 88, 113, 125, 162, 163, 222
Хотча 153
Хулагуидская держава см. Хулагуидское государство
Хулагуидское государство 5, 11, 12, 57, 86, 128

Царевское городище 64, 215–217, 219, 222, 226
Царьгород см. Константинополь
Царьград см. Константинополь

Чагатай см. Чагатайское государство
Чагатайская орда см. Чагатайское государство
Чагатайское государство 18, 222
Червленый Яр 82, 85
Чернигов 138
Черное море 13, 81, 86, 124, 203

Швеция 8
Ширванская степь 128
Шишкин Бугор 125

Эмба 211, 212
Эпирское царство 10

Юань империя 90, 91
Юрьев 170

Яик (Урал) 142, 143, 147
Янгишехр 144, 224
Ярославль 170

Azetrechan см. Хаджитархан

Bocara см. Бухара

Çagatai см. Чагатайское государство
Ches см. Кеш

L Ordo de Çagatai см. Чагатайское государство
L Ordo de Organça см. Хорезмский тюмен
L Ordo de Saray см. Большой Сарай
Latana см. Азак
Lochachi см. Укек

Organça см. Хорезмский тюмен
Organça nuova см. Новый Ургенч
Organza см. Ургенч

Saray см. Сарай
Saray Grando см. Большой Сарай

Tartaria см. Татария

УКАЗАТЕЛЬ ОРДЫНСКИХ ТЕРМИНОВ

аварезат 190
адугучи см. буралыкчи
адугучий см. буралыкчи
азиз см. саин
алая тамга 31, 51, 59, 108, 109, 199, 200
алтан гериге см. пайцза

баг 192
баг багчелер 192
багче 192
баиса см. пайцза
бакшии см. бахши
барсчи 29
баскак см. даруга
бахши 52, 65, 70, 108, 112, 114
беглербек 25, 93, 113, 145, 146, 148, 183, 201, 224
бермек 189
битикчи 65, 95
битикчий см. битикчи
битикчии дивана см. диван битикчилери
букаул 97
бураложник см. буралыкчи
буралыкчи 89, 92, 95, 97, 181, 184
буралыкчий см. буралыкчи

везир 95, 113, 201
великая яса 42, 69, 70, 74, 105, 196, 207

гюлистан 225

даруга 15, 23, 24, 26, 30, 42–44, 58, 65, 68, 71, 89, 92–95, 97, 114, 126, 146, 169, 170, 181, 184, 185, 201
дашмад 33
диван 95
диван битикчилери 93, 95
дойид 33
дорога см. даруга
дядин см. тетим

еита см. йонда

ёнта см. йонда

йонд 70
йонда 70
йонт см. йонд
йонта см. йонда

калга 150, 156, 170
кемэчи 97
киличей 146, 157, 161
кушчи 29
кушчий см. кушчи
кысмет 189
кюч 193

нишан 36, 47, 48, 51, 60, 64
нишень см. нишан

оглан 25, 58, 68
онгачачи см. кемэчи
орда 51, 52, 64, 70, 108, 110, 111, 199, 201

пайцза 21, 43, 59, 65, 79, 88, 90, 100, 105, 108–110, 114, 130, 134, 143, 159, 182, 200, 210

саин 186
салык см. ясак
сарай 225
султан 156
суу 91
суу заль 91
суюргал 59
сэншинуд 33

тамга 26, 30, 32, 34, 36–38, 61
тамга см. алая тамга
таможник 26, 28, 30, 42, 44, 58, 65, 89, 92, 93, 95, 97, 114, 169, 181, 184, 201, 207
таможня 170
тартанак 93, 95
темник 27, 94
тетим 183, 184
титяк см. тетим
титям см. тетим
тодхагул см. туткаул
тудун 25, 183
тузгу 28, 61, 190, 207
туску см. тузгу
туткаул 97
тынчлык 99
тэнгри 91
тэригун экэ 46
тюмен 12, 23, 25, 27, 94, 95, 97, 114, 123–127, 145–147, 150, 153, 162, 175, 184, 185, 201, 224, 225

удзиг ину 112
улаг 190
улугбек см. беглербек
улус 11, 17–19, 25, 27, 74, 81, 93, 140, 161, 162
учюгуи 65

хаган 91
хан 7, 8, 11–22, 24–28, 30, 31, 33, 35–37, 41, 42, 44, 45, 49, 52, 55, 57, 59, 61–63, 65, 72, 74, 76–78, 86–92, 95, 98–103, 105–108, 113, 117–119, 121–124, 129–131, 133, 134, 136, 140, 142–146, 149, 154–156, 159, 161–164, 168–172, 175, 178–183, 185–187, 189, 191–193, 195, 196, 198–202, 204–206, 208–214, 216, 218

чикыш 26, 60

шусун 190

эльчи 183, 184
эркэюд 33

яза см. великая яса
ям 30, 32, 34, 36–38
ярлык 3–8, 12, 15, 16, 19, 21–49, 51–53, 55, 57–63, 65, 67, 68, 70, 72–80, 85, 88–117, 119, 121, 122, 130, 131, 134, 135, 142, 143, 146–150, 153, 155, 157–159, 161, 163, 166–168, 172, 173, 177, 178, 181, 182, 184–202, 206, 208–214
яса см. великая яса
ясак 26, 69, 70
ясак-калан 34

möngke tngri-yin küčün-dür 91

suu см. суу
suu ǰal см. суу заль

tngri см. тэнгри

yeke suu ǰali-yin ibegen-dür 91

SUMMARY

In the book by Grigoriev A. P. "A Collection of Khans' yarlyks to Russian Metropolitans" (the analysis of sources of the Golden Horde's documents) six acts of the Horde of the XIII–XIV centuries are researched which came to our days only in old translation into Russian in earliest ("brief") wording of the collection. The above mentioned collection of the Russian translations of the Golden Horde's documents saw light in the first half of the XV century on the initiative of the authorities of the Russian church as a polemic weapon, called upon to defend the property of the church & monasteries from encroachments of central secular power. Based on the Russian ground and intended for the Russian reader, the collection of khans' yarlyks actively fulfilled its task, as it had been designed, during the XV–XVIII centuries. After that time it lost its political significance and in the XIX–XX centuries its documents began to present only academic interest for Russian scholars.

In 1955 A. A. Zimin compiled and published a critical text of the shortened version of the collection of khans' yarlyks and used for it 12 remaining lists of the collection. In 1987 A. I. Pliguzov identified and published separately the oldest of the lists of the collection. The researchers seemed to have nothing else to do with the texts of the documents of the collection of khans' yarlyks. They were considered word-for-word Russian translations from the original deeds of the Golden Horde and as such they were thought quite possible to be used in various historical constructions. In his book A. P. Grigoriev proves convincingly that firstly, by the time of the compiling of the collection the texts of its by far not adequate Russian translations of the documents of the Horde had been deliberately changed by its compilers. And secondly, on the basis of studying the remaining original texts of the Horde's documents of the end of the XIV — the beginning of the XV century and discovering the true formular of khans' yarlyks, the author makes the reconstruction of the original contents of each of the six deeds of the collection.

The research of the text of each document of the collection is preceded by a historical essay written by the author on the basis of all available sources in the Russian language and also in Western and Eastern languages. Each essay explains the reason, the direct aim of the making of the document and its role in the further development of the concrete events and relations between the Golden Horde, the princedoms of North-Eastern Russia and the hierarchs of Russian church.

It is only now, as a result of the source — study analysis of the Golden Horde's documents of the collection of khan's yarlyks to Russian Metropolitans, that the documents of the collection can be included in the list of original sources ready for use in various historical constructions.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3

Введение 4

Глава I. Ярлык Менгу-Тимура митрополиту Кириллу 7

Глава II. Проезжая грамота Тайдулы епископу Иоанну 45

Глава III. Жалованная грамота Тайдулы митрополиту Феогносту 55

Глава IV. Проезжая грамота Тайдулы митрополиту Алексию 67

Глава V. Ярлык Бердибека митрополиту Алексию 72

Глава VI. Ярлык Мухаммеда Бюлека митрополиту Михаилу 116

Итоги анализа документов сборника 206

Примечания 228

Указатель имен 255

Указатель географических названий 264

Указатель ордынских терминов 269

Summary 271

CONTENTS

Preface 3

Introduction 4

Chapter I. Mengu-Timur's yarlyk to Metropolitan Kirill 7

Chapter II. Travel deed of Taidula to Bishop Ivann 45

Chapter III. Charter of Taidula to Metropolitan Pheogen 55

Chapter IV. Travel deed of Taidula to Metropolitan Alexy 67

Chapter V. Berdibek's yarlyk to Metropolitan Alexy 72

Chapter VI. Muhammad Byulek's yarlyk to Metropolitan Michail .. 116

Summary of the analysis of the documents of the collection 206

Notes 228

Index of names 255

Index of geographical names 264

Index of the Horde's terms 269

Summary 271

Научное издание

Аркадий Павлович Григорьев

СБОРНИК ХАНСКИХ ЯРЛЫКОВ РУССКИМ МИТРОПОЛИТАМ

Источниковедческий анализ золотоордынских документов

Редактор *В. Н. Немнонова*
Художественный редактор *Е. И. Егорова*
Технический редактор *А. В. Борщева*
Корректор *Л. А. Губина*

Лицензия ИД № 05679 от 24.08.2001

Подписано в печать 20.05.2002. Формат 60×84 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная. Гарнитура литературная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,04. Уч.-изд. л. 16,98.
Заказ 202.

Издательство СПбГУ. 199034, С.-Петербург, Университетская наб., 7/9.

Тел. (812) 328-77-63; факс (812) 328-44-22
E-mail: books@dk2478.spb.edu
www.unipress.spb.ru

ЦОП типографии Издательства СПбГУ.
199061, С.-Петербург, Средний пр., 41

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

готовятся к выходу в свет

Григорьев А. П., Григорьев В. П. Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции: Источниковедческое исследование. — 15 л.

В монографии впервые в мировой науке проводится источниковедческое исследование коллекции из десяти золотоордынских документов XIV в., сохранившихся в архивах Венеции в переводах на латынь и венецианский диалект итальянского языка.

Востоковедение: Филологические исследования. Вып. 22: Межвуз. сб. / Под ред. В. Б. Касевича. — 15 л.

В лингвистическом отделе сборника читатель найдет, кроме компактных статей, например об индийской лингвофилософии, солидный очерк фонетики и грамматики каренских языков. Литературоведов заинтересуют статьи о приемах пародии и сатиры в тайской письменности словесности и анализ пьесы египетского литератора о судьбе поэта. Представлены источниковедческая статья, юбилейные статьи и списки печатных работ ученых Восточного факультета СПбГУ.

Издательство СПбГУ. 199034, С.-Петербург, Университетская наб., 7/9.
Тел. (812) 328-77-63; факс (812) 328-44-22
E-mail: books@dk2478.spb.edu
www.unipress.spb.ru